РУССКАЯ СТАРИНА 1875 г., кн. XI.

1565-II 1875-II

1959

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ шестой. НОЯБРЬ. 1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1875.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Icones familiæ ducalis Radivilianæ ex originalibus picturisus desumptæ. Cura J. Iversenii. Petropoli, 1875. 100 экз. цѣна 40 руб.

На дняхъ отпечатанъ иждивеніемъ извѣстнаго нашего археолога и нумизмата г. Иверсена, огромный и замѣчательный трудъ: изданіе портретной галлереи семейства Радзивиловъ. Собраніе этихъ любопытныхъ портретовъ было издано первоначально еще въ прошломъ столѣтіи, въ Несвижѣ, и напечатано въ радзивиловской типографіи іезуитской коллегіи, но въ продажу не поступало. Теперь коллекція эта, состоящая изъ 165-ти портретовъ, перепечатана вновь со старыхъ досокъ. Гравюры эти не отличаются тонкостью и изяществомъ рѣзьбы, но имѣютъ несомнѣнное археологическое и историческое значеніе. Домъ Радзивиловъ—одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ Литвѣ. Обязанный своей славою, богатствомъ и могуществомъ основателю своему, виленскому палатину Николаю, умершему въ 1466 году столѣтнимъ старикомъ, родъ этотъ насчитываетъ въ числѣ своихъ членовъ, породнившихся съ польскими королями и австрійскими императорами, много лицъ, прославившихся на разныхъ поприщахъ: военномъ, какъ Николай (1470 † 1522), Георгій (1480 † 1541), Николай Черный (1515 † 1565), Христофоръ-Николай (1547 † 1603); литературномъ, какъ Ульрихъ и Урсула-Франциска (1705 † 1753); артистическомъ, какъ музыкантъ и граверъ, Антоній-Генрихъ (1755 † 1833) и проч. Галлерея эта, начинаясь съ 1346 года, оканчивается 1758-мъ годомъ, обнимая, такимъ образомъ, съ небольшимъ четыре столѣтія. Составленная Мартиномъ-Францискомъ Вобе, она посвящена имъ князю Михаилу-Казиміру и сопровождается родословіемъ семейства Радзивиловъ и спискомъ домовъ, находящихся въ родствѣ съ нимъ. Въ предисловіи говорится о значеніи этой фамиліи; подъ каждымъ портретомъ помѣщена краткая біографія, — все это, конечно, на латинскомъ языкѣ. Весьма желательно было бы видѣть изданіе подобныхъ галлерей нашихъ русскихъ именитыхъ домовъ. Вѣдь находили же возможность издавать ихъ еще въ XVIII в. польскіе магнаты, дорожащіе славою своихъ предковъ.

Исторія Бессарабіи съ древнѣйшихъ временъ. Алексѣя Накко. Часть I. Одесса, 1875 г. VI и 901 стр.

Сочиненіе г. Накко стоило ему, безъ сомнѣнія, большаго труда и заключаетъ въ себѣ множество весьма любопытныхъ фактовъ и изысканій, но не достигаетъ своей цѣли. Отдѣльная исторія каждой области и провинціи нашего обширнаго отечества, конечно, будетъ всегда любопытна для всякаго русскаго, но необходимымъ условіемъ для этого должны быть краткость изслѣдованій, относящихся къ временамъ давно минувшимъ, и подробныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи страны. Г. Накко поступилъ совершенно иначе: времени, когда Бессарабія не была еще Бессарабіей, онъ посвящаетъ огромный томъ, описывая въ немъ только скиѳскій періодъ. Сколько же томовъ займетъ вся исторія страны, никогда не составлявшей самостоятельнаго и сколько-нибудь важнаго владѣнія какого-нибудь народа? Данныя, собранныя имъ, интересны, но какое же отношеніе имѣютъ онѣ къ нынѣшней Бессарабіи? Указываемъ на эту излишнюю обширность труда г. Накко въ виду обѣщанныхъ имъ послѣдующихъ томовъ его изслѣдованія.

Замѣчанія на Слово о пълку Игоревѣ. Изслѣдоваіе кн. П. П. Вяземскаго. XLVI стр., 517 и 105.

Огромный трудъ этотъ составлялся въ продолженіе болѣе чѣмъ четверти столѣтія. Въ 1851 году, во «Временникѣ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ», появились въ первый разъ «Замѣчанія на слово о полку Игоревѣ», и съ тѣхъ поръ, по словамъ самаго автора, онъ постоянно продолжалъ собирать матеріалы, могущіе служить къ поясненію этого памятника нашей древней литературы. Авторъ объясняетъ его стихъ за стихомъ, почти слово за словомъ. Нельзя и сосчитать, какое множество всякаго рода филологическихъ, историческихъ, этнографическихъ, но всего болѣе гипотетическихъ фактовъ собрано въ этой книгѣ; гипотезъ въ ней, конечно, больше всего, и самъ авторъ указываетъ въ предисловіи на нѣкоторыя изъ нихъ, не признавая ихъ, однако, слишкомъ смѣлыми, какъ «тропу трояню» — возвратнымъ путемъ троянъ, черноморскую дѣву Обиду—прекрасною Еленою, Баяна—Гомеромъ. Подобныхъ объясненій довольно много въ трудѣ кн. Вяземскаго, и хотя съ ними согласится не всякій изслѣдователь знаменитой поэмы XII вѣка, но каждый, конечно, прочтетъ со вниманіемъ любопытныя замѣчанія автора, собравшаго, кромѣ того, все, что писано другими о всякомъ спорномъ или темномъ выраженіи поэмы. Вполнѣ обстоятеленъ указатель книги, составленный г. Барсуковымъ. Здѣсь, при объясненіи одного слова, соединено все, что говорится о немъ во всей книгѣ, и это значительно облегчаетъ справки всякаго рода.

Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси. Собранія графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго, IV и 184 стр.

Сочиненія по части русской нумизматики, какъ извѣстно, весьма немногочисленны. Съ 1834-го года, когда появилось

Къ первымъ книгамъ „Русской Старины“ **1876** г. будутъ, между прочимъ, приложены гравированные **на мѣди** портреты: императрицы **Екатерины II,** князя **Платона Зубова,** генерала **Михельсона** (побѣдителя Пугачева), **Лжедмитрія 1-го** (перваго самозванца); гравюры на деревѣ: портретъ **В. Г. Бѣлинскаго** (съ мало извѣстнаго портрета), М. Ѳ. Орлова, и друг.

Гравюры на мѣди исполнены академикомъ И. П. Пожалостинымъ и друг.; нѣкоторыя изъ нихъ отпечатаны въ Парижѣ. Портреты на деревѣ гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Примѣчаніе. Въ числѣ историческихъ книгъ, отдѣльно изданныхъ редакціей «Русской Старины» и составленныхъ изъ статей и матеріаловъ, непапечатанныхъ въ этомъ журналѣ, имѣется, впрочемъ не въ большомъ количествѣ экземпляровъ, книга: **«Записки князя Якова Петровича Шаховскаго»** полиційместера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ кригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр.

Лица, выписывающія «Русскую Старину» въ текущемъ году, при возобновленіи подписки на 1876 г. (до 1-го января), могутъ получить книгу: «Записки князя Я. П. Шаховскаго» выславъ лишь при 8-ми рубляхъ, слѣдуемыхъ за «Русскую Старину» **1876** г., **семь восьмикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ** или 56 коп. на пересылку означенной книги.

Отпечатано и поступило въ продажу **новое, третье изданіе,** „Русской Старины“ 1870 г. (годъ первый)—всѣ двѣнадцать книгъ въ **трехъ большихъ томахъ,** съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетками. Цѣна **8** руб. съ пересылкою.

КАЛНИШЕВСКІЙ,

послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи.

1691—1803.

Свята брама одчынылась
Козака впустылы;
И зновъ брама зачынылась
На викъ зачынылась,
Козакови.

Шевченко (Черне цъ).

I.

Въ 1875 г. исполнилось сто лѣтъ со времени паденія «славной» Сѣчи Запорожской.

Несмотря на то, что прошелъ такой длинный періодъ времени со дня уничтоженія нашего южно-русскаго «рыцарства», мы, къ величайшему сожалѣнію, не имѣемъ полной исторіи его; до сихъ поръ не собраны даже существующія въ памяти стариковъ преданія о запорожцахъ и не приведены въ извѣстность всѣ письменные памятники, касающіеся этого войска [1]). Между тѣмъ, преданія годъ отъ году стираются съ народной памяти, а вещественные памятники истребляются [2]). Отъ этого равнодушнаго отношенія нашихъ южно-русскихъ ученыхъ изслѣдователей

---

[1]) Необходимо однако замѣтить, что нѣсколько весьма важныхъ матеріаловъ къ исторіи Запорожья помѣщено въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи» и въ «Запискахъ одесскаго общества исторіи». **Ред.**

[2]) Не далѣе какъ въ 1874 году, на третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, было, между прочимъ, заявлено въ рефератѣ г. Левченко «Объ уничтоженіи памятниковъ старины въ южной Россіи», что въ городѣ Елисаветградѣ, Херсонской губ., есть часть запорожскаго архива и что архивъ этотъ валяется въ больницѣ. **Е.**

къ исторіи Запорожья происходитъ то, что читающая публика о прошломъ запорожскаго казачества имѣетъ довольно смутныя или превратныя понятія; она черпаетъ ихъ, главнымъ образомъ, изъ повѣстей Гоголя. Правда, есть у насъ «Исторія Сѣчи Запорожской» — Скальковскаго, написанная вслѣдствіе случайнаго открытія части запорожскаго архива, но, во 1-хъ, трудъ этотъ составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость; во 2-хъ, онъ обнимаетъ собою самый малый періодъ изъ исторіи Запорожья, именно, онъ касается судебъ такъ называемаго послѣдняго коша запорожскаго, который существовалъ лишь сорокъ лѣтъ (1734 — 1775). Между тѣмъ, интересно знать судьбы Запорожья въ теченіе двухъ предшествовавшихъ столѣтій его существованія, время и обстоятельства его зарожденія, его внутреннюю жизнь въ этотъ періодъ, его внѣшнюю жизнь въ эту блистательную для казачества эпоху. Кромѣ того, необходима болѣе обстоятельная разработка исторіи Запорожья за послѣдній періодъ его существованія, необходимо собраніе и изученіе всего того, что сохранилось о Запорожьи въ памяти народной или въ письменныхъ памятникахъ.

Имѣвъ возможность собрать на крайнемъ сѣверѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, еще никому неизвѣстныя, о жизни въ ссылкѣ послѣдняго запорожскаго кошеваго Калнишевскаго, я сообщаю ихъ здѣсь, въ надеждѣ, что будущій историкъ Запорожской Сѣчи воспользуется ими. Но прежде нежели привести собранное мною, необходимо, для уясненія предмета, сказать два-три слова о причинахъ паденія Запорожской Сѣчи и коснуться слегка жизни Калнишевскаго во время существованія Запорожья.

Занимая обширныя пространства земли, всю почти нынѣшнюю Екатеринославскую губернію и значительную часть Херсонской, запорожцы, естественно, привыкли смотрѣть на эти земли, какъ на свою исключительную собственность. Такой же взглядъ проводили между ними и русскія власти, когда это было нужно. Такъ, въ 1734 году, во время основанія новаго коша возвратившимися изъ турецкихъ предѣловъ запорожцами, главнокомандующій русскими войсками Вейсбахъ давалъ наставленіе казакамъ такимъ образомъ отвѣчать туркамъ о своихъ правахъ на земли: «что до этого мѣста надлежитъ, гдѣ вы нынѣ селитесь и, по своему обыкновенію, кошъ свой строите, то всѣ тіи мѣста ваши соб-

ственныя, которыми вы черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ безпрекословно со всѣхъ сторонъ владѣете, и что въ оныя мѣста, яко вамъ прямо принадлежащія, ни Россія, ни Порта, ни ханъ крымскій и никто вступать не можетъ и не имѣетъ, и что для того такожде этимъ мѣстамъ между обѣими имперіями разграниченія не было, понеже оныя вамъ принадлежатъ» [1]).

Сами запорожцы считали принадлежность имъ земель, занятыхъ ими, столь естественною, что не позаботились даже въ свое время исходатайствовать утвердительныя грамоты на эти земли. Между тѣмъ, по бѣлградскому миру 1740 г., земли, на которыхъ сидѣли запорожскіе казаки, были признаны принадлежностью Россіи и вошли въ составъ Россійской имперіи. Считая государственною собственностью земли нынѣшней Екатеринославской и Херсонской губерній, русское правительство начало въ сѣверныхъ частяхъ ихъ устраивать пограничныя крѣпости и военныя поселенія. Отсюда возникли споры запорожскаго войска съ новыми поселенцами. Запорожцы посылали депутацію за депутаціей въ Петербургъ, отстаивая свои права. Начинались, по распоряженію правительства, описанія земель съ цѣлью разграниченія того, что̀ принадлежало запорожцамъ, отъ того, что̀ отходило новымъ поселенцамъ. Эти описанія тянулись чрезвычайно долго и, по обыкновенію, ни къ чему не приводили. Военныя дѣйствія съ Турціей (1769 — 1774) на время отвлекли запорожцевъ отъ пограничныхъ споровъ. Но съ окончаніемъ ихъ, снова возобновились споры и запорожскія депутаціи появились въ Петербургѣ. Между тѣмъ, запорожцы вооруженною рукою выгоняли поселенцевъ съ земель, которыя они считали своими, причемъ поселенцы должны были оставлять свое имущество въ рукахъ казаковъ. Все это привело къ паденію Запорожья. Хотя, по окончаніи войны съ Турціей, запорожское войско и получило благодарность отъ правительства за оказанную имъ храбрость, но какъ въ Запорожьѣ, съ покореніемъ Крыма, не было уже особенной надобности, то судьба его вскорѣ рѣшилась — и Сѣчь пала.

Самымъ замѣчательнымъ лицомъ въ исторіи Сѣчи, по крайней мѣрѣ, послѣдняго ея десятилѣтія, былъ послѣдній кошевой атаманъ запорожцевъ, Петръ Ивановичъ Калнишевскій.

---

[1]) «Исторія Новой Сѣчи»—А. Скальковскаго. Одесса, 1846 г., ч. II, стр. 75.

Хотя въ куренныхъ спискахъ Калнишевскій былъ записанъ подъ простонароднымъ именемъ Петра Калныжа, тѣмъ не мѣнѣе, какъ положительно извѣстно, онъ происходилъ изъ казачьяго, т. е. дворянскаго званія малороссійскаго, именно изъ Лубенскаго полка. Но, подобно всѣмъ запорожцамъ дворянскаго происхожденія, онъ скрывалъ свое имя и родъ, пока не сдѣлался кошевымъ. Достовѣрно то, что его племянница была замужемъ за хорунжимъ лубенскимъ, Стефаномъ Вертильякомъ, и что онъ вызвалъ потомъ изъ Малороссіи своихъ племянниковъ Вертильяковъ, потомство которыхъ до сихъ поръ существуетъ въ числѣ помѣщиковъ Херсонской губерніи.

Калнишевскій отличался особенною религіозностью и страстью созидать храмы. Такъ, въ 1763 г. онъ построилъ церковь въ гор. Лохвицѣ, въ 1768 г.—въ Кіевѣ, въ Межигорскомъ монастырѣ, во имя св. Петра и Павла, а въ 1770 г.—въ Ромнахъ; въ тоже время онъ послалъ къ іерусалимскому патріарху для храма Гроба Господня богатые церковные сосуды. По словамъ Скальковскаго, по сравненіи съ предшественниками, Калнишевскій, несмотря на незнаніе грамоты (что считалось необходимымъ условіемъ званія кошеваго), былъ довольно образованъ (?), смѣтливъ и самаго непреклоннаго характера. Онъ съ удивительнымъ искусствомъ зналъ современныхъ ему людей, и если бы политическія происшествія 1770 годовъ не уничтожили нужды въ запорожскомъ войскѣ, онъ бы надолго спасъ эту знаменитую общину. Зная, что недостатокъ въ хлѣбопашествѣ былъ главною причиною той зависимости, въ которой находилось войско отъ пожалованія казною провіанта, онъ всѣ усилія употребилъ на умноженіе селъ, хуторовъ и зимовниковъ, требуя, чтобы новые поселенцы непремѣнно пахали землю и сѣяли рожь. Онъ переманилъ многихъ молдаванъ и болгаръ изъ Новой Сербіи, Польши и Буджака и поселилъ ихъ въ Кодацкой паланкѣ, близь пороговъ.

Въ первый разъ мы встрѣчаемъ имя Калнишевскаго въ «Исторіи Сѣчи» около 1750 г., по случаю преслѣдованія гайдамакъ тогдашнимъ запорожскимъ кошевымъ Григоріемъ Ѳедоровымъ. Этотъ кошевой былъ гроза гайдамакъ, которые съ 1750 г. уже не довольствовались простымъ разбоемъ или воровствомъ на дорогахъ, но вооруженною рукою нападали на враговъ и друзей въ ихъ жилищахъ безъ всякаго различія и страха. Ѳедоровъ, вмѣстѣ

съ войсковымъ есауломъ Петромъ Калнишевскимъ, съ большими командами пускался въ степь для преслѣдованія и истребленія гайдамакъ. Онъ учредилъ особые форпосты и разъѣздные отряды, которые, подъ ближайшимъ надзоромъ и распоряженіемъ самихъ войсковыхъ есауловъ, цѣлые годы проводили въ полѣ, гоняясь за гайдамаками по степямъ, балкамъ и даже камышамъ. Во время такихъ разъѣздовъ, войсковой есаулъ Калнишевскій, въ 1754 г., преслѣдуя грабителей, нашелъ ихъ близь р. Буга, укрѣпившихся на полуостровѣ, среди камышей, пушками и засѣками, но, несмотря на ихъ сопротивленіе, разбилъ и истребилъ бо̀льшую часть, а остальныхъ разогналъ.

Послѣ этого Калнишевскій былъ на одинъ годъ выбранъ войсковымъ судьею, а въ 1755 г. былъ, въ числѣ трехъ лицъ, назначенъ депутатомъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и пробылъ болѣе года. Назначеніе депутаціи состояло въ томъ, чтобы хлопотать о разсмотрѣніи, по представленнымъ отъ войска древнимъ грамотамъ, правъ земскаго владѣнія въ запорожскомъ краѣ, часть котораго уже отошла въ донское войско, подъ сербскія и новосербскія поселенія, и о дарованіи на тѣ земли, которыя за нимъ окончательно будутъ признаны, всемилостивѣйшей грамоты. Въ 1758 г. была отъ войска другая депутація по тѣмъ же дѣламъ, проживщая въ Петербургѣ до начала 1760 г. Въ этой депутаціи также участвовалъ Калнишевскій. Черезъ два года Калнишевскій въ первый разъ былъ избранъ кошевымъ атаманомъ запорожскаго войска. Новый атаманъ пользовался большимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ благоразумныхъ казаковъ, но партія простонародная не была расположена къ нему, такъ что онъ не былъ избираемъ въ кошевые ни въ 1763, ни въ 1764 г. Но въ 1765 г. Калнишевскаго сно̀ва избрали въ кошевые и онъ эту должность сохранилъ десять лѣтъ сряду, чего до тѣхъ поръ въ кошѣ «изъ вѣку вѣковъ не бывало».

Крѣпко держа въ рукахъ власть и не потворствуя грубымъ инстинктамъ войсковой черни, Калнишевскій возбудилъ къ себѣ ненависть безпорядочныхъ людей въ войскѣ и два раза подвергался опасности погибнуть отъ ихъ рукъ. 26-го декабря 1768 г., когда кошевой на общей войсковой радѣ, пожелавши старшинѣ и всему войску счастливаго праздника, сообщилъ имъ монаршія

повелѣнія по случаю угрожавшей Россіи войны съ Турціей и по обычаю спросилъ:

— «А що, братчыкы, будемъ робыты?»

Толпа вооруженныхъ казаковъ прервала его рѣчь, разогнала собраніе и послѣ, съ сѣкирами и саблями, бросилась на домы старшинъ, разграбила и разрушила ихъ. Послѣ того ворвалась въ войсковую тюрьму и, освободивъ оттуда заключенныхъ и уже осужденныхъ кошемъ за гайдамацство въ Польшѣ преступниковъ, вооружила ихъ и хотѣла возмутить все войско. Но до этого не допустили начальникъ сѣчевыхъ церквей, архимандритъ Владиміръ, и куренные атаманы, имѣвшіе вліяніе въ своихъ куреняхъ. Въ смятеніи, кошевой, переодѣвшись въ монашескую рясу, и главные старшины бѣжали Днѣпромъ изъ Сѣчи и скрылись въ Кодакѣ, подъ защитою его пушекъ и вѣрнаго товариства Кущевскаго куреня, въ которомъ былъ записанъ Калнишевскій.

Въ мартѣ 1770 г., въ Щербиновскомъ куренѣ, казаки сдѣлали было заговоръ съ цѣлью кошеваго и старшину убить и предаться Турціи. Къ счастію, заговоръ былъ открытъ своевременно, безъ послѣдствій для Калнишевскаго[1]).

Вмѣстѣ со всѣмъ запорожскимъ войскомъ, кошевой Калнишевскій участвовалъ въ войнѣ противъ турокъ и татаръ въ 1769 и 1770 годахъ. По окончаніи кампаніи, кошевому пожалована золотая медаль съ портретомъ императрицы «за оказанные отлично храбрые противу непріятеля поступки и особливое къ службѣ усердіе». При этомъ дана милостивая грамота всему запорожскому войску.

Затѣмъ кошевой съ запорожскими казаками принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Турціей 1772—1774 годовъ. При началѣ этой войны кн. Потемкинъ, имѣвшій потомъ роковое вліяніе на судьбу Запорожья, заявляя въ письмѣ къ кошевому: «къ запорожскому войску любовь и готовность къ услуженію», просилъ записать его братчикомъ въ Кущевскій курень, т. е. причислить въ войско, что, конечно, съ удовольствіемъ было исполнено Калнишевскимъ. По окончаніи войны, Потемкинъ, будучи назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, еще благосклонно относился къ войску. По крайней мѣрѣ, 21-го іюня

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія извлекаемъ изъ «Исторіи Новой Сѣчи». Е.

1774 г., онъ такъ писалъ Калнишевскому: «вѣдая по слуху и славѣ отличность дарованій вашихъ въ ратномъ ополченіи и стройномъ правимаго вами коша содержаніи, за долгъ почелъ: въ знакъ всегдашней къ вамъ моей любви, послать къ вамъ карманные дзигарки (часы) и оксамиту на платье, дабы нося оные, имѣли вы ежечасное воспоминаніе о томъ, который всегда содержитъ васъ въ неизгладимой памяти и всѣ ваши препорученія исполнять за обрадованіе и собственное удовольствіе поставляетъ. Увѣряю васъ чистосердечно, что ни одного случая не оставлю, гдѣ предвижу доставить каковую-либо желаніямъ вашимъ выгоду, на справедливости и прочности основанную, и какъ у престола монархини о пользѣ вашей ходатайствовать, такъ и по сосѣдству въ претензіяхъ вашихъ, разобравъ связь обстоятельствъ, мнѣ еще неизвѣстныхъ, помогать вамъ вседушно готовъ».

Но вскорѣ намѣренія и планы Потемкина относительно Запорожья измѣнились. Не прошло и года со времени благосклоннаго письма его, какъ Сѣчи уже не существовало.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1775 г. были двинуты войска для занятія Запорожья. 4-го іюня генералъ Текеллій окружилъ Сѣчь и потребовалъ къ себѣ кошеваго атамана Калнишевскаго, войсковаго писаря Глобу и войсковаго судью Головатаго. По явкѣ къ нему, эти лица были взяты подъ караулъ, а имѣніе ихъ, также какъ и войсковое, было подвергнуто описи. Затѣмъ войско было объявлено не существующимъ.

II.

Относительно дальнѣйшей судьбы кошеваго, писаря и судьи до сихъ поръ не было ничего извѣстно. Скальковскій въ «Исторіи Новой Сѣчи» пишетъ: «знаемъ, что кошевой, писарь и судья были отправлены въ Москву, но что̀ затѣмъ послѣдовало съ ними — неизвѣстно. Говорятъ, что Калнишевскій былъ отправленъ на жительство гдѣ-то на берега Дона, ибо находимъ въ одной пѣснѣ слѣдующій намекъ:

Ой полеты, та полеты, чорная галко,
Та на Динъ рыбу исты!
Ой прынесы, та прынесы, чорная
Галко, отъ кошоваго висты!

Пишущему эти строки приходилось слышать, что у потомковъ запорожцевъ, въ Екатеринославской губерніи, существуетъ преданіе, будто бы послѣдній кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи, Калнишевскій, послѣ уничтоженія коша, удалился въ Турцію съ прочими казаками, женился тамъ и имѣлъ сына. До сихъ поръ на развалинахъ Сѣчи ожидаютъ появленія запорожца, сына Калнишевскаго[1]).

Но какъ это преданіе, такъ и сообщенное г. Скальковскимъ— невѣрны.

Лѣто 1862 года мнѣ пришлось провести на берегахъ Бѣлаго моря, въ селеніи Ворзогорахъ, отстоящемъ отъ гор. Онеги въ 25-ти верстахъ. Живя въ этомъ селеніи, я часто распрашивалъ крестьянъ о Соловецкомъ монастырѣ, который отъ Ворзогоръ находится въ разстояніи только 180-ти верстъ и въ который тамошніе крестьяне ѣздятъ ежегодно, иные на короткое время, а иные на годъ и болѣе.

Одинъ крестьянинъ (по фамиліи Лукинъ), старикъ лѣтъ 80-ти, разсказывая о заключенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ, къ величайшему моему изумленію и удовольствію, упомянулъ мимоходомъ, что тамъ былъ заключенъ какой-то атаманъ казаковъ, котораго онъ самъ видѣлъ. Я просилъ его припомнить все, что онъ знаетъ объ этомъ атаманѣ, котораго онъ видѣлъ, и онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

— «Ходили мы на звѣриной промыслъ, на Бѣломъ морѣ, и случилось быть въ день Пасхи въ Соловецкомъ монастырѣ. Года не помню, а было это, кажись, въ скорости послѣ французской войны (1812 г.) и при архимандритѣ Паисіѣ 1-мъ[2]). Пришли мы въ трапезу передъ обѣдомъ, дожидали монаховъ съ порціей. Приходитъ человѣкъ незнаемый, за карауломъ три солдата съ ружьемъ. Спрашивалъ насъ любопытно: «кто царемъ теперь, какъ цари живутъ нынче и какія благополучія на Руси теперича». Мы отвѣчали, что царемъ Александръ Павловичъ; живутъ по прежнему, все, славу Богу, благополучно и хорошо. Онъ бы и больше распрашивалъ, да солдаты не позволили говорить. «Отъ этого человѣка отойдите прочь, сказали они, съ этимъ человѣкомъ не приводится

---

[1]) Преданіе это пересказано мнѣ въ Москвѣ, въ 1859 г., Н. А. Гатцукомъ.
[2]) Здѣсь значительная ошибка въ годѣ.

говорить вамъ». И монахи тоже запрещали: «архимандритъ увидитъ, такъ нехорошо вамъ за это будетъ....» Архимандритъ пришелъ и онъ подошелъ къ благословенію. Архимандритъ говорилъ ему: «ты древенъ, землей пахнешь» (давая знать этимъ, что ему не долго осталось жить). Онъ тутъ и жизнь кончилъ. Опосля монахи сказывали, что это какой-то кошевой атаманъ, сидитъ близко 40 годовъ въ совершенномъ заточеніи[1]). Его выпущали только три раза въ годъ: на Пасху, Рождество и Преображеніе. Выпущали на трапезу — монастырскаго хлѣба кушать. Я какъ теперь его помню: росту средняго, старый видомъ, сѣдастые волосы и волосъ обсѣкся; видно, что много сидѣлъ. Борода не долга, бѣлая. Одѣтъ былъ въ китайчатый синій сертучокъ; пуговицы, не знаю, оловянныя, чтоль — маленькія такія, въ два ряда. Говорилъ не такъ чисто, какъ по-русски».

Другой крестьянинъ добавилъ къ этому разсказу, что когда привезли кошеваго, то онъ былъ чрезвычайно здоровъ и широкъ въ плечахъ. Потомъ же сдѣлался худъ и старъ «и гдѣ то костье дѣлось. Ходилъ онъ въ красной одеждѣ (кармазынъ). Онъ много имѣнія положилъ, всю сумму (т. е. свои деньги и имущество); евангеліе его и поднесь стоитъ. Если будете въ Соловецкомъ, сходите въ ризницу и спросите у ризничаго: гдѣ вещи кошеваго?— покажутъ».

Изъ разсказовъ ворзогорскихъ крестьянъ я узналъ слѣдующее о положеніи узниковъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ прежнее время.

Въ прежнее время всѣ заключенные дѣлились на три разряда. Первый — тѣ, которые находились на покаяніи; они жили въ заключеніи и обязаны были ходить въ церковь ежедневно. Узники 2-го разряда сидѣли въ заключеніи въ отдѣльныхъ комнатахъ и подъ замкомъ. Имъ позволялось, съ разрѣшенія архимандрита, иногда выходить: зимой на прогулку, лѣтомъ на работу (косить и т. д.). Наконецъ, узники 3-го разряда могли выходить только три раза въ годъ, а остальное время сидѣли безвыходно подъ замкомъ. Въ монастырѣ этихъ называли «великими грѣшниками». Къ числу ихъ, вѣроятно, причислялся и Калнишевскій. Изъ этихъ грѣшниковъ нѣкоторые сидѣли еще въ ро-

---

[1]) Здѣсь также ошибка въ числѣ годовъ.

гаткахъ. Рогатками назывался инструментъ, надѣвавшійся на голову. Онъ состоялъ изъ желѣзнаго обруча вокругъ головы, отъ лба къ затылку, замыкавшагося помощію двухъ цѣпей, которыя опускались внизъ отъ висковъ, на замокъ подъ подбородкомъ. Къ этому обручу было придѣлано перпендикулярно нѣсколько длинныхъ желѣзныхъ шиповъ. Такимъ образомъ, эти рогатки не позволяли человѣку лечь ни на бокъ, ни на спину, ни навзничь, такъ что онъ долженъ былъ спать сидя. Изъ послѣдняго разряда заключенные обыкновенно или вскорѣ умирали, или, по выраженію крестьянъ, дѣлались блаженными, т. е. сходили съ ума, и тогда жили долго [1]). Кромѣ того, крестьяне разсказывали, что въ Соловецкомъ монастырѣ показываютъ двѣ тюрьмы (вышедшія теперь изъ употребленія): Жаравину и Корчагину. Корчагина тюрьма называлась такъ отъ того, что въ ней нельзя было сидѣть иначе, какъ скорчившись, а Жаравина, говорили они, не знаемъ; можетъ быть отъ того, что тамъ было очень жарко. Всѣ тюрьмы находились въ то время въ монастырской стѣнѣ, комнаты были очень малы, а окна такой величины, что можно только руку просунуть. Теперь для заключенныхъ построенъ особенный большой домъ, а рогатокъ больше давно не употребляютъ [2]).

Въ 1863 г., проѣздомъ изъ Онеги въ Холмогоры, мнѣ довелось разсматривать въ Архангельскѣ архивъ архангельскаго губернскаго правленія; пересматривая въ немъ «Опись не секретныхъ дѣлъ бывшей губернской канцеляріи» губернатора Головцына, я отыскалъ записаннымъ подъ 1,243 № «Дѣло по сообщенію государственной военной коллегіи-конторы объ отсылкѣ, для содержанія, въ Соловецкій монастырь кошеваго Петра Калнишевскаго. Іюля 11-го дня 1776 года».

---

[1]) Слова крестьянъ на счетъ послѣдняго обстоятельства подтверждаются вѣдомостями архимандритовъ объ узникахъ за прошлое столѣтіе. Такъ, противъ многихъ фамилій стоитъ отмѣтка въ родѣ слѣдующей: «находится въ несовершенномъ умѣ» и т. п.

[2]) Изъ «Наряда по указу правительствующаго сената о посылкѣ въ 1758 г. въ Соловецкій монастырь штабъ-офицера для осмотра земляныхъ погребовъ, которые сдѣланы для колодниковъ», видно, что въ 1742 г., по указу синода, закладены двѣ тюрьмы, именуемыя: первая—Корожная, въ бойницѣ, другая—Головленкова, у Архангельскихъ воротъ, въ стѣнѣ, не земляная, но поверхъ земли. **Е.**

Изъ этого дѣла видно, что послѣ разоренія Сѣчи Текеліемъ (совершившагося 4-го іюня 1775 г.), Калнишевскій, до объявленія ему высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей въ іюнѣ 1776 г., содержался въ конторѣ военной коллегіи. Высочайшая конфирмація подписана на докладѣ генералъ-аншефа, военной коллегіи вице-президента и пр. Григорія Александровича Потемкина. Калнишевскаго сопровождалъ 1-го Московскаго пѣхотнаго полка секундъ-маіоръ Александръ Пузыревскій съ однимъ унтеръ-офицеромъ и пятью рядовыми. Подорожная дана Пузыревскому въ Москвѣ, 25-го іюня, на девять подводъ «съ нѣкоторымъ арестантомъ». Ѣхали такъ: на первой тройкѣ Пузыревскій, на второй—унтеръ-офицеръ и три рядовыхъ, на третьей—два рядовыхъ съ узникомъ. На остальныхъ, вѣроятно, имущество Калнишевскаго. На обратномъ пути Пузыревскій имѣлъ три подводы и команда его тоже три. Изъ конторы дана была Пузыревскому инструкція, чтобы онъ «содержалъ арестанта въ крѣпкомъ присмотрѣ и во время пути отъ всякаго съ посторонними сообщенія удалялъ». При отправкѣ Калнишевскаго на вѣчное содержаніе въ Соловецкій монастырь, велѣно производить ему изъ вступившаго въ секвестръ его имѣнія по одному рублю въ сутки. 11-го іюля Калнишевскій привезенъ въ Архангельскъ къ губернатору Головцыну. Губернаторъ нарядилъ изъ архангелогородской губернской роты сержанта и трехъ рядовыхъ, отдавъ ихъ въ команду Пузыревскаго для караула «колодника», если будетъ имѣться въ нихъ надобность. Такъ какъ путь къ Соловецкому монастырю лежитъ моремъ, то для отправленія туда узника нанято было судно у купца Воронихина. 18-го іюля Пузыревскій доносилъ рапортомъ Головцыну изъ урочища Кумбышъ, что судно его два раза садилось на мель и повредилось, почему онъ для поправленія его (также за противною, морскою погодою) возвратился въ устье рѣки Двины, хотя находился отъ нея въ морѣ верстахъ въ тридцати. 29-го іюля судно прибыло въ Соловецкій монастырь, и Калнишевскій былъ сданъ архимандриту Досифею и преданъ заточенію. Святѣйшій синодъ предписалъ Досифею удалять Калнишевскаго отъ всякаго съ посторонними людьми сообщенія и содержать за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ ономъ монастырѣ солдатъ; поэтому сержантъ и 3 рядовыхъ отправлены обратно въ Архангельскъ.

При этомъ дѣлѣ находится допросъ Калнишевскаго о векселѣ по займу отъ него полтавскимъ жителемъ Ованькою денегъ двѣ тысячи рублей.

Въ бытность генералъ-поручика Текеллія при занятіи Сѣчи, приходилъ къ нему уволенный полковой есаулъ Петръ Макуха и словесно представилъ, что полтавскаго полка бунчуковый товарищъ Руденко и отставной капитанъ Константинъ Мавроени препоручили ему, Макухѣ, отдать бывшему кошевому атаману Калнишевскому взятые ими и съ полтавскимъ жителемъ Михаиломъ Кованькою 887 руб. изъ числа 2-хъ тысячъ руб. и отобрать отъ Калнишевскаго вексель.

При описаніи имѣнія Калнишевскаго полковникомъ Языковымъ и капитаномъ Потресовымъ этого векселя не отыскано. А потому новороссійская губернская канцелярія просила военную коллегію о спросѣ у Калнишевскаго, гдѣ находится означенный вексель. Контора военной коллегіи писала, 10-го августа того же 1776 года, архангельскому губернатору Головцыну объ истребованіи отъ Калнишевскаго и судьи Головатаго свѣдѣнія объ упомянутомъ векселѣ. На спросъ Калнишевскій, 2-го сентября, объявилъ, что вексель по займу отъ него съ товарищи Кованькою денегъ 2 т. р. имѣлся при бытности его въ Сѣчи съ прочими войсковыми дѣлами у судьи Павла Головатаго, а у него никогда не бывалъ и нынѣ не находится.

Въ вѣдомостяхъ на 1799 годъ, посылавшихся въ святѣйшій синодъ о содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодникахъ, въ которыхъ отмѣчалось, по какому указу присланъ колодникъ, за что, и какъ онъ себя ведетъ,—противъ фамиліи Калнишевскаго отмѣчено: «При указѣ изъ святѣйшаго правительствующаго синода за вѣроломное буйство и разореніе россійскихъ подданныхъ, содержать безвыпускно изъ монастыря и удалять не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія. Оной Калнишевскій жизнь свою провожаетъ смиренно и никакихъ безпокойствъ отъ него не происходитъ».

Въ вѣдомостяхъ 1802 г. онъ уже не показанъ.

Не имѣвъ самъ возможности посѣтить Соловецкаго монастыря, я просилъ своихъ знакомыхъ, члена московскаго археологическаго общества А. Г. Гоздаво-Тышинскаго и члена географическаго общества П. П. Чубинскаго, при посѣщеніи монастыря,

собрать свѣдѣнія о Калнишевскомъ. Изъ нихъ первый доставилъ мнѣ два нижеслѣдующіе документа о ссылкѣ Калнишевскаго, а второй—надписи съ евангелія Калнишевскаго и съ надгробнаго памятника.

1.

Всемилостивѣйшая государыня! Вашему императорскому величеству извѣстны всѣ дерзновенные поступки бывшаго Сѣчи Запорожской кошеваго Петра Калнишевскаго и его сообщниковъ, судьи Павла Головатаго и писаря Ивана Глобы, коихъ вѣроломное буйство столь велико, что не дерзаю уже я, всемилостивѣйшая государыня, исчисленіемъ онаго трогать нѣжное и человѣколюбивое ваше сердце, а притомъ и не нахожу ни малой надобности приступать къ каковымъ-либо изслѣдованіямъ, имѣя явственнымъ доводомъ оригинальные къ старшинамъ ордера, изъявляющіе великость преступленія ихъ предъ освященнымъ вашего императорскаго величества престоломъ, которою, по всѣмъ гражданскимъ и политическимъ законамъ, заслужили, по всей справедливости, смертную казнь. Но какъ всегдашняя души вашей спутница добродѣтель побѣждаетъ суровость злобы кроткимъ и матернимъ исправленіемъ, то и осмѣливаюсь я всеподданнѣйше представить: не соизволите-ли высочайше указомъ помянутымъ преданнымъ правосудному суду вашему узникамъ, почувствовавшимъ тягость своего преступленія, объявить милосердное избавленіе ихъ отъ заслуживаемаго ими наказанія, а вмѣсто того, по извѣданной уже опасности отъ ближняго пребыванія ихъ къ бывшимъ запорожскимъ мѣстамъ, повелѣть отправить на вѣчное содержаніе въ монастыри, изъ коихъ кошеваго въ Соловецкой, а прочихъ—въ состоящіе въ Сибири монастыри, съ произвожденіемъ изъ вступившаго въ секвестръ бывшаго запорожскаго имѣнія: кошевому по рублю, а прочимъ по полуполтинѣ на день; остающееся затѣмъ обратить, по всей справедливости, на удовлетвореніе ими вѣрноподданныхъ вашихъ рабовъ, кои, повинуясь божественному вашему предписанію, сносили буйство бывшихъ запорожцевъ безъ наималѣйшаго сопротивленія, ожидая избавленія своего отъ десницы вашей и претерпѣвъ убытковъ болѣе нежели на 200,000 рублей, коимъ и не оставлю я дѣлать соразмѣрное удовлетвореніе.

Вѣрно-всеподданнѣйшій рабъ князь Потемкинъ.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: «Быть по сему».

14-го мая 1776 г.—Царское село.

2.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ святѣйшаго правительствующаго синода ставропигіальнаго Соловецкаго монастыря архимандриту Досифею. Святѣйшему правительствующему синоду вѣденіемъ отъ 8-го сего іюня изъ правительствующаго сената сообщено, что правительствующій сенатъ, по репорту генерала аншефа, военной коллегіи вице-президента, Астраханской, Азовской и Новороссійской губерній генералъ-губернатора и кавалера князя Григорія Александровича Потемкина, и по приложенной копіи съ высочайше конфирмованнаго ея императорскимъ величествомъ всеподданнѣйшаго его доклада о бывшихъ Сѣчи Запорожской кошевомъ Петрѣ Калнишевскомъ и его сообщникахъ, судьѣ Павлѣ Головатомъ и писарѣ Иванѣ

Глобѣ, съ таковымъ отъ него, господина генералъ-губернатора, донесеніемъ, что какъ содержатся они въ военной конторѣ въ Москвѣ, то, по объявленіи имъ высочайшаго ея императорскаго величества указа, и имѣютъ они безъ малѣйшаго продолженія времени, отправлены быть на прописанномъ въ докладѣ основаніи, т. е. на вѣчное содержаніе въ монастыри: кошевой въ Соловецкой, а протчіе въ состоящіе въ Сибири монастыри-жъ, подъ строжайшимъ присмотромъ отъ означеннаго мѣста до другаго военныхъ командъ; для препровожденія-жъ ихъ до тѣхъ мѣстъ опредѣляется къ каждому по одному штабъ-офицеру, съ выдачею для произвожденія опредѣленнаго на пропитаніе ихъ жалованья, также и на прогоны до тѣхъ мѣстъ, на счетъ Новороссійской губерніи, потребной суммы. Отъ сената же онъ, генералъ-губернаторъ и кавалеръ, требовалъ, чтобы сообщить святѣйшему правительствующему синоду для надлежащаго предписанія къ духовнымъ тѣхъ монастырей властямъ, чтобы содержаны были узники сіи безвыпускно изъ монастырей и удалены-бъ были не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія. Также и о произвожденіи имъ опредѣленнаго къ пропитанію жалованья: кошевому по рублю, а прочимъ по полуполтинѣ на день, которое и будетъ доставляемо туда погодно изъ новороссійской губернской канцеляріи. Опредѣлилъ: въ святѣйшій правительствующій синодъ сообщить вѣденіе, дабы благоволилъ, по требованію господина генералъ-губернатора и кавалера, учинить предписаніе властямъ показанныхъ монастырей, съ тѣмъ, что какъ изъ конфирмованнаго ея императорскимъ величествомъ 14 минувшаго мая доклада видно, что вышеупомянутые узники подлежали, за ихъ великія преступленія, смертной казни, но изъ высочайшаго ея императорскаго величества матерняго милосердія отъ того избавлены, а вмѣсто того осуждены на вѣчное содержаніе въ монастыряхъ, то тѣмъ уважительнѣе и содержаніе ихъ тамо происходило бы сходственно съ представленіемъ его, господина генералъ-губернатора, а между тѣмъ и опредѣленные къ пропитанію каждаго деньги, кои новороссійская губернская канцелярія доставлять будетъ, начальники монастырей, принимая, раздавали-бъ тѣмъ узникамъ, чего ради съ конфирмованнаго доклада сообщена въ святѣйшій синодъ копія и, по указу ея императорскаго величества, святѣйшій правительствующій синодъ приказали: вышеозначенныхъ узниковъ: Калнишевскаго въ Соловецкій монастырь принять и о содержаніи его безвыпускно изъ монастыря, и объ удаленіи его не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія, и о имѣніи въ томъ вамъ, настоятелю, прилежнаго надсмотрѣнія, и о доставленіи къ пропитанію получаемаго изъ Новороссійской губерніи жалованья, по поступленіи съ нимъ во всемъ такъ, какъ въ вѣденіи правительствующаго сената предписано и вамъ, архимандриту, съ пріобщеніемъ при семъ съ конфирмованнаго доклада копіи, послать указъ, съ тѣмъ, чтобы посылаемый туда узникъ содержанъ былъ за неослабнымъ карауломъ обрѣтавшихся въ ономъ монастырѣ солдатъ, и ставропигіальнаго Соловецкаго монастыря архимандриту Досифею чинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу; а о протчихъ узникахъ къ преосвященному Варлааму, епископу тобольскому, указъ изъ святѣйшаго синода посланъ, и о всемъ томъ правительствующему сенату и господину генералъ-губернатору и кавалеру знать дано. Іюня 10-го дня 1776 года.

3.

Надпись на евангеліи, пожертвованномъ Калнишевскимъ.

«Во славу Божію устроися сіе святое евангеліе во обитель святаго преображенія и преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, что на морѣ океанѣ при архимандритѣ Іонѣ. А раденіемъ и коштомъ бывшаго Запороцкой Сѣчи кошеваго Петра Ивановича Калнишевскаго, 1801 года, а всего вѣсу 34 ф. 25 зол., всей суммы 2,435 р.

На застежкахъ: 1-я, «Московской третией гильдіи купецъ серебряныхъ дѣлъ мастеръ Владиміръ Андреевичъ». 2-я, «Стараніемъ и трудами Соловецкаго монастыря намѣстникомъ іеромонахомъ Веніамином святое евангеліе сдѣлано».

4.

Надпись на могилѣ Калнишевскаго.

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ, не хочетъ смерти грѣшника.

«Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошеваго бывшей нѣкогда Запорожской грозной Сѣчи казаковъ атамана Петра Калнишевскаго.

«Сосланнаго въ сію обитель по высочайшему повелѣнію, въ 1776 году, на смиреніе. Онъ въ 1801 году, по высочайшему повелѣнію, снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 23 дня, въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою доброю».

«Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ! Аминь. А. А. [1]).

1856.

Къ приведеннымъ свѣдѣніямъ о ссылкѣ и времени кончины послѣдняго, по времени, вождя Запорожской Сѣчи добавимъ, что заключеніе Калнишевскаго было дѣйствительно чрезвычайно строгое. О мѣстѣ его заточенія не было извѣстно даже его родственникамъ Вертилькамъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ ихъ потомковъ, Николай Вертильякъ, сообщившій автору «Исторіи Новой Сѣчи» кое-что по части запорожскихъ древностей, не могъ ничего передать ему о судьбѣ Калнишевскаго. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Соловецкомъ монастырѣ указанными выше лицами, Калнишевскаго содержали сначала, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ помѣщеніи, ровно ничѣмъ не отличающемся отъ чулана, маленькомъ, сыромъ, холодномъ и полутемномъ; чуланъ этотъ находился въ одной изъ каменныхъ башенъ монастыря. Въ послѣдніе годы передъ освобожденіемъ,

---

[1]) Соорудитель памятника архимандритъ Александръ.

говорятъ, ему было отведено нѣсколько лучшее помѣщеніе, рядомъ съ жилымъ покоемъ. Несмотря на всю строгость заточенія, Калнишевскій перенесъ его въ теченіе 25-ти лѣтъ, по крайней мѣрѣ, безъ явнаго поврежденія нравственныхъ силъ, какъ это бывало почти со всѣми заточенными. Нельзя не сказать, что это была по-истинѣ запорожская натура!

Относительно другихъ товарищей по судьбѣ Калнишевскаго, мы можемъ сообщить кое-что только о войсковомъ писарѣ Иванѣ Глобѣ; на счетъ же войсковаго судьи Павла Головатаго намъ ничего неизвѣстно.

Извѣстіе о Иванѣ Глобѣ получено отъ извѣстнаго любителя русской литературы Н. Д. Мизко. Иванъ Яковлевичъ Глоба, послѣдній писарь Запорожской Сѣчи, по ссылкѣ Калнишевскаго отправленъ въ Сибирь, въ гор. Туруханскъ, гдѣ и умеръ въ тамошнемъ монастырѣ около 1790-го года; объ этомъ можно догадываться изъ того, что 7-го сентября 1791-го года былъ составленъ «регистръ» его имущества, т. е. опись оставшейся по его смерти одежды и вещей и началась переписка о розыскиваніи его наслѣдниковъ.

П. С. Ефименко.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

Историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ.

V [1]).

Пріемъ дѣтей въ спб. воспитательный домъ.—Олонецкій пріютъ для незаконнорожденныхъ.—Недобросовѣстность купца Вашкалова.—Очеркъ педагогической системы Бецкаго.—Условія физическаго и моральнаго воспитанія.—Осужденіе грубыхъ принудительныхъ мѣръ, вызвавшее противодѣйствіе тогдашнихъ воспитателей.—Значеніе дидактической части въ воспитаніи.—Обученіе ремесламъ.—Смертность питомцевъ въ домѣ.—Состояніе медицинской части.—Открытіе аптеки при домѣ.

Пріемъ дѣтей въ с.-петербургскій воспитательный домъ продолжался на основаніяхъ, указанныхъ въ генеральномъ планѣ. По прежнему, всѣ незаконнорожденные младенцы,—за исключеніемъ крѣпостныхъ и солдатскихъ дѣтей,—принимались безпрепятственно въ домъ, гдѣ имена ихъ вносились въ книги, каждое подъ особымъ нумеромъ, по порядку приноса. Счетъ нумеровъ начинался непрерывно съ открытія дома; но вслѣдствіе быстро умножавшагося приноса дѣтей, 8-го декабря 1772 года, уже положено было, во избѣжаніе слишкомъ сложной нумераціи, начинать новый счетъ съ 1-го января, съ обозначеніемъ каждаго года [2]).

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 146—159; 359—380; 665—680; томъ XIII, стр. 177—199; 532—553. Въ предъидущей статьѣ (томъ XIII, стр. 542), въ строкѣ 7-й снизу, вмѣсто «каммергера отъ коллегіи», слѣдуетъ читать: «камерира отъ коллегіи».

[2]) См. журн. спб. отдѣленія.

Безпріютные сироты принимались въ домъ въ видѣ исключенія, «по усмотрѣнію мѣста и средствъ»; но надо думать, что исключенія эти допускались довольно часто, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, такъ что уже въ 1773 г. между дѣтьми, отосланными въ Москву изъ здѣшняго дома, мы находимъ многихъ сиротъ изъ купеческаго званія и разночинцевъ [1]). Въ томъ помѣщеніи, которое занималъ домъ въ Милліонной улицѣ, дѣтей приносили во вторыя, отъ Милліонной, ворота по Аптекарскому переулку, гдѣ находилась надпись: «Путь къ человѣколюбію» [2]).

Кромѣ дѣтей, принесенныхъ непосредственно въ воспитательные дома, заведенія эти — какъ мы говорили уже — открывали доступъ и всѣмъ младенцамъ, принятымъ въ разныхъ мѣстахъ государства особо-назначенными къ тому лицами. Лица эти именовались иногда просто воспитателями; иногда же получали почетное званіе попечителей воспитательнаго дома; обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы, принявъ и воспитавъ у себя незаконныхъ дѣтей до извѣстнаго возраста, отсылать ихъ затѣмъ, смотря по удобству, въ Москву или въ С.-Петербургъ. За эту доставку, начиная съ 1772 года, полагалось отъ воспитательныхъ домовъ особое вознагражденіе. Въ лицахъ, пожелавшихъ принять на себя обязанности воспитателей, не было недостатка и, такимъ образомъ, съ 1766 до 1796 года младенцы призрѣвались разновременно въ Нижнемъ Новгородѣ, Пензѣ, Калугѣ, Воронежѣ, Кіевѣ, Перми, Вытегрѣ, Екатеринбургѣ, Ахтыркѣ (уѣздный городъ Харьковской губ.), Енисейскѣ, Тобольскѣ и пр., и пр. Дѣломъ этимъ занимались иногда офиціальныя лица, какъ напримѣръ, нижегородскій губернскій прокуроръ Бахметевъ, калужскій генералъ-губернаторъ Кречетниковъ, а иногда частные люди разныхъ званій, причемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ, предлагая свои услуги, ставили воспитательному дому и весьма оригинальныя требованія. Такъ, воронежскій купецъ

---

[1]) Матеріалы для исторіи московскаго воспитательнаго дома. Выпускъ 2-й. «Историческая записка о правилахъ пріема», стр. 44. Къ сиротамъ нельзя, впрочемъ, причислять всѣхъ дѣтей съ фамиліями, поименованныхъ на той же страницѣ «Исторической записки»: по крестовымъ книгамъ здѣшняго дома видно, что фамиліи давались иногда и приноснымъ дѣтямъ, вмѣстѣ, съ именами при крещеніи.

[2]) Извѣстія воспитательнаго дома на 1784 г., стр. 264.

Сахаровъ ожидалъ отъ воспитательнаго дома, въ награду своихъ трудовъ, «освобожденія отъ выбора въ гражданскую службу», на что, конечно, и получилъ отказъ отъ имени Бецкаго [1]). Между воспитателями встрѣчались люди своекорыстные, которые, изъ личныхъ расчетовъ, брались за человѣколюбивое дѣло; но были и усердные, самоотверженные дѣятели, не щадившіе ни своихъ нравственныхъ силъ, ни матеріальныхъ средствъ для успѣшнаго выполненія принятой ими на себя обязанности. Чтобы уберечь воспитательные дома отъ справедливаго нареканія за нерадивыхъ воспитателей, Бецкой предписывалъ наводить точныя справки о лицахъ, желавшихъ открыть у себя пріемъ дѣтей, и отказывалъ въ этомъ званіи всѣмъ, чья нравственная репутація не соотвѣтствовала важности предпринятаго дѣла. На этомъ основаніи, въ 1775 году, нѣкто Мацневъ, «извѣстный непохвальными качествами», получилъ отказъ на просьбу завести по разнымъ городамъ пріюты для незаконно-рожденныхъ дѣтей. Похвальной же ревностью, доходившей до самоотверженія, отличался воспитатель Василій Тимковскій, священникъ села Капустинецъ, переяславской епархіи, который, при устройствѣ своего пріюта, претерпѣлъ немалыя непріятности, какъ со стороны чиновниковъ, такъ и отъ мѣстнаго высшаго духовенства. Одинъ изъ чиновниковъ сказалъ Тимковскому: «если ты усиливаться будешь, то легко и убитъ быть можешь». Переяславскій епископъ Іовъ, на просьбу Тимковскаго о подаяніи въ пользу воспитательнаго дома, отвѣчалъ съ видомъ неблаговолительнымъ: «я человѣкъ бѣдный, нечего мнѣ давать; я и самъ тебѣ книгу поднесу». Епископъ Илларіонъ поступалъ съ Тимковскимъ еще круче и однажды выгналъ его изъ своихъ покоевъ, запретивъ ему подавать себѣ какія бы то ни было просьбы о воспитательномъ домѣ. По объясненію Тимковскаго, епископъ «былъ гнѣвенъ на него за то, что не даетъ ему дачъ: столовыхъ, мировыхъ и др., которыя ея величество уничтожила, но кои продолжаютъ давать ему всѣ прочіе изъ страха» [2]). Изъ всѣхъ этихъ мѣстныхъ воспитатель-

[1]) Письмо главнаго попечителя въ московскій опекунскій совѣтъ отъ 5-го іюля 1773 года.

[2]) «Историческая записка» во 2-мъ выпускѣ «Матеріаловъ для исторіи московскаго воспитательнаго дома», стр. 52. Въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ» напечатанъ списокъ всѣхъ воспитателей и попечителей воспитательнаго дома.

ныхъ домовъ дѣти обыкновенно доставлялись въ Москву, и только одинъ олонецкій купецъ Яковъ Вашкаловъ присылалъ своихъ питомцевъ въ с.-петербургскій воспитательный домъ. Но этотъ Вашкаловъ, какъ видно изъ дѣла, былъ человѣкъ или прямо корыстный, или, по малой мѣрѣ, безпорядочный, такъ что сношенія съ нимъ воспитательнаго дома, начавшись вполнѣ миролюбиво, окончились формальнымъ и рѣшительнымъ разрывомъ.

Вашкаловъ началъ пріемъ дѣтей въ Олонцѣ съ 8-го августа 1771 года, а въ 1775 году переселился въ городъ Вытегру [1]). Въ первый разъ дѣти были доставлены имъ въ спб. воспитательный домъ 22-го іюня 1772 г., въ количествѣ 22-хъ человѣкъ обоего пола, за что Вашкаловъ и удостоился получить серебряную медаль. Но уже тогда, по поводу неопредѣленности денежныхъ издержекъ, показанныхъ Вашкаловымъ, призывали его въ засѣданіе спб. отдѣленія и спрашивали: «какою платою вообще можетъ онъ удовлетвориться за каждаго 3-хъ лѣтняго ребенка, имъ доставленнаго?» На этотъ вопросъ олонецкій воспитатель не далъ категорическаго отвѣта, а просилъ «оставить его на прежнемъ основаніи еще на одинъ годъ». Прошло, однако, нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ пріютъ перенесенъ былъ изъ одного города въ другой, а Вашкаловъ все еще не могъ вычислить среднюю цифру своихъ издержекъ, не могъ даже представить никакой книги о пріемѣ дѣтей и расходованіи на нихъ денегъ. Между тѣмъ онъ сталъ присылать, вопреки положенію, грудныхъ дѣтей, изъ которыхъ большая часть умирала въ дорогѣ; воспитательному же дому приходилось даромъ платить за продовольствіе въ пути кормилицъ и нянекъ. Рѣшено было, 31-го мая 1774 г., сдѣлать новое напоминаніе Вашкалову, чтобы онъ не присылалъ дѣтей ранѣе 3-хъ лѣтъ и чтобы не просилъ уплаты денегъ по «заочнымъ расходамъ», которыхъ нѣтъ никакой возможности провѣрить. Но и это напоминаніе, повторенное въ іюлѣ 1775 г., не произвело ожидаемаго дѣйствія, и шнуровая книга, давно уже выданная Вашкалову для записыванія приносимыхъ дѣтей, не давалась, какъ кладъ, въ руки спб. отдѣленія. Наконецъ, въ іюнѣ 1777 года, Вашкаловъ сообщилъ отдѣленію, что записная книга была имъ отослана въ С.-Петербургъ съ выте-

---

[1]) Журналъ опекунскаго совѣта 1772 г. 22-го іюня и 1775 г. 30-го іюля, № 189.

горскимъ мѣщаниномъ Бѣлоусовымъ еще въ мартѣ 1776 г., но что этотъ мѣщанинъ былъ убитъ въ дорогѣ—«и сіе убійство въ неизвѣстности оставалось до марта мѣсяца сего 1777 г.». Съ тѣмъ вмѣстѣ Вашкаловъ прислалъ 15 дѣтей обоего пола и требовалъ за нихъ издержекъ 800 р., изъ которыхъ признано было возможнымъ выдать ему, по расчисленію, только 298 р. Книга не отыскалась однако при убитомъ Бѣлоусовѣ, и спб. воспитательный домъ, истощивъ уже все свое терпѣніе, постановилъ, 12-го іюня 1779 года: сообщить новгородскому намѣстнику Я. Е. Сиверсу, «чтобъ благоволилъ Вашкалову въ пріемѣ и воспитаніи младенцевъ, за недачею отъ него, съ начала воспріятія имъ на себя воспитательской должности, обстоятельнаго отчета,—отказать». Въ тоже время положено было публиковать: не пожелаютъ-ли другіе благодѣтельные люди принять на себя, по человѣколюбію, тѣ обязанности, въ исполненіи которыхъ отказано было неисправному Вашкалову [1]).

Въ то время, какъ тянулась эта непріятная исторія съ купцомъ Вашкаловымъ, Я. Е. Сиверсъ два раза предлагалъ спб. отдѣленію устроить особые воспитательные дома: сначала въ Каргополѣ, а потомъ въ Бѣлоозерѣ, причемъ на устройство перваго дома высчитывалъ примѣрную сумму издержекъ въ 2 тысячи р. ежегодно; но оба предложенія были отвергнуты «во избѣжаніе заочныхъ расходовъ», которыми Вашкаловъ уже достаточно напугалъ здѣшнее отдѣленіе. Не признавая удобнымъ заводить на собственный счетъ каргопольскій воспитательный домъ, спб. отдѣленіе просило Сиверса похлопотать: не возьмутся-ли сами каргопольскіе жители за устройство дома на своемъ иждивеніи, подобно тому, какъ это сдѣлано было мѣщанствомъ гор. Осташкова [2]).—

О внутренней жизни спб. воспитательнаго дома, подъ управленіемъ Бецкаго, о содержаніи и воспитаніи питомцевъ, мы имѣемъ немного свѣдѣній, да и тѣ касаются преимущественно того времени, когда, по болѣзни и старости, Бецкой лишился возможности ближе наблюдать за исполненіемъ своихъ предписаній. Къ тому же, до 1780 г. населеніе здѣшняго дома состояло преимущественно изъ малолѣтковъ, для которыхъ рано было

---

[1]) Журналъ спб. опекунскаго совѣта 1779 г., № 261.
[2]) Журн. спб. отд. 1774 г. 7-го марта и 7-го мая.

учреждать учебные классы и ремесленныя занятія. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ существованія дома, изъ уставовъ Бецкаго могла имѣть практическое примѣненіе только та часть ихъ, которая трактовала о физическомъ воспитаніи дѣтей. Но чтобы дать понятіе о томъ, каковы были требованія Бецкаго въ лучшій періодъ его дѣятельности, необходимо изложить, хотя вкратцѣ, главныя основанія его педагогической системы. Мы сдѣлаемъ это, руководствуясь позднѣйшимъ изслѣдованіемъ о значеніи Бецкаго въ исторіи русскаго воспитанія [1]).

Воспитаніе, по взгляду Бецкаго, должно было разсматриваться съ четырехъ сторонъ: 1) со стороны физической, 2) физико-моральной, 3) собственно моральной и 4) дидактической или обученія. Физической сторонѣ въ воспитаніи Бецкой, первый въ Россіи, придалъ надлежащее значеніе и указалъ для нея многія весьма раціональныя правила, заимствуя ихъ у Локка и др. педагогическихъ писателей, а также у извѣстнаго въ свое время доктора Саншеса. «Физическая часть — по опредѣленію Бецкаго — есть средство слѣдовать по стопамъ натуры, не превозмогая ея и не переламывая; но, способствуя ей, наклонять мало по малу отъ вреднаго къ полезному». Физическое воспитаніе видоизмѣнялось, смотря по возрасту и по темпераменту воспитываемаго; на каждое изъ этихъ условій мы находимъ въ «физическихъ примѣчаніяхъ» особыя указанія. Главнѣйшее вниманіе обращалось на воздухъ, пищу и одежду. Дѣтямъ слѣдуетъ чаще быть на свѣжемъ воздухѣ, въ особенности во время движенія: «труды и вольный воздухъ укрѣпляютъ въ дѣтяхъ тѣлесное сложеніе, умножаютъ веселье и отъ всѣхъ будущихъ недостатковъ предохраняютъ; напротивъ того, отъ лѣности и худаго воздуха выростаютъ они такъ слабы, что весь свой вѣкъ въ болѣзняхъ провождаютъ». Эта привычка къ чистому воздуху, укрѣпляя дѣтскій организмъ, избавляетъ съ тѣмъ вмѣстѣ отъ необходимости прибѣгать къ лекарствамъ, которыя должны быть употребляемы только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и отнюдь не въ видѣ предосторожности противъ возможныхъ, но еще не наступившихъ болѣзней. Заботясь о физическомъ развитіи дѣтей, Бецкой считалъ однако вредною излишнюю бережливость въ сохраненіи ихъ здоровья,—бережли-

[1]) См. наши статьи въ журналѣ «Дѣло» 1867 г., №№ 4, 5, 7, 8 и 9.

вость, впадающую въ изнѣженность и разслабленіе. Онъ совѣтуетъ пріучать, съ ранняго возраста, дѣтей къ перенесенію стужи, влаги и непостоянной погоды; совѣтуетъ: позволять имъ бѣгать, въ ясные и пасмурные дни, по песку, по пашнѣ, по горамъ и крутымъ мѣстамъ и пр. и пр. Пища дѣтей должна быть сытная, но неприхотливая, и изъ нея безусловно устраняются всѣ горячительныя и пряныя снадобья. Одежда дѣтей должна быть также проста и невзыскательна, а главное—просторна и свободна, чтобы дѣти могли въ ней безпрепятственно играть и прыгать.

Съ этими основаніями совершенно согласуется инструкція воспитательницамъ здѣшняго дома, помѣщенная нами въ приложеніи ко 2-й главѣ. Ссылаясь на нихъ же, Бецкой, при одномъ внезапномъ посѣщеніи воспитательнаго дома, сдѣлалъ опекунскому совѣту строгое замѣчаніе о найденныхъ имъ безпорядкахъ по содержанію дѣтей.

Физическое воспитаніе, укрѣпляя тѣло, способствуетъ, въ той же мѣрѣ, развитію душевныхъ способностей—и для воспитателя является новая обязанность: направлять физическія упражненія такимъ образомъ, чтобы они имѣли образовательное вліяніе на душу ребенка. Здѣсь начинается въ воспитаніи особая часть, которую Бецкой называетъ физико-моральною, и въ основаніи ея кладетъ привычку къ дѣятельности, трудолюбіе. «Одними трудами по мѣрѣ силъ своихъ — говоритъ онъ — и непрестаннымъ тѣлодвиженіемъ отгоняя лѣность, уныніе, грусть, сіи предшественники дурныхъ нравовъ, человѣкъ сохраняетъ силу, бодрость и веселость духа, толь нужныя и для здоровья, и для доброты сердца». Поэтому, какъ скоро дѣти начнутъ сознавать свои дѣйствія (что происходитъ около двухъ лѣтъ отъ рожденія), то всѣ старанія воспитателей должны быть устремлены къ тому, чтобы пріучать ихъ къ рукодѣліямъ, а также къ домашнимъ и хозяйственнымъ работамъ, но пріучать слегка и такъ, чтобы дѣти сами находили въ томъ удовольствіе, «ибо все то отвратительно, что отягощаетъ». Этимъ первымъ рукодѣліемъ обыкновенно являлось на практикѣ вязаніе чулокъ. Чтобы дѣти, въ часы свободные отъ работъ и въ праздничные дни, не чувствовали приманки къ лѣни, къ спанью и лежанью, спальни ихъ запирались замкомъ съ той минуты, когда кончалось утреннее одѣванье. Входъ же и выходъ изъ дома устраивались настолько удобно,

что дѣти могли отворять и затворять сами за собой двери, отправляясь гулять или забавляться въ то мѣсто, гдѣ на вольномъ воздухѣ приготовлялись для нихъ разныя игры. Къ этимъ играмъ относились: бѣганье, рытье земли, стрѣлянье изъ лука, катанье съ горъ зимою и пр. Вѣроятно, этими же играми развлекались и питомцы спб. воспитательнаго дома; по крайней мѣрѣ, въ отчетѣ о расходахъ 1787 г. мы нашли особую рубрику: «за дѣланіе дѣтскихъ горъ, покупку санокъ, дровешекъ и лубковъ». Игры слѣдуетъ, по возможности, разнообразить, такъ какъ дѣти любятъ частыя перемѣны, и ихъ удовольствіе должно быть безпрестанно возбуждаемо. Надзиратели обязаны только наблюдать при этомъ, чтобы всѣ вещи, нужныя для игръ, находились готовыми на мѣстѣ, и чтобы играющіе не позволяли себѣ какой-нибудь явной неблагопристойности; но «предводительствовать дѣтей въ играхъ—по мнѣнію Бецкаго—также не надлежитъ, ибо по приказанію веселиться невозможно, а тѣмъ менѣе дѣтямъ, которымъ всякое принужденіе несносно».

За частію физико-моральною слѣдуетъ душевная мораль, или нравоученіе, которое занимаетъ первенствующее мѣсто въ педагогической системѣ Бецкаго. «Здѣсь не должно разумѣть мораль школьную—говорится по этому поводу въ предварительномъ объясненіи къ уставамъ воспитательнаго дома,—мораль, по которой люди, не исправляяся, выученное наизусть такъ добродѣтельно говорятъ и такъ порочно поступаютъ. Зная, что не все то до сердца доходитъ, что разумъ понимаетъ, здѣсь должно быть нравоученію самому естественному, а именно, во-первыхъ, удалять отъ слуха и зрѣнія все то, что хотя тѣнь порока имѣетъ..... ибо безъ сего всѣ наставленія никуда не годятся». Живой примѣръ самихъ воспитателей—вотъ главная дѣйствующая сила въ моральномъ развитіи дѣтей: отъ него безусловно зависитъ весь успѣхъ или неудача воспитанія. Эту мысль Бецкой выразилъ очень рѣшительно въ «планѣ коммерческаго училища». «Направленія сердца и разума къ добродѣтели—говоритъ онъ—не инако достигнуть можно, какъ во всю бытность (воспитанниковъ) въ училищѣ не дать никогда такого случая ни видѣть, ни слышать, что бъ могло произвести худыя впечатлѣнія..... Когда худы будутъ воспитанники, т. е. своенравны, сердиты, упрямы и пр., то вина почестся должна буйству и нерадѣнію начальниковъ,

а не дѣтей». Что же касается до внутренняго содержанія той «добродѣтели», къ которой слѣдовало стремиться,—то въ понятіе это входили, какъ составные его элементы: трудолюбіе, религіозная терпимость, человѣколюбіе и твердое сознаніе своихъ гражданскихъ обязанностей. Но такъ какъ развитіе подобныхъ качествъ невозможно въ личности, нравственно забитой и приниженной, то Бецкой строго оберегалъ своими уставами человѣческое достоинство воспитываемыхъ. Награды и наказанія допускались только какъ средство пробудить соревнованіе въ юношахъ; внѣ этой цѣли они не имѣютъ смысла и должны быть отвергнуты. Развитіе высокомѣрія, какъ слѣдствіе неумѣренныхъ похвалъ и награжденій, и упадокъ самолюбія въ дѣтяхъ, какъ результатъ частыхъ и суровыхъ наказаній, одинаково несовмѣстимы съ идеаломъ нормальнаго воспитанія. Наказанія, исчисленныя Бецкимъ въ различныхъ его уставахъ, начинались съ выговора наединѣ и кончались, въ наибольшей своей степени, лишеніемъ завтрака или обѣда и стояніемъ въ классѣ на колѣняхъ.

Розги и побои, къ которымъ такъ любила прибѣгать тогдашняя педагогическая дрессировка, осуждались Бецкимъ въ принципѣ, какъ излишнія и вредныя жестокости, только удаляющія отъ высшей цѣли воспитанія. Но педагоги того времени не легко мирились съ подобнымъ остракизмомъ и жаловались на то, что изгнаніе тѣлесныхъ наказаній изъ круга воспитательныхъ средствъ ведетъ къ распущенности и непослушанію дѣтей. Такъ, однажды начальники 1-го кадетскаго корпуса, не умѣя иначе справиться съ своими воспитанниками, формально ходатайствовали у Бецкаго о возстановленіи тѣлеснаго наказанія; но онъ такъ разгнѣвался на нихъ, что выгналъ ихъ вонъ, сказавъ, что они желаютъ охолопить ввѣренныхъ имъ дѣтей. Безъ сомнѣнія, такія же ходатайства или косвенныя жалобы на недостаточность кроткихъ мѣръ, приходилось Бецкому выслушивать и съ другихъ сторонъ, и онъ, уступая вліянію сильныхъ предразсудковъ, дозволилъ въ воспитательномъ домѣ тѣлесныя наказанія, въ видѣ крайняго исключенія, «за важнѣйшія преступленія», какъ напр., кражи [1]) или «неодолимое упрямство»[2]). Правомъ налагать подобныя наказанія

[1]) Генеральный планъ, ч. 1, гл. 5, § 12.

[2]) Письмо главнаго попечителя въ московскій опекунскій совѣтъ отъ 6-го августа 1779 г.

пользовались только высшіе начальники, но не надзиратели и надзирательницы,—чѣмъ и думалъ Бецкой ограничить до послѣдней степени употребленіе розги. Когда же онъ узналъ, что въ московскомъ воспитательномъ домѣ тѣлесныя наказанія стали примѣняться, какъ ординарная мѣра, и дѣло дошло до того, что мастера начали подвергать побоямъ всѣхъ обучающихся у нихъ питомцевъ, тогда онъ командировалъ въ Москву опекуна Дурново, и тотъ, исполняя, какъ видно, его предписаніе, потребовалъ прежде всего «запретить строгое обращеніе мастеровъ съ воспитанниками и того болѣе—тѣлесное наказаніе». Но замѣчательно, что эту-то мягкость въ обращеніи съ воспитанниками московскіе опекуны и поставили въ вину Дурново, доказывая ему, между прочимъ, что «мастеръ легкимъ наказаніемъ (вопросъ шелъ о пощечинахъ) имѣетъ право напоминать ученику объ исправленіи должности его»[1]). Такъ трудно было тогдашнимъ рутинерамъ свыкнуться съ мыслью, что розги и побои не составляютъ необходимаго средства вразумленія при воспитаніи и обученіи дѣтей! За тѣлеснымъ наказаніемъ,—какъ мѣрою, уже доказывавшею безуспѣшность воспитанія,—слѣдовала, по генеральному плану, отдача питомцевъ въ матросы или въ солдаты, въ силу рѣшенія опекунскаго совѣта.

Понятно, что нравственная цѣль воспитанія, такъ высоко поставленная Бецкимъ въ теоріи, была трудно достижима на практикѣ, при тогдашнемъ персоналѣ учителей и воспитателей, хотя, съ другой стороны, должно признать, что разумная теорія, отражаясь болѣе или менѣе на достоинствѣ практическихъ пріемовъ воспитанія, воздерживала разныхъ Кутейкиныхъ и Цифиркиныхъ отъ слишкомъ грубаго проявленія ихъ произвола. Но подавать собой хорошій примѣръ юношеству Кутейкины и Цифиркины были все же не въ состояніи, и Бецкому по неволѣ приходилось вербовать учителей и гувернеровъ между иностранцами, которые, не отличаясь въ большинствѣ ни своимъ образованіемъ, ни нравственнымъ развитіемъ, однако превосходили туземныхъ педагоговъ хоть внѣшней отесанностью и коекакими культурными привычками. Тѣмъ не менѣе, Бецкой

[1]) Архивъ московскаго опекунскаго совѣта: «Переписка съ почетнымъ благотворителемъ кн. А. М. Голицынымъ», № 24.

не считалъ этого преобладанія иностранцевъ нормальнымъ фактомъ и въ 3-й части генеральнаго плана (глава 8-я) прямо говорилъ: «Нужно, чтобы приставники были изъ россійскихъ. Можно-ли, чтобъ дѣти признавали иностранныхъ (приставниковъ) родителями своими и оказывали имъ, какъ долгъ велитъ, любовь и дружбу?» Закрытое воспитаніе также служило средствомъ,—хотя и недостигшимъ цѣли,—къ тому, чтобы укрѣпить въ дѣтяхъ нравственныя понятія, привитыя имъ въ стѣнахъ учебно-воспитательнаго заведенія, устранивъ разрушительное вліяніе грубой и невѣжественной среды. Бецкой мечталъ создать для дѣтей особую искусственную атмосферу любви, трудолюбія и нравственной честности......

Дидактической части, т. е. обученію, Бецкой не придавалъ большой цѣны, раздѣляя въ этомъ случаѣ ошибку Локка, Руссо и др. передовыхъ писателей того времени. Наука, по этому ошибочному взгляду, не имѣла прямой связи съ нравственными задачами воспитанія и являлась чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ нихъ, какою-то вынужденною уступкою практическимъ потребностямъ жизни. Иногда эта наука ведетъ къ добру; но «во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердце не вкоренены»,—какъ будто нравственные идеалы человѣка не видоизмѣняются, не становятся чище и плодотворнѣе, смотря по степени умственнаго развитія. Заблужденіе это кажется уже очень страннымъ въ настоящее время, и для справедливой оцѣнки его необходимо припомнить, что то обученіе, противъ котораго ратовали лучшіе педагоги XVIII-го столѣтія, состояло исключительно въ механическомъ изученіи двухъ древнихъ языковъ да въ метафизическихъ тонкостяхъ схоластики. Связь школы съ жизнью была разорвана, и все приносилось въ жертву латыни и метафизикѣ, на счетъ которыхъ Бецкой, слѣдуя мнѣнію Юма, выражался въ такихъ рѣзкихъ словахъ: «наибольшій порокъ нынѣшняго воспитанія состоитъ въ томъ, что много употребляется времени на сіи науки, для которыхъ учители заставляютъ насъ тратить лучшую часть жизни и препятствуютъ учиться важнѣйшимъ и обыкновеннымъ познаніямъ»[1]).

[1]) См. «Разсужденія о установленіи кадетскаго корпуса», раздѣлъ 2, § 9.

Но не установивъ правильно въ теоріи значенія учебной части, Бецкой оказалъ ей услугу многими частными взглядами и практическими замѣчаніями. Такъ, напр., онъ нападалъ на принудительный элементъ въ обученіи, совѣтуя только поддерживать въ дѣтяхъ любознательность, которая сама запроситъ для себя пищи; осуждалъ господство славянскаго языка въ первоначальныхъ учебныхъ занятіяхъ и, наконецъ, заговорилъ впервые о наглядности въ преподаваніи. Такъ, напр., ариѳметикѣ и геометріи, предписывалось обучать больше опытами на твердыхъ тѣлахъ, нежели чертежами; географіи—на большомъ глобусѣ, а не по картамъ. О движеніи небесныхъ тѣлъ давалось понятіе посредствомъ прибора, изобрѣтеннаго Мушенброкомъ, гдѣ отъ придѣланнаго поворота ясно видѣлось движеніе планетъ около солнца. Иностраннымъ языкамъ требовалось учить не «тверженіемъ грамматики», но практическимъ употребленіемъ ихъ въ разговорѣ и письмѣ. Кромѣ того, у Бецкаго высказывается мысль о сближеніи одного учебнаго предмета съ другимъ, о пользѣ солидарности между различными частями учебнаго курса. Обученіе письму слѣдовало начинать уже тогда, когда дѣти пріобрѣтутъ навыкъ въ рисованіи: «писать и изображать цифирь легко покажется имъ, какъ скоро свободно рисовать начнутъ». При этомъ учащіе должны показывать, какъ держать карандашъ или перо въ рукѣ, какъ класть бумагу и руки безъ принужденія, и въ какой позѣ держать все тѣло, чтобы не было вреда здоровью ребенка. Подобно тому, какъ обученіе письму приспособлялось къ рисованію, преподаваніе исторіи должно было идти объ руку съ преподаваніемъ географіи. Наставникъ закона Божія (не всегда священникъ, но иногда и свѣтское лицо) обязывался содѣйствовать главной цѣли воспитанія, т. е., не обременяя памяти дѣтей безполезнымъ заучиваніемъ, развивать въ нихъ добрыя и человѣколюбивыя чувства. Страхъ признавался и въ этой области недостойнымъ педагогическимъ средствомъ, и преподавателямъ воспрещалось запугивать дѣтей грозительными разсказами о мученіяхъ въ аду, такъ какъ «нѣжныя сердца, единожды ужасомъ пораженныя, во всю жизнь дѣлаются робкими и боязливыми». Слѣдуетъ еще замѣтить, что Бецкой, согласно мнѣнію Локка, считалъ бухгалтерію необходимымъ учебнымъ предметомъ для всѣхъ сословій.

Мы объясняли уже въ своемъ мѣстѣ, что покуда дѣйствовало

спеціальное распоряженіе объ отсылкѣ всѣхъ трехлѣтнихъ дѣтей въ Москву, до тѣхъ поръ въ здѣшнемъ домѣ не было ни надобности, ни возможности заводить учебные классы. И дѣйствительно: всѣ азбуки, пожертвованныя въ 1776 г. неизвѣстнымъ лицомъ въ спб. отдѣленіе, были переданы въ Москву, гдѣ онѣ, вѣроятно, и были употреблены въ дѣло; въ здѣшнемъ же домѣ къ 14-му апрѣля 1782 г. осталось случайно только нѣсколько экземпляровъ этихъ книгъ, но и то на рукахъ у казначея, а не въ распоряженіи учителей, которыхъ во время пожертвованія еще вовсе не было въ домѣ [1]). Не ранѣе конца 1779 г., т. е. послѣ того, какъ прекратилась отсылка дѣтей, мы видимъ, что въ здѣшнемъ домѣ нашлись 3 питомицы около шести-лѣтняго возраста, которыми и были замѣнены больныя воспитанницы московскаго воспитательнаго дома, отправленныя для обученія въ «мѣщанское общество дѣвицъ» при Смольномъ монастырѣ [2]). До этого же времени всѣ питомцы и питомицы, показанные въ «вѣдомости» (приложеніе къ IV-й главѣ), подъ рубрикою «отправленныхъ въ академію художествъ и въ мѣщанское общество», присылались исключительно изъ московскаго воспитательнаго дома. Также точно, появляющаяся не ранѣе 1785 г. въ «вѣдомости» рубрика «выпущенныхъ съ вѣчными паспортами (или вѣчно-увольнительными свидѣтельствами) и на непосредственное содержаніе» (т. е. съ срочными билетами для служенія по найму) наполнялась, по всей вѣроятности, до 90-хъ годовъ питомцами и питомицами московскаго же воспитательнаго дома, присланными, по тому или другому случаю, въ Петербургъ [3]). Что же касается до одного питомца, показаннаго подъ этою рубрикою въ 1770 г., то это былъ малолѣтній ребенокъ, оставленный, по причинѣ болѣзни, въ домѣ пріютившей его воспитательницы Шепелевой.

Первый учитель—закона Божія, грамоты и письма—въ здѣшнемъ воспитательномъ домѣ, свящ. Стефанъ Васильевъ, опредѣ-

---

[1]) Дѣло по канцеляріи спб. опекунскаго совѣта, № 27—1; а также журналъ опекунскаго совѣта 14-го апрѣля 1782 г., № 311.

[2]) Архивъ Смольнаго монастыря. «Рѣшенныя дѣла 1779 г.», стр. 177—183.

[3]) Кромѣ академіи художествъ, питомцы московскаго воспитательнаго дома присылались сюда для работъ на карточной фабрикѣ, для театра Книпера (о которомъ будетъ говорено ниже); питомцы же иногда отдавались на обученіе въ мѣщанское общество, иногда же назначались туда въ услуженіе.

ленъ былъ, по журналу совѣта 16-го сентября 1782 г., съ платою по 10 р. въ мѣсяцъ и съ обязательствомъ: «находиться при обученіи 4 дня въ недѣлю, т. е. въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и субботу, по утру четыре, а по полудни 3 часа». За нимъ, ровно черезъ два мѣсяца, принятъ для обученія дѣтей рисованію Павелъ Прѣсновъ, бывшій питомецъ московскаго воспитательнаго дома, окончившій курсъ въ академіи художествъ [1]). Прося объ этомъ мѣстѣ, Прѣсновъ писалъ, что,—какъ ему извѣстно,— «при здѣшнемъ воспитательномъ домѣ изъ воспитанниковъ обоего пола нѣкоторые уже достигаютъ тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ преподается разныхъ художествъ изученіе». Затѣмъ, по спискамъ служащихъ, мы встрѣчаемъ учителей языковъ: русскаго, отдѣльно отъ закона Божія, французскаго и нѣмецкаго, которые имѣли при себѣ помощниковъ. Жалованье учителей простиралось отъ 200 до 500 р. въ годъ, а ихъ помощниковъ — отъ 100 до 150 р. Изъ другихъ, болѣе или менѣе случайныхъ, источниковъ мы узнаемъ, что обязанности учителя совмѣщались иногда въ лицѣ надзирателя (гувернера) или его помощника. Такъ, въ 90-хъ годахъ ариѳметику преподавалъ надзирательскій помощникъ Иванъ Ахматовъ, и въ тоже время упоминается обученіе географіи, производившееся, вѣроятно, кѣмъ нибудь изъ лицъ надзирательскаго персонала, такъ какъ между учителями мы не нашли особаго преподавателя этого предмета. Въ классѣ географіи сообщались, какъ надо думать, и элементарныя историческія свѣдѣнія. Понятіе о бухгалтеріи тоже давалось, быть можетъ, кѣмъ-нибудь изъ надзирателей или ихъ помощниковъ. При домѣ имѣлась также библіотека, которой завѣдывали библіотекарь и его помощникъ. Въ 1783 г. приглашенъ былъ оберъ-директоромъ Фрезе, для обученія 10-ти воспитанницъ «музыкѣ на клавикордахъ», учитель шляхетнаго кадетскаго корпуса Луини съ жалованьемъ по 50 р. въ годъ за каждую ученицу; кромѣ того, обучали играть питомцевъ на «гарфѣ» и скрипкѣ, а въ 1793 г. признано нужнымъ нанять особаго учителя вокальной музыки или пѣвчества [2]). Латинскій языкъ изгонялся, какъ мы видѣли, изъ круга обычныхъ предметовъ ученія, но оберъ-директоръ Фрезе дѣлалъ попытки обучать

[1]) Журналъ опекунскаго совѣта 1782 г., № 799.

[2]) Архивъ Николаевскаго сиротскаго института, дѣло объ учителѣ кол. сов. Маскевичѣ, № 5.

ему нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ, а московскій воспитательный домъ пробовалъ даже ввести его въ систематическій учебный курсъ. Бецкой не одобрялъ, однако, этихъ нововведеній, видя въ нихъ стремленіе обратить воспитательный домъ въ какое-то подобіе университета, и попытки Фрезе, кажется, окончились съ выходомъ его въ отставку. Только уже въ 1796 г., т. е. по смерти Бецкаго, было выбрано 80 питомцевъ здѣшняго дома для обученія латинскому языку, «кои, въ теченіе года бывъ обучены чтенію и письму, препровождены были для лекарскихъ наукъ, въ сухопутную гошпиталь». И тутъ, слѣдовательно, обученіе латинскому языку вызывалось спеціальною потребностью въ ознакомленіи съ медицинскими терминами. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о ходѣ учебной части при Бецкомъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ сообщить, такъ какъ, послѣ самыхъ тщательныхъ разъисканій, не нашли въ открытыхъ намъ архивахъ ни распредѣленія уроковъ по днямъ и классамъ, ни частныхъ программъ по учебнымъ предметамъ.

Та же причина,—которая сдѣлала излишнимъ, на долгое время, устройство учебныхъ классовъ при с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ,—препятствовала учрежденію при немъ разныхъ мастерствъ и рукодѣлій, обѣщанныхъ уставомъ. Сначала здѣшній домъ бралъ на себя только коммисію по продажѣ издѣлій, приготовленныхъ питомцами московскаго воспитательнаго дома[1]; а потомъ — но не ранѣе 80-хъ годовъ — и въ немъ заводятся легкія рукодѣлья для женскаго пола. Въ 1786 г. обученіемъ разному рукодѣлью занималась мастерица, получавшая жалованья по 170 р. въ годъ, вѣроятно, сверхъ полнаго содержанія въ домѣ. Въ 1791 г.,— какъ это видно изъ докладной записки главной надзирательницы Зильберармъ,— въ домѣ существовали уже: прядильня, шелкомойня и золотошвейная, да, кромѣ того, въ немъ же приготовлялось все, нужное для обихода, бѣлье и платье. Въ слѣдующемъ году опекунъ Ильинъ предлагалъ устроить холстинную фабрику, на которой могли бы работать питомцы «всякаго пола и возраста». Но развитіе этихъ мастерствъ не пошло далеко, и изъ показаній Зильберармъ и Ильина можно усмотрѣть, что всего болѣе мѣшали тому недостатокъ инструментовъ и тѣснота помѣ-

[1]) Журналъ спб. опекунскаго совѣта 1774 г. 4-го іюля, № 158.

щенія. Къ тому же, все, что было сдѣлано по этой части, касалось почти исключительно однѣхъ питомицъ; для мальчиковъ же ремесленныя занятія положительно не были организованы здѣсь во весь періодъ управленія Бецкаго, и питомцевъ отдавали на обученіе внѣ дома, къ вольнымъ мастерамъ, начиная съ 1787—88 годовъ. Можетъ быть, питомцы, живя въ домѣ, принимали участіе, вмѣстѣ съ дѣвочками, въ нѣкоторыхъ рукодѣльяхъ, какъ напримѣръ, въ вязаньѣ чулокъ, которому, по уставу, должны были обучаться одинаково дѣти обоего пола; но дальнѣйшая спеціализація работъ такъ и не была приведена въ исполненіе, если не брать въ расчетъ отрывочныхъ свѣдѣній, въ родѣ того, напримѣръ, что инспекторъ Фаберъ, опредѣляясь на службу въ воспитательный домъ, обѣщалъ (но неизвѣстно, исполнилъ-ли свое обѣщаніе?) «руководствовать юношество» въ токарномъ ремеслѣ. Эта отдача дѣтей на обученіе къ разнымъ мастерамъ внѣ дома—причемъ за содержаніе ихъ не производилось платы [1]), а кормилъ и одѣвалъ ихъ хозяинъ, пользуясь даровымъ трудомъ своихъ учениковъ — эта экономія расходовъ, въ ущербъ сбереженію нравственныхъ силъ питомцевъ, находилась въ прямомъ противорѣчіи со смысломъ устава, и къ ней могла привести, очевидно, только невозможность устроить дѣло иначе. Въ уставѣ говорилось: «мастеровъ имѣть честнаго житія при воспитательномъ домѣ, въ построенныхъ особо покояхъ, чтобъ отданныя имъ въ науку дѣти, будучи подъ присмотромъ начальниковъ, тѣмъ лучше могли предохранены быть отъ поврежденія добрыхъ своихъ нравовъ, съ которыми воспитаны были» [2]), и въ московскомъ воспитательномъ домѣ этотъ пунктъ соблюдался, хотя по внѣшности, такъ какъ мастеровые пользовались помѣщеніемъ въ самомъ зданіи дома. Тѣснота здѣшняго дома мѣшала выполнять и это условіе, которое было соблюдено только для питомцевъ московскаго воспитательнаго дома, вытребованныхъ на здѣшнюю карточную фабрику въ 1774 г. По контракту, заключенному съ здѣшнимъ домомъ, карточный мастеръ, Николай Матье, обязывался обращаться съ питомцами благопристойно и человѣколюбиво, но мы видѣли уже на примѣрѣ московскаго дома, что и такой гарантіи

---

[1]) Дѣло по канцеляріи спб. опек. совѣта, по разн. предм., № 987—10.
[2]) Генеральный планъ, ч. I, гл. 2, § 8.

было недостаточно для обезпеченія питомцевъ. Еще незавиднѣе, конечно, была судьба юношей, отданныхъ почти въ безконтрольное распоряженіе мастеровъ, которые и въ наши дни не отличаются гуманностью обхожденія съ своими учениками-ремесленниками. Послѣдствія выходили самыя печальныя. Въ солдаты попадали бо̀льшею частію питомцы, отданные на обученіе къ вольнымъ мастерамъ или работавшіе на фабрикахъ воспитательнаго дома. Проступки, которые влекли за собою такое строгое наказаніе, состояли чаще всего въ кражѣ, буйствѣ или пьянствѣ; но были и нѣкоторые случаи, выходящіе изъ ряда вонъ. Такъ, напр., въ 1781 г. питомецъ, работавшій на чулочной фабрикѣ московскаго воспитательнаго дома, «дерзнулъ ту фабрику зажигать, въ чемъ онъ самъ и признался». Въ 1795 г., и тоже въ Москвѣ, питомецъ, отданный для обученія въ аптеку, сначала «впалъ въ развратную жизнь, какъ-то пьянство и воровство медикаментовъ», а наконецъ, «усовершивъ гнусные свои поступки, покусился на отнятіе жизни своей, предпринявъ зарѣзаться»; но остановленный во время, былъ вылеченъ и отправленъ въ военную коллегію для отдачи въ солдаты. Въ военной же коллегіи этотъ питомецъ, «по признанной въ немъ способности», былъ вскорѣ назначенъ въ счетную экспедицію. Питомцы, находившіеся въ обученіи у вольныхъ мастеровъ, также отдавались въ солдаты «за безпорядочное поведеніе и непонятіе мастерства».

Смертность дѣтей продолжала озабочивать Бецкаго:—какъ въ первые, такъ и въ послѣдніе годы его управленія, количество умирающихъ было такъ велико, что нерѣдко изъ нѣсколькихъ сотъ принесенныхъ младенцевъ оставалось въ живыхъ только нѣсколько десятковъ и даже единицъ. Сохраненіе жизни третьей и четвертой доли всего приноса могло считаться очень благопріятнымъ результатомъ. Болѣзненное состояніе младенцевъ, которые, бо̀льшею частью, приносились въ домъ—по свидѣтельству Георги—слабыми и умирающими, недостатокъ кормилицъ [1]), а въ послѣдствіи, съ увеличеніемъ приноса, и тѣснота помѣщенія, въ которомъ невозможно было поддерживать чистоту воздуха—

[1]) Кормилицы, жившія въ домѣ, получали ежегодно на всемъ готовомъ до 20 р.; жалованье нянекъ простиралось до 17 р. въ годъ. Съ 1-го мая 1782 г. всѣмъ имъ было прибавлено по одному рублю въ годъ. (Журналъ оп. сов., № 414).

вотъ главныя причины усиленной смертности дѣтей. Недостатокъ кормилицъ вынуждалъ прибѣгать къ различнымъ суррогатамъ вскормленія, какъ напр., къ козьему и коровьему молоку, а также къ особаго рода кашицѣ [1]), приготовляемой по рецепту доктора Саншеса. Названный докторъ надѣялся даже этимъ средствомъ совершенно устранить невыгодныя послѣдствія какъ отъ недостатка кормилицъ, такъ и отъ ихъ болѣзней, которыя часто прививаются къ дѣтямъ. Кашка, предложенная Саншесомъ, была двухъ сортовъ: одна изъ высушенныхъ и истолченныхъ ломтей бѣлаго хлѣба («изъ калачнаго порошку»), смѣшанныхъ съ полпивомъ и медомъ; другая изъ того же порошка съ медомъ и молокомъ, причемъ, во избѣжаніе скисанія молока, медъ клался въ этотъ растворъ прежде, до соединенія его съ вторымъ ингредіентомъ. Первою кашкою кормили дѣтей мѣсяцъ или два до передачи ихъ кормилицѣ; вторая—предназначалась для дѣтей здоровыхъ и крѣпкихъ, которыхъ не было надобности кормить грудью, до двухлѣтняго ихъ возраста [2]).

Потерѣ дѣтей способствовало, въ первые годы существованія дома, и неудовлетворительное состояніе медицинской части. Бецкой, какъ мы уже говорили это выше, придавалъ много цѣны соблюденію гигіеническихъ условій воспитанія и — разъ они выполнены,—то считалъ возможнымъ прибѣгать къ лекарственнымъ снадобьямъ только въ самыхъ крайнихъ, немногочисленныхъ случаяхъ. Всѣ болѣзни, по его мнѣнію, могли быть предупреждены сохраненіемъ чистоты воздуха, здоровымъ, сытнымъ питаніемъ и разнообразными гимнастическими упражненіями. Согласно съ этимъ, Бецкой, при основаніи Смольнаго института, не хотѣлъ имѣть въ немъ особаго медицинскаго штата: ему казалось удобнѣе, не опредѣляя докторовъ исключительно въ Смольный, приглашать ихъ, по мѣрѣ надобности, изъ другихъ мѣстъ и платить только за случайные визиты, не назначая имъ годоваго жалованья [3]). Когда же медицинскій штатъ понадобилось утвер-

---

[1]) Генер. планъ, ч. III, гл. I, стр. 197.

[2]) «Разсужденіе: какимъ образомъ надлежитъ вскармливать и воспитывать найденныхъ ребятъ въ Россіи», доктора Саншеса. Разсужденіе это, переведенное съ французскаго языка, приложено къ письму Бецкаго въ моск. оп. совѣтъ отъ 22-го декабря 1765 г.

[3]) «Очеркъ изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII-го столѣтія», Я. Чистовича, стр. 300 и 304.

дить, отчасти вслѣдствіе настояній медицинской коллегіи, тогда начальница Смольнаго завела переписку о размѣрѣ жалованья, находя, напр., возможнымъ назначить аптекарскому гезелю 100 р. въ годъ, «такъ какъ труда его немного будетъ»,— на что медицинская коллегія возражала, что за эту цѣну «самаго младшаго аптекарскаго гезеля опредѣлить не можетъ». Такой же взглядъ примѣненъ былъ сначала и къ здѣшнему воспитательному дому. Первый лекарь, Иванъ Мейеръ, назначенъ былъ не одновременно съ открытіемъ дома, но спустя около полгода; приглашенный же къ пользованію съ незначительнымъ жалованьемъ, онъ только пріѣзжалъ изрѣдка и не жилъ ни въ самомъ домѣ, ни по близости его. Безотлучно въ домѣ находился лишь лекарскій помощникъ, Николай Ивановъ, который, по увольненіи Мейера, занялъ его мѣсто и началъ практиковать почти самостоятельно, съ тѣмъ же жалованьемъ (80 р. въ годъ), подъ наблюденіемъ лекаря академіи художествъ, Воронова. Но такъ какъ въ скоромъ времени оказалось, что лекарь Вороновъ, «за дальностію его квартиры, всегдашняго смотрѣнія имѣть не можетъ», а на лекарскаго помощника плоха была надежда, то 5-го сентября 1772 г. рѣшено снова принять Мейера, прибавивъ ему жалованья до 120 р. въ годъ и обязавъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщать домъ «по часту и хотя не каждый день, но, по крайней мѣрѣ, въ недѣлю трижды неотмѣнно». Насколько удовлетворительны были познанія Николая Иванова, которому не разъ приходилось замѣнять доктора въ домѣ, можно судить потому, что въ 1778 г. онъ, по представленію штабъ-лекаря Книпера, былъ уволенъ отъ своей должности, ибо «со вступленія его въ сію науку по медическимъ правиламъ обучаемъ не былъ, какъ въ гошпиталяхъ обучаютъ, и не можетъ прямо знать той науки, какую долженъ знать подлекарь» [1]). Очевидно, это былъ импровизированный докторъ-самоучка, не прошедшій даже той подготовительной практической школы, которая, при шаткости тогдашней медицинской теоріи, могла бы дать ему хоть нѣкоторый навыкъ въ распознаваніи и леченіи болѣзней. Мы говоримъ: «хоть нѣкоторый навыкъ», потому что и въ петербургскихъ госпита-

---

[1]) Журн. спб. опек. сов. 1778 г. 24-го апрѣля, № 144. Въ послѣдствіи этотъ Ивановъ занимался штемпелеваніемъ картъ при домѣ.

ляхъ, гдѣ устраивались въ прошломъ столѣтіи медицинскія школы, Ивановъ едва-ли почерпнулъ бы сколько-нибудь основательныя научныя познанія. Такъ, напр., въ 1755 г., профессоръ Шрейберъ, членъ спб. академіи наукъ, преподававшій анатомію въ двухъ генеральныхъ госпиталяхъ (сухопутномъ и адмиралтейскомъ), живя на Аптекарскомъ островѣ и не желая ѣздить на Выборгскую сторону читать лекціи, просилъ разрѣшенія призывать къ себѣ на домъ госпитальныхъ учениковъ для слушанія курса анатоміи, и доказывалъ основательность своей просьбы тѣмъ, что курсъ его «только изъ однихъ рѣчей состоитъ», безъ всякихъ демонстративныхъ опытовъ, отсутствіе которыхъ дѣлаетъ однако безполезнымъ самое преподаваніе анатоміи[1]). Но хотя порядочныхъ лекарей трудно было сыскать въ то время, и бо́льшая часть ихъ, по степени своихъ знаній и теоретическаго развитія, немногимъ превышала простыхъ эмпириковъ или знахарей, тѣмъ не менѣе Бецкой, убѣдившись на опытѣ, что съ одной гигіеной возможно обойтись только при идеальныхъ условіяхъ рожденія и воспитанія дѣтей, значительно расширилъ въ послѣдствіи и средства медицинской помощи въ домѣ, и удобства пользованія ею. Жалованье доктору, постепенно возвышаясь, дошло уже въ 1778 г. до 600 р. въ годъ, вмѣстѣ съ экипажными деньгами[2]); квартиру онъ получалъ въ самомъ домѣ, а съ переводомъ дѣтей въ Милліонную улицу,—гдѣ, въ новомъ помѣщеніи, не оказалось для него свободной квартиры,—ему назначена прибавка къ жалованью, въ 200 р., на наемъ квартиры, именно вблизи воспитательнаго дома[3]). Въ слѣдующемъ же году, но уже другому доктору, замѣнившему Книпера (Мартыну Зегеру), положено было нанимать квартиру отъ воспитательнаго дома, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ[4]). При основаніи здѣшняго дома былъ только одинъ лазаретъ, состоявшій подъ наблюденіемъ какой-то мадамы,[5]) а въ 1785 г. мы находимъ уже два лазарета, управляемые докторомъ при помощи опытныхъ подлекарей. Подъ однимъ изъ этихъ ла-

---

[1]) «Очерки изъ исторіи рус. медиц. учр.», стр. 131.

[2]) Журн. опек. сов. 1778 г. 19-го мая, № 179.

[3]) Журн. опек. сов. 5-го ноября (№ 575) 1780 г.

[4]) Журн. опек. сов. 1781 г. 23-го іюля, № 461.

[5]) См. нашу статью: «Начало воспитательныхъ домовъ въ Россіи», въ «Вѣстникѣ Европы» 1874 г., № XI.

заретовъ слѣдуетъ, кажется, разумѣть особый «воспенный домъ»,— упоминаемый впервые въ книгахъ генеральнаго баланса въ 1781 г.,—куда помѣщались, для прививанія оспы, дѣти, привозимыя ихъ воспитателями изъ деревень. За такой привозъ дѣтей, какъ видно изъ генеральнаго же баланса, воспитатели получали нѣкоторое вознагражденіе отъ дома. Прививалась-ли оспа всѣмъ, безъ исключенія, питомцамъ воспитательнаго дома и на которомъ году?—на это мы не можемъ дать вполнѣ точнаго отвѣта, но есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ, значительная часть дѣтей подвергалась привитію натуральной оспы (вакцинація началась позже) отъ 3-хъ и 4-хъ до 8-ми и 10-ти лѣтъ по рожденіи. На эту мысль наводятъ какъ факты, такъ и различныя соображенія. Во-первыхъ, Бецкой принадлежалъ лично къ числу пропагандистовъ оспопрививанія и публиковалъ самъ о его результатахъ, обнаружившихся въ академіи художествъ и въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Изъ этого опубликованнаго отчета, озаглавленнаго: «Способъ прививанія оспы», видно, что оспа привита была дѣтямъ не моложе 4-хъ-лѣтняго и не старше 10-тилѣтняго возраста; но опыты, произведенные докторомъ Мертенсомъ въ московскомъ воспитательномъ домѣ и упомянутые въ примѣчаніи къ тому же отчету[1]), показываютъ, что оспопрививаніе могло начинаться и съ трехъ лѣтъ, имѣя своимъ предѣломъ 8-ми-лѣтній возрастъ питомца. Въ «Физическихъ примѣчаніяхъ», въ параграфѣ 77-мъ, говорится: «отъ пяти, шести или еще моложе, до осьми и десяти лѣтъ надлежитъ дѣтямъ прививать оспу; необходимость сего довольно уже доказана искусными, просвѣщенными и человѣколюбивыми врачами, которымъ слѣдовать, безъ сомнѣнія, должно по многимъ оказаннымъ отъ нихъ опытамъ и успѣхамъ». Затѣмъ мы знаемъ, что въ теченіи всего 1775 года извѣстный пасторъ Эйнзенъ жилъ въ спб. воспита-

[1]) «Учрежденія и уставы» Бецкаго, т. II, изд. 1774 г., Спб. Въ «Матеріалахъ для исторіи московскаго воспитательнаго дома» (т. I, статья: «Историч. очеркъ оспопрививанія», стр. 20) сказано, что «Способъ прививанія оспы» напечатанъ Бецкимъ въ 1791 г. Такое неопредѣленное указаніе можетъ ввести въ ошибку: «Способъ» этотъ напечатанъ въ 1774 г. вторымъ изданіемъ, а въ 1791 г. онъ, вѣроятно, появился въ печати уже въ третій разъ, между тѣмъ какъ изъ вышеприведенной фразы можно сдѣлать заключеніе, что въ 1791 г. «Способъ» Бецкаго только что былъ опубликованъ.

[2]) Журн. спб. опек. сов. 1776 г. 24-го февраля, № 48. Составитель «Истор.

тельномъ домѣ на всемъ готовомъ, прививая дѣтямъ оспу, за что̀ получилъ въ награду 100 р. с. [2]). Въ 80-хъ годахъ, какъ мы сказали, упоминается уже о существованіи особаго «оспеннаго дома», гдѣ, по причинѣ заразительности прививной натуральной оспы, варіолированныя дѣти содержались отдѣльно отъ прочихъ. Надо думать, что, кромѣ упомянутыхъ нами деревенскихъ дѣтей, въ этомъ же оспенномъ домѣ помѣщались и всѣ вообще варіолированные питомцы изъ остававшихся въ городѣ. Подобный же оспенный домъ былъ заведенъ и въ Москвѣ въ періодъ управленія Бецкаго. Лекарства, которыя требовались для здѣшняго дома по распоряженіямъ докторовъ, выписывались сначала изъ главной аптеки «по истиннымъ цѣнамъ, во что обходятся, безъ накладки», такъ какъ домъ, по силѣ своихъ привиллегій, пользовался правомъ неимущихъ; платежъ за отпущенные изъ главной аптеки медикаменты производился, по представленіи счетовъ, по третямъ года. Сношенія съ главной аптекой имѣли, однако, свои неудобства, и «за множествомъ отпусковъ въ казенныя и частныя мѣста» оттуда невозможно было получить лекарства даже 3—4 дня спустя по предъявленіи рецепта; поэтому въ 1779 г. воспитательный домъ заключилъ условіе съ вольнымъ аптекаремъ Іоганномъ Генрихомъ Голтегеромъ (въ Литейной части) съ тѣмъ, чтобы онъ отпускалъ лекарства по рецептамъ Книпера безъ всякаго замедленія и по цѣнамъ, положеннымъ въ таксѣ государственной медицинской коллегіи [1]). Расчетъ по этому отпуску долженъ былъ производиться въ концѣ года; если же въ счетѣ Голтегера оказались бы цѣны выше назначенныхъ таксою, то воспитательный домъ могъ отослать такой счетъ, при жалобѣ, въ медицинскую коллегію. Но и этотъ способъ полученія медикаментовъ оказался, въ непродолжительномъ времени, невыгоднымъ или неудобнымъ, и въ 1784 г. воспитательный домъ рѣшилъ завести свою собственную аптеку, завѣдываніе которой было поручено, 1-го мая того же года, гезелю Николаю Крампу [2]).

очерка оспопрививанія», въ Матеріалахъ для исторіи моск. воспитательнаго дома, ошибается, предполагая, что въ 1775 г. Эйнзенъ прививалъ оспу въ Москвѣ. Весь этотъ годъ Эйнзенъ пробылъ, повидимому, въ С.-Петербургѣ.

[1]) Журн. спб. опек. сов. 1779 г. 15-го мая, № 216.

[2]) Архивъ спб. опек. сов., о служившихъ по аптекѣ, № 1. 15-го ноября 1798 г., этотъ Крампъ уволенъ отъ службы по прошенію, но безъ аттестата, а въ слѣдующемъ году попалъ «подъ стражу» за долги по векселямъ.

Сначала эта аптека удовлетворяла исключительно потребностямъ воспитательнаго дома и не продавала своихъ лекарствъ въ частныя руки; но въ 1790 году положено было открыть ее для вольной продажи, и съ этою цѣлью въ помѣщеніи ея начались различныя передѣлки и приспособленія. Заказаны были рѣзныя украшенія; карнизы и двери позолочены; куплены были новые ящики для лекарствъ и новыя на нихъ литеры; снаружи, надъ аптекою, поставлено изображеніе пеликана, стоившее 180 р.; хрустальная посуда пріобрѣтена съ заводовъ князя Г. А. Потемкина [1]), и для полученія платы за нее (280 р. 92 к.) являлся въ опекунскій совѣтъ нѣкто Алексѣй Суховъ, «генеральный писарь изъ штаба его свѣтлости», какъ сказано объ немъ въ журнальномъ постановленіи [2]). Наконецъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1790 г. появилась и троекратная публикація отъ опекунскаго совѣта: «что въ здѣшнемъ воспитательномъ домѣ, по сношенію съ государственною медицинскою коллегіею, открыта нынѣ аптека для публичной продажи» [3]).

А. П. Пятковскій.

---

[1]) См. журналы 21-го января 1790 г., 25-го и 27-го апрѣля и 14-го мая.
[2]) Журн. опек. сов. 1790 г. 25-го апрѣля.
[3]) «Спб. Вѣд.» 1790 г., № 63, 6-го августа.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Собственноручныя ея повелѣнія, письма и замѣтки.

1770—1792.

Въ «Русской Старинѣ» было помѣщено довольно много собственноручныхъ писемъ, замѣтокъ и повелѣній императрицы Екатерины II (см., между прочимъ, въ томѣ III, стр. 310—325; 474—484; 605—627; 689—699; т. VIII, стр. 60—86; 717—720; 653—690; 853—884; т. IX, стр. 37—56; 285—300; 473—504; т. XI, стр. 489—496; т. XII, стр. 384—390). Приводимъ нынѣ цѣлый рядъ таковыхъ документовъ, отъ первой до послѣдней строки написанныхъ рукою этой государыни и относящихся до разнообразнѣйшихъ дѣлъ и мыслей, ее занимавшихъ. Помѣщеніе этихъ матеріаловъ почти вслѣдъ за очеркомъ жизни князя Потемкина — ея главнѣйшаго пособника — особенно умѣстно, такъ какъ удерживаетъ вниманіе читателя на столь важной эпохѣ въ русской исторіи, каково есть царствованіе Екатерины II. **Ред.**

Кн. Сергѣю Васил. Гагарину по поводу брака гр. Андрея Ефимовскаго

Іюля 29-го 1770 г. Секретно между нами.

Князь Сергѣй Васильевичъ. Изъ репорта ко мнѣ юстицъ-коллегіи усмотрѣла я, что съ вашей стороны, или, лучше сказать, вы подали въ оную коллегію доношеніе, опровергая третій бракъ графа Андрея Ефимовскаго [1]). Я въ сіе дѣло еще публично мѣшаться не могу для того, что оное предала законному теченію. Но, ваше сіятельство, между нами сказать, гдѣ князя Сергѣя Васильевича честь, гдѣ совѣсть? Или вы лжете теперь, или вы лгали мнѣ тогда, когда вы съ Мартыномъ Карловичемъ [2]) неотступно просили, чтобъ я двухъ сестеръ, Анну и Катерину, Ефимовскихъ взяла ко двору во фрейлины, по причинѣ той, говорили вы тогда мнѣ, что отецъ ихъ женился на конюховой дочери, говоря притомъ, что легко то узнать можно отъ попа, кото-

---

[1]) Эту третью его жену звали Степанидой Никоновой.

[2]) Скавронскій.

рый ихъ вѣнчалъ. Вы тогда сами хотѣли то изыскивать, а теперь вы же опровергаете. Гдѣ правда, гдѣ справедливость? Вы съ графомъ Скавронскимъ сенаторы, вы, сверхъ того, имѣете въ вашихъ рукахъ письмо, кое я читала, въ которомъ отецъ, графъ Андрей Ефимовскій, сыну своему, графу Павлу, приказываетъ сей третей его женѣ съ дѣтьми дать пропитаніе. Она молчала, пока сынъ тотъ живъ былъ, ибо такова воля завѣщателя, но когда онъ умеръ, она стала просить. Прошу сказать: корыстолюбіе или попеченіе объ имѣніи однихъ можетъ-ли или должно-ли угнетать правду? Правда одна меня и принудила къ вамъ писать, ибо вижу, что правосудіе можетъ быть затемнено другими страстями. Естьлибъ я не была императрица, то бы я была, по вашимъ рѣчамъ и потому, что я видѣла письмо графа Андрея Ефимовскаго, главный противъ васъ свидѣтель. Желаю вамъ здравствовать.

Помѣта рукою секретаря: «Въ 1773 году дѣло графа Ефимовскаго съ его третьею женою Степанидою Никоновою, бывшею крѣпостною дѣвкою, передано было на разсмотрѣніе въ святѣйшій синодъ, который, рѣша дѣло по сущей правдѣ, призналъ бракъ сей законнымъ, хотя оный и совершенъ былъ однимъ священникомъ, безъ участія другихъ церковниковъ, и хотя не былъ внесенъ въ метрику о бракосочетавшихся. Священника, вѣнчавшаго ихъ, не штрафовали за невнесеніе сего брака въ метрику только потому, что онъ вскорѣ послѣ сего брака умеръ».

Повелѣніе нижегородскому губернатору о разслѣдованіи слуховъ о раскольникахъ, будто бы убивающихъ младенцевъ и ихъ кровью причащающихся.

Заготовить указовъ три: одинъ въ вотчинную, другой въ судную, третій въ юстицъ-коллегію, дабы оныя мѣста прислали ко мнѣ репортъ, много-ли дѣлъ рѣшено, съ раздѣленія на департаменты, прописавъ именно, сколько къ справкамъ, сколько рѣшенныхъ, сколько исполненныхъ, сколько выпущенныхъ, сколько заготовлено къ слушанію по то число.

Къ нижегородскому губернатору написать секретное письмо, что здѣсь былъ доноситель безумный, который хотѣлъ чрезъ малолѣтнихъ доказывать, что въ сей губерніи есть расколъ, въ которой младенцовъ убиваютъ и ихъ кровью причащаются и много другихъ богомерзкихъ и добронравію противныхъ мерзостей дѣлаютъ. Сей доноситель самъ раскольникомъ былъ, но какъ усмотрѣно, что онъ въ безумствѣ, и также принять не можно было доказательства чрезъ малолѣтнихъ, того ради его доносъ безъ изслѣдованія оставленъ. Однако-жъ заблагоразсудилось мнѣ вамъ предписать, дабы вы, ни подъ какимъ видомъ не тревожа никого, а особливо еще раскольниковъ,

весьма подъ рукою въ вамъ ввѣренной губерніи недреманнымъ окомъ смотрѣли и развѣдывали-бъ, не находятся-ли подобные подозрительные люди, естьли отъ нихъ соблазны, и не входя ни въ какія слѣдствія, вамъ сюда доносить, впрочемъ надѣемся на ваше благоразуміе и осторожность, что сіе къ вашему наставленію служащее не будетъ служить отъ вашихъ подчиненныхъ никому въ притѣсненіе, за чѣмъ весьма на-крѣпко вамъ смотрѣть и остерегать, а есть-ли все сіе въ самомъ дѣлѣ не состоится, то тѣмъ и моему духу спокойнѣе будетъ.

Къ казанскому тоже писать.

Надпись для медали князя Долгорукаго.

(Черновая).

Екатериною II
нареченъ Крымскимъ.
Родился — 1713 г.
Успѣ — 1782.

Завоевалъ Крымъ,
любимъ былъ.

Крымъ побѣди.
Любимъ Москвою.

Въ память добродѣтели.

Помѣта секретаря: «Сія собственноручная надпись императрицы для медали князя Долгорукаго, ею же зачернена, а слѣдующая, бѣлевая, также ею написана».

Надпись для медали князя Долгорукаго.

(Набѣло написанная).

Реверсъ.

Тумба, на которой надпись:

Крымъ побѣди.
Любимъ Москвою.

Кругъ медали надпись:

Въ память добродѣяній.

Внизу:

Родился — 1713 г.
Успѣ въ Моск. — 1782.

Подъ портретомъ написать:

Екатериною II
нареченъ Крымскимъ.

Турки въ Грузіи явно дѣйствуютъ, лезгинскими лапами вынимаютъ изъ огня каштаны. Сіе есть опроверженіе мирнаго трактата, который уже нарушенъ въ Молдавіи и Валахіи. Противу сего всякія слабыя мѣры дѣйствительны быть не могутъ; тутъ не слова, но дѣйствіе нужно, нужно, нужно, чтобы сохранить честь, славу и пользу государя и государства.

Письма къ кн. Г. А. Потемкину.

14-го апрѣля 1783 года, въ великую пятницу.

Mon ami. J'ai reçu hier une lettre de l'Empereur dont je vous envoye copie, c'est la reponse à ma dernière, j'ai ordonnée de vous envoyer un resumé de tout le bavardage de Cobenzel. Je ne fais aucune reflexion sur tout cela parceque je suis très fermement resolue de ne compter sur personne que sur nous même. Quand le gateau sera cuit chaqu'un prendra de l'apetit [1]. Какъ мало я считаю за союзника, такъ мало я опасаюсь и уважаю французской громъ, или, лучше сказать, зорницы. Сожалѣю, что отъ самой Нарвы отъ тебя строки не видала, пожалуй, не оставь меня безъ увѣдомленія о себѣ и о дѣлахъ, дабы я, знавъ о всемъ, излишняго безпокойства не имѣла. Будь здоровъ и пиши чаще. Ал. Дм. (Мамоновъ) тебѣ кланяется и ежедневно ходитъ почти освѣдомляться. Татьяна Васильевна здорова-ли? Adieu mon cher ami, je vous souhaite santé et bonheur. Съ наступающимъ праздникомъ тебя поздравляю.

Апрѣля 18-го 1783 г.

Приходилъ Ефимовичъ, хотѣлъ со мною проститься, я велѣла сказать ему, что съ отрѣшенными за плутни судьями я знакомства не имѣю; вездѣ ходя лжетъ на тебя, говоритъ, что ты ему полкъ далъ, я тому не вѣрю, понеже знаю, что для него, бездѣльника, добрыхъ и честно служащихъ подполковниковъ не будешь обижать, а его,

---

[1]) (Переводъ) Другъ мой. Я получила вчера письмо отъ императора (Іосифа II), копію съ котораго посылаю вамъ; это отвѣтъ на мое послѣднее письмо; я приказала отправить къ вамъ сокращенный списокъ всей болтовни Кобенцеля. Обо всемъ этомъ я и не задумываюсь, потому что твердо рѣшилась, кромѣ какъ на насъ самихъ, ни на кого не расчитывать. На готовый каравай всякій ротъ розинетъ.

дѣла скорѣе кнута, нежели полкъ, въ награжденіе удостоены по суду. Я о семъ спѣшу написать къ тебѣ, дабы ты зналъ, какъ тебя облыгаетъ Ефимовичъ. Прощай, мой другъ. Желаю тебѣ здоровья и лучшей дороги. Знаю, что ты 10-го числа апрѣля пріѣхалъ во Псковъ.

Изъ Царскаго Села, апрѣля 24-го 1783 г.

Письмо твое, другъ мой сердечный, изъ Полоцка я получила, но оное безъ числа, и такъ, не знаю, когда доѣхалъ. Сожалѣю, что ты такъ много трудности нашелъ въ дорогѣ. Надѣюсь, что ты всю экспецію получилъ. Репнинъ отъѣзжаючи просилъ меня, чтобъ когда ему впередъ идти придетъ, чтобъ его увѣдомить гораздо заблаговременно, понеже на его корпусъ пропитанья имѣетъ не далѣе 15-го іюня, дабы пропитанія заготовить могъ. Богъ съ тобою. Будь здоровъ и пиши чаще ко мнѣ и ставь числа и увѣдоми меня подробно обо всемъ, тѣмъ самымъ убавишь во мнѣ много безпокойства. Прощай. Желаю тебѣ счастливаго пути. Саша тебѣ кланяется.

Изъ Царскаго Села, апрѣля 27-го 1783 г.

Другъ мой сердечный. За поздравленіе твое со днемъ моего рожденія благодарствую, также и за присланный подарокъ; хвалю тебя, что ты отдохнулъ нѣсколько въ Могилевѣ. Пассекъ самъ ѣдетъ ради Скловскихъ диковинокъ и онъ, конечно, пресѣчетъ наискорѣе и станетъ смотрѣть за ними, винныхъ накажетъ, а за прочими будетъ имѣть бдѣніе[1]). Что людей ты нашелъ своимъ нынѣшнимъ состояніемъ довольныхъ, тому радуюсь, чего не достаетъ, постараюсь поправить со временемъ. Прикажу и Смогоржевскаго унимать[2]). Спасибо тебѣ, что числа вписалъ и мѣсто, откуда пишешь, пожалуй и впредь такъ дѣлай и пиши часто и подробно, а твои письма весьма мнѣ пріятны. Я здорова. Adieu, mon ami, portez vous bien.

L'Empereur est allé pour six semaines en Hongrie pour visiter sa frontière, voila ce qu'il m'écrit. (Императоръ на шесть недѣль уѣхалъ въ Венгрію для осмотра своей границы. Вотъ о чемъ онъ мнѣ пишетъ).

---

¹) Дѣло идетъ о фабрикаціи фальшивыхъ ассигнацій братьями Зановичами, жившими въ Шкловѣ, имѣніи Зорича. См. Записки Энгельгардта, стр. 30—34.

²) Уніатскій митрополитъ. См. о немъ въ книгѣ г. Кояловича «Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ». Спб. 1873 г.

Мая 5-го ч. 1783 г.

Голубчикъ мой, князь. Сейчасъ получила твое письмо изъ Кричева, и изъ онаго и прочихъ депешъ усмотрѣла, что ханъ отказался отъ ханства и о томъ жалѣть нечего, только прикажи съ нимъ обходиться ласково и со почтеніемъ, приличнымъ владѣтелю, и отдать то, что ему назначено, ибо прочаго къ нему расположенія не перемѣняю.

Не простительно Ефимовичу оболгать тебя повсюду, онъ здѣсь вездѣ въ шарфѣ и въ полковничемъ мундирѣ ходилъ.

Отвѣтъ твой вел. кн., по причинѣ Екеля, весьма пристоенъ; на сихъ дняхъ Грейгъ ко мнѣ будетъ и я посмотрю, можно-ли будетъ въ Кронштатѣ строить безъ него, или нуженъ-ли онъ, по крайней мѣрѣ, при началѣ работъ, ибо онъ знаетъ Бауеровы мысли. Adieu, mon cher ami, portez vous bien.

Марта 14-го числа 1784 года.

Вотъ второе письмо. Будь здоровъ, о томъ я тебя весьма прошу. Я здорова. Прощай. Богъ съ тобою.

Извѣстія изъ Молдавіи гласятъ, что молдаване завидуютъ состоянію Тавриды и что запорожцы бѣглые просятся паки къ намъ, также и вышедшіе изъ Крыма татары назадъ идутъ, а цесарь окончилъ хлопоты свои торговые съ турками, удержалъ выгоды почти тѣ же, что и мы.

Саша мнѣ сказалъ, что Катя отъѣзжаетъ, и такъ начертила я сію хартію тѣмъ же перомъ, которымъ подписала сего утра похвальную грамоту князя Потемкина.

Декабря 16-го ч. 1787 года.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Не имѣя отъ васъ увѣдомленій мѣсяцъ цѣлый, наконецъ получила письма ваши отъ 30-го ноября, съ увѣдомленіемъ о успѣхѣ генерала Текелія; сіи вѣсти были полнѣе тѣхъ, съ коими давно носились по городу, но лжи опровергнуть было нечѣмъ, понеже я находилась между опасеніемъ и надеждою и въ томъ непріятномъ положеніи, въ которомъ нахожусь, когда такъ долго отъ васъ писемъ нѣтъ. Къ Текелію посылаю Владиміра 1-го класса; со Смоленска и Бѣлоруссіи хлѣбъ собрать велю. Съ 12-го ч. я не очень здорова,—простудная лихорадка; сегодня я первый день какъ на ногахъ, но голова слаба и писать не могу. Прощай. Богъ съ тобою.

Приказъ о сожженiи двухъ пасквилей.

Марта 28-го 1785 г.

Напиши приказанiе къ здѣшнему губернатору, чтобъ приложенный пакетъ запечатанный, въ которомъ два пасквиля: одинъ на многiе дома обѣихъ столицъ, другой—такой же на иностранныхъ министровъ, съ описанiями, картинами и ругательными толкованiями, велѣлъ чрезъ управу благочинiя сжечь палачамъ; объявленiе притомъ тысячи рублей награжденiя тому, кто объявитъ сочинителя или сочинительницу оныхъ, дабы посадить на два года въ смирительный домъ. Да къ Брюсу дайте о томъ знать, чтобъ тоже учинилъ и тамо.

Приказъ о заведенiи хлѣбныхъ магазиновъ въ каждомъ уѣздѣ.

Заведите въ каждомъ уѣздѣ хлѣбные магазины, какъ Санктпетербургской губернiи, и то русскимъ хлѣбомъ, на который урожай будетъ нынче.

Помѣта: «Указы генералъ-губернатору, графу Броуну, ген.-пров. Маврину и кабинету даны iюня 27-го 1785 года».

Повелѣнiе о заведенiи хлѣбныхъ магазиновъ въ каждой деревнѣ.

Въ дворцовую канцелярiю, въ собственную вотчинную канцелярiю и въ коллегiю экономiи надлежитъ сообщить, что въ Великолуцкой провинцiи нынѣшнiй годъ предвидится большой недостатокъ въ хлѣбѣ, и онымъ мѣстамъ предписать надлежитъ, чтобъ въ случаѣ семъ сiи мѣста въ деревняхъ, отъ нихъ зависящихъ, давали крестьянамъ обоего пола хлѣбъ, и чтобъ старались завести навсегда въ каждой деревнѣ магазины хлѣбные, по примѣру Лифляндскихъ дворянъ, которые запасаютъ всегда на годъ столько, чтобъ во время недостатка не имѣли нужды, а изъ магазиновъ уже на другой годъ продаютъ, наполняя того года жатвою.

Проекты надписи Екатерины II въ память путешествiя ея по Россiи 1787 года.

Надписи:

И бысть совершенiе на полудни.

Обозрѣваю и утверждаю.

Да узрятъ и на полудни.

Да будетъ свѣтъ и на полудни.

Къ блаженству полуденныхъ странъ.

Щедротою оживитъ края.

Оживитъ края, путешествуя.

Посѣщая оживитъ.

Устройство—мой предметъ.

Грядетъ здѣсь справедливость.

Благотворительно солнце сіяетъ.

Лучъ правды возсіялъ.

Благотворно солнце грядетъ.

Грядетъ благотворительное солнце.

Пользу спокойствію предпочитаетъ.

Желаетъ зрѣть счастливыхъ.

Солнце грядя обогрѣваетъ.

Солнце грядя благотворитъ.

Путешествуя, добро творитъ.

Путемъ добро творитъ.

Повсюду новые лучи.

Бодрость трудъ преодолѣваетъ.

Бодрости трудъ—ничто.

Печется, ограждаетъ, обзираетъ.

Путь украшенный дѣлами.

Щедротою оживитъ краи.

Повсюду сіяетъ благость.

Записка по поводу ложныхъ слуховъ о намѣреніяхъ короля шведскаго.

1788 г.

На память совѣту военному, императрица Анна Іоанновна, имѣя въ 1738-мъ или 39-мъ году пребываніе свое лѣтнее въ Петергофѣ, получила извѣстія, что шведы намѣреваются сдѣлать высадку войскъ на здѣшнемъ берегу, приказала сдѣлать шведамъ объявленіе въ такой силѣ, что буде осмѣлятся учинить подобное сему, то чтобъ за вѣрное полагали, что она въ самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставитъ. По твердости сего объявленія, или по инымъ причинамъ, остановилась тогда назойливость шведская.

Но то неоспоримо, что доходы имперіи и ея силы морскія и сухопутныя, коммерція и многолюдство были противу теперешняго едвали не въ половину и считалось нѣсколькими губерніями менѣе теперешняго, что сообщить графу Разумовскому, дабы онъ легкомыслію, вѣтренности, назойливости и лживо разсѣяннымъ слухамъ зналъ, чѣмъ преграду учинить.

Повелѣніе провіантскому подрядчику о пониженіи цѣны на сѣно.

1788 г.

Напишите письмо къ губернатору Коновницыну, чтобъ призвалъ къ себѣ того купца, который въ провіантской подрядилъ сѣно, да подъ тѣмъ видомъ закупилъ семьдесятъ барокъ, кои привезъ сюда и продаетъ по 55-ти копѣекъ пудъ, и сказалъ ему, что естьли не станетъ продавать умѣреннѣе, поставя таксу симъ баркамъ, то впредь недопущенъ будетъ до подряда, откупа и продажи.

Помѣта: «По сему указъ данъ іюня 17-го 1788 г.»

Графу Брюсу по дѣлу вдовы поручика Пассекъ съ Сухановымъ.

(Конца 1780-хъ гг.).

Графъ Яковъ Александровичъ Напоминайте шестому сенатскому департаменту о скорѣйшемъ рѣшеніи: 1) дѣла Натальи Пассекъ съ Сухановымъ, который дѣло изъ совѣстнаго суда перенесъ въ сенатъ; 2) продажи двора также Пассекъ.

Я приказала Шишковскому посмотрѣть дѣла Пассекъ, и онъ подалъ мнѣ приложенную выпись, по которой я начала вышеписанное письмо къ Брюсу, но, видя, что дѣла ея не въ одномъ сенатѣ, прошу по прочимъ ея дѣламъ заготовить понужденія, куда надлежитъ.

Примѣчаніе. Копія съ этой выписи имѣется у насъ. Изъ нея видно, что у Пассекъ было нѣсколько самыхъ разнородныхъ тяжбъ, которыя, «за нехожденіемъ за ними по множеству годовъ», Шишковскій совѣтовалъ сдать въ архивъ. Ред.

Приказъ объ отобраніи и истребленіи зловредной книги.

Мнѣ о книгѣ говорилъ Шишковскій, что ее жечь сумнительно, понеже въ ней государскія имена и о Богѣ много написано; и такъ довольно будетъ, отобравъ въ сенатъ, истребить не палачомъ. А Разумовскій пусть придетъ завтра обѣдать со мною.

При семъ прилагаю Элмптово письмо; страннѣе свадьбы вообразить нельзя. Совѣтую тебѣ жениться на Аннѣ Степановнѣ [1]).

Замѣтка на ходатайство князя Бѣлосельскаго, посланника въ Туринѣ, объ увеличеніи его содержанія.

Прошу отписать къ его сіятельству, чтобъ протянулъ ножки по одежкѣ и ниже не подумалъ о прибавкѣ его содержанія, о которой коллегія и подумать не смѣетъ докладывать.

Помѣта: «По сему повелѣнію писано 22-го іюня 1792 года къ князю Бѣлосельскому».

Повелѣніе объ усиленіи преподаванія греческаго языка въ семинаріяхъ.

Заготовить отъ меня повелѣніе въ синодъ, чтобъ всѣмъ архіереямъ предписано было стараться въ семинаріяхъ наивящше усиливать ученіе греческаго языка; ибо отселѣ чрезъ три года, а буде можно и скорѣе, синодъ преимущественно имѣетъ представить на убылыя мѣста отъ онаго зависящихъ не иныхъ, какъ совершенно греческій языкъ знающихъ [2]).

Приказъ не рекомендовать въ губернаторы дураковъ.

Князь [3]) чрезвычайно любитъ въ губернаторы рекомендовать дураковъ, либо болвановъ; я опасаюсь, чтобъ господинъ Митусовъ не былъ самъ таковымъ же; а въ Тулѣ дуракъ не годится, слѣдовательно, и Митусовъ будетъ въ томъ числѣ.

Примѣчаніе. Списокъ съ приведенныхъ выше собственноручныхъ писемъ, замѣтокъ и повелѣній Екатерины II сообщенъ намъ покойнымъ А. Ѳ. Гильфердингомъ. **Ред.**

---

[1]) Протасовой.

[2]) См. именной указъ объ этомъ 27-го августа 1784 г. въ П. С. З. т. XXII, № 16,047. Быть можетъ, это распоряженіе находится въ связи съ греческимъ проектомъ. Извѣстно, что вел. кн. Константина Павловича обучали греческому языку. **В. С.**

[3]) Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій.

ЦЕНСУРА ВЪ РОССІИ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ ПАВЛѢ

1797—1799.

Въ 1797—1799-хъ гг. ценсора находились въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ и Радзивиловѣ, при таможнѣ, и представляли на благоусмотрѣніе предсѣдателя ценсурнаго совѣта, оберъ-прокурора князя Куракина[1]), а въ послѣдствіи князя Лопухина, тѣ изъ ввозимыхъ изъ-за границы книгъ на иностранныхъ языкахъ, которыя, по мнѣнію ценсоровъ, оказывались или сомнительными, или вредными.

Самое бо́льшее число таковыхъ книгъ въ вышеозначенный періодъ времени выслано изъ рижской ценсуры, а именно 552, тогда какъ изъ прочихъ трехъ, въ общей сложности, только 87; онѣ были преимущественно нѣмецкія и, по опредѣленію ценсурнаго совѣта, почти всѣ найдены неудобными къ распространенію въ публикѣ; нѣкоторыя даже преданы негласному сожженію. Журналы ценсурнаго совѣта докладывались самому императору Павлу Петровичу[2]).

Рижская ценсура состояла изъ трехъ членовъ: духовнаго ценсора, протоіерея Тихомирова, гражданскаго ценсора, столь извѣстнаго своимъ обскурантизмомъ, Ѳ. О. Туманскаго, и „ученаго ценсора“ Иноходцева[3]). Въ дѣлѣ есть нѣсколько личныхъ донесеній Туманскаго князю

---

[1]) Вотъ полный титулъ, подъ которымъ писались на его имя рапорты изъ ценсуръ: «Его сіятельству, господину дѣйствительному тайному совѣтнику, генералу прокурору, удѣльнаго департамента министру, императорскаго россійскаго ордена по всѣмъ наименованіямъ казначею, государственнаго ассигнаціоннаго банка главному директору, коммисіи о снабденіи (sic) Санктпетербурга съѣстными припасами, члену, дѣйствительному камергеру и кавалеру, князю Александру Борисовичу Куракину».

[2]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ подлиннаго дѣла: сборникъ представленій ценсоровъ за время съ 25-го іюня 1797 по 14-ое ноября 1799 г.

[3]) Изъ этихъ трехъ лицъ читатели «Русской Старины» хорошо знакомы съ Туманскимъ — по статьямъ М. Н. Лонгинова и Н. Н. Барышникова. См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 334—336; 589—593. **Ред.**

Куракину, кончающихся такъ: „Донеся о семъ, за совершенное счастіе почитаю, что получилъ случай повергти себя въ высокое вашего сіятельства покровительство, яко вѣчно сущій со благоговѣніемъ, истинною преданностію и глубочайшимъ высокопочитаніемъ, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепреданнѣйшій и всенижайшій слуга“. Или: „За верхъ счастія почитаю, что смѣю съ благоговѣніемъ, всесовершеннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію называться“ и проч.

Въ дѣлѣ находится поданная на имя князя Куракина жалоба рижскаго книгопродавца Гарткноха, изъ которой оказывается, что тамошніе ценсора, при неумѣренныхъ заботахъ о спасеніи отечества отъ вторженія въ него зловредныхъ идей, не имѣли возможности прочитывать своевременно всѣ поступавшія въ таможню книги. Такъ, напримѣръ, съ начала судоходства до послѣднихъ чиселъ іюня 1797 г., Гарткноху было выслано изъ-за границы 34 кипы и ящика съ книгами, цѣною болѣе нежели на 25 тысячъ рублей; ценсура же вскрыла по день подачи прошенія, т. е. по 12 сентября, только 6 кипъ: изъ нихъ три съ книгами научнаго содержанія выданы книгопродавцу, остальныя три все еще находились въ разсмотрѣніи ценсуры, а прочія 28 кипъ продолжали лежать въ таможнѣ. Изъ дѣла не видно, послѣдовало-ли какое-либо распоряженіе по жалобѣ Гарткноха.

Приводимъ нѣсколько болѣе или менѣе характерныхъ сужденій тогдашней ценсуры о представленныхъ въ совѣтъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, книгахъ:

— Экономически-технологическая энциклопедія доктора Крюница. „На страницахъ такихъ-то, опорочивая, что крестьяне въ Россіи крѣпостные, порочитъ законы блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго о распоряженіи подушныхъ денегъ и наборѣ рекрутъ, а на стран. 520-й утверждаетъ, что въ государствѣ крѣпостныхъ быть не должно. Крюницова энциклопедія считается классическою книгою и рѣдко кто оныя не покупаетъ или не читаетъ, ибо содержитъ премножество полезныхъ артикуловъ“ (Дон. риж. ценсора).

— Странные разговоры между нѣкіимъ путешественникомъ и разнаго рода другими лицами о религіозныхъ истинахъ. „Сіе сочиненіе подозрительнымъ дѣлаютъ: a) что путешественникъ о важныхъ матеріяхъ и бо́льшею частію къ христіанству относящихся разговариваетъ низкимъ образомъ, какъ бы согласуясь съ простолюдинами, входящими въ разговоръ съ нимъ, и b) мѣсто на стр. 107-й, гдѣ, забывъ должное уваженіе, ставитъ на ряду и приписываетъ общее вліяніе двумъ вещамъ, которыя, по безпредѣльному

между собою несходству, въ показанномъ случаѣ сравнены быть не могутъ" (Донесеніе Туманскаго).

— Журналъ для фабрикъ, мануфактуръ, торговли и моды. „На первой строкѣ 306-й страницы, постановленіемъ вопросительнаго знака хитро критикуетъ священное изрѣченіе" (Донес. рижской цензуры). Не взирая на вопросительный знакъ, совѣтъ пропустилъ эту книгу.

— Робертъ и Элиза или радости возвышенной любви. „На стр. 310-й, считаетъ ненужною тайну брака благословеніемъ священноіереевъ, да и на стран. 314-й" совѣтуетъ дочери не присутствовать при погребеніи родителя, и безъ того уже въ жизни довольно черными красками описаннаго, что̀ есть противно нравственности, обязывающей дѣтей къ почтенію родителямъ" (Стран. 24. Изъ рижск. ценс.).

— Случай спасенія отъ смерти Фридриха II, во время семилѣтней войны. „На стран. 17-й, отъемлетъ славу побѣдоносной россійской арміи, отрицая у россіянъ храбрость и знаніе тактики, и на стран. (такихъ-то), въ примѣчаніи воспоминаетъ съ предосужденіемъ о войскѣ россійскомъ и распоряженіяхъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны. На стр. 184-й, ограничиваетъ дѣяніе императорскаго россійскаго двора, во всѣхъ важныхъ случаяхъ превозможеніемъ прусскаго. На стр. 188-й, приписываетъ россійскому двору невѣдомые проекты и уничтоженіе оныхъ полагаетъ на счетъ двора прусскаго, а на стр. 189-й, утверждаетъ превозможеніе войскъ прусскихъ надъ всегда побѣждающими россійскими" (Донес. риж. ценс.).

Въ журналѣ совѣта сказано: 1) книгу эту, по высочайшему повелѣнію, указано дозволить къ выпуску, и 2) угодно его величеству, чтобы всѣ экземпляры тѣхъ, отъ ценсуръ присылаемыхъ, книгъ, кои, по разсмотрѣніи совѣтомъ, признаны будутъ недозволенными, были сожигаемы".

— Дома проституціи или лучшій міръ въ теплыхъ странахъ. „Довлѣетъ одного воззрѣнія къ презрѣнію" (Донес. рижс. ценс.).

— Энциклопедическій магазинъ. „На стр. 410-й, дерзкое сравненіе человѣка съ Богомъ: Tu m'a fait libre comme Toi. На стр. 467-й, открытіе потаенныхъ и легкихъ отравъ вредно, ежели дойдетъ до свѣдѣнія людей злобныхъ. На стр. 474-й, употребленіе казней въ Англіи, Германіи и другихъ государствахъ порочитъ. Отъ стр. 355-й до 414-й, описаніе причинъ французской революціи, съ обвиненіемъ короля страдальца и многихъ его министровъ по нынѣшнему вкусу. На стр. 493-й и 494-й, говоря неправду о Россіи, можетъ возбудить

любопытныхъ къ чтенію. На стр. 420-й, выраженія, токмо нынѣшнимъ французамъ свойственныя. На стр. 531-й, чудное воображеніе о блаженствѣ Франціи и о переселеніи душъ умершихъ ихъ владыкъ". (Донес. риж. ценс.).

— Минерва, журналъ на нѣмец. языкѣ. „На стр. 208-й и 212-й, разсужденіе въ пользу Франціи и въ обиду монархическихъ войскъ; на 324-й, воззывъ въ пользу нынѣшняго (т. е. республиканскаго) правленія Франціи, утверждая, на стр. 331-й, о правѣ всѣхъ человѣкъ къ равенству. Подобныя воззывы суть нынѣ средства къ распространенію вольнодумства и развращенію народовъ. На стр. 561-й и 562-й, чтобы отъ конца до конца Европы владычествовалъ токмо одинъ французскій языкъ; на стр. 7-й, опорочиваніе французскихъ королей сряду всѣхъ; на 42-й, описаніе причинъ французской революціи; на 120-й и 130-й, о дѣяніяхъ французскихъ" (Донес. риж. ценс.).

— Петербургская ценсура вошла съ представленіемъ въ совѣтъ, спрашивая, какъ ей поступать съ сочиненіями Вольтера. Въ журналѣ совѣта отъ 3-го декабря 1797 г. вопросъ этотъ разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ до сего времени соч. Вольтера были ввозимы въ Россію въ великомъ множествѣ экземпляровъ и находятся во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и библіотекахъ, то прегражденіемъ дальнѣйшаго ввоза ихъ не будетъ достигнута цѣль, а потому совѣтъ и постановилъ поступать съ ними, какъ съ сочиненіями дозволенными". Но вслѣдъ затѣмъ, появился новый журналъ, въ которомъ значится, что государю угодно было указать не впускать изъ-за границы сочиненій Вольтера, а поступать съ ними, какъ съ запрещенными книгами.

— Франція въ 1797 г. (На нѣмец. языкѣ). „Кромѣ того, что всѣ, напримѣръ, стр. (такія-то), наполнены разсужденіями о французской революціи, на стр. 189-й, помѣщена пѣснь своевольства, да еще и съ нотами" (Донес. риж. ценс.).

— Лѣтописи британской исторіи. (На нѣм. языкѣ). „Повсюду силится дать французской революціи видъ пріятный и восхитительный; напротивъ того, мараетъ черными красками Англію и прочія державы въ желаніи, чтобы вразумить Францію. Сіе ясно на (такихъ-то) страницахъ и очевидно (на такихъ-то), да и на всѣхъ прочихъ" (Донес. риж. ценс.).

— Мои странствованія по юдоли несчастій и по долинѣ бѣдствій. „На стр. такихъ-то, чтобъ быть министромъ, надобно пить; проспавшись, собрать налоги, опять пить, и такъ продолжать до конца жизни; умереть въ пьянствѣ—блаженство; на стр. 145-й: я король и останусь королемъ, доколѣ пьянъ. Таковыя нелѣпыя выра-

женія, по нынѣшнимъ временамъ, и въ шуткахъ опасны" (Донес. риж. ценс.).

— Du contrat social au principes du droit politique, par J. J. Rousseau. „Извѣстно, что мнимое равенство во французской революціи большею частію изъ сей книги заимствовано". Но совѣтъ нашелъ, что книга эта можетъ быть пропущена, „яко принадлежащая къ сочиненіямъ Руссовымъ, которыхъ привозъ и продажа были равномѣрно свободны, а потому, конечно, и есть уже онѣ здѣсь во многихъ собраніяхъ книжныхъ" (Донес. риж. ценс.).

— Въ московскую ценсуру поступилъ въ рукописи романъ въ письмахъ, на французскомъ языкѣ, сочиненный дѣвицею Демидовой, въ Калугѣ. Ценсура представила эту рукопись, какъ сомнительную, на усмотрѣніе предсѣдателя совѣта, князя Куракина, причемъ выразилась такъ: „Сочиненіе сіе, впрочемъ, кажется не заслуживало бы особеннаго вниманія, если бы въ немъ не былъ примѣтенъ духъ нѣкоей философіи, несообразной съ государственными правилами, добрыми нравами и любовью къ отечеству". По поводу этого сочиненія въ выпискѣ изъ журнала совѣта отъ 22-го октября 1797 г. сказано: „совѣтъ, находя въ сихъ письмахъ разныя неприличныя о послѣдней нашей войнѣ съ турками разсужденія, полагалъ, что сего романа въ печать издавать не слѣдуетъ, а надлежитъ препроводить его въ ценсуру обратно, для возвращенія тому, отъ кого онъ полученъ и для изъясненія притомъ, что если онъ подлинно сочиненъ дѣвицею, то занималась она дѣлами, совсѣмъ до нея не касающимися".

На поляхъ противъ этого мѣста написано: „На подлинномъ протоколѣ совѣта, при докладѣ его императорскому величеству княземъ Александромъ Борисовичемъ, отмѣчено: не въ ценсуру возвратить, а съ симъ манускриптомъ поступить, какъ съ прочими запрещенными книгами" (т. е. сжечь).

— Les crimes des reines de France, depuis le commencement de la monarchie, jusqu'à Marie Antoinette. Par Prudhomme. Londre. 1792. (Преступленія французскихъ королевъ съ основанія монархіи до Маріи Антуанеты). „Титулъ книги, мотто подъ заглавною каррикатурою и приложенныя изображенія, доказываютъ дерзкую и злобную цѣль, такъ что ни единой страницы безъ содроганія читать было нельзя, слѣдственно, выписывать дерзости—было бы переписывать книгу; но два примѣчанія новостію вымысла, по крайней мѣрѣ, любопытны. На стр. 305-й, король Людовикъ XIV представленъ совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ какомъ доселѣ вселенная его себѣ представляла, а посему должны будемъ всю доселѣ существовавшую исторію испровергнуть и отъ французовъ ожидать извѣщенія, что прежде ихъ и прежде насъ

было, поелику, по ихъ мнѣнію, все доселѣ писано несправедливо. Въ началѣ avant-propos: les peuples qui ne sont pas encore las d'avoir des rois, devaient du moins exiger d'eux qu'ils fussent athées, bâtards et eunuques!!! На стр. 1-й: et quel est l'homme juste et bon qui eût voulu être roi? слѣдственно"... (Донес. риж. ценс.).

— Журналъ фабрикъ, мануфактуръ, торговли и моды. „Въ сочиненіи лифляндца или рижанина, на стр. 434-й, говоритъ о помазанникѣ Божіемъ безъ всякаго отличія отъ простаго купца; на стр. 435-й, бредитъ о благополучныхъ россіянахъ, яко бы они подъ желѣзнымъ игомъ рабства стонутъ! Россіяне, бывъ своимъ состояніемъ совершенно довольны, не просятъ рижскихъ купцовъ ни писать, ни сожалѣть о ихъ состояніи. Новое убранство извѣстной жены Талліена (между картинками) любопытно, но между порядочными неблагонравно и неблагопристойно".

Надо полагать, что стонущіе подъ игомъ рабства россіяне были плодомъ фантазіи рижскаго цензора, желавшаго отличиться своею благонамѣренностію въ глазахъ начальства, и что ничего подобнаго не заключалось въ вышеприведенномъ журналѣ, такъ какъ совѣтъ разрѣшилъ выпускъ его.

— Англійскіе листки. (На нѣмецк. языкѣ). На стр. 140-й крайне обижаетъ женщинъ, называя знатную даму кокеткою, подобно дѣвкѣ въ кухнѣ, а хозяйку дома—инвалиднымъ мясомъ и т. д. Стр. 142, сатира на императоровъ; на страницѣ 148-й, не находитъ у большихъ господъ вкуса къ книгамъ, ибо-де голова ихъ безъ разума, пуста. Стр. 172, совѣтуетъ презирать супружество; стр. 207 и 208, будто пороки уже такъ вкоренились, что супружества добраго и нѣтъ; стр. 227, отъ царя Давида и далѣе ругаетъ всѣхъ государей и проч."

Въ этомъ отзывѣ рижскій цензоръ, видно, также переусердствовалъ, проще сказать, налгалъ, потому что совѣтъ пропустилъ листки.

— Берлинскій журналъ современнаго вкуса. „Со стр. 297-й, возвышаетъ успѣхи французовъ въ Италіи, что̀ есть обыкновенная уловка возносить и славу республики; на стр. 308-й, противу истины военныхъ австрійскихъ извѣстій, полагаетъ 25 т. однихъ токмо плѣнныхъ, кромѣ убитыхъ, и проч.; на стр. 311-й, хитрая сатира въ противоположеніи войскъ, за вѣру сражающихся, противу вольнодумствующихъ, и вознося сихъ храбрость и побѣду. На стр. 406-й и 407-й, утверждаетъ, яко бы во Франціи съѣстные припасы и всѣ надобности дешевле, нежели были до революціи, слѣдовательно, причиною благоденствія поставляетъ революцію; напротивъ того, извѣстно, что революція причиною голода и бѣдности, какъ сіе доказываетъ стр. 437. На стр. 451-й, предпріятіе Бонапарте въ преобразованіи Болоньи оправ-

даетъ; на стр. 468-й, яко бы отъ правительствъ награждаются злодѣянія, а не добродѣтели. Стр. 394 и 395, великая похвала искусству и храбрости новыхъ республиканцевъ, въ обиду войскъ императорскихъ; стр. 412, похвальное слово конвенту, яко бы за его попеченіе къ общему благу" (Донес. риж. ценс.).

— Молитвенникъ императора Павла. (Переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій). „Изъ предисловія явствуетъ, что сія книга не есть то, что на титулѣ изображено; а какъ мыслей монаршихъ, безъ монаршаго позволенія, печатать нельзя, то ценсоры и пропустить не смѣли".

По поводу этого молитвенника состоялся слѣдующій журналъ совѣта: „1797 г., ноября 23-го дня, въ совѣтѣ вице-канцлеръ объявилъ, что имѣлъ онъ счастіе представлять государю императору принадлежащую къ рапорту рижской ценсуры, отъ 30-го октября, книжку подъ титломъ: Kaisers Paul Gebethbuch, которую его величество указалъ запретить, какъ содержащую въ себѣ, подъ видомъ похвалы, многія вольнодумныя и неприличныя мысли и выраженія".

— Отъ князя Куракина поступило въ петербургскую ценсуру слѣдующее предложеніе: „Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: нѣмецкую книгу, изданную въ Берлинѣ, подъ названіемъ: „Историко-родословный календарь на 1798 годъ", препроводить на разсмотрѣніе въ ценсуру, и буде въ ней найдено будетъ что-либо непозволенное, выпускъ ея повсемѣстно запретить". Вслѣдствіе сего ценсура представила довольно пространный докладъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что означенный календарь содержитъ въ себѣ, между прочимъ, взглядъ на причины, вызвавшія низверженіе императора Петра III. Несмотря на то, что это историческое изслѣдованіе написано вполнѣ безпристрастно и что авторъ его относится сочувственно къ Петру, императоръ Павелъ приказалъ запретить книгу.

— Almanach national de France, l'an cinquième de la république française une et indivisible. (Французскій національный альманахъ, годъ пятый республики единой и нераздѣльной). „Сія книга, доносила рижск. ценсура, есть въ числѣ періодическихъ французскихъ сочиненій и, между тѣмъ, на стр. 95-й, поставленъ, въ 1797 г., въ Санктпетербургѣ французской республики генералъ-консулъ „Lesseps", который ценсурѣ совсѣмъ неизвѣстенъ. На стр. 402-й, въ числѣ корреспондентовъ нѣкто „Cafarelli". На стр. 491-й, въ распоряженіи отправленія почтъ написаны ходящими въ Санктпетербургъ, Ревель, Ригу, Москву и всю Россію, что также, по существующимъ законамъ, ценсурѣ сомнительно".

Совѣтъ нашелъ эту книгу „къ выпуску непристойною“, каковое постановленіе его величество изволилъ „апробовать“.

— Европейскія лѣтописи. „На стр. 1-й, похвала величію революціи французской, поставляя 1789 г. степеннымъ годомъ естества, и потомъ сужденіе стороны французской о предложеніи со стороны Англіи перваго мира; на стр. 29-й и послѣдующихъ, извѣстія, противныя англійскому правительству; на стр. 66-й до 70-й, насмѣхательное извѣстіе о разсѣяніи бурбонской королевской фамиліи и т. д. На стр. 209-й, силится возвысить храбрость и искусство войскъ французскихъ въ Италіи, невозможности преодолѣвающихъ, что на стр. 255-й, яко бы особливо доказываетъ аркольское сраженіе; въ помѣщенномъ, на стр. 282-й, сужденіи о преобразованіи французскаго военнаго искусства, встрѣчаются также многія выраженія, для державъ европейскихъ обидныя“ (Донес. риж. ценс.).

— Путешествіе изъ Пресбурга и т. д. „Надменный писатель въ самомъ началѣ, стр. 3 и 4, обѣщаетъ не слѣдовать простякамъ, о великихъ и знатныхъ особахъ учтиво и съ почтеніемъ изъясняющимся; стр. 5, хитрое разсужденіе; стр. 11, хулитъ, что Фридерика Великаго называютъ великимъ; стр. такія-то, насмѣшки; стр. 54, ѣдкая насмѣшка; стр. 68 и 69, показываетъ себя знающимъ политику; стр. 78, игра со словомъ великость, прямая сатира къ чему, и стр. 79, кривое толкованіе слова Мы; стр. 98, изъявленіе удовольствія, когда государь страдаетъ; стр. 111, новое совсѣмъ опредѣленіе: дворянинъ значитъ—поядающій“ и проч. (Донес. риж. ценс.).

— Обличеніе людей мрака и проч. „Ни авторъ, ни издатель не нарекли себя, ниже города, гдѣ сей плодъ возросъ, не упомянуто. Дедикація (посвященіе) показываетъ нѣкоторымъ образомъ цѣль; самое же сочиненіе весьма хитрую имѣетъ основу, что бы съ перваго взгляда было сокрыто, но при чтеніи все явно. Довольно токмо яснѣйшихъ мѣстъ, гдѣ уже восторга своего о французской революціи сокрыть не могъ; напримѣръ, стр. такія-то, въ продолженіе всего сочиненія называли въ обиду невольнодумствующихъ; на стр. 224-й, хула на сочиненіе, которое полезнымъ признано“ (Донес. риж. ценс.).

— Приготовительныя познанія для правильнаго разумѣнія Бога, природы и человѣка. Для юношества. „Цѣль и намѣреніе книжки, до предпослѣднихъ страницъ, похвальны; но какъ сочинитель оной подъ дедикаціею подписался воспитателемъ юношества въ Россіи, въ Бѣлорусской губерніи, то, кажется, что на стран. 389-й, названіе государя первымъ гражданиномъ, а на стр. 390-й, первымъ гражданиномъ и бо̀льшимъ слугою есть ученіе слишкомъ новое, и для юношества таковыхъ лѣтъ, для каковыхъ назначено,

оное вперять опасно, не предпославъ другихъ важнѣйшихъ правилъ къ повиновенію и непреложному почитанію" (Донес. риж. ценс.).

— Человѣкъ въ оковахъ. „Начиная отъ стр. такихъ-то, введенъ республиканецъ, разсуждающій съ монархистомъ, по имени Фалкономъ, объ образѣ правленія, гдѣ первый, усиливаясь во всемъ давать преимущество правленію республиканскому и унижая монархическое, приведеніемъ разныхъ несчастій для подданныхъ, отъ сего рода правленія для подданныхъ проистекающихъ, наконецъ, склонилъ, яко бы, на свою сторону и монархиста, а тѣмъ самымъ наводитъ сумнѣніе въ слабоумныхъ о изрядствѣ правленія монархическаго" (Донес. риж. ценс.).

Четыре послѣднія книги были представлены изъ рижской ценсуры въ числѣ 25-ти; совѣтъ, на основаніи замѣчаній ценсуры, призналъ всѣ 25 книгъ неудобными къ выпуску; на поляхъ же противъ этого мѣста помѣчена слѣдующая резолюція императора Павла:

„Книги сжечь, а хозяевъ, отыскавъ, поступить съ ними по законамъ, за выписку оныхъ".

— Рижская типографія представила въ тамошнюю ценсуру книгу, подъ названіемъ: „Регламентъ для общества вспомоществованія больнымъ, бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ", и просила одобрить ее, для распространенія въ публикѣ. Но ценсура отказала и препроводила книгу при рапортѣ къ князю Куракину, мотивируя свой отказъ, во-первыхъ, тѣмъ, что она, „составляя родъ закона или градскаго постановленія", уже одобрена рижскимъ магистратомъ, а во-вторыхъ, что она возбудила въ ценсурѣ слѣдующія сумнѣнія. „Никакіе законы не могутъ быть въ публику выпускаемы безъ утвержденія монаршія воли, сія же книга названа Reglement, а регламенты суть законы; на стр. 9-й, въ § 12, предполагается принимать въ общество разныя состоянія, но о дворянахъ и военныхъ выпущено; на стр. 13-й, § 18, ограничиваетъ пребываніе своихъ членовъ, не позволяя выѣзда изъ границъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній; а какъ въ члены пріемлются и служащіе по гражданской части, то симъ сіе состояніе, долженствующее служить тамъ, гдѣ повелѣно будетъ, стѣсняется; на стр. 19-й, въ § 29, предполагается старшинамъ воля созывать все, изо ста одного человѣка состоящее, общество по надобности; по законамъ же таково многолюдное общество, кажется, не можетъ быть созываемо инако, какъ съ позволенія и подъ призоромъ губернскаго начальства, ибо сіе наблюдается и при собраніяхъ дворянства; на стр. 21-й, въ § 32, предоставляется ежегодно, въ день установленія, имѣть обѣденный столъ, сей же, какъ бы ни былъ умѣренъ, требуетъ издержекъ, которыя лучше бы употребить на помощь бѣднымъ", и т. д.

Такой взглядъ на книгу не нашелъ на этотъ разъ сочувствія въ совѣтѣ, который замѣтилъ рижской цензурѣ, что ея сужденія „тѣмъ болѣе странны, что оная книжка не содержитъ ничего соблазнительнаго или развратнаго, а есть токмо собраніе правилъ, кои общество, предположившее себѣ предметомъ вспоможеніе больнымъ и бѣднымъ согражданамъ, составило для себя къ удобнѣйшему произведенію въ дѣйство сего благотворительнаго и похвальнаго намѣренія“.

— Странствованіе по Нидерландамъ, Германіи, Швейцаріи и Италіи. „Стр. 13, будто не есть обида со стороны французовъ, что статуямъ, въ честь императоровъ постановленнымъ, они посбивали головы; стр. 17, насмѣшливое напамятованіе объ императорѣ Карлѣ V; стр. 42 и 44, похвала дисциплинѣ французской; стр. 60—62, насмѣшливое описаніе объ императорѣ Карлѣ Великомъ, церкви, крестахъ и проч.; стр. 63, подобное описаніе; стр. 73, яко бы принцы и разговоровъ весть не умѣютъ; стр. 113, о небогатыхъ князьяхъ насмѣшливо; стр. 130, сатира на распоряженіе князя; стр. 309, сатира на правительство піемонтское; на стр. 314-й, критика на устроеніе короля сардинскаго въ Туринѣ; стр. 405, таковое же, особливо въ двухъ послѣднихъ строкахъ“ (Донес. риж. ценс.).

— Всеобщій учебникъ для бюргерскихъ школъ. „Въ сей книгѣ, весьма, впрочемъ, для наставленія юношества полезной, одно только мѣсто замѣчается сомнительнымъ, гдѣ авторъ, говоря о всеобщихъ правахъ человѣчества и поставляя въ числѣ оныхъ главнѣйшимъ право личности, утверждаетъ, что рабство противно разуму и что вслѣдствіе сего никакой человѣкъ не долженъ быть собственностію другаго и проч. На стр. 801-й и 802-й, изъ собственныхъ словъ автора судить о немъ можно“ (Донес. петерб. ценс.).

— Нѣсколько замѣчаній о маіорѣ Шпельсѣ, съ описаніемъ русскихъ прибалтійскихъ провинцій. „О семъ рижскомъ сочиненіи предварена цензура иностраннымъ журналомъ, что въ ономъ множество неблагопристойныхъ личностей. Но, сверхъ того, сумнѣнія нашла цензура; неблагопристойныя личности суть: стр. 10, неизвѣстно цензурѣ, противъ кого въ словахъ si deis placet, но ежели книгу пустить въ публику, то фамилія его откроется; стр. 17, въ хулу бывшаго рижскаго головы градскаго; стр. 18, въ поношеніе таможеннаго совѣтника Даля; стр. 21, безъ всякой надобности привнесь (?), яко бы генералъ Беклешовъ не имѣетъ основательнаго познанія въ наукахъ; стр. 53, члена коммисіи училищъ Янковича называетъ іезуитомъ; введеніе покойною императрицею учрежденій въ Лифляндіи называетъ неблагопристойно—метаморфозою; гдѣ токмо россіянъ касается, вездѣ говоритъ съ униженіемъ; наприм., на стр. 15-й, русскаго адвоката на-

зываетъ стряпчикомъ; стр. 19, унижаетъ россійское купечество раздѣляемое по капиталамъ, и даетъ преимущество рижскому, яко бы ученому; стр. 35, поелику мѣновщики денегъ купцы русскіе, то и употребилъ слово jamerliches Bild (прискорбная картина); стр. 39, о стѣсненной россіянъ торговлѣ" (Донес. риж. ценс.).

— Бѣдность и великодушіе. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Августа Коцебу. „Стр. 8 и 9, съ насмѣшкою о письмѣ короля полученномъ и потому, стр. 17, желе нужно (?); на стр. 39-й, при словѣ умиленіе, кажется, не кстати. Но важнѣйшее всего сумнѣніе на стр. 118-й, гдѣ церковную каѳедру поставляетъ въ одной степени съ театромъ и тѣмъ отъемлетъ почтеніе къ храмамъ и ослабляетъ благочестіе, а особливо въ сердцахъ юныхъ, прелестьми театра и выраженіями на ономъ плѣняющихся" (Донес. риж. ценс.).

— Дитя любви. Его же. „Что токмо дѣти незаконнорожденныя суть дѣти любви — несправедливо и неблагопристойно, а потому и самый титулъ соблазнителенъ", и пр. (Донес. риж. ценс.).

— Объ улучшеніи гражданскаго быта женщинъ. „Стр. 2, насмѣшливо: Сократъ премудрѣйшій не между королями, но между мудрецами; стр. 3, якобы Скарронъ—предмѣстникъ брачнаго ложа короля Людовика XIV; стр. 7, насмѣшки, что склавы оставляютъ правленія владыкамъ на удачу ихъ изрядства; что Людовикъ XIV совѣстился о налогахъ, но успокоенъ; стр. 11, насмѣшка надъ словомъ превосходительство; стр. 59, въ доказательство, что женщины таковыя же достоинства или и высшія имѣть могутъ, нежели мужчины, сравненіе покойной государыни императрицы съ Вольтеромъ кажется весьма низко; стр. 67, женщинамъ должно дать равныя права съ мужчинами; стр. 83, повѣсть о Сарѣ и Агари толкуетъ иначе", и т. д. (Донес. риж. ценс.).

— Часы досуга. „Стр. 60 кажется сумнительна; также, кажется, не весьма прилично, что писатель, предпославъ увѣдомленіе, что король гишпанскій и фамилія королевская и вельможи назначили игрище битвы быковъ, на стр. 123-й, называетъ сіе игрище подлымъ и безчеловѣчнымъ, что неинако, какъ до двора королевскаго относится" (Донес. риж. ценс.).

Эта книга разрѣшена совѣтомъ.

— Венцель и Эдельтруда. „Неблагопристойное названіе придворныхъ чиновъ: стр. 9, Hofschranzen (придворные лизоблюды), 19 и 45, Hofzofe (придворныя дѣвки), 116, Lustiges Hofgesinde (веселая придворная сволочь); стр. 19, доведши, что юная чета безъ позволенія приступила къ выполненію супружескихъ обязанностей, называетъ сіе вкушеніемъ запрещеннаго плода отъ древа познанія добра и зла. Сія

насмѣшка подъ изреченіемъ библіи о райскомъ деревѣ, отъ котораго Ева плодъ взяла, не нова и изобрѣтена противниками священнаго писанія; стр. 21, продолженіе о томъ же; стр. 23, о нарушеніи ложа и владыками; стр. 35, наставникъ юнаго принца училъ его, что государи намѣстники Божіи суть только въ разсужденіи неимущихъ. Такова ограниченность доселѣ въ наукѣ о правленіи государей была не въ употребленіи, поелику власть государей отъ Бога, и они во всѣхъ случаяхъ намѣстниками Божіими считаемы быть должны", и т. д. (Донес. риж. ценс.).

— Избранныя произведенія литературы англійскихъ писателей. „Въ сей книгѣ находится, между прочимъ, особое сочиненіе: Путешествіе въ Лиллипутъ, въ которомъ подъ симъ названіемъ старается разныя при дворахъ учрежденія осмѣивать, какъ напримѣръ, весьма ѣдко, на стр. 305-й, что прыганіе на веревкахъ производится токмо людьми великими; подобное на стр. 308-й, таковое внесеніе (?) тѣмъ кажется неблагопристойнѣе, что книга сія назначена для образованія молодыхъ людей, какъ сіе доказательно изъ самой дедикаціи, въ которой посвящаетъ сію книгу молодымъ брауншвейгскимъ дворянамъ" (Донес. риж. ценс.).

— Князь Энгалычевъ перевелъ съ нѣмецкаго книгу: „Опытъ, какимъ образомъ возстановить пришедшее въ упадокъ состояніе", представилъ ее въ московскую цензуру и, прождавъ цѣлый годъ напрасно отвѣта, обратился съ письмомъ къ предсѣдателю цензурнаго совѣта. Въ письмѣ онъ объясняетъ, между прочимъ, что авторъ этой книги, напечатанной 30 лѣтъ тому назадъ, предвидя неизбѣжное банкротство и паденіе Франціи, издалъ свое сочиненіе съ человѣколюбивой цѣлью—спасти прочія государства отъ подобнаго же несчастія. Однако, не взирая на такую благонамѣреннѣйшую цѣль, московская цензура, разсмотрѣвъ книгу, нашла что „самое заглавіе показываетъ, что въ ней должно быть нѣчто странное, новое, необыкновенное", и въ подтвержденіе этого представила 42 замѣчанія. Изъ нихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія:

„Едва-ли справедливо судитъ авторъ, отчего умаляются доходы государствъ.—Охуждается вообще запрещеніе лѣсной торговли. — Не велитъ законами ограничивать издержекъ. — Похваляется роскошь. — Не запрещать, а вывозить лѣсъ совѣтуетъ.—Отвергается всякое преимущество въ торговлѣ. — Считаетъ большою погрѣшностію, что крестьяне ходятъ въ города торговать. — Утверждаетъ, что должно учить и наставлять народъ безъ различія состояній.—Желая доказать, сколько убытковъ терпятъ города отъ деревяннаго строенія, приво-

дитъ въ примѣръ Петербургъ. — Авторъ, желая уменьшить разныя вѣсти, совѣтуетъ, чтобы въ каждомъ городѣ печатались газеты".

На этомъ основаніи ценсурный совѣтъ запретилъ эту книгу.

— Нравственные разсказы Августа Лафонтена. „На стр. 228-й, противное евангельскому ученію выраженіе: бывшей непотребной дѣвки, но исправившейся, почитать не должно, хотя бы то была и сама святая Марія Магдалина. Токмо при семъ важнѣйшемъ выраженіи сумнительны мѣста, на стр. 143-й, о случайности родиться дворяниномъ, и на стр. 159-й, о постыдности искать чиновъ, унижая себя предъ златомъ или высшею степенью негодяя" (Донес. риж. ценс.).

— Дѣтскій альманахъ. „Какъ сія книга назначена для образованія дѣтей, то сумнительно въ хронологіи счисленіе эпохъ отъ революціи французской, 21-го и 22-го сентября, поелику рано еще малолѣтнихъ дѣтей знакомить съ симъ развратнымъ правленіемъ. На стр. 40-й, въ числѣ главныхъ городовъ, Парижъ—городъ новой и величайшей республики; при семъ, на стр. 66-й, сцены швейцарской революціи, для дѣтей, неутвержденныхъ въ правилахъ, опасны" (стр. 316. Донес. риж. ценс.).

— Алексина, или одинъ день въ Турціи. Комедія въ 5-ти дѣйств. Переводъ съ англійскаго языка на нѣмецкій. „Роспись дѣйствующихъ лицъ, между которыми помѣщенъ графъ Орловъ, жена его Алексина, молодая россіянка Павлина и Лагренъ, графа Орлова камердинеръ, подаютъ понятіе о цѣли сея театральныя пьесы; а потому, стр. 5, дружескій разговоръ камердинера съ графомъ; стр. 9, она—россіянка, слѣдственно, родъ медвѣдя; стр. 49, Лагренъ прибылъ въ Россію съ намѣреніемъ образовать сей народъ, mais die Nation ist partout incorrigible; стр. 60, графиня Орлова къ своей служанкѣ, Павлинѣ, говоритъ: ты, Павлина, не дочь-ли фермера Петровича?—и множество другихъ чудныхъ (т. е. странныхъ) выраженій и мыслей" (Донес. риж. ценс.).

— Очерки Мейсера. „....На стр. 191-й, сказка о любви королевы Елисаветы, съ надписью: даже самая великая королева есть только женщина,—не у мѣста. На стр. 241-й, сочинивъ изъ троянской исторіи сказку, принца Париса посылаетъ за наложницами, а царя Менелая называетъ Hasurey; на стр. 275-й, весьма непристойный періодъ: такъ исправилась очаровательная дѣвушка, что Богъ и ученый почти предали бы ее проклятію; стр. 357, сказка о Іафетѣ въ ковчегѣ—вымышленная и противная милосердію Божію. На стр. 54-й, страшное дѣйствіе ревности, хитростію до исполненія доведенное, для горячихъ читательницъ, кажется, опасно разсказами, какъ уловить жертву въ свои сѣти" (Донес. риж. ценс.).

— Флора, посвященная дочерямъ Германіи. Ежемѣсячное изданіе. „На стр. 234-й, что революція французская избавила отъ тяжбы, поелику баронъ, бичъ своихъ крестьянъ, бѣжать принужденъ былъ; на стр. 235-й: не знаю лучшаго состоянія, кромѣ крестьянскаго, и наши законодатели (разумѣя французовъ) намѣрены доставить ему древнее онаго право; на стр. 246-й, описываетъ лестно подвиги французскаго народа, презирающаго смерть, дабы потомству своему доставить вольность; стр. 267: я чувствую себя сродственнымъ Божеству—есмь часть Его!! стр. 280, письмо дворянина, писанное въ насмѣшку дурнымъ штилемъ и безъ правописанія, напротивъ того, письмо мѣщанина—красиво и правильно. На стр. 205-й, чтобы юношеству оставить на волю наслаждаться увлеченіями по произволу, а особливо выраженіе: вкусить первый плодъ чувствій есть высочайшее благо на земли, жаль токмо, что кратко—есть правило преопасное и въ журналѣ, для дѣвицъ назначенномъ, весьма вредное“ (Донес. риж. цензуры).

— Le Nord littéraire. Журналъ. „....На стр. 253-й, находится критика на учрежденіе цензуръ, при чемъ наипаче рижская цензура съ насмѣшкою опорочивается, почему сей нумеръ почитается къ выпуску неудобнымъ“ (Донес. петерб. ценс.).

— Національная галлерея. Штутгардтъ, 1794 г. „На стр. 4-й, Россію, которая есть монархія, купно съ Турціею поставляетъ въ число государствъ деспотическихъ; на стр. 15-й, описываетъ россійское дворянство свирѣпымъ и жестокимъ, а крестьянъ несчастными“ (стр. 335).

Книга эта была представлена рижской цензурой въ совѣтъ вмѣстѣ съ 24-мя другими книгами, и только одна одобрена журналомъ совѣта отъ 7-го марта 1799 г., всѣ же прочія найдены неудобными къ выпуску.

Императоръ Павелъ утвердилъ журналъ цензурнаго совѣта, но замѣтилъ, что Національная галлерея также должна быть запрещена, и „чтобы впредь всѣ книги, коихъ время изданія помѣчено какимъ-нибудь годомъ французской республики, были запрещаемы“.

Высочайшее повелѣніе вынудило петербургскаго цензора представить предсѣдателю совѣта списокъ книгъ, числомъ 13, бо̀льшею частію научнаго содержанія, помѣченныхъ годами французской республики, и испрашивать разрѣшенія, какъ поступить съ ними.

Въ отвѣтъ на это получено увѣдомленіе, что на выпускъ означенныхъ книгъ не послѣдовало высочайшаго соизволенія“.

— Въ томъ же 1799 г., въ московскую цензуру поступила книга: Объ истинномъ христіанствѣ, Арндта. Въ 1743 г. манифестомъ

императрицы Елисаветы Петровны она была запрещена „яко печатанная въ Галлѣ и безъ свидѣтельства святѣйшаго синода"; въ 1784 г., по порученію синода, о ней доложено было императрицѣ Екатеринѣ, отъ которой послѣдовало такого рода повелѣніе: „что когда помянутая книга отъ покойной государыни императрицы запрещена, то ей такъ и остаться". Въ виду этихъ обстоятельствъ, московская ценсура вошла съ рапортомъ къ предсѣдателю совѣта, объяснивъ, между прочимъ, что ценсура не находитъ въ книгѣ Арндта ничего противнаго вѣрѣ и благочестію.

Императоръ Павелъ разрѣшилъ выпускъ этой книги.

— Замѣчательныя происшествія, черты характера и анекдоты изъ жизни знаменитѣйшихъ людей. „..... стр. 55, пять первыхъ строкъ примѣчательны, и потомъ: варвары привыкли къ королевской власти; стр. такія-то, россійскій государь Іоаннъ Васильевичъ якобы правилъ Россіею скипетромъ желѣзнымъ; стр. 248, якобы исторія о Лжедимитріяхъ сумнительна и загадна" (Донес. риж. ценс.).

— Семейныя исторіи Августа Лафонтена. „Въ книгѣ сей эмигрантъ, подъ именемъ Сенжюльена, разсказываетъ свои и своей фамилии несчастія, отъ безчеловѣчныхъ французскихъ революціонеровъ послѣдовавшія, и клонитъ нравоученіе къ тому, что несчастіями люди содѣлываются лучшими, такъ какъ и онъ, наконецъ, любовію составилъ счастливую фамилію. Но встрѣтившіяся слѣдующія мысли и выраженія показались для ценсоровъ сумнительными: стр. 85, отецъ мой довольно увѣренъ, что милость вельможи къ бѣдному гораздо опаснѣе, нежели гордость его; стр. 96, выраженія: полицмейстеръ, который, несмотря на свой чинъ, вѣрилъ добродѣтели, — предполагаетъ, что полицмейстеры добродѣтели не вѣрятъ; стр. 209, онъ самъ во время революціи такъ разсуждалъ: всѣ люди достойны уваженія, которые мыслятъ въ пользу Франціи; о, Боже! что нужды, каковымъ образомъ управлять нами будутъ, былъ бы токмо хлѣбъ и безопасность. Сіе выраженіе, кажется, обвиняетъ роялистовъ" (Донес. риж. ценс.).

— Новый переводъ Искусства любить, Овидія. (На французъ. языкѣ). Хотя сочиненія Овидіевы и считаются въ числѣ классическихъ, но его твореніе Ars amandi съ великою осторожностію было тогда читаемо, и въ руки юношества, поелику на латинскомъ языкѣ, рѣдко или никогда попасться не могло, почему переводы сей книги на живыхъ языкахъ европейскихъ пропускать сумнительно, дабы юношество не соблазнилось, ибо соблазнительныхъ мѣстъ весьма много, яко то стр. 9, о юбкахъ, стр. 12, о прельщеніи невинности въ театрахъ,

стр. 25: будьте увѣрены, что нѣтъ женщины, которой бы цѣломудріе устоять могло, только старайтесь разставлять сѣти, — прибавляя къ тому, на стр. 27-й, что страсть женщинъ гораздо сильнѣе; настойте токмо, и каждая женщина склонится на ваше угожденіе и проч. Но такъ какъ книга сія содержаніемъ и цѣлью своею всюду извѣстна, то продолженіе выписокъ ценсоры считаютъ ненужнымъ" (Донесен. риж. ценс.).

49) Всеобщая литературная газета. „Стр. 27, опасные стишки: „Не долго ждать, и маленькая искра (свобода, объясненіе ценсуры) разгорится солнцемъ, и мы, упоенные блаженствомъ боговъ, пойдемъ по стопамъ франковъ". Стр. 29, полагаетъ токмо то правительство полезнымъ и благоденственнымъ, которое имѣетъ республиканскую или репрезентантскую систему. Стр. 104, сатира на правителей гишпанскихъ и вообще на государей вѣры католической. Стр. 362, токмо духовные противоборствуютъ духу нынѣшняго времени, и ниже: но тяжба между рабствомъ и вольностію теперь (т. е. чрезъ Бонапарта) рѣшена. Стр. 434: писатель или ученый долженъ совсѣмъ забыть, въ которомъ государствѣ онъ живетъ—преопасное правило къ своеволію и бреднямъ писателей", и т. д. (Донес. риж. ценс.).

Сообщ. **Г. К. Рѣпинскій.**

Примѣчаніе. Г-жа П. Литвинова изъ гор. Глухова сообщаетъ намъ, на основаніи семейныхъ преданій и частью по фамильнымъ документамъ, нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Ѳ. О. Туманскомъ, рижскомъ ценсорѣ при императорѣ Павлѣ.

Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій воспитывался въ Геттингенѣ. Служа въ Ригѣ ценсоромъ, онъ, въ началѣ 1799 г., просился въ отставку, но былъ удержанъ на службѣ по повелѣнію императора Павла, который въ награду за его усердную службу въ званіи ценсора,—указомъ, даннымъ 28-го мая 1799 г. въ Павловскѣ,—произвелъ его въ статскіе совѣтники, «съ жалованьемъ по двѣ тысячи руб. въ годъ, включая теперь ему производимое».

«По просьбѣ вашей,—тогда же писалъ къ Туманскому князь Лопухинъ,—объ увольненіи отъ должности съ пенсіономъ, я имѣлъ щастіе докладывать государю императору. Е. И. В., зная ваше усердіе и способности и желая, чтобы вы остались въ службѣ, во изъявленіе къ вамъ монаршаго своего благоволенія, пожаловалъ васъ въ статскіе совѣтники.... Находя истинное удовольствіе доставить вамъ въ копіи о томъ высочайше данный сенату указъ, душевно радуюсь, что труды ваши удостоиваются высокомонаршаго воззрѣнія.... Кн. Лопухинъ. Мая 30-го 1799 г.».

Г-жа Литвинова высказываетъ предположеніе, что Туманскій вышелъ въ отставку въ 1800 г., но доказательствъ къ тому не приводитъ; изъ копій же съ нѣкоторыхъ бумагъ, ею доставленныхъ, можно вѣрнѣе предположить, что отставка состоялась при Александрѣ I-мъ лѣтомъ 1801 г. или въ началѣ 1802 г.

Ѳ. О. Туманскій скончался въ декабрѣ 1810 г. на хуторѣ Родіоновкѣ, близь Глухова. Г-жа Литвинова утверждаетъ, что разсказъ Августа Коцебу о томъ, будто грозный нѣкогда ценсоръ влачилъ послѣдніе годы жизни въ Ригѣ въ нищетѣ, не справедливъ; по крайней мѣрѣ, Ѳедоръ Осиповичъ, въ іюнѣ 1802 г., къ каковому времени относится помянутый разсказъ, въ Ригѣ не былъ.

Ред.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

Основаніе Харьковскаго университета.

1803—1804.

V [1]).

Есть еще письмо Василія Назаровича къ государю, помѣченное 23-мъ августа, безъ означенія года,—должно быть, 1803 года, въ промежутокъ времени между первымъ изъ вышеприведенныхъ писемъ, отъ 16-го августа, и вторымъ, отъ 12-го сентября. Въ нетерпѣніи, вѣроятно, знать, не забылъ-ли государь обѣщанія своего отвѣчать на представленіе о положеніи главнаго правленія училищъ, пошелъ онъ во дворецъ и получилъ тамъ тотъ „милостивый выговоръ", о которомъ здѣсь говорится. Привожу письмо вполнѣ:

23-го августа 1803 г.

„Благодѣтельнѣйшій государь! Примите мою глубочайшую благодарность за милостивый выговоръ, который я вчера отъ васъ получилъ, примите ее какъ дань, должную вашей добродѣтели. Вы въ одно время и наказали, и наставили меня, скажу болѣе: кто такъ, какъ вы, въ первыя минуты гнѣва, можетъ отдавать справедливость тому, что хорошаго было въ нескромномъ поступкѣ?

„Государь! предъ вами я даю обѣщаніе, что вчера я сдѣлалъ послѣднее отступленіе отъ порядка; я вижу теперь, и убѣжденъ въ томъ внутренно, что усердіе онаго не оправдываетъ. Въ одно мгновеніе вы просвѣтили меня, и до какой степени я почувствовалъ не-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 329—338; томъ XIII, стр. 61—80; томъ XIV, стр. 185—200.

сообразность нѣкоторыхъ моихъ идей, ваше величество представить не можете!.. Нельзя, напримѣръ, не улыбнуться вамъ, государь, если я донесу, что я доселѣ не понималъ, что невозможно мнѣ скрыть приходъ мой во дворецъ, и что излишнія-то предосторожности мои меня наиболѣе и выказываютъ; не понималъ я, для чего вы не позволяете мнѣ быть у васъ иногда, не взирая на рѣдкость моихъ о семъ просьбъ. Я приписывалъ это холодности гнѣву вашему, и Богъ знаетъ, какимъ, подобнымъ тому причинамъ. Я не видѣлъ, что всякой таковой шагъ давалъ бы поводъ къ толкамъ, непристойнымъ вашему истинному величію; что слѣдуетъ, или позволить человѣку ходить къ вамъ правильно и по опредѣленной должности, или не принимать его вовсе; что не можетъ быть между тѣмъ и другимъ средины.

„Мудрый государь! Простите сельскаго мечтателя. Я васъ нѣкогда не безъ намѣренія предварялъ о моемъ воспитаніи и о странностяхъ моей жизни. Мнѣ должно быть свойственно глубокое невѣжество во всемъ, что принадлежитъ до большаго свѣта, внѣ котораго я и теперь еще живу.

„Отнынѣ я буду покойнѣе въ душѣ; войду въ самые тѣсные предѣлы пристойности, и сношенія съ вами, составляющія мои надежды быть, на ряду съ другими, сколько-нибудь полезнымъ въ великомъ планѣ царства вашего, составляющіе и личное мое блаженство, стану продолжать путями обыкновенными и незазорными,—и тогда,—пусть время покажетъ есть-ли на землѣ человѣкъ, который бы любилъ васъ болѣе. Должно, однако (и смѣть-ли мнѣ надѣяться?), чтобъ вы еще разъ мнѣ повторили ваше милостивое дозволеніе, чтобъ вы симъ рѣшительно меня успокоили и дали бы поводъ въ первой бумагѣ оправдать себя, показать, что донынѣ еще нѣтъ другой моей вины передъ вами, какъ одна нескромная живость и упомянутое невѣжество, которыми объяснятся всѣ мои проступки и уничтожатся клеветы, если онѣ малѣйшее имѣли надъ вами дѣйствіе.

„Впрочемъ, что до нынѣшняго случая принадлежитъ, могли бы оправдать меня еще нѣкоторыя обстоятельства; но я совѣщусь занимать васъ болѣе. Вашего И. В. вѣчно-усердный подданный В. К.“

Много работы предстояло Каразину по возвращеніи его изъ Харькова. Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей по главному правленію училищъ, гдѣ дѣла, во время его трехъ-мѣсячнаго отсутствія, были до крайности запущены и перепутаны (какъ то читатели могли видѣть изъ вышеприведеннаго его письма къ государю отъ 16-го августа), и гдѣ онъ сталъ встрѣчать послѣ своей поѣздки безпрерывныя со стороны всѣхъ членовъ, кромѣ князя Чарторыжскаго, противурѣчія своимъ идеямъ относительно университетовъ и вообще народнаго просвѣщенія,— устрой-

ство харьковскаго его дѣтища не давало ему покоя. Изъ рапорта, поданнаго имъ Новосильцову 10-го іюня 1803 года, т. е. немедленно по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, видно, что онъ надѣялся на открытіе университета уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1803 года, и, вѣроятно, это состоялось бы, еслибъ онъ не встрѣтилъ отвсюду неожиданныхъ препятствій и еслибъ были высланы Потоцкому деньги во́-время. Видя неуспѣхъ графа за границей относительно пріобрѣтенія тамъ для Харьковскаго университета профессоровъ, онъ сталъ самъ хлопотать объ этомъ, посредствомъ переписки съ иностранными учеными. У меня хранятся письма къ нему Фихте, Гильдебрандта, Пуассона, Лабанда и другихъ европейскихъ знаменитостей, отозвавшихся весьма лестно на его призывъ ихъ въ Харьковъ. Вотъ, напр., начало письма берлинскаго натуралиста Рейха, писанное по русски; привожу съ буквальною точностію: „Берлинъ, отъ 19 августа 1803 года. Государь и другъ мой драгоцѣнный! Начинавши за нѣсколько времени научится русскому языка, я отваживаюсь къ вамъ писать по русски, однакожъ не имѣвши никакого другаго учителя кромѣ россійской грамматики и словаря. Вы прощете мнѣ погрѣшности противъ духа языка, которыя подлинно находятся въ этихъ строкахъ. Я хочу только этѣмъ нечаяннымъ нашествіемъ [1]) показать, что я весьма почитаю нынѣшняго вашего отечества, и что я для разныхъ политическихъ и ученыхъ причинъ думаю, что россійскому языка всеобщее будутъ учится, ибо нынѣшное высокославное россійское государствованіе столько сдѣлаетъ для споспѣшествованія человѣческаго благополучія и для выясненія народа своего въ художествахъ и наукахъ, что всякой человѣколюбецъ чистосердечно пожелать долженъ, что онъ самъ могъ служить орудіею такихъ исправленій и такихъ новыхъ распоряженій, которыми хвала и чести россійскаго государства найпаче будетъ умножится [2])“, и пр.; всего четыре страницы почтоваго листа бумаги большаго формата, очень красиваго, густаго почерка; оканчиваетъ на родномъ своемъ языкѣ; говоритъ, между прочимъ, что учился русскому языку по грамматикѣ Геймса и словарю Родде, а читалъ только записки с.-петербургскаго вольнаго экономическаго общества и сочиненія Сумарокова; курсъ ученья продолжалъ всего 4 недѣли; увѣдомляетъ о посылкѣ книгъ и коллекцій насѣкомыхъ и о томъ, что прочелъ въ гамбургскихъ вѣдомостяхъ, что „домъ вашъ

---

[1]) Подчеркнуто въ оригиналѣ.

[2]) Четыре года спустя, слышались за границей совсѣмъ уже иные отзывы о Россіи, что и заставило Каразина, находившагося тогда въ отставкѣ, написать къ императору Александру Павловичу бумагу, за которую просидѣлъ недѣлю на гауптвахтѣ. **Авт.**

ударило громомъ; мнѣ очень жалко, что вамъ случилось такое нещастіе, но я надѣсь и желаю, чтобъ вы не претерпѣли никакого наклада". Словомъ, видно, что германецъ любитъ и уважаетъ русскаго, къ которому пишетъ.

Озабочиваясь о томъ, чтобы къ открытію университета были готовы и слушатели лекцій, Каразинъ пріискалъ въ Харьковѣ (какъ видно изъ вышесказаннаго рапорта его Новосильцову) „около 50-ти человѣкъ годныхъ къ непосредственному поступленію студентами" (причемъ представилъ и образчики ихъ сочиненій), и просилъ, чтобъ изъ семинарій, находящихся въ губерніяхъ, составляющихъ харьковскій учебный округъ, не требовать учениковъ въ с.-петербургскую учительскую гимназію, а, по сношенію съ синодомъ, помѣщать ихъ въ Харьковскій университетъ. На имѣющейся у меня копіи съ представленія его объ этомъ министру, отъ имени Новосильцова, сдѣлана рукою Василія Назаровича слѣдующая надпись: „подъ разными видами и предлогами, представляема была къ подписанію четыре раза; въ пятый, наконецъ, соглашено написать приложенное здѣсь по сему предмету ноября"... А черновая написана въ іюнѣ. Изъ этого можно заключить, какъ не легко доставалась ему каждая министерская бумага по харьковскому дѣлу [1]).

Уѣзжая изъ Харькова, имѣлъ онъ намѣреніе выписать туда изъ Москвы или изъ Петербурга хорошихъ мастеровъ по разнымъ работамъ, потому что тамъ ощущался крайній въ нихъ недостатокъ, причинявшій остановку въ перестройкѣ университетскихъ домовъ. Въ намѣреніи этомъ утвердился онъ еще болѣе письмами, полученными изъ Харькова отъ Тимковскаго и Шишкина; они просили его помочь ихъ горю: прислать имъ руки для окончанія начатыхъ подѣлокъ, иначе они не ручались за успѣшный ходъ работъ. Взявши въ карманъ эти письма и „предначертаніе" университета, на основаніи котораго украинцы жертвовали деньги (по §§ 27 и 28 этого предначертанія ремесленники и художники могли быть вызываемы изъ разныхъ мѣстъ Россіи и чужихъ краевъ), онъ пошелъ къ Новосильцову просить разрѣшенія на наемъ въ Петербургѣ и доставку въ Харьковъ, на счетъ университетскихъ суммъ, нужныхъ мастеровъ. Новосильцовъ не согласился, говоря, что университетскія суммы, какія бы онѣ ни были, казенныя, или жертвованныя, не должны быть

---

[1]) Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что не только составленіе, но и переписка на-бѣло министерскихъ бумагъ по дѣлу Харьковскаго университета производилась самимъ Каразинымъ: почеркъ у него былъ тогда очень красивый и необыкновенно четкій. **Авт.**

употребляемы ни на что другое, кромѣ прямыхъ надобностей самаго университета, а выписку мастеровъ онъ не считаетъ въ числѣ подобныхъ надобностей. Какъ ни малологично было такое рѣшеніе, но Каразинъ долженъ былъ ему покориться и сказалъ только, что въ такомъ случаѣ ему остается нанять мастеровъ на собственный свой счетъ, что̀ онъ нѣсколько времени спустя и исполнилъ: 32 семейства лучшихъ всякаго рода мастеровъ были имъ договорены отъ собственнаго своего имени, по контрактамъ, совершеннымъ 18-го ноября 1803 г., и отправлены въ Харьковъ, на что̀ онъ употребилъ собственныхъ своихъ денегъ 9,525 р., занявъ ихъ съ большимъ трудомъ у разныхъ лицъ подъ залогъ своего имѣнія Кручикъ, которымъ онъ дорожилъ особенно потому, что тамъ лежалъ прахъ незабвеннаго его отца.

Много времени прошло послѣ возвращенія Каразина изъ Харькова, а дѣло тамошняго университета не подвинулось почти ни на сколько впередъ, несмотря на всѣ его старанія. Отношенія его по службѣ дѣлались между тѣмъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе натянутыми: министръ желалъ, очевидно, отдѣлаться отъ него, тѣмъ болѣе, что имѣлъ въ виду помѣщеніе на его мѣсто Мартынова, которому онъ покровительствовалъ, какъ учителю своихъ дѣтей. Члены правленія также его недолюбливали за его прямоту и незастѣнчивость съ ними, особливо академикъ Фусъ, который совершенно расходился съ нимъ въ мнѣніяхъ о русскихъ университетахъ и русскомъ народномъ образованіи и не могъ простить профану, не академику, бо̀льшей, чѣмъ у него самаго было, дозы познаній [1]). Испытавъ всѣ средства къ успѣшнѣйшему ходу харьковскаго дѣла и къ соглашенію на представленія, дѣлаемыя имъ по министерству народнаго просвѣщенія и не получая отвѣта на письмо свое отъ 16-го августа, Каразинъ рѣшился, наконецъ, вновь безпокоить императора. Есть у меня только отрывокъ черноваго наброска мыслей, изложенныхъ имъ на этотъ разъ передъ его величествомъ; изъ этого отрывка можно имѣть понятіе о цѣломъ, почему я и приведу его здѣсь въ доказательство, какъ трудно было сельскому мечтателю о благѣ общественномъ приспособляться къ взглядамъ столичныхъ практиковъ. Вотъ этотъ отрывокъ:

„Еще разъ испрашиваю милости, если я покажусь вамъ слишкомъ

---

[1]) Здѣсь кстати припомнить читателямъ «Рус. Стар.» разборъ, сдѣланный Фусомъ проекта Каразина о метеорологическихъ наблюденіяхъ, см. изд. 1871 г. томъ III, стр. 719—722. А надобно знать, что этотъ самый Фусъ попалъ въ члены сперва коммисіи, а потомъ главнаго правленія училищъ, и получалъ за то 2,000 р. въ годъ, сверхъ своего академическаго жалованья, по предстательству Каразина. **Авт.**

дерзновеннымъ. Ради Бога, не взыщите на мнѣ, августѣйшій государь! Я испыталъ уже всѣ другія средства; не осталось пути, которымъ бы не проходилъ я; голосъ мой раздавался какъ въ безлюдной и глухой пустынѣ, и вы теперь послѣднее мое прибѣжище.

„Въ несомнительнѣйшее доказательство, что я ничего не упустилъ изъ виду въ несчастномъ нашемъ положеніи и что не тщеславная какая-нибудь надежда или легкомысліе, но подлинно послѣдняя крайность заставила меня въ Каменно-островскомъ дворцѣ безпокоить васъ, прилагаю у сего подлинное письмо, писанное мною 14-го августа къ графу Кочубею [1]), то есть къ тому изъ государственныхъ чиновниковъ, къ которому, напослѣдокъ, одному оставалась у меня довѣренность (къ князю Чарторыжскому не могъ я прибѣгнуть, хотя, впрочемъ, глубоко и искренно его почитаю; удаленіе его чрезвычайное отъ всѣхъ постороннихъ дѣлъ не подавало мнѣ никакой надежды), письмо, писанное для него одного, но—увы! отданное Сперанскому съ словами: „развяжите меня какъ-нибудь съ симъ человѣкомъ!“ я унесъ это письмо изъ бумагъ сего послѣдняго, желая скрыть хотя памятникъ моего стыда. Я не жалуюсь на нихъ, государь! Они имѣютъ

---

[1]) Въ этомъ письмѣ по отношенію къ харьковскому дѣлу Каразинъ писалъ: «Мое начальство не сдѣлало и малѣйшаго шагу, чтобъ поддержать заведеніе университета въ Харьковѣ и духъ тамошняго дворянства и гражданъ, расположенный въ его пользу. Графъ Северинъ Осиповичъ (Потоцкій) весьма не скоро еще прибудетъ. Какъ-будто на смѣхъ живутъ тамъ пріѣхавшіе два профессора; публика начинаетъ судить обо всемъ этомъ весьма невыгодно и мѣстное начальство подаетъ къ тому поводъ. Формально не отводятъ до сихъ поръ домовъ, подъ университетъ назначенныхъ, ссылаясь на ваши, графъ, запросы, которыя выражаютъ сомнѣніе, и на недостатокъ точнаго предписанія ни объ одномъ изъ сихъ домовъ. Вы не изволили также ничего рѣшительнаго предписать, ни намъ отвѣчать объ остаточной суммѣ отъ откуповъ городскихъ съ 1783 года. Мы не имѣемъ ни свѣдѣнія о ней, ни наставленія какъ приступить къ ея собранію. Между тѣмъ, всѣ прочія суммы, по извѣстному вашему сіятельству росписанію слѣдующія къ сбору въ нынѣшнемъ году, остановились совершенно, поелику вы не изволили ничего отвѣчать предводителю на его представленіе. Изъ казны выдача шестидесятитысячной суммы отложена до будущаго года по милости графа Петра Васильевича (Завадовскаго), который заставилъ министра финансовъ представить государю, что его сіятельству было угодно (такъ кончилось все ваше благодѣтельное стараніе по сему предмету и сообщенное вами высочайшее соизволеніе!). Я многаго еще надѣялся отъ добровольныхъ взносовъ, если бы приношеніе Хорвата было сколько-нибудь ободрено; но оно обращается въ шутку, коль скоро вы еще изволите замедлить исполненіемъ вашего обѣщанія (не говорю уже о томъ, какъ я себя компрометировалъ, написавши ему объ этомъ обѣщаніи). Начатыя строенія всѣ пріостановились; принятые чиновники потеряли и духъ, и надежду, и вы изволите увидѣть, что все это кончится доносомъ на меня...» **Авт.**

свои причины и начала, по которымъ дѣйствуютъ, и которыя мнѣ не должны быть извѣстны. Можетъ быть, самая холодность къ добру доказываетъ ихъ благоразуміе; но я представляю вамъ истину какъ она есть, или, лучше сказать, чувствуя внутренно, что я заслуживаю что-нибудь лучшее убивающаго меня пренебреженія, съ которымъ меня вездѣ встрѣчаютъ; не знаю, что думать, и въ робкомъ семъ недоумѣніи предстаю напослѣдокъ престолу вашему.

„Здѣсь изволите найти нѣкоторыя изъ представленныхъ мною въ разныя времена бумагъ [1]), съ намѣреніемъ, чтобъ онѣ къ вамъ дошли. Вторая точно въ томъ состояніи, въ какомъ она была подана Николаю Николаевичу [2]), около половины декабря мѣсяца прошедшаго года. Нельзя мнѣ вѣрить, чтобъ вы читали что-нибудь изъ нихъ: вы нашли бы собственныя ваши мысли; вы бы приказали, конечно, сказать мнѣ хотя одно ласковое слово, или велѣли бы употребить сіи идеи въ составъ тогдашней моей работы (предварительныя правила народнаго просвѣщенія), въ которой едва-едва могъ я сберечь только тѣнь нѣкоторыхъ изъ нихъ, и то, конечно, самыхъ маловажнѣйшихъ.

„Съ полною увѣренностію, что я понимаю всю важность бесѣды съ великимъ государемъ, съ увѣренностію, что я не мечты, слогомъ украшенныя, хотѣлъ вамъ представить, дерзновенно отдаю написанное мною тогда, пренебреженное даже до того, что мнѣ секретарь возвратилъ, не спросясь, мою бумагу, назначенную въ ваши руки, отдаю на судъ вашего собственнаго разума, точно такъ какъ охотно отдамъ всѣ мои представленія на судъ Лагарпа, Дюмона и другихъ политиковъ Европы. Я принужденъ напослѣдокъ сказать это не изъ суетности (возможно-ли мнѣ тщеславиться передъ вами!), но отгадывая навѣрно, что хотятъ унизить, сдѣлать смѣшными даже идеи, писанныя, правда, съ жаромъ сердца, преданнаго вамъ, но съ холодною осторожностію выведенныя изъ системы незыблемой [3]) и достойныя вашего высокаго духа, поелику онѣ вашу славу и благо Россіи имѣли въ предметѣ“.

Приведенныя въ этомъ обращеніи къ императору слова Кочубея, сказанныя Сперанскому, дѣлаютъ понятною антипатію князя Салтыкова къ графу Виктору Павловичу, выраженную въ слѣдующей, хранящейся у меня, запискѣ къ Каразину:

(Съ французскаго) Ломоносовъ поручилъ мнѣ звать васъ сегодня къ нему на обѣдъ. Желалъ бы я очень, чтобъ вы не давали никому слова прежде; я заѣду за вами часа въ два. Хотѣлось бы мнѣ также, чтобъ вы имѣли какую-нибудь

---

[1]) Бумагъ этихъ у меня нѣтъ.

[2]) Новосильцову.

[3]) Зачеркнуто: «и изъ познанія Россіи, котораго они не имѣютъ».. **Авт.**

неотложную надобность къ графу Кочубею; я имѣлъ бы удовольствіе пойти вмѣстѣ съ вами къ нему. Еслибъ вы знали, чего стоитъ мнѣ этотъ визитъ, вы изъ одного состраданія помогли бы мнѣ его отбыть. Вѣдь при васъ онъ вчера пригласилъ меня: какимъ образомъ было отказаться? Если знаете средство, научите, ради Бога! Мнѣ удалось собрать еще нѣсколько денегъ для несчастнаго нашего пріятеля. Съ вашей страстью помогать ближнему, вы должны какъ-нибудь разубѣдить меня на счетъ гр. Кочубея. Я въ первый разъ къ нему ѣду и дѣлаю это съ отвращеніемъ. Послѣ скажу причины. (Подп.) Салтыковъ.

Странно, что послѣ всего этого юный кручанскій философъ не переставалъ вѣрить въ комплименты министра и обращался къ нему во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни.

Воспитанникъ Харьковскаго Университета
1820-хъ годовъ.

МИХАИЛЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ МАГНИЦКІЙ.

Новыя данныя къ его характеристикѣ.

1829—1834.

Въ „Русской Старинѣ“ были сообщены весьма любопытныя свѣдѣнія о государственной дѣятельности Магницкаго, какъ попечителя казанскаго учебнаго округа, о странныхъ и несчастныхъ распоряженіяхъ его тамъ, кончившихся удаленіемъ и ссылкою его въ Ревель, и затѣмъ намеки и сужденія, въ которыхъ онъ являлся и ханжей, и лицемѣромъ, и угодливымъ царедворцемъ, и безпокойнымъ человѣкомъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, должны мы прослѣдить жизнь и дѣятельность его и во время ссылки, о чемъ, однако, нигдѣ и никакихъ свѣдѣній не находимъ. Остановимся на эпизодахъ изъ нея, тѣмъ болѣе, что мы имѣли случай часто видѣть его и слышать о немъ въ дѣтствѣ и молодости нашей, во время ссылки его въ Ревель. Мы замѣтимъ предварительно, что отрицательныя качества его худо вяжутся съ его положительными: съ честолюбіемъ его, съ постояннымъ стремленіемъ къ своимъ цѣлямъ и съ пожирающею его дѣятельностью; изъ послѣдней скорѣе можно заключить, что онъ не чуждъ былъ своего рода доктринерства или, лучше сказать, фанатическаго догматизма.

Что онъ, впрочемъ, былъ человѣкъ умный, образованный и ловкій, объ этимъ, кажется, нѣтъ спора. Величавая его наружность, вполнѣ свѣтская походка и манеры, производили на всѣхъ, особенно на женщинъ, сильное впечатлѣніе. Внѣшняя его набожность ничѣмъ не отличалась отъ обрядностей и обычаевъ людей его круга: онъ стоялъ и держалъ себя въ церкви точно также, какъ бы случайно зашедшій туда, отъявленный, но благовоспитанный вольнодумецъ... Впрочемъ, все, касательно его наружности или внѣшняго величія, было замѣчено и другими и согласно съ статьями о немъ въ нашихъ историческихъ журналахъ. Но, какъ мы уже замѣтили, никто ни слова не

сказалъ о его дѣятельности и пребываніи въ Ревелѣ, исключая краткой замѣтки Н. Н. Мурзакевича [1]); именно пробѣлъ этотъ хотимъ мы пополнить изъ воспоминаній нашихъ.

Если не ошибаюсь, это было въ 1828 или 1829 г., когда я въ первый разъ увидѣлъ вблизи Магницкаго, удостоившаго меня, ребенка, своимъ привѣтомъ; еще раньше я слышалъ отъ старшихъ о его ссылкѣ въ нашъ городъ и о короткомъ знакомствѣ его съ соборнымъ протоіереемъ І. Ф. Нед—вымъ [2]); сынъ послѣдняго, Алексѣй, старше меня годами двумя, и съ которымъ я былъ друженъ, по молодости-ли лѣтъ, или изъ хвастовства, расписывалъ мнѣ удивительными красками Михаила Леонтьевича, что онъ чуть ни министръ, что онъ невинно страдаетъ, а за что—это тайна; что онъ чрезвычайно уменъ и другъ Сперанскаго и проч.; я слушалъ это съ дѣтскою впечатлительностію и увлеченіемъ и составилъ себѣ о Магницкомъ образъ очень важнаго и таинственнаго лица, не понимая и тщетно распрашивая, за что такихъ... хорошихъ людей ссылаютъ? такъ что, когда пришлось мнѣ съ нимъ говорить, я порядочно оробѣлъ, считая, вѣроятно, его какимъ-то высшимъ существомъ. Независимо отъ этого, успѣлъ-ли Магницкій самъ себѣ составить ореолъ, или народная молва городка, невидавшаго со временъ архіепископа Арсенія Мацѣевича именитыхъ изгнанниковъ, приписала ему таковой, но я помню, какъ въ кругу родныхъ моихъ и знакомыхъ говорили о немъ,—впрочемъ, люди не дальніе,—съ какимъ-то почтеніемъ и съ нѣкоторою таинственностію, причемъ упоминалось о примѣрномъ его благочестіи... Какъ нѣмцы о немъ думали, этого я никогда не могъ узнать, сперва недопытываясь этого, а потомъ они его забыли... Кромѣ тѣсной дружбы его съ священникомъ о. Іоанномъ, онъ былъ очень вхожъ и привязанъ къ семейству вице-губернатора, дѣйст.ст. сов. Лов—на; это былъ, по тогдашнему времени, человѣкъ либеральный, т. е. независимыхъ мнѣній, и вообще очень достойный; онъ до самой смерти своей, кажется, въ сороковыхъ годахъ, оставался вице-губернаторомъ. Почти ежедневно можно было видѣть Михаила Леонтьевича Магницкаго, гуляющимъ съ семействомъ Лов—на, жена котораго была еще не старая и довольно видная дама. Очень возможно, что Михаилъ Леонтьевичъ въ этомъ кругу натягивалъ другія струны и игралъ не столько мистика, сколько либерала.

---

[1]) Въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ XI, стр. 274.

[2]) Ѳ. В. Булгаринъ, прибывшій около того времени въ Ревель, разговорился въ винномъ погребкѣ съ однимъ русскимъ старожиломъ и острякомъ, нелюбившимъ почему-то протоіерея Н—ва, и спросилъ его, между прочимъ: что дѣлаетъ у васъ Магницкій?—«А объ этомъ надо спросить нашего епископа», былъ отвѣтъ; оказалось, что подъ епископомъ подразумѣвался отецъ І. Нед—въ.

Ч—въ.

6-го августа, въ день Преображенія, былъ храмовой праздникъ въ соборѣ; послѣ обѣдни былъ чай у настоятеля церкви о. Іоанна Нед—ва; меня пригласилъ или, вѣрнѣе сказать, привелъ туда же сынъ его; общество было небольшое и въ томъ числѣ отецъ мой и дядя (о. Нед — въ былъ старинный другъ нашего семейства); тутъ увидѣлъ я въ первый разъ вблизи знаменитаго у насъ вельможу; онъ подозвалъ меня къ себѣ, обласкалъ и началъ распрашивать: хожу-ли я въ школу, учусь-ли „по-русски и закону Божію?“ Я былъ сконфуженъ неожиданностію этою и отвѣчалъ на все односложнымъ да... и былъ весьма радъ, когда онъ, окончивъ чѣмъ-то въ родѣ наставленія, выпустилъ меня изъ своихъ объятій. Въ послѣдствіи, когда я уже былъ старше и ходилъ брать уроки французскаго языка (скорѣе конверсаціи) у гувернантки дочери того же о. Іоанна, я часто встрѣчалъ Магницкаго, но онъ уже со мною не заговаривалъ, обращаясь болѣе къ учительницѣ, которая была изъ Петербурга и особа весьма ловкая и живая. Она была имъ отъ души восхищена и увѣряла, видя, что я замѣчалъ ея радость и движенія при видѣ его, что онъ, несмотря на лѣта свои, самый пріятный изъ мужчинъ, которые только когда-либо ей встрѣчались: манеры его обворожительны, лоскъ, обходительность, языкъ, словомъ, все—самаго привлекательнаго свойства. Она, кажется, не соображала, что почтенный Михаилъ Леонтьевичъ, кромѣ небольшаго волокитства, былъ также немного дипломатъ и, искусно ей льстя и любезничая, въ тоже время надсматривалъ, какъ она себя держитъ съ молодежью.

Въ то время императоръ Николай Павловичъ обратилъ особенное вниманіе на преподаваніе русскаго языка въ Остзейскомъ краѣ; въ Ревель были присланы изъ Москвы русскіе учители въ гимназію и дворянское училище; между ними находился обрусѣвшій нѣмецъ, воспитанникъ Московскаго университета, нѣкто Андрей Ивановичъ Бюргеръ (полагаю и нынѣ еще здравствующій). Магницкій съ нимъ познакомился и уговорилъ его издавать журналъ, педагогическій, философическій и литературный, который былъ ими названъ „Радугою“.

Журналецъ этотъ—отчасти прототипъ „Маяка“ и ему подобныхъ, вовсе, впрочемъ, не имѣвшій намѣренія „водворить русскій языкъ“, но идеалы Магницкаго,—сдѣлался теперь библіографическою рѣдкостью; онъ издавался съ 1832 года, всего полторагода, въ видѣ тоненькихъ, худощавыхъ книжекъ, на удивительно жесткой, сѣроватой оберточной бумагѣ, но печать типографіи Линдфорса была удовлетворительна; цѣна за 12 такихъ книжекъ была, помнится, 15 или 16 руб. асс. въ годъ. Списокъ подписчиковъ (въ первый годъ 207, изъ нихъ

102 казен. учеб. заведенія; во второй годъ—60, также съ учебными заведеніями) печатался въ концѣ каждой книжки.

Потому-ли, что „Радуга“ была слишкомъ мало распространена и ее можно встрѣтить лишь въ рѣдкихъ библіотекахъ, или по другимъ причинамъ, но мнѣ кажется, что на нее, какъ на матеріалъ для характеристики Магницкаго и его дѣятельности, до сихъ поръ вовсе не было обращено вниманія. Между тѣмъ вся прошлая энергическая жизнь Магницкаго, всѣ его вредоносныя стремленія вполнѣ оправдываются и выясняются содержаніемъ и направленіемъ этого органа крайняго обскурантизма. Не подлежитъ сомнѣнію, что „Радуга“ должна была служить орудіемъ для распространенія ученія Магницкаго и что именно онъ, а не кто-либо другой, былъ истиннымъ основателемъ этого журнала. Что же такое былъ издатель „Радуги“, г. Бюргеръ? Послушное орудіе, преданный ученикъ въ рукахъ опытнаго наставника... Вотъ нѣсколько свѣдѣній о соиздателѣ Магницкаго.

Андрей Бюргеръ род. въ Москвѣ, 1804 г., и обучался въ тамошнемъ университетѣ философскимъ и камеральнымъ наукамъ. Въ 1828 г. онъ былъ опредѣленъ въ ревельскую гимназію на вновь учрежденную должность старшаго учителя русскаго языка. Въ 1833 г. принялъ православіе, а въ 1834 г. оставилъ гимназію и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ, взятымъ изъ „Гимназическаго учительскаго альбома“, могу присовокупить, что въ 1845 г. Бюргеръ состоялъ при балтійскомъ генералъ-губернаторѣ Головинѣ и принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи православія между эстами и латышами. Съ 1863 г., находясь на службѣ въ св. синодѣ, онъ снова появляется на литературномъ поприщѣ въ роли отвѣтственнаго редактора новой „Радуги“, издаваемой А. Кассіановымъ (псевдонимъ). Изъ этихъ біографическихъ данныхъ интересуютъ насъ особенно тѣ, изъ которыхъ усматриваемъ, что издателю „Радуги“ въ 1832-мъ году было не болѣе 28-ми лѣтъ и что онъ тогда не принадлежалъ къ православному вѣроисповѣданію. Имѣя въ виду эти два обстоятельства, мы задаемъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ въ головѣ молодаго и, прибавлю, весьма посредственнаго педагога, ничѣмъ не заявившаго свои литературныя способности, притомъ лютеранина, могла возникнуть необыкновенная мысль основать журналъ въ крайне-православномъ духѣ? И далѣе: благодаря обстоятельствамъ, въ эпоху извѣстной строгой опеки надъ журналистикой, неизвѣстному учителю и лютеранину удалось получить разрѣшеніе на изданіе русскаго (мнимо) серьезнаго, почти духовнаго,

журнала?[1]) (въ „Радугѣ" печатались также духовныя проповѣди), и что особенно интересно замѣтить, въ такомъ городѣ, гдѣ должность цензора исправлялъ чиновникъ губернскаго правленія, баронъ Россильонъ (Rossillon)[2]), лютеранинъ, весьма мало знакомый съ русскимъ языкомъ. Всѣ эти загадочные вопросы разрѣшаются не иначе, какъ предположеніемъ, что въ ту пору вліяніе Магницкаго въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ еще было достаточно сильно для исходатайствованія разрѣшенія на изданіе журнала при такихъ исключительныхъ условіяхъ.

Обратимся теперь къ „Радугѣ". Издаваемая Бюргеромъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Магницкаго, она просуществовала не полныхъ два года; ибо, явившись въ 1832 г. въ надлежащемъ объемѣ, 12 книжекъ, она съ половины 1833 года стала постепенно исчезать на ревельскомъ горизонтѣ: 6-я, 7-я и 8-я книжки уже вышли въ одной, довольно тощей по объему, а 9-я, 10-я, 11-я и 12-я были, кажется, только обѣщаны и никогда не выходили въ свѣтъ. Впрочемъ, издатель, какъ бы предчувствуя эфемерность своего изданія, въ послѣдней, 8-й, книжкѣ намекаетъ на его предстоящій конецъ.

„Избравъ названіе „Радуги",—объявляетъ онъ,—для нашего журнала, мы помнили, что „Радуга" есть весьма скоропреходящее небесное явленіе; но все она — небесное явленіе, игра небеснаго свѣта въ мимолетныхъ капелькахъ земнаго вѣденія. „Радугѣ" нашей, безъ сомнѣнія, должно было явиться, потому что она явилась. Предлагаемъ ее теперь съуженною и сокращенною: безъ сомнѣнія, и тому такъ надобно быть". Такое фаталистическое заявленіе г. Бюргеръ заключаетъ обѣщаніемъ додать остальныя 4 книжки въ началѣ будущаго 1834 года.

За исключеніемъ статей какого-то псевдонима Простодумова и нѣсколькихъ стихотвореній Грена и Бенецкаго[3]), всѣ прочія статьи въ „Радугѣ", вѣроятно не безъ причины, печатались безъ подписи авторовъ. Преобладающею въ нихъ темою служило глумленіе надъ западнымъ просвѣщеніемъ и въ особенности надъ философіей. Критическій взглядъ редакціи на литературу въ высшей степени тенденціозный и односторонній. Все это обнаруживается уже съ первой стра-

---

[1]) «Радуга» носила заглавіе: «Журналъ философіи, педагогіи и изящной литературы».

[2]) Баронъ Вильгельмъ Россильонъ родился и воспитывался въ Германіи (въ Марбургѣ, въ 1778 г.), служилъ потомъ въ австрійской кавалеріи.

[3]) Бенецкій (учитель русскаго языка въ ревельскомъ уѣздномъ училищѣ) издалъ въ Ревелѣ книжку своихъ стихотвореній: «Басни и параболы».

Ч—въ.

ницы журнала. Авторъ статьи: „Гдѣ мы ищемъ свѣта!“, отзываясь иронически о Германіи, Франціи, Англіи, упрекаетъ русскихъ, что они ожидаютъ высшаго просвѣщенія отъ Байроновъ, Шеллинговъ и Кузеній. „Долго-ли намъ,—говоритъ онъ,—еще вертѣться около французовъ и нѣмцевъ, какъ около солнца? Или мы не знаемъ, что они такія же темныя планеты, какъ и мы?“ Далѣе, называя западныя страны „очаровательными звѣздами“, авторъ увѣряетъ читателей, что „великую часть сихъ звѣздъ покрываютъ вѣроломныя тѣни съ коварными огоньками, по нихъ блуждающими, съ смертоносными испареніями“, содрагается отъ ужаса при мысли, что и „наши благословенныя поляны могутъ со временемъ засверкать такими же пагубными огоньками“ и совѣтуетъ „вырваться изъ гибельнаго обаянія“ и искать „не въ Парижѣ, Мюнхенѣ и Берлинѣ источника, откуда вытекаетъ свѣтъ жизни, а присоединить лепетаніе наше къ голосу мудрыхъ (?) отечества, которымъ прежде слѣдовать не хотѣли... Для чего намъ въ стремленіи къ чистому вѣденію всесторонней истины проходить снова всѣ пути, по коимъ шли Платонъ или Аристотель, Спиноза и Шеллингъ... Душа любомудрая! оставь изученіе мудростей человѣческихъ!“ Нельзя не пожалѣть, что авторъ приведенныхъ строкъ скрылъ отъ читателя, кого именно онъ разумѣетъ подъ словами мудрецы отечества, которымъ прежде слѣдовать не хотѣли, ужъ не самаго-ли М. Л. Магницкаго и tutti quanti? Въ статьѣ: „Голосъ надъ гробомъ Гёгеля“ любопытны заключительныя слова: „Да отпущено будетъ Гёгелю въ мірѣ вѣчномъ земное мудрованіе его и да доступна будетъ философу жизнь, которой онъ не чаялъ! но да изгладятся съ смертью его и слѣды философіи его на землѣ!“

Со 2-й книжки начинается рядъ курьезныхъ статей какого-то М. (Михаила Леонтьевича?) Простодумова, саратовскаго помѣщика, подъ заглавіемъ: Отломки отъ философскаго мозаика (sic) степнаго отшельника. Здѣсь мы встрѣчаемъ замѣчательную характеристику журнала „Радуги“:

„Радуга... завѣтъ тишины послѣ волненія умовъ, надежда безопасности послѣ всемірнаго потопа превратныхъ и возмутительныхъ ученій“, и т. д. Г. М. Простодумовъ обладаетъ энциклопедическимъ образованіемъ; онъ не только философъ, но и математикъ, астрономъ и пр. Съ сельской колокольни, на которой онъ устроилъ свою астрономическую обсерваторію, повѣдаетъ онъ читателямъ „Радуги“ такія неслыханныя истины: „Какая прибыль и что за важность открывать новыя звѣзды?“ спрашиваетъ онъ. „Скажу только, что все, что дотолѣ прочелъ я и изучилъ изъ астрономіи, показалось мнѣ какъ-то сомнительнымъ...“ По замѣчанію издателя (кн. 3-я, стр. 154), главная цѣль г. Простодумова,

„предавшагося изученію законовъ природы“, состояла въ томъ, чтобы „всѣ теоріи въ мысляхъ своихъ привести въ согласіе съ природознаніемъ, изъ св. писанія извлекаемымъ“. Издатель, съ своей стороны, поощряетъ такое похвальное занятіе слѣдующей выходкой противъ Ньютона и открытаго имъ закона притяженія: „Что за бѣда—говоритъ онъ,—если г. Простодумовъ даже докажетъ, что и планеты, и спутники ихъ движутся такъ, а не иначе, не потому, что требуетъ того законъ, который названъ закономъ притяженія, а потому, что воля Творца опредѣлитъ имъ такое движеніе, и что законъ сей, точно также, какъ и всякій другой, можетъ Имъ быть отмѣненъ, ибо не Онъ подчиненъ законамъ Своимъ, а законы Его Ему подчинены“.

Въ другой статьѣ: „Объ особенностяхъ характера европейскаго духа“ (кн. 4-я, стр. 231 и слѣд.) предлагаетъ намъ г. Простодумовъ слѣдующія выписки изъ какой-то французской книги: „Нынѣ всѣ узы расторгнуты. Человѣкъ среди общества уединенъ, одичалъ; вѣра общественная (?) исчезла; умы, сами себѣ оставленные, не знаютъ, куда дѣться и колеблятся вѣтромъ тысячи противоположныхъ направленій. Отъ сего произошелъ всеобщій безпорядокъ и какое-то страшное непостоянство въ образѣ мыслей и установленіяхъ.... Въ сердцахъ поселилась какая-то неимовѣрная тоска, скука, отвращеніе отъ жизни и ненасытимая потребность разрушенія.... И въ семъ-то хаосѣ буйства и безсмыслія утопаетъ здравый смыслъ общественный“. Далѣе г. Простодумовъ, устами все того же француза, называетъ бунтовщикомъ чуть-ли не каждаго мыслящаго человѣка. „Всѣ ученія философскія,—читаемъ мы на стр. 238 и 239,—будучи отрицательны [1]), или что̀ одно и тоже, разрушительны, имѣютъ общимъ началомъ господство человѣка; а какъ скоро человѣкъ признаетъ себя самовладыкою, то онъ тѣмъ самымъ есть уже бунтовщикъ противъ Бога и противъ всякой власти, Богомъ установленной; бунтовщикъ же только ненавидѣть можетъ, слѣдовательно, общее чувство, философскими ученіями рождаемое, есть ненависть.... Кто усомнится, взгляни на то, что дѣлали они (философы) въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ.... Какое остервененіе самыхъ звѣрскихъ страстей; какое утонченіе злобы; какія неслыханныя преступленія“.

Такою же односторонностію и безпощадностію отличаются помѣщенныя въ „Радугѣ“ статьи по педагогикѣ. Въ статьѣ: „Къ избраннымъ о воспитаніи“ неизвѣстный авторъ, соболѣзнуя о состояніи у насъ этой науки, обращается къ недостойнымъ педагогамъ съ слѣдующей грозною рѣчью: „Деревянныя сердца! оживитесь, взгляните

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

на себя! Христовой-ли вы церкви дѣти.... когда не болите (sic), видя обременяемыхъ тукомъ земнымъ, видя восполняемыхъ огнями земли— дѣтей отчизны вашей?“ Въ другой статьѣ: „О воспитаніи“ (кн. 7-я, стр. 503) утверждается, что „и Руссо, и Базедовъ, и Кампе, Шварцъ, Песталоцци, Нимейеръ и множество другихъ не понимали двоякости заповѣди Господней“, состоящей, по мнѣнію автора, въ томъ, чтобы человѣка воспитывали „во 1-хъ, на непосредственное служеніе Богу, и во 2-хъ, на служеніе Богу посредствомъ служенія ближнимъ“. Крайне любопытна также и полна экцентрическихъ разсужденій послѣдняя статья „Радуги“: „Судьба Россіи“ (1833, кн. 8-я). Здѣсь прежде всего встрѣчаемъ упрекъ Карамзину, что „онъ тосковалъ о томъ, что Россія была подъ властью татаръ“, сожалѣлъ, что „сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу“; а главное, зачѣмъ Карамзинъ увѣрялъ, что „россіяне сихъ вѣковъ въ сравненіи съ другими европейцами могли по справедливости назваться *невѣждами*“. По мнѣнію автора, совершенно иначе „смотритъ на вещи философія о Христѣ. Она не тоскуетъ о томъ, что былъ татарскій періодъ, удалившій Россію отъ Европы. Она *радуется тому*[1]), ибо видитъ, что *угнетители ея, татары, были спасителями ея отъ Европы*...[1]) Угнетеніе татарское и удаленность отъ западной Европы были, можетъ быть, величайшимъ благодѣяніемъ для Россіи, ибо сохранили въ ней чистоту вѣры Христовой.... Чтобы превзойти Европу, для этого Россія, вмѣсто сближенія съ Европою, удалялась отъ нея“. Эти поразительные афоризмы можно сравнить только съ тѣми, которые тотъ же авторъ высказываетъ далѣе о реформахъ Петра, задавшись вопросомъ: „Для чего Петръ пожертвовалъ народною личностью Россіи, снялъ съ нея національный характеръ ея, сдѣлалъ ее ученицею Европы“, авторъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, все это (искусства, знанія, ассамблеи, бритіе бороды, снятіе кафтановъ) дѣлалъ Петръ съ Россіей для того, для чего нянька вмѣстѣ съ дитятей своимъ наряжается, играетъ въ куклы и проч.; для того, для чего умный учитель одѣваетъ мысль свою въ понятія ученика своего и притворяется иногда такимъ же малодушнымъ (?), какъ и ученикъ его.... Сближеніе съ Европою нужно было совсѣмъ не для нея (Россіи), какъ обыкновенно думаютъ, а для самой Европы...“

Не стану болѣе утомлять читателя выписками изъ другихъ отдѣловъ „Радуги“, тѣмъ болѣе, что содержаніе статей—варіяціи на одну и ту же тему: гоненіе на западную цивилизацію и порицаніе русскихъ за сближеніе съ западомъ. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ изда-

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

тель, неизвѣстно съ какою цѣлью, обращается къ „членамъ православной церкви съ извѣщеніемъ“, что онъ, „согласно издавна возраставшему въ немъ желанію“, 6-го августа, присоединился къ грекороссійской церкви.

Во всемъ изданіи, если я не ошибаюсь, только два раза встрѣчается намекъ на тайнаго вдохновителя и составителя „Радуги“, М. Л. Магницкаго. Это въ книжкахъ 5-й и 6-й, на стр. 83 и 471 (1832). Какой-то г. А. Б—чъ, встрѣтившись на бульварѣ съ издателемъ, спрашиваетъ послѣдняго:

„Ну, а о смерти и погребеніи того, о которомъ М. Л. (Михаилъ Леонтьевичъ) вамъ письмо читалъ, что скажите?“

—„Ни смерти, ни погребенія не понимаю, со страхомъ думаю о завѣщаніи его, но сказать не могу ничего; Богу судить его, а не людямъ“—былъ не менѣе загадочный отвѣтъ.

Любопытно было бы знать, къ какой умершей, повидимому, выдающейся въ то время личности относились эти таинственныя слова. Въ другомъ мѣстѣ, какой-то докторъ упрекаетъ издателя, что „въ его журналѣ философія называется фиглярствомъ, а поэзія—идолопоклонствомъ, что это есть уничтоженіе, иными словами, родъ погасительства“. На этотъ упрекъ отвѣчаетъ И. (издатель) слѣдующимъ интереснымъ сообщеніемъ: „Однажды,—говоритъ онъ,—мнѣ какъ-то разсказывалъ М. Л., что когда ему также о погасительствѣ говорили, то онъ (М. Л.) отвѣчалъ: вы сами обвиняете ваше просвѣщеніе, говоря о погасительствѣ; стало быть, оно не истинный свѣтъ, если можетъ быть погашено; попробуйте-ка погасить солнце....“

Что касается до сожалѣнія Н. Н. Мурзакевича (см. въ „Русской Старинѣ“, томъ XI, стр. 274), что „Радуга“ не водворила въ Ревелѣ русскаго языкознанія“, то, судя по исключительному характеру содержанія журнала, едва-ли издатель его когда-либо задавался такой цѣлью. Лучшимъ свидѣтельствомъ равнодушія нѣмцевъ къ „Радугѣ“ можетъ служить ограниченное число ея (12) подписчиковъ въ Ревелѣ, между которыми мы встрѣчаемъ нѣсколько русскихъ офиціальныхъ лицъ, но не находимъ даже того учебнаго заведенія, въ которомъ г. Бюргеръ состоялъ преподавателемъ.

Около 1832 г., или немного ранѣе, издалъ Магницкій въ Москвѣ, подъ буквами К-ц-ы-г-м- „Историческій альманахъ“; мы приписываемъ ему это изданіе потому, что въ послѣдней за 1832 годъ книжкѣ „Радуги“ издатель ея выставляетъ альманахъ этотъ, по поводу восхваленія своего „рѣдкой книги“ г. Соснина: „О нетлѣніи св. мощей“, въ числѣ отрадныхъ и „освѣжающихъ“ сочиненій, причемъ обзываетъ всю „нынѣшнюю“ (т. е. свѣтскую) русскую литературу назв. „романной и

самохвально глумящей" [1]). Въ одной изъ статеекъ этого альманаха силится Магницкій доказать, что производство словенъ или славянъ отъ „слова" не можетъ имѣть мѣста, „ибо—говоритъ онъ—невѣроятно, чтобы народъ въ зачатіи своемъ болѣе думалъ о грамматикѣ (sic!), чѣмъ о славѣ, не подозрѣвая, что оба названія одного и того же корня". „Слово о полку Игоревомъ" можетъ называться и „Слава о полку" и т. д., соотвѣтствуя греческому „эпосъ".

Сообщивъ выписки изъ „Радуги", съ цѣлью ознакомленія читателя съ ея духомъ и направленіемъ, мы достаточно показали, что ни несчастіе, ни ссылка не были въ состояніи измѣнить натуры „погасителя" Магницкаго, и что лишенный возможности распространять свои убѣжденія практическимъ способомъ, онъ обратился къ теоретическому, въ видахъ чего и былъ имъ основанъ журналъ, какъ орудіе пропаганды. Что же касается участія г. Бюргера въ изданіи этого журнала, то оно было только случайное, хотя и необходимое, какъ офиціальная фирма. Г. Бюргеръ былъ первою жертвою проповѣди Магницкаго въ Ревелѣ, и преданнымъ адептомъ фанатическаго ученія, какъ это видно изъ его позднѣйшей дѣятельности въ качествѣ редактора возобновленной „Радуги" въ 1863—1865 гг.

Подчиненіе вліянію безспорно талантливой и энергичной личности Магницкаго обрусѣвшаго нѣмца можно себѣ кое-какъ объяснить; гораздо поразительнѣе былъ другой подвигъ прозелитизма Магницкаго въ Ревелѣ, обнаружившійся на почтенной и выдающейся въ то время личности протоіерея І. Н—ва. Къ этому печальному случаю, какъ нельзя вѣрнѣе, примѣняются слова, приписываемыя Сперанскому и сказанныя по поводу ссылки Магницкаго въ Ревель.

— Какъ можно посылать Магницкаго въ Ревель! Туда ѣздятъ за здоровьемъ, а онъ присутствіемъ своимъ и воздухъ заразитъ.

Вскорѣ по сближеніи Магницкаго съ протоіереемъ Н., совершился въ этомъ послѣднемъ нравственный переворотъ: просвѣщенный (онъ былъ воспитанникъ С.-Петербургской духовной академіи), гуманный и

---

[1]) Между прочимъ, вотъ что говоритъ г. Бюргеръ: «Не новаго, не необыкновеннаго искали мы въ рѣдкой книгѣ г. Соснина, а именно того, что въ ней заключается, того, что въ наше время ищутъ многіе на западѣ и даже Стеффенсы, Гѣрресы и пр. искали—одушевительной вѣсти отъ Іерусалима, превышеестественнаго, искали вѣсти новой о старой, о вѣчной истинѣ, вѣсти, которой подобныхъ такъ мало слышится въ нынѣшней романной литературѣ русской, которой подобныхъ, кромѣ освѣжающаго духъ журнала «Христіанское Чтеніе», кромѣ альманаховъ, изданныхъ покойнымъ Мансветовымъ, Историческаго альманаха, изданнаго въ Москвѣ г. Кцыгм, 3-хъ статей, украсившихъ въ 1832 г. журналъ «Сынъ Отечества», именно того же Соснина и пр., нигдѣ не найдешь» и т. п.

Ч—въ.

всѣми любимый пастырь церкви, внезапно превратился въ какого-то фанатика-аскета и даже сталъ обнаруживать признаки умопомѣшательства. Такъ напримѣръ, разсказывали, что, желая подражать жизни св. апостоловъ, онъ однажды вздумалъ отправиться въ столицу въ зимнее время пѣшимъ и босымъ (per pedes apostolorum). Считаемъ не лишнимъ остановиться на этой личности подробнѣе.

Иванъ Филиповичъ Нед—въ былъ уроженецъ Владимірской губерніи и сынъ священника. Въ 1816 или 1817 году былъ онъ опредѣленъ настоятелемъ въ Ревелѣ Николаевской церкви, которую онъ всю перестроилъ, и изъ древней, крошечной, превратилъ въ довольно обширную и благообразную. Вскорѣ лишился онъ обожаемой своей молодой и красивой жены, умершей отъ чахотки, и оставившей ему двоихъ дѣтей. Въ 1826 или 1827 году былъ онъ переведенъ, въ санѣ протоіерея и благочиннаго, въ Преображенскій соборъ, гдѣ также его усердіемъ предприняты были большія поправки и обновленія; много труда и непріятностей стоили ему надзоръ и руководство по этому строенію: дѣланы были ошибки, явились недочеты или частый недостатокъ денегъ; какъ человѣкъ умный, онъ имѣлъ также враговъ... короче, заботы эти одолѣвали его и подѣйствовали на его здоровье. Не только русскіе любили и чтили его, но онъ былъ также въ большомъ уваженіи у нѣмцевъ; прекрасной наружности, съ приличными манерами, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ священникомъ, хотя иногда и бывалъ черезъ-чуръ строгимъ къ постановленіямъ и обычаямъ церкви [1]. Не менѣе уважаемый, очень ученый и извѣстный нѣмецкій проповѣдникъ (подчасъ à la Abraham S-ta Clara), пасторъ и суперинтендентъ Мейеръ, искалъ его знакомства; одинъ, не разумѣя по-русски, другой—по-нѣмецки, изъяснялись они по-латинѣ.

Въ то время Ревель посѣщался знатнѣйшими лицами, преимущественно изъ Петербурга, для пользованія морскими водами; скромная квартира И. Ф. Н—ва часто служила средоточіемъ пріѣзжей и мѣстной знати; то были семейства Новосильцовыхъ, Дивовыхъ, Спафарьевыхъ, Шерманъ и другихъ, фамиліи которыхъ не упомню. Особенно дамы его любили. Не мудрено, что и Магницкій скоро съ нимъ сошелся и былъ почти ежедневный его гость; обыкновенно сидѣли они вдвоемъ въ кабинетѣ, окна котораго были плотно завѣшаны и потому совершенно бы темнаго, еслибъ не небольшая лам

[1]) Что доказываетъ, напр., слѣдующій маленькій случай. Очень порядочная русская-нѣмка, по окончаніи обѣдни, подошла ко кресту; «перекреститесь сперва», сказалъ ей о. Іоаннъ; та хочетъ это исполнить, но рука въ перчаткахъ, онъ заставилъ ее — сконфуженную — при всей публикѣ, снять перчатку и потомъ ужъ дозволилъ ей приложиться. Ч—въ.

падочка на столѣ, заваленномъ книгами и бумагами, чуть-чуть ни освѣщала его; дверь въ комнату эту постоянно была заперта; занимаясь и болтая съ дѣтьми о. Іоанна, я съ любопытствомъ заглядывалъ въ кабинетъ, когда дверь отворялась, и, не знаю почему, вовсе не находилъ страннымъ, что въ темнотѣ бесѣдуютъ столь почтенныя лица, и думалъ, что для этого вовсе не нужно свѣта... На самомъ дѣлѣ привычка эта была очень странна, и ужъ не знаю, чьего изобрѣтенія; свѣту ровно на столько было, чтобы видѣть стаканъ чаю и понюхать табаку (они оба нюхали); свѣтобоязнь что-ли это, или мистическія разсужденія того требовали?

Популярность въ тѣсномъ смыслѣ о. Нед — ва уменьшилась съ поступленіемъ его въ соборъ, совпавшимъ съ прибытіемъ въ Ревель Магницкаго. Безъ сомнѣнія, безпокойный и, какъ говоритъ Н. Н. Мурзакевичъ, всегда увлекавшійся Михаилъ Леонтьевичъ сильно вліялъ на строго благочестиваго и честнаго пастыря, который, какъ и многіе духовные, былъ склоненъ къ мистицизму,—не находя иначе отвѣтовъ на многіе вопросы и боясь, какъ огня, мало-мальски свободнаго къ нимъ отношенія.

Наступилъ роковой, холерный годъ — 1831-й; все населеніе было чрезвычайно возбуждено, болѣзнь эту считали равной самой чумѣ; можно сказать, что всѣ взрослые находились въ паникѣ, только мы, дѣти, продолжали (безъ малѣйшаго вреда) исправно поглощать запретный плодъ: яблоки и ягоды. Простой народъ также дурачился какъ вездѣ, чухны даже выдумали такую штуку, что это-молъ не поляки сыплютъ ядъ, а богатые, зачѣмъ? затѣмъ, что народъ очень ужъ нарождается и оттого хлѣбъ дорожаетъ, то и надо поуменьшить это стремленіе, чтобы самимъ легче жить можно было. Въ такое-то тяжелое время, совершенно неожиданно, умный, осторожный и вмѣстѣ съ тѣмъ обходительный и ласковый о. Іоаннъ явился въ сильно возбужденномъ состояніи, мрачнымъ и грознымъ. Ему почудилось, что наступаетъ послѣднее время, что надо молиться и каяться въ грѣхахъ. Бѣда, гдѣ онъ, бывало, увидитъ свѣтскую книгу, особенно романъ; разъ вошелъ онъ въ домъ, гдѣ жило нѣсколько молодыхъ людей и увидѣлъ на столѣ невиннѣйшаго „Ивана Выжигина". Боже, какъ онъ вспылилъ: онъ швырнулъ книгу со стола и началъ грозную рѣчь противъ романовъ: „такое-ли теперь время, чтобы читать развратныя сказки, когда надо денно и нощно молиться и когда смерть виситъ на волоскѣ надъ каждымъ изъ насъ"! Окружающіе остолбенѣли и со страхомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на него; разумѣется, никто не противорѣчилъ. Вѣроятно, такихъ сценъ была не одна [1]) и конч-

[1]) Такъ, наговорилъ онъ въ подобномъ родѣ и напугалъ семейство генерала Спа—ва, которое обратилось къ священнику о. Пен—скому за совѣтомъ, что

лось тѣмъ, что о. Нед—въ совершенно спятилъ съума или впалъ, какъ нѣкоторые утверждали, въ сильнѣйшую нервную горячку. Какъ смотрѣлъ на это и что дѣлалъ для него другъ его Магницкій, о томъ ничего не было слышно, даже его не было видно, и, кажется, онъ на время холеры выѣхалъ за городъ. Описываемый нами случай совершился, однако, не въ самый разгаръ холеры (конецъ іюля и августа), но при уменьшеніи эпидеміи и осенью; затѣмъ, въ концѣ октября отвезли несчастнаго о. Іоанна связаннымъ въ Петербургъ.

Въ послѣдствіи онъ совершенно выздоровѣлъ и, при посредствѣ своихъ связей, получилъ видное мѣсто священника и законоучителя въ одномъ изъ первыхъ дѣвичьихъ институтовъ столицы. Онъ уже давно умеръ.

Послѣ того видѣли Магницкаго также невозмутимо спокойнымъ и важнымъ, какъ всегда; онъ былъ по прежнему домашнимъ другомъ Лов—новъ, но уже не вліялъ болѣе ни на одного духовнаго.

Преемникъ Ивана Филипповича Нед—ва, бывшій священникъ Николаевской церкви, о. Стефанъ Пен—скій, былъ человѣкъ другаго закала и всего менѣе идеалистъ.

Любопытно знать, подвергся-ли и чьему вліянію о. Нед—въ, дойдя до степени изступленія? Въ городѣ,—русскіе почти всѣ, особенно женщины, которымъ нельзя отказать въ проницательности въ житейскихъ дѣлахъ,—настойчиво говорили: „это Магницкій его съума свелъ!..“ Нѣмцы говорили просто, что онъ съума сошелъ! Повидимому, никакой горячки не было. Также страху въ виду холеры нельзя приписать то слишкомъ возбужденное состояніе, ибо боязнь ея оказываетъ скорѣе обезсиливающее, обезкураживающее дѣйствіе... чему примѣромъ служитъ множество ея жертвъ. Мы не имѣемъ другаго выхода, какъ повѣривъ на этотъ разъ народному голосу, прямо или косвенно обвинившему Магницкаго въ томъ, что онъ пагубно повліялъ на достойнаго пастыря. Дѣйствительно, до знакомства съ Магницкимъ, И. Ф. Нед—въ ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ, образованныхъ и дѣльныхъ священниковъ, хотя вслѣдствіе своего односторонняго, схоластическаго воспитанія могъ искать разрѣшенія многихъ вопросовъ въ мистикѣ и піэтизмѣ, игнорируя всякую мірскую науку, какъ тщету и ложь [1]). Съ такою-то мистическою подкладкой (сильные умы именно

имъ дѣлать? «Живите, какъ всегда жили, — отвѣчалъ имъ умный пастырь,— и не обращайте большаго вниманія на подобныя рѣчи».

[1]) Я знаю одинъ случай, нѣсколько характеризующій его: онъ усильно выпросилъ разъ у одного знакомаго «Мессіаду Клопштока» для прочтенія; отдавая назадъ книгу, онъ замѣтилъ, что она хороша, только не всякому слѣдуетъ ее читать... какъ-будто Клопштокъ написалъ ее для однихъ духовныхъ!

Ч—въ.

и подвержены сомнѣнію или заблужденію) подвергнулся онъ сильной діалектикѣ и догматизму Магницкаго, искушеннаго уже въ теософическихъ бредняхъ. Его даръ слова, постоянство въ мышленіи и, можетъ быть, также ореолъ мученика, яко бы пострадавшаго за правду, не преминули произвести сильное дѣйствіе на человѣка, далеко не дюжиннаго, какимъ былъ от. Н—въ.

Главною темою ихъ бесѣдъ, надо полагать, было: превратности, несовершенство и временное бытіе сего міра, вредъ отъ наукъ, боязнь знанія или просвѣщенія и положеніе ему предѣла, и единое спасеніе въ отрицаніи индивидуализма и въ религіи откровенія, односторонне понимаемой. „Натурѣ каждаго догматизма,—говоритъ одинъ извѣстный писатель [1]),—сродно потуда желать и подвигать прогрессъ, покуда не рѣшится побѣда его воззрѣній, но какъ скоро культура готовится перейти этотъ предѣлъ, становится онъ непримиримѣйшимъ ея врагомъ. Печальную эту истину доказываетъ намъ исторія церкви".

Программа такого міровоззрѣнія—„до сихъ поръ и не дальше"—была начертана и оказалась въ распоряженіяхъ Магницкаго въ бытность его попечителемъ Казанскаго университета, который хотѣлъ онъ превратить въ родъ семинаріи; дѣятельность его и самоволіе на этомъ поприщѣ и печальные ихъ результаты извѣстны достаточно и сказано о нихъ подробно въ своемъ мѣстѣ. Но не слѣдуетъ еще изъ этого представлять Магницкаго ханжою, лицемѣромъ, еще менѣе, мартинистомъ, уже потому, кажется, что основатель этой—если угодно—секты былъ ученнѣйшій человѣкъ, любилъ науки и никогда не думалъ ихъ преслѣдовать. Если и были въ Россіи мартинисты, каковы Новиковъ, отчасти самъ Сперанскій, князь А. Н. Голицынъ и другіе, то между ними и Магницкимъ съ его согласниками существуетъ большая разница. Магницкій, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, былъ, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ обскурантъ и ретроградъ, и тѣмъ болѣе упорнымъ, что былъ прежде либералъ, а потому, какъ всѣ ренегаты, явился самымъ неукротимымъ „погасителемъ", до того, что фамилія его обратилась еще при жизни въ бранное слово; таковымъ пребудетъ она въ Россіи до тѣхъ поръ, пока не заглохнетъ мысль и не умолкнетъ живое слово, будящія ее къ развитію.

Ревель. Сообщ. Ч—въ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ.

Матеріалы для его біографіи.

1820 — 1871[1]).

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову.

17-го марта 1841 г.

...Пунктъ, на которомъ мы никогда не сойдемся — это наши мнѣнія о нѣмецкой музыкѣ. Я могу только изумляться, какъ твое музыкальное чувство рѣшительно молчитъ при истинно-поэтическихъ красотахъ нѣкоторыхъ изъ нѣмцевъ. Ты, впрочемъ, еще довольно худо меня знаешь, если думаешь, что я отъявленный, исключительный приверженецъ всего нѣмецкаго въ музыкѣ! Мнѣ обидно, когда ты поминутно величаешь меня нѣмцемъ! En musique on doit être cosmopolite[2])! Это твоя фраза, но я, можетъ быть, болѣе ей слѣдую, нежели даже ты. Не вѣришь, такъ я тебѣ докажу самыми простыми фактами: кто, напримѣръ, изъ всѣхъ композиторовъ, старыхъ и новыхъ, est le favori de mon âme[3])? Конечно Мейерберъ. А онъ кто? Итальянецъ или нѣмецъ? Скажи откровенно, ты задумался? Вотъ именно за это я его смертельно люблю, что онъ не нѣмецъ, да и не итальянецъ! Онъ (какъ ты, кажется, уже отъ меня и слышалъ, да и самъ это давно знаешь) сотворилъ новую школу въ музыкѣ,—школу XIX столѣтія, школу эклектическую, которая, по самому существу своему, выше тѣхъ двухъ, которыя въ ней слились; она, какъ tous les êtres chéris de la nature[4]),

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 587—602; томъ XIV. стр. 328—338.

[2]) Въ музыкѣ надо быть космополитомъ.

[3]) Фаворитъ моей души.

[4]) Какъ всѣ существа, любимыя природой.

заимствовала все лучшее отъ своихъ родителей, и, стало быть, превзошла ихъ въ истинной красотѣ. Въ ней нѣтъ сухой, нелѣпой бѣготни, нѣтъ утомительныхъ и ни къ чему не ведущихъ модуляцій съ безпрерывнымъ повтореніемъ одной и той же мелодіи (а иногда и вовсе безъ таковой), нѣтъ раздирающихъ уши скопленій самыхъ вычурныхъ диссонансовъ, нѣтъ глупаго педантизма или щегольства глубокими познаніями въ наукѣ гармоніи, вообще нѣтъ всего того, за что ты не терпишь нѣмцевъ; за то въ ней (т. е. въ эклектической школѣ) нѣтъ конфетной сладости въ аккомпаниментѣ, ребяческой слабости въ инструментовкѣ, надоѣдающаго однообразія самыхъ пошлыхъ финаловъ, наконецъ, и это важнѣе всего—особенной рутины въ сочиненіи оперъ, которая обнаруживаетъ отсутствіе всякаго понятія о настоящемъ драматизмѣ въ музыкѣ, однимъ словомъ, нѣтъ того, за что я не могу любить итальянцевъ. У Мейербера мотивы не уступятъ россиніевскимъ въ пріятности, величіи и во всемъ, что тебѣ угодно (съ маленькой прибавкой того: qu'ils sont tout à fait appropriés au sujet [1]), чего у Россини нигдѣ нѣтъ, кромѣ его „Вильгельма Телля"), сверхъ того обдѣланы въ гармоніи и инструментовкѣ съ веберовскимъ глубокомысліемъ. Ты и на это не соглашаешься, давишныя мои выраженія кажутся тебѣ слишкомъ оскорбительными для твоихъ фаворитовъ? Разберемъ подробнѣе, и ты, можетъ быть, убѣдишься въ справедливости моихъ рѣзкихъ фразъ, (а потомъ je vous donnerai un démenti de votre propre opinion [2]).

Начнемъ съ увертюръ. Возьми ты любую россиніевскую (исключая „Вильгельма Телля", о которомъ suo loco), что ты найдешь? Два-три, иногда четыре самые пріятные мотива, которые, конечно, очень ловко между собою слиты и перемѣшаны блестящими (почти ничего не выражающими) выходками полнаго оркестра, съ разбросанными аккордами въ басу, эти выходки, по большей части „en mouvement d'une marche [3]), потомъ самый громкій, оглушающій финалъ. Вотъ и все — vous n'êtes pas plus loin [4]), какъ когда ты сѣлъ, чтобъ слушать оперу; т. е. видно, что всякая изъ этихъ увертюръ написана для того, что въ оперѣ нужна увертюра, а нисколько не служитъ настоящимъ преддверіемъ къ величественному зданію оперы, нисколько не приготовляетъ слушателя къ будущимъ музыкальнымъ впечатлѣніямъ, не знакомитъ съ характеромъ поэтическаго созданія, не заставляетъ мысленно переноситься за таинственную завѣсу, чтобъ

[1]) Что они совершенно приходятся по сюжету.
[2]) Я тебѣ дамъ доказательства противъ собственнаго твоего мнѣнія.
[3]) Въ маршеобразномъ ритмѣ.
[4]) Дальше ты не подвинулся.

получить un avant-goût [1]) будущихъ красотъ, которыя обѣщаетъ громкое названіе и полу-извѣстный сюжетъ оперы! Самое ясное доказательство того, что для Россини сюжетъ nihil—увертюра „Севильскаго цирульника" (опера-буффы), которую онъ цѣликомъ переписалъ для другой своей оперы (opera seria) „Elisabetta d'Inghiltera"! Сюжеты этихъ двухъ пьесъ также похожи, „wie ein Krebs dem Vogel Straus!" Parlez moi après ça, de votre Rossini, comme auteur de conceptions dramatiques! [2]) Мотивы его увертюръ прелестны,—слова нѣтъ,—ласкаютъ ухо, трогаютъ чувство, даже западаютъ въ душу, но въ совершенномъ разъединеніи съ сюжетомъ. Они у него служатъ и для бѣшеной ревности Отелло (а какой бы это могъ быть сюжетъ для настоящей драматической музыки!) и для страданій горделивой царицы Вавилонской, и для Танкреда, и для плута Фигаро́, да что и говорить. Надобно, сверхъ того, замѣтить, что они, по бо́льшей части, такъ другъ на друга похожи, что начнешь мурлыкать одинъ мотивъ, и вдругъ невольно съѣдешь на другой (т. е. изъ другой оперы), въ полной увѣренности, что звуки слѣдуютъ правильно. Ты мнѣ выписалъ изъ россиніева „Moïse" переходъ чрезъ Красное море, какъ примѣръ величественнаго въ музыкѣ. У меня есть для фортепьяно въ 2 руки вся эта опера (и да будетъ сказано мимоходомъ, и вовсе не въ комплиментъ, ты переложилъ несравненно полнѣе и лучше, нежели въ печатныхъ нотахъ, но жаль, что ты надъ этимъ трудился: это звучная, блестящая музыка, но все-таки не по сюжету, (котораго, en parenthèses, вовсе не должно было избирать для оперы). Для Россини ce sujet est trop sérieux, trop grandiose [3]). Теперь, le démenti: развѣ ты никогда не восхищался симфоніями Бетховена, никогда не приходилъ въ extase отъ безсмертнаго Erlkönig'a, а вѣдь Бетховенъ и Францъ Шубертъ, я думаю, не итальянцы? Обращаюсь опять къ разбору: по увертюрамъ Россини можно вполнѣ судить и о цѣлыхъ его операхъ, съ такимъ дополненіемъ, что его оперы сами по себѣ должны быть нѣсколько хуже увертюръ (въ отношеніи къ драматизму) потому, что онъ въ нихъ долженъ былъ ласкать самолюбіе, то того primo tenore, то такой-то prima donna, т. е. доставлять имъ, au dépens de la véritable musique [4]), какъ возможно болѣе случаевъ блеснуть серебристыми руладами, которыя на самомъ-то дѣлѣ только вредятъ au mouvement de l'opéra [5]).

---

[1]) Предвкушеніе.

[2]) Какъ ракъ на страуса (нѣмецкая поговорка). Говори мнѣ еще послѣ этого про своего Россини, какъ автора драматическихъ созданій.

[3]) Этотъ сюжетъ слишкомъ серьезенъ, слишкомъ грандіозенъ.

[4]) Въ ущербъ настоящей музыкѣ.

[5]) Движенію оперы.

Но все это я готовъ простить Россини за его „Вильгельма Телля“. Это музыка, а не обыкновенная итальянская болтовня. Тутъ я люблю Россини, именно за то, что онъ нисколько не похожъ на „Россини обыкновеннаго“. А кто совершилъ такое чудное обращенie итальянскаго maestro на пусь истинный? я думаю, просто благотворное вліяніе нѣмецкой школы. И какая чудно-прелестная вышла амальгама, почти мейерберовская! Прислушайся къ увертюрѣ этой оперы—ты ее помнишь? не правда-ли, что это чистая живопись? вся Швейцарія съ своими ледниками, озерами, бурями,—передъ тобой. Умное серьезное соло 4-хъ віолончелей (въ самомъ началѣ увертюры) съ первыхъ нотъ мгновенно заставляетъ тебя разгадать нѣсколько унылое расположеніе духа честныхъ страждущихъ швейцарцевъ. Потомъ буря—потомъ ясный день надъ восхитительною пастушескою природою (solo du hautbois avec accomp. du flageolet en petites notes [1]), потомъ рѣзкая военная музыка: австрійскіе полки—полный разгулъ шумной фантазіи Россини. Это мастерская и самая блестящая увертюра—да главное, прекрасна тѣмъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ богатому сюжету. И въ цѣлой оперѣ характеръ выдержанъ: та же живописность, то же быстрое драматическое движеніе, la même entente des situations [2]), однимъ словомъ, превосходно! За „Вильгельма Телля“ не грѣхъ назвать Россини великимъ, но только за одного „Вильгельма Телля“. Прочія его оперы милы, усладительны—и только.

О Беллини почти не стóитъ распространяться—это тусклое отраженіе Россини, voilé d'une teinte mélancolique et larmoyante [3]); тотъ же свѣжій, итальянскій колоритъ въ мотивахъ, но всѣ слабыя стороны оперъ итальянскихъ у Беллини несравненно замѣтнѣе, отъ недостатка оригинальности и разнообразія. Досадно подумать, что „Ромео и Юлія“ Шекспира могли, хотя издали, служить канвой для такой жалкой музыки, какъ „I Capuletti e i Montecchi“: наборъ милыхъ мотивовъ, которые слѣплены между собою Богъ знаетъ какъ,—развѣ это опера? И эти несносные финалы! Въ цѣлой оперѣ, по моему, одно удачно обдѣланное мѣсто; это хоръ въ концѣ 1-го акта, ты знаешь (нотный примѣръ). Но то-ли бы вышло изъ того мотива у Мейербера? „Норма“ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше, но тоже со всѣми итальянскими пустяками и съ весьма однообразной инструментовкой. Впрочемъ, эта опера для Беллини тоже, что „Вильгельмъ Телль“ для Россини—это его chef d'oeuvre. И послѣ „Вильгельма Телля“ я ее люблю одну изъ всѣхъ итальянскихъ оперъ.

---

[1]) Соло гобоя съ аккомпаниментомъ флажолета маленькими нотками.

[2]) Тоже пониманіе положеній.

[3]) Прикрытый меланхолическимъ и слезливымъ оттѣнкомъ.

Теперь о нѣмцахъ. Какъ жаль, что ты ихъ совсѣмъ не знаешь, или не хочешь ихъ знать! Разумѣется, не нужно уважать или любить всего, что носитъ на себѣ типъ нѣмецкаго. Я, кажется, совершенно безпристрастно высказалъ и ихъ, по моему мнѣнію, слабыя стороны и великія, важныя заблужденія. Но ты ужъ просто ничего и слушать не хочешь! Вспомни, что любимая арія, son air de prédilection — божественной Росси — арія Агаты изъ „Фрейшюца". А „Фрейшюца", я думаю, не итальянецъ писалъ, и какой это чудный мотивъ (нотный примѣръ изъ Allegro этой аріи). За него почти можно отдать всего Россини, даже съ „Вильгельмомъ Теллемъ". Я увѣренъ, что ты не любишь „Фрейшюца" только отъ того, что ты его худо знаешь. Эта опера нисколько не хуже „Роберта" и „Гугенотовъ", даже, если хочешь, это одинъ вкусъ, только въ меньшемъ развитіи, въ болѣе простомъ видѣ. И что за увертюра!! Боже мой, что за увертюра! Лучше ея нѣтъ на свѣтѣ ни одной увертюры [1]). Но о ней я надѣюсь когда-нибудь поговорить съ тобой по-подробнѣе; впрочемъ, желалъ бы, чтобъ ты прежде самъ познакомился съ „Фрейшюцемъ",—а то ты меня не поймешь, тонкости тебѣ будутъ недоступны, и ты сочтешь мой панегирикъ какимъ-то бредомъ. Нѣтъ, другъ мой, не хули нѣмцевъ, не узнавши ихъ какъ должно, нѣмецкая музыка современемъ откроетъ тебѣ такія стороны въ божественномъ искусствѣ, какихъ ты и не подозрѣваешь. Я даже не удивляюсь, что ты не любишь нѣмцевъ: всему придетъ время — я тоже долженъ сознаться, можетъ быть, къ стыду своему, что я еще совершенно не понимаю Моцартова „Донъ-Жуана", а, быть можетъ, когда-нибудь я буду съ ума сходить отъ этой оперы. Читалъ-ли ты статью Гофмана о „Донъ-Жуанѣ" въ „Phantasie-Stücke in Callot's Manier"? Если нѣтъ, то прочитай, и тогда будешь доискиваться въ этой оперѣ какихъ-то особенныхъ таинственныхъ красотъ, которыя до сихъ поръ, къ несчастію, мнѣ недоступны. Можетъ быть, это вліяніе нынѣшняго направленія музыки. Если такъ, то первый композиторъ въ мірѣ нынѣ все-таки Мейерберъ! Но умоляю тебя, изучай нѣмцевъ — хоть en petit, и чтобъ заманить тебя, предлагаю тебѣ взять „Adélaide de Beethoven, transcrite par Liszt", — противъ чаянія ты тутъ найдешь неизсякаемый источникъ самой чистой мелодіи. Вотъ какъ начинается этотъ романсъ (нотный примѣръ). Что за ангельская простота! Если это не настоящая музыка?.. Возьми и разучи хорошенько, да будетъ это первымъ шагомъ твоимъ къ обращенію на путь истинный.

---

[1]) Увертюръ Бетховена А. Н. Сѣровъ въ то время еще не зналъ, а другія, всѣ лучшія увертюры новаго времени еще не существовали въ то время, т. е. въ 1841 году. В. С.

Въ доказательство же того, что я вовсе не врагъ итальянской музыки, я недавно переложилъ для віолончеля une petite romance de Rossini съ прибавкой собственной интродукціи. Но о всемъ suo loco. A. S.

15-го апрѣля 1841 г.

Ты долженъ знать, что я имѣлъ счастіе слышать „божественную“ два раза лишнихъ противъ другихъ, т. е. на двухъ репетиціяхъ концерта аматеровъ. Что тебѣ сказать о впечатлѣніяхъ, которыя я вынесъ изъ этихъ репетицій и концерта? Просто восклицать: „превосходно, неподражаемо“ и т. д. было бы слишкомъ пошло, расписывать всѣ оттѣнки совершенствъ и достоинствъ первой нынѣ въ мірѣ пѣвицы было бы слишкомъ изысканно и, можетъ быть, не по моимъ силамъ. Нѣтъ, я скажу тебѣ (по привычкѣ переливать въ тебя всю мою душу, иногда aux dépens твоего обо мнѣ понятія) нѣкоторыя самыя откровенныя мои мысли, au risque испугать тебя съ перваго слова. А именно: я нынѣшній разъ не такъ былъ удовлетворенъ (vous me pardonnerez cette expression peut-étre trop naïve)[1]) восхитительной,— какъ въ тѣ концерты, особенно какъ во время безсмертной и незабвенной для меня ораторіи.—Причина этому, и единственная причина,— выборъ пьесъ, исполненныхъ Росси. Въ первый разъ въ моей жизни я слышалъ ее въ Агатиной аріи (sa pièce de prédilection et peut-être son chef d'oeuvre[2]) и въ варіаціяхъ Роде, гдѣ она могла показать во всей полнотѣ огромность своего искусства и всю прелесть дарованнаго ей природою инструмента. Во второй разъ слышалъ ее въ ораторіи Гайдна (о которой я, кажется, еще слишкомъ мало бесѣдовалъ съ тобою): тогда она была въ своей стихіи, — она пѣла написанное для архангела Гавріила, и, я думаю, самъ архангелъ, собственной персоной, не спѣлъ бы лучше. Ты знаешь, что музыка, какъ бы она ни была превосходно исполнена, никогда не совпадаетъ съ тою же музыкою, когда она зарождается въ головѣ композиста. Это общее правило для всѣхъ изящныхъ искусствъ — идеалъ выше исполненія столько же, сколько духъ выше матеріи. Но въ этотъ разъ я бы допустилъ исключеніе изъ этой аксіомы: я увѣренъ, что Гайднъ въ минуты своего вдохновенія не слышалъ внутри себя звуковъ небеснѣе тѣхъ, которые разливала Росси въ тотъ незабвенный вечеръ! Ради Бога, не сочти это за фразы, нѣсколько похожія на пошлые возгласы безсмысленныхъ фельетонистовъ. Прими это за самое чистое мое убѣжденіе. Въ послѣдній же разъ, чѣмъ насъ подарила „la divina?“ ма-

---

[1]) Ты извинишь мнѣ это выраженіе, быть можетъ, слишкомъ наивное.

[2]) Ея любимая и, можетъ быть, капитальнѣйшая пьеса.

ленькой ничтожной аріею изъ „Somnambule", конечно, превосходною швейцарскою пѣснію „Steh' nur auf"! и за то въ высшей степени тривіальной бездѣлкой: „милый мой сердечный другъ". Арія изъ „Somnambule", если ты хочешь, весьма мила, какъ всякая итальянская арія, но въ концертѣ, какъ отдѣльная вещь, она производитъ слабый эфектъ; на сценѣ, въ связи съ цѣлою оперою, этотъ финалъ долженъ быть несравненно лучше. Росси исполнила его, разумѣется, такъ, какъ она все исполняетъ, но я думаю, эту же арію и Шоберлехнеръ, и Гризи, и другія, можетъ быть, исполнили бы не хуже, тогда какъ никто изъ нихъ не споетъ „à la Rossi" ни Агатиной молитвы, ни аріи — Габріеля. Арію „Steh'nur auf" можно совершенно поставить въ „pendant" къ варьяціямъ Роде—такая же извѣстная, простая тема, и такія же блестящія распространенія! Органъ Росси является во всѣхъ возможныхъ фазахъ. И потомъ, какая высокая натура въ ея исполненіи: когда закроешь глаза, то при его звукахъ какъ-будто перенесешься въ горы Швейцаріи, и серебряный голосъ передается безпрерывнымъ эхомъ. Это наслажденіе почти равнялось съ первыми моими впечатлѣніями, но тѣмъ досаднѣе, что весь этотъ блаженный міръ фантазіи былъ разрушенъ несносною, площадною пѣснью „милый мой сердечный другъ"! Какъ можно prostituer свой талантъ на такія пошлости! Для этого-ли данъ ей такой голосъ! Послушай, что бы ты сказалъ, или лучше, чтобы почувствовалъ, — когда дѣвушка, un ange de beauté et de pudeur [1]), должна бы была выйти на эстраду, предъ тысячу человѣкъ, для того, чтобъ сдѣлать какой-нибудь сильно неблагопристойный жестъ? Voilà l'effet que fit sur moi cette maudite chanson, exécutée par la Rossi [2]). И это было выбрано для окончанія послѣдняго ея концерта, какъ-будто бы нарочно для того, чтобъ заглушить прежнія восхитительныя впечатлѣнія, и заставить менѣе сожалѣть и горевать о предстоящей, можетъ быть, невозвратной потерѣ. Повѣришь-ли ты: мнѣ, говорю тебѣ не шутя, казалось, что отъ этихъ полукабацкихъ словъ, отъ этой балалаечной музыки, самая наивная грація всѣхъ движеній графини, которою она отличается отъ всѣхъ прочихъ пѣвицъ, — при этой пѣсни почти исчезла и обратилась въ какое-то полу-нахальное жеманство провинціальной актрисы! Horreur! [3]) Нѣтъ, не такихъ впечатлѣній я ожидалъ отъ послѣдняго концерта Росси!— Но въ этомъ концертѣ были исполнены превосходно двѣ, можетъ быть, лучшія въ свѣтѣ увертюры: „La Flûte magique" и „Oberon", достой-

---

[1]) Ангелъ красоты и цѣломудренности.

[2]) Вотъ впечатлѣніе, произведенное на меня этою проклятою пѣсенкой, которую исполнила Росси.

[3]) Отвращеніе!

ныя представительницы классицизма и романтизма въ музыкѣ; потомъ посредственно сошелъ хоръ изъ „Гугенотовъ“ „La conjuration“—великое созданіе, которое, къ несчастію, было вовсе не по силамъ жалкихъ исполнителей.

Сначала объ увертюрахъ: мнѣ увертюра „Оберона“ нравится болѣе, нежели изъ „Волшебной флейты“. Этотъ вкусъ какъ-то мнѣ доступнѣе, нежели вкусъ дивнаго, но серьезнаго Моцарта. Одно уже то, что вся увертюра „Волшебной флейты“ составляетъ одну мастерскую фугу,—chef-d'oeuvre неподражаемый, но все-таки фугу, которая напоминаетъ о математической сторонѣ музыки, — о разсудкѣ ея, тогда какъ въ „Оберонѣ“ одно чистое воображеніе. Какъ-будто нѣтъ никакихъ правилъ для сочетанія звуковъ и мыслей музыкальныхъ — все запутано, переброcано, перемѣшано, какъ извиванія гномовъ подземныхъ, а мѣстами ярко до ослѣпительности, какъ лучезарные чертоги фей! Вотъ это музыка! И какая высокая поэзія въ расположеніи инструментовъ, — каждый изъ нихъ получаетъ истинно драматическое значеніе! Я болѣе и болѣе преклоняюсь предъ Веберомъ: я въ немъ вижу достойнаго родителя моего любимца Мейербера. Они оба дышутъ одною душою, только Веберъ еще плаваетъ въ нѣсколько туманной атмосферѣ der deutschen Zauberei [1]), а Мейерберъ плотно стоитъ на землѣ. Вотъ хоть этотъ хоръ изъ его „Гугенотовъ“, что былъ пѣтъ въ концертѣ: несмотря на посредственность исполненія, онъ оставилъ въ каждомъ изъ слушателей (peut être malgré eux) [2]) самое глубокое впечатлѣніе. Ты скажешь: „Да, отъ театральной трескотни!“ Нѣтъ, carissime, отъ глубокой и ясной для каждаго соотвѣтственности каждой ноты съ выражаемымъ ею чувствомъ (мысли внѣ предѣловъ музыки), отъ неподражаемо-дивной обработки величественныхъ мотивовъ, однимъ словомъ, отъ мейерберовскаго стиля. Этотъ хоръ рѣшительно дышетъ католическимъ фанатизмомъ и кровью, c'est une page historique [3])! И не забудь, что это впечатлѣніе производится въ концертѣ, — безъ таинственнаго могущества de l'illusion théatrale [4]). А каковъ этотъ хоръ долженъ быть на парижской сценѣ! И я, можетъ быть, никогда въ жизни его тамъ не услышу!! Cest à en mourir [5]). ....Но кто знаетъ... Что я буду въ чужихъ краяхъ, въ Италіи—въ этомъ меня никто не разувѣритъ. И что бы я былъ за человѣкъ безъ тѣхъ впечатлѣній — quelque chose de misérablement in-

[1]) Нѣмецкаго волшебства.

[2]) Можетъ быть, вопреки имъ самимъ.

[3]) Это страница исторіи.

[4]) Театральной иллюзіи.

[5]) Просто хоть умирай.

complet[1]). И мы будемъ тамъ вмѣстѣ! Если же ужъ это никогда не состоится, чтобы мы путешествовали вмѣстѣ,—то, по крайней мѣрѣ, мы должны быть въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, хоть не въ одно время, иначе мы не будемъ понимать другъ друга во всей полнотѣ, а безъ этой полноты многія отношенія могутъ измѣниться. Экъ я куда отъ концертовъ-то заѣхалъ, пора возвратиться на прежній путь.

Теперь немножко о концертѣ Servais. Но что разсказывать тебѣ объ этомъ исполинскомъ талантѣ, ты самъ имѣешь хорошее понятіе о его игрѣ. Развѣ нѣкоторыя спеціальности пояснить: напримѣръ, во 1-хъ, и онъ въ этотъ разъ первыя двѣ пьесы сыгралъ не такъ отчетисто (pour ne pas dire plus)[2]), какъ въ прежніе свои концерты, и доказалъ, что и онъ человѣкъ, какъ и всѣ смертные, у которыхъ бываетъ удача и неудача; во 2-хъ, послѣдняя его фантазія, кажется, „Souvenirs de Spa", вполнѣ вознаградила за нѣкоторые недостатки въ двухъ первыхъ. Тутъ Servais былъ совершенно прежнимъ, неподражаемымъ Servais, и я плавалъ въ 10-мъ небѣ. Не знаю, какъ тебѣ (можетъ быть, ты его и меньше моего слышалъ), а мнѣ кажется, что только въ его рукахъ віолончель получаетъ истинный свой характеръ, эту рыцарскую нѣжность прекраснаго мужскаго голоса (не знаю раскусишь-ли ты въ этомъ выраженіи то, что я хотѣлъ бы сказать), эту страстность, которая такъ мощно владѣетъ душами слушателей. Да, мой милый учитель, Шубертъ, можетъ быть въ механикѣ, съ нѣкоторой стороны, даже выше Servais, но въ его рукахъ віолончель не имѣетъ того особеннаго характера (о прочихъ нашихъ віолончелистахъ и говорить не стоитъ). Но именно отъ этого особеннаго характера и сочиненія Servais имѣютъ какой-то оригинальный типъ, такъ что могутъ осуществиться единственно его игрою: въ рукахъ другаго ихъ узнать нельзя; я имѣю этому фактическое доказательство, именно: я слышалъ 2-й концертъ Servais, тотъ же самый, который онъ игралъ въ началѣ послѣдней свой Soirée въ залѣ Браницкаго, исполненный талантливымъ сыномъ театральнаго музыканта Бэра, и онъ мнѣ показался тогда довольно безсмысленнымъ:—то, да не то; бѣглые хроматическіе пассажи, столько эфектные подъ пальцами бельгійца, обратились въ какое-то „hurlement"[3]) при нѣмецкомъ исполненіи, а вся бѣда отъ того, что этотъ нѣмчикъ взялъ два урока отъ Сервè, и сейчасъ вообразилъ себя въ состояніи играть его сочиненія. Маленькая ошибка въ расчетѣ для такого racleur'a[4]). Чему дѣйствительно можно

[1]) Что-то жалко-неполное.
[2]) Чтобъ не сказать болѣе.
[3]) Ревъ.
[4] Пилильщика.

дивиться непрерывно,—такъ этому искусству Сервѐ округлять своею игрою каждую музыкальную идею,—однимъ словомъ, его фразированію (техническій терминъ). Тутъ видна истинная геніальность, потому что для такихъ оттѣнковъ правила не существуютъ и существовать не могутъ. Ансамбль концерта былъ плохонекъ—въ немъ участвовали пѣвецъ Билингъ и Сабина Гейнефеттеръ—А. Герке игралъ съ Servais дуэтъ на темы изъ „Вильгельма Телля", но ему негдѣ было развернуться и показать себя; Servais все эфектное взялъ на свою долю. Пока будетъ! Vale. Твой А. Сѣровъ.

Сообщ. **В. В. Стасовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЛИНКА и ДАРГОМЫЖСКІЙ.

По поводу отзывовъ А. С. Даргомыжскаго.

Прочитавъ письма А. С. Даргомыжскаго, помѣщенныя въ „Русской Старинѣ“ (томъ XIII, стр. 420—435), я былъ непріятно изумленъ ошибочными отзывами о М. И, Глинкѣ. Оставить эти ошибки невозможно, потому что онѣ могутъ послужить матеріалами для общей характеристики великаго композитора.

Я былъ въ родственныхъ и хорошихъ отношеніяхъ съ Глинкой и Даргомыжскимъ; но съ первымъ, отъ юношескихъ лѣтъ, связала насъ искренняя дружба, продолжавшаяся неизмѣнно до его кончины и скрѣпляемая, все больше и больше, частыми сношеніями и тѣмъ, что Глинка нѣсколько разъ у меня жилъ. Я имѣлъ, стало быть, возможность изучить, во всѣхъ изгибахъ, его нравственную сторону.

Вездѣ, гдѣ писано было о Глинкѣ, говорилось о его умѣ, образованности, мягкости характера. Люди, знавшіе его ближе, любили его трогательную доброту, въ соединеніи съ какою-то дѣтскою веселостью, и знавшіе его коротко уважали въ немъ, сверхъ того, честность и прямоту: онъ, не стѣсняясь, высказывалъ свои мнѣнія; это многимъ не нравилось, иные подозрѣвали, что имъ руководитъ чувство зависти. Развѣ могъ Глинка кому-нибудь завидовать? На основаніи полнаго знанія его души, я имѣю право и даже обязанность исправлять ошибочныя о немъ мнѣнія.

Даргомыжскій не могъ знать Глинку всецѣло: давно-знакомые, они были на пріятельской, короткой ногѣ, но видались не часто, и искренной дружбы между ними не было. Ихъ связывали музыкальные интересы, а не душевное сочувствіе, и это спеціально-музыкальное пріятельство и было причиною того, что кругозоръ Даргомыжскаго относительно Глинки былъ слишкомъ узокъ.

Характеристика человѣка зависитъ отъ того стекла, сквозь которое смотритъ наблюдающій.

Разберу послѣдовательно то, что меня болѣе всего поразило въ письмахъ Даргомыжскаго.

(Стр. 423). Припоминая объ одномъ вечерѣ у Глинки, Даргомыжскій говоритъ: „помните-ли, какъ мы заставляли его (Глинку) плакать надъ дуэтомъ изъ „Русалки"?.. Далѣе: „художественное чувство пересиливало его, и слово одобренія вырывалось невольно...".

Даргомыжскій положительно ошибается: Глинка никогда не скупился на похвалы хорошаго; онъ восхищался нѣкоторыми нумерами итальянскихъ композиторовъ, которыхъ не любилъ положительно, и даже Беллини, котораго называлъ сладчайшимъ; онъ находилъ хорошее у Віельгорскаго, у Алябьева, онъ отдавалъ справедливость Толстому, а о Даргомыжскомъ и говорить нечего: онъ постоянно отзывался о немъ, какъ о сильномъ талантѣ. Помню, разъ говорили о мелкихъ его сочиненіяхъ и, между прочимъ, рѣчь коснулась пѣсни: „Каюсь, дядя"; Глинка сказалъ тогда, что если бы Даргомыжскій рѣшился написать оперу buffa, то разомъ сталъ бы выше всѣхъ композиторовъ, писавшихъ въ этомъ родѣ. Надо при этомъ обратить вниманіе на то, что въ своихъ „Запискахъ" Глинка нигдѣ, ни однимъ словомъ, не отзывается непріязненно или укорительно о Даргомыжскомъ. Правда что Глинка иногда указывалъ Даргомыжскому на неправильности которыя ему казались въ его сочиненіяхъ; можетъ быть, Даргомыжскій заключалъ изъ этого, что они вообще ему не по душѣ. А между тѣмъ, я самъ слышалъ, какъ Глинка смиренно сознавалъ, что Даргомыжскій, музыкально, ученѣе его.

(Страницы 425, 428 и пр.). Даргомыжскій недоволенъ музыкальными рецензентами и вообще журналами за то, что Глинку ставятъ выше его; кто же виноватъ въ томъ, что Глинка больше нравился? Сколько мнѣ извѣстно, оба они съ журналистами не водились и въ нихъ не заискивали. Журналы вносили въ свои столбцы мнѣніе публики, и виновата одна публика.

На страницахъ 430 и 431 надо особенно остановиться. Вотъ что тамъ сказано: „...и одна пагубная страсть прошпиговала страдальческой бичевкой всю жизнь его: это любовь къ славѣ и оваціямъ..." Когда Глинка началъ писать, онъ не помышлялъ о славѣ; писалъ потому, что писалось; потому, что его геній требовалъ своего проявленія. Слава пришла сама собою. А кто, украшенный этимъ ореоломъ, не возлюбитъ ея? Да, Глинка любилъ свою славу, дорожилъ ею и потому со строгимъ разборомъ выпускалъ въ свѣтъ свои произведенія, часто предварительно совѣтуясь съ знатоками музыки; мелкое самолюбіе исчезало передъ любовью къ чистой славѣ. Относительно же овацій, ни я, и, конечно, никто изъ знавшихъ коротко

Глинку, никогда не подозрѣвали, чтобъ онѣ были его страстью. Утвердительно скажу, и всѣ еще немногіе живые, знавшіе Глинку, закрѣпятъ мое слово, что Глинка никогда не искалъ ихъ. Но какъ Даргомыжскому нравились слезы Глинки при исполненіи дуэта изъ „Русалки", точно также и на Глинку пріятно дѣйствовалъ восторгъ слушающихъ его великолѣпную музыку.

Вслѣдъ за выписанными выше словами говорится: „все, что было имъ сдѣлано глупаго и предосудительнаго въ жизни, все было слѣдствіемъ этой слабости..." Это ужъ слишкомъ! Намъ извѣстно, что единственная глупость, которую сдѣлалъ Глинка и за которую сильно поплатился,—это его женитьба. А за тѣмъ? Я довольно долго перебиралъ въ своей памяти всѣ фазисы его жизни: ничего не нашелъ неразумнаго. Иные называли глупостью то, что онъ, послѣ развода съ женою, оставилъ службу въ пѣвческой капеллѣ, что увлекся фантастической любовью безъ послѣдствій, что слишкомъ безкорыстно относился къ своимъ интересамъ по постановкѣ оперъ и по изданію сочиненій. Если это и глупости, то въ нихъ слава и оваціи не причемъ. И, безъ сомнѣнія, Даргомыжскій не эти обстоятельства назвалъ бы глупостями! Въ чемъ же онъ видитъ глупое? про то онъ одинъ знаетъ.

А предосудительное?! съ крайнею горечью выписываю это слово. Что же такого сдѣлалъ Глинка, за что слѣдовало бы осудить его? Это такое обвиненіе, въ которомъ оправдывать Глинку предосудительно.

Но, читая страницу далѣе, можно догадываться, что Даргомыжскій понималъ подъ этимъ вѣскимъ словомъ. Онъ говоритъ: „Въ Парижѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ ухаживалъ за Берліозомъ, чтобъ тотъ исполнилъ нѣкоторые нумера его оперъ въ концертѣ..." Я не вижу, чтобъ было предосудительно для композитора желаніе познакомить со своими произведеніями публику чужой національности. Берліозъ и самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для того, чтобъ петербуржцы слышали его сочиненія. И изъ русскихъ многіе, въ томъ числѣ Даргомыжскій, добивались того же. Всякій композиторъ, особенно русскій, слѣдовательно, вовсе незнакомый Европѣ, желая сдѣлаться извѣстнымъ въ музыкальныхъ городахъ: Парижѣ, Вѣнѣ, Брюсселѣ, долженъ сперва представить свои сочиненія корифеямъ искусства и потомъ просить или ухаживать, чтобъ ихъ поставили; кажется,—ясно. Далѣе: „однажды Глинка при мнѣ хлопоталъ, чтобъ его представили какому-то графу Строганову (отставному министру)".

Я не былъ на этомъ вечерѣ у князя Вяземскаго и не знаю, вѣренъ-ли весь разсказъ по этому случаю. Знаю только, что этотъ какой-то графъ Строгановъ былъ человѣкъ извѣстный своимъ умомъ и образованностью. Уже ли предосудительно искать знакомства съ лично-

стью, одаренною такими качествами, къ какой бы категоріи общества она ни принадлежала? Ужели зазорно представиться человѣку только потому, что онъ графъ? Выше Даргомыжскій говоритъ, что Глинка питалъ ненависть къ русской аристократіи и русской публикѣ за непониманіе „Руслана", а теперь рисуетъ его ухаживающимъ за аристократами. Тутъ ясное противорѣчіе, одно что-нибудь невѣрно; а я полагаю, что все невѣрно; послѣднее объясняется тѣмъ, что́ я уже сказалъ, а первое опровергается тѣмъ, что́ скажу: никогда Глинка не заявлялъ ненависти или презрѣнія къ публикѣ и аристократіи; но говорилъ, что публика еще не на столько образована музыкально, чтобъ понять „Руслана". Время доказало справедливость этихъ словъ: въ настоящее время „Русланъ" ставится выше „Жизни за Царя". Если бы Глинка ненавидѣлъ аристократію, то онъ не посѣщалъ бы охотно дома гр. Віельгорскаго, кн. Вяземскаго, кн. Одоевскаго и др., гдѣ въ то время находили себѣ пріютъ поэзія и искусство. Вообще Глинка охотно знакомился съ людьми, которыхъ умственныя и нравственныя качества ему нравились; онъ не принималъ въ соображеніе: титулованы они, или вовсе не имѣютъ дворянскаго диплома.

(Стр. 430 и 431). Даргомыжскій укоряетъ Глинку въ томъ, что писалъ сочиненія на разныя празднества и что это единственныя его плохія сочиненія. Положимъ, они плохи; но могъ-ли Глинка отказать настоятельнымъ просьбамъ тѣхъ, которые желали украсить свой праздникъ его именемъ? Да и что же тутъ дурнаго? развѣ его слава, его доброе имя, его безукоризненная честность пострадали отъ этого?

А что Глинка намѣревался посвятить „Руслана" Гедеонову, то и въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, потому что онъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ этимъ, превосходно образованнымъ, тогда еще молодымъ человѣкомъ.

Наконецъ, Даргомыжскій говоритъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Глинка разошелся съ прежними своими товарищами. Противъ этого въ выноскѣ сказано, что эти слова не совсѣмъ справедливы; а я утверждаю, что они совсѣмъ невѣрны: Глинка со всѣми нами, его друзьями, остался одинаковымъ до своей смерти.

П. А. Степановъ.

МОЯ ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ,

разсказъ гравера, академика Л. А. Сѣрякова.

1824—1875.

V [1]).

Прибытіе въ Парижъ. — Занятія въ мастерской при «Magasin Pittoresque».— Взглядъ на исторію гравюры. — Работы для Кіево-печерской лавры.—Путешествіе по Европѣ. — Возвращеніе въ Россію. — Полученіе званія академика.— Назначеніе преподавателемъ въ школу для приходящихъ. — Гравированіе портрета Государя Императора.

1858—1866.

Передъ отъѣздомъ моимъ за границу, мнѣ было выдано содержаніе за цѣлую треть впередъ. Но у меня были кое-какіе долги, которые я уплатилъ изъ выданныхъ денегъ, внесъ за мѣсто на параходѣ до Гавра (во Франціи), сдѣлалъ нѣкоторые расходы на дорогу, также въ Копенгагенѣ и Гаврѣ, такъ что, по прибытіи въ Парижъ, у меня оказалось всего только 10 фр., а до новой получки денегъ оставалось еще четыре мѣсяца. Не зная французскаго языка, безъ денегъ, не веселымъ въѣхалъ я въ Парижъ.

Я поселился въ одной гостинницѣ, подъ чердакомъ, въ комнаткѣ, за 20 фр. въ мѣсяцъ съ прислугою.

Въ одной со мною гостинницѣ остановился молодой французъ, съ которымъ мы ѣхали изъ Петербурга. Этотъ молодой человѣкъ первое время пребыванія моего въ Парижѣ былъ моимъ «языкомъ».

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 161—184; 339—365.

На другой день послѣ прiѣзда я узналъ адресъ издателя журнала: «Magasin Pittoresque»—Беста и съ своимъ чичероне тотчасъ же отправился къ нему. Я показалъ Бесту мои работы, въ числѣ которыхъ была голова, сдѣланная мною для полученiя званiя художника, потомъ просилъ Беста, чтобы онъ позволилъ мнѣ заниматься въ его мастерской. Бестъ желалъ видѣть доску, на которой я дѣлалъ упомянутую голову; молодой французъ объяснилъ ему, что доска эта погибла во время бури. Относительно же моихъ занятiй въ ателье, Бестъ говорилъ, что мнѣ тутъ нечему учиться, такъ какъ работа моя вполнѣ хороша, однако же, видя мою настоятельную просьбу, согласился меня принять.

И такъ, купивши себѣ синюю блузу и фуражку, костюмъ рабочаго, я на третiй день послѣ прибытiя въ Парижъ работалъ уже въ ателье Беста.

О цѣнѣ я не спрашивалъ; я былъ вполнѣ увѣренъ, что французъ не обманетъ—и не ошибся.

Вначалѣ дали мнѣ рисунокъ для «Иллюстрацiи»—пейзажъ въ полную страницу. Но потомъ, когда я сдѣлалъ первую доску, мнѣ немедля предложили работать для «Magasin Pittoresque».

Дня черезъ три по поступленiи въ мастерскую, у меня вышли тѣ деньги, съ которыми я прiѣхалъ въ Парижъ; поэтому я обратился къ Бесту съ просьбою, чтобы онъ далъ мнѣ впередъ; Бестъ ни на минуту не поколебался дать 100 франковъ человѣку, котораго еще вовсе не зналъ.

Ателье, въ которомъ я работалъ, находилось въ улицѣ S. Maur S. Jermain. Оно состояло изъ двухъ большихъ залъ въ два свѣта; у каждаго окна стоялъ большой круглый столъ, за которымъ работали человѣка по четыре. Всѣхъ граверовъ было болѣе 40; всѣ—французы, за исключенiемъ двухъ испанцевъ, четырехъ итальянцевъ и меня.

Занятiя въ ателье начинались въ 8 часовъ утра. Въ 12 часовъ одинъ изъ граверовъ, дежурный по очереди, перекликалъ насъ, при чемъ каждый говорилъ, въ которомъ часу вечера онъ ушелъ вчера и въ которомъ прибылъ сегодня. Послѣ сдѣланной, такимъ образомъ, провѣрки, всѣ граверы уходили куда-нибудь завтракать. Въ часъ по полудни всѣ собирались въ ателье и вновь принимались за работу. Въ это время дежурный садился посреди мастерской на стулъ и громко читалъ какую-нибудь изъ

газетъ, такъ что всѣ граверы, не отрываясь отъ дѣла, узнавали, какія происшествія случились въ Парижѣ, что̀ говорено было въ національномъ собраніи и проч. Работали всѣ крайне добросовѣстно. Если, бывало, граверу нужно что-нибудь спросить у другаго, то онъ долженъ былъ проходить безъ всякаго шуму. Бестъ приходилъ въ ателье каждый день; а компаніонъ его по «Magasin Pittoresque» и вообще по ателье, нѣкто Смитонъ, постоянно работалъ вмѣстѣ съ граверами, наблюдалъ, чтобы мы не разговаривали и не теряли понапрасну время. Для обѣда давалось полтора часа. За работу послѣ 8-ми часовъ пополудни полагалась двойная плата и эти часы уже считались особо.

Къ концу мѣсяца приготовлялся расчетъ каждому; плата опредѣлялась съ дюйма, но при этомъ принималось въ соображеніе количество рабочихъ часовъ и достоинство работы.

Въ первое число мѣсяца дежурный граверъ приходилъ въ контору, гдѣ уже были приготовлены свертки съ золотомъ для каждаго съ надписью: «rouleau такого-то»; въ большой сумкѣ приносилъ онъ ихъ въ ателье и выкликалъ граверовъ по очереди.

При расчетѣ никакихъ пререканій никогда не происходило между граверами и хозяиномъ. Да и мѣсто-ли тутъ какимъ-нибудь недоразумѣніямъ, недовольству и т. п.? Здѣсь люди относились другъ къ другу довѣрчиво, честно; порядокъ работъ, образъ жизни и занятій въ мастерской—все это ведется изстари, освящено десятками лѣтъ. При такихъ условіяхъ парижскія ателье имѣютъ громадное значеніе,—это, дѣйствительно, разсадники граверовъ[1]).

Въ ателье являлся я къ 8-ми часамъ, а уходилъ въ 4. часа Мои товарищи удивились, когда мнѣ за неполный мѣсяцъ выдано было 320 фр. Получивши такія деньги, я уже принялъ совершенно другой видъ: я узналъ себѣ цѣну. Меня сейчасъ же поставили, какъ я потомъ убѣдился, на ряду съ лучшими граверами, платя мнѣ отъ 10-ти до 30-ти франковъ въ день.

Между тѣмъ, мой чичероне оставилъ меня и поступилъ въ военную службу. Волей-неволей я скоро вынужденъ былъ, такъ или иначе, знакомиться съ французскимъ языкомъ.

Съ самаго начала поступленія моего въ ателье всѣ граверы

---

[1]) Число граверовъ во Франціи простиралось въ то время до 3,000; въ одномъ Парижѣ было ихъ около 1,500. Л. С.

очень интересовались, какъ я работалъ; они постоянно подходили ко мнѣ и старались заговорить. Между прочимъ, имъ хотѣлось знать, почему я ходилъ не въ національномъ костюмѣ; они воображали, что всѣ мы, русскіе, одѣваемся какъ крестьяне, которыхъ они видали на рисункахъ въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. При этихъ распросахъ или разговорахъ, такъ какъ я съ трудомъ, а большею частію и вовсе не понималъ товарищей, то они показывали мнѣ жестами то или другое; они шутили, смѣялись и нарочно повторяли одни и тѣже слова, чтобы я могъ запомнить ихъ. Наконецъ, въ этихъ случаяхъ чрезвычайно помогалъ словарь Рейфа, который я таскалъ постоянно съ собою. Если я совершенно не понималъ вопроса, они на бумажкѣ писали глаголы и указывали мнѣ ихъ въ диксіонерѣ; записочки эти я собиралъ и дома, послѣ занятій, заучивалъ написанныя слова. Таже система практиковалась и во время прогулокъ моихъ по Парижу. Французы—какъ всѣмъ извѣстно—весьма словоохотливый и обязательный народъ. Напримѣръ, мнѣ нужно что-нибудь спросить, а слова, которое въ вопросѣ, - не знаю; я отыскивалъ это слово въ словарѣ и указывалъ на него; въ томъ же диксіонерѣ французъ находилъ слово, которое слѣдовало въ отвѣтъ. Трудно-запоминаемыя слова я подчеркивалъ и, придя домой, ночью тоже заучивалъ. Такимъ образомъ я выучилъ словъ 200—300; но видя, что дѣло идетъ плохо, купилъ граматику Шапсаля и началъ съ вспомогательныхъ глаголовъ зубрить ее; мѣсяца черезъ два я могъ объясняться уже безъ помощи словаря, или, по крайней мѣрѣ, рѣдко заглядывалъ въ него, хотя фразы у меня выходили крайне топорныя. Затѣмъ я взялъ учителя-француза, который и довершилъ мое знакомство съ французскимъ языкомъ.

Чтобы избѣгнуть всѣхъ такихъ трудностей, мнѣ слѣдовало бы войти въ сношенія съ русскими художниками, проживавшими въ Парижѣ. Изъ этихъ художниковъ въ то время были тамъ: два барона М. К. и М. П. Клодты, Боголюбовъ, Лагоріо, Чернышевъ, Васильевъ, Карнѣевъ, Иковъ, Грузинскій; изъ архитекторовъ: Кенель и Поповъ. Дѣйствительно, я видѣлся съ ними, но скоро отсталъ отъ нихъ, потому что въ ихъ обществѣ приходилось обѣдать, гулять, ходить въ театръ и проч., причемъ мы всѣ говорили по русски, а мнѣ хотѣлось выучиться французскому языку.

Сначала скука была убійственная. Каждый вечеръ, ложась спать, я давалъ себѣ честное слово, что завтра же уѣду изъ Парижа въ Россію, но, проснувшись, не рѣшался на это.

— Какъ же, упрекалъ я себя мысленно, пріѣхать въ Парижъ и бѣжать почти невидавши его, не научившись даже французскому языку.

Да, трудно было, очень трудно..... Но я выдержалъ.

За второй мѣсяцъ мнѣ выдали, кажется, около 800 фр.; съ этого времени я началъ дѣлать портреты. Первою моей гравюрою былъ портретъ извѣстнаго живописца Декана, подъ нимъ я написалъ свою фамилію по-русски. За это на меня всѣ напали и стали просить, въ видахъ собственнаго моего интереса, чтобы я подписывался по-французски. Дѣло въ томъ, что въ Парижѣ работу мою находили превосходною, удивлялись ей; поэтому интересно было знать, кто гравировалъ ее, между тѣмъ русская подпись моей фамиліи казалась какими-то египетскими іероглифами. Въ это время я встрѣтился съ Панмакеромъ, который шутя сказалъ мнѣ похвальный каламбуръ: «у насъ лучшіе граверы орлы одноглавые, а вы—орелъ двуглавый, потому что такихъ портретовъ мы не видѣли, это chef d'oeuvre искусства».

Слѣдующія работы подписаны были уже по-французски. Я дѣлалъ портреты де-Лакруа, Форстера, Энгра, Галеви, Гораса Вернета, Рюда и многихъ друг. У Беста бывали заказы отъ римскаго папы, которые мнѣ тоже приводилось выполнять; работалъ въ «Исторіи Испаніи» для Изабеллы, за что Бестъ получилъ, кажется, орденъ; наконецъ, для «Французской исторіи» его изданія и др. При этомъ Бестъ просилъ меня, чтобы я не работалъ для другихъ издателей, на что я согласился, такъ какъ онъ хорошо платилъ, да у меня и времени не достало бы. Такъ прошло около полтора года.

Въ это время я зажилъ, какъ говорится, припѣваючи; не скучалъ уже по Россіи; Парижъ сталъ мнѣ очень нравиться. Я посѣщалъ всевозможныя галлереи въ Парижѣ, даже частныя; путешествовалъ по сѣверной Франціи, былъ въ разныхъ городахъ; ѣздилъ въ Испанію до Мадрита, оттуда на Гибралтаръ, въ Малагу и обратно въ Парижъ черезъ Марсель.

Лѣто я проживалъ на дачѣ въ Буживалѣ, мѣсто прелестное, такъ что я былъ очень доволенъ; сюда мнѣ присылали работы

изъ ателье, по распоряженію Беста, который собственно и посовѣтовалъ мнѣ поселиться въ Буживалѣ, такъ какъ у меня отъ усиленныхъ занятій заболѣла грудь. Кстати замѣчу, что независимо отъ гравированья на деревѣ, я рисовалъ въ Луврской картинной галлереѣ.

Съ Бестомъ я былъ уже на дружеской ногѣ. Онъ много распрашивалъ меня о Россіи; хорошо зналъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ художниковъ, какъ напримѣръ, Тимма, бывшаго въ 1840-хъ годахъ ученикомъ Гораса Вернета, портретъ котораго я сдѣлалъ тогда въ числѣ многихъ другихъ, вышедшихъ изъ подъ моего рѣзца.

Бестъ былъ граверомъ и главнымъ основателемъ журнала «Magasin Pittoresque», который считается однимъ изъ самыхъ старыхъ и лучшихъ иллюстрированныхъ изданій. Въ 1833 году журналъ этотъ основанъ тремя граверами: Бестомъ, Андревъ и Лелюаромъ. Въ то время гравировали еще не на деревѣ, а на мѣди, такимъ же способомъ, какимъ теперь гравируютъ на деревѣ, т. е. каждый штрихъ рельефомъ. Такъ продолжалось до 1836 г., когда начали гравировать на деревѣ, по примѣру древнихъ гравюръ Лаврентія Костера, съ тою только разницею, что дерево приготовлялось не въ длину — по слою, а въ торсъ. Для этого начали употреблять пальму, какъ самое крѣпкое и мелко-пористое дерево, но это оказалось дорого, и около 1837 г. въ редакціи того же «Magasin Pittoresque» догадались, что самое лучшее дерево для гравированія—это кавказскій букъ; такъ какъ онъ похожъ на пальму, то нерѣдко и слыветъ подъ именемъ послѣдней.

Вообще исторія гравюры на деревѣ интересна. До сихъ поръ съ точностію неизвѣстно, кто былъ первый граверъ на деревѣ; я, по крайней мѣрѣ,—не знаю; полагаютъ, что голландецъ Лаврентій Костеръ, который гравировалъ около 1425 года. Затѣмъ гравюра на мѣди вытѣсняетъ гравюру на деревѣ; въ началѣ нынѣшняго столѣтія литографія вытѣсняетъ гравюру на мѣди и наконецъ, съ 1840-хъ гг. гравюра на деревѣ начинаетъ постепенно вытѣснять, въ свою очередь, какъ гравюру на мѣди, такъ и литографію и быстро совершенствуется; а такія художественныя произведенія, какъ, напримѣръ, портреты, которые нынѣ гравируютъ, начались не болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ.

Я прожилъ въ Парижѣ года два. Въ это время, совершенно неожиданно, получилъ я изъ Кіево-печерской лавры заказъ награвировать нѣсколько изображеній разныхъ святыхъ съ лубочныхъ рисунковъ прошлаго столѣтія.

Надо замѣтить, что для лавры я работалъ еще въ бытность мою въ академіи художествъ. Тогда пріѣзжали ко мнѣ два іеромонаха съ предложеніемъ поселиться въ Кіевѣ. Лавра предлагала мнѣ цѣлый небольшой домикъ, лѣтомъ помѣщеніе въ монастырской дачѣ, на берегу Днѣпра; готовое содержаніе, къ услугамъ моимъ, буде понадобиться, лошадей изъ конюшень митрополита и, независимо отъ всего этого, хорошую плату. Но мнѣ нужно было учиться и я отказался отъ этого весьма выгоднаго для меня предложенія.

Вотъ теперь изъ лавры и обратились ко мнѣ, чтобы я исполнилъ упомянутыя гравюры, съ платою по 3 руб. за дюймъ. Заказъ былъ, очевидно, очень выгоденъ и я принялъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ меня, для той же лавры заказаны были Лемерсье большіе хромо-литографированные виды Кіева и Печерской лавры.

Это было въ 1860 году.

Въ теченіе всего 1861 и половины 1862 г. я работалъ заказъ для кіевской лавры; въ іюнѣ кончилъ его, равно какъ и Лемерсье—заказъ по хромо-литографіи; послѣ этого мы немедленно отправили всѣ эти доски (гравюры) и рисунки въ Кіевъ.

Какъ повѣренный закащиковъ, я выдалъ Лемерсье, въ уплату за его работы, нѣсколько векселей, на сумму въ нѣсколько тысячъ фр., срокомъ на 3 мѣсяца. Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ и другой, а извѣстія изъ лавры никакого. Я написалъ въ Кіевъ письмо, прося немедленно выслать мнѣ деньги за работы, но отвѣта не получилъ. Между тѣмъ уже и августъ близился къ концу; наступалъ срокъ векселямъ, выданнымъ мною Лемерсье; я телеграфировалъ въ лавру, но и это не помогло.

Въ одно, на этотъ разъ прескверное, утро явился ко мнѣ изъ французскаго банка какой-то господинъ и предъявилъ мнѣ векселя для уплаты. Я сказалъ, что заплатить не могу. Мнѣ дано было сроку до 5-ти ч. вечера, а потомъ векселя должны быть представлены къ протесту. Я отправился къ Лемерсье, который и дисконтировалъ ихъ; векселя были переписаны еще на 3 мѣсяца.

Когда я находился въ такомъ критическомъ положеніи въ

Парижѣ, въ то время въ лаврѣ происходило, какъ я потомъ узналъ, слѣдующее:

Я писалъ и телеграфировалъ на имя іеромонаха Тимофѣя, который былъ начальникомъ типографіи и литографіи лавры и который, отъ имени послѣдней, вошелъ со мною въ сношенія. Въ описываемое время, однажды ночью, явился въ литографію жандармскій штабъ-офицеръ съ полиціею и понятыми, захватилъ камни и работниковъ, которые, какъ носилась молва, печатали польскія прокламаціи. Упомянутый іеромонахъ и другія прикосновенныя къ дѣлу лица были удалены отъ должностей и отданы подъ строгій надзоръ, а имущество ихъ, вмѣстѣ съ бумагами, опечатано. Вотъ вслѣдствіе такой-то исторіи денегъ мнѣ не высылали; надо было ждать, пока будутъ разобраны всѣ бумаги іеромонаха [1]). Но это могло затянуться очень надолго. Между тѣмъ, векселя Лемерсье не давали мнѣ покоя.

Въ это время, съ лондонской выставки, пріѣхалъ въ Парижъ новый вице-президентъ академіи художествъ, князь Гагаринъ. Всѣ мы, русскіе художники, не преминули къ нему явиться. Онъ принялъ насъ очень любезно, распрашивалъ, что мы дѣлаемъ, долго-ли каждый изъ насъ намѣренъ тутъ оставаться и куда затѣмъ поѣдетъ? Улучивъ минуту, въ нѣсколькихъ словахъ я разсказалъ князю о своемъ затруднительномъ положеніи по случаю невысылки денегъ изъ Кіево-печерской лавры. Онъ немедля написалъ письмо нашему послу въ Парижѣ, убѣдительно прося оказать мнѣ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

Черезъ три недѣли я получилъ всѣ деньги, какъ свои собственныя, такъ и Лемерсье. Не пріѣзжай князь Гагаринъ въ Парижъ, я не знаю, когда и чѣмъ все это могло бы кончиться.

Вскорѣ послѣ этого одинъ изъ хорошихъ гравёровъ Парижа— Барбанъ предложилъ мнѣ составить ассоціацію изъ лучшихъ граверовъ и основать ателье на широкую ногу, съ тѣмъ, чтобы я не уѣзжалъ въ Россію, а остался въ Парижѣ. Когда я сказалъ имъ, что я человѣкъ небогатый и не знаю, что можетъ выдти изъ такого предпріятія, то Барбанъ обѣщался гарантировать мнѣ 10,000 фр. доходу въ годъ. Но я все-таки не согласился остаться въ Парижѣ. Меня тянуло на родину, къ старушкѣ ма-

[1]) Какъ я слышалъ, изъ-подъ надзора іеромонахъ этотъ бѣжалъ на Афонскую гору, гдѣ и остался жить. Л. С.

тери. Къ тому же, я посланъ былъ заграницу на казенный счетъ, слѣдовательно, оставаясь въ Парижѣ, какую же пользу я могъ принести своему отечеству!

Въ февралѣ 1863 г. я простился съ Парижемъ и отправился въ путешествіе. Поѣхалъ въ Швейцарію, былъ въ Женевѣ, гдѣ намѣревался посмотрѣть Калямa и его знаменитую мастерскую, но Калямa не было въ Женевѣ и я посѣтилъ только его мастерскую и городской музей; отсюда отправился въ Италію; объѣхалъ ее всю до Неаполя; былъ, разумѣется и въ Римѣ, гдѣ посѣтилъ многія частныя галлереи и Ватиканъ съ его знаменитою рафаэлевскою галлереею. Въ сентябрѣ прибылъ въ Германію, а въ началѣ 1864 года возвратился въ Петербургъ.

Въ сентябрѣ (1864 г.) я выставилъ свои работы въ академіи [1]), за которыя, какъ выражено въ офиціальномъ документѣ, «въ уваженіе искусства и отличныхъ познаній въ художествѣ, доказанныхъ выставленными въ академіи и другими извѣстными работами», мнѣ единогласно дано званіе академика по гравированію на деревѣ. Это былъ первый случай въ Россіи, когда за гравированіе на деревѣ дали званіе академика, и послѣ этого въ теченіи одиннадцати лѣтъ (1864—1875) случай этотъ еще не повторился. Послѣ меня двое лицъ удостоены только званія «свободнаго художника».

По пріѣздѣ изъ-заграницы моя первая въ Петербургѣ работа была для св. синода по рекомендаціи акад. Ѳ. Г. Солнцева: мнѣ заказано было сдѣлать, по рисунку Ѳ. Г., гравюру антиминсъ, за что я получилъ 900 руб. Потомъ меня завалили работами, причемъ до 1870 г. постоянно высылали заказы и изъ Парижа.

Съ января 1865 г. мнѣ предложили давать уроки въ школѣ для приходящихъ, помѣщающейся въ зданіи биржи. Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Мнѣ дали лучшихъ ученицъ для гравированія, между которыми особенно выдавались Кочетова, Стефани, Михальцева, Павлова и А. А. Гаврилова, на которой я въ послѣдствіи (1868 г.) женился и скоро имѣлъ несчастіе ее лишиться: она скончалась въ 1873 г.

[1]) Выставлено было далеко не все, что сдѣлано заграницей, такъ какъ я, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ привычки собирать свои работы и хранить ихъ. Это происходитъ отъ того, что, кончая работу, я нахожу ее обыкновенно неудовлетворительною и думаю, что въ слѣдующій разъ сдѣлаю лучше, такъ зачѣмъ де и беречь ее. Л. С.

Въ 1866 году въ числѣ моихъ работъ самою значительною и по времени, которое я употребилъ на нее, и по тщательности выполненія былъ портретъ Государя Императора, награвированный мною съ высочайшаго соизволенія. Въ октябрѣ 1866 года гравюра была окончена и представлена вице-президентомъ академіи художествъ Его Императорскому Величеству.

Этотъ трудъ удостоился высочайшаго одобренія, а въ декабрѣ того же года (по выдачѣ мнѣ 500 руб. изъ кабинета «въ пособіе безвозвратно»), какъ выражено въ письмѣ г. министра двора: «во вниманіе къ отличному таланту и заслугамъ по усовершенствованію въ Россіи гравированія на деревѣ», пожаловано мнѣ званіе «гравера Его Императорскаго Величества, съ причисленіемъ къ Императорскому Эрмитажу» (безъ содержанія).

Въ послѣдніе десять лѣтъ трудовая жизнь моя не представляетъ особо выдающихся фактовъ: гравюры моего рѣзца, появляясь въ это десятилѣтіе въ разныхъ изданіяхъ, хорошо извѣстны моимъ соотечественникамъ и за границей.

Закончу мой разсказъ — повтореніемъ непреложной истины, извѣданной опытомъ всей моей жизни, что трудомъ, терпѣніемъ и энергіей всегда можно достигнуть разъ предположенной цѣли, въ особенности если эта цѣль - служеніе на поприщѣ художествъ и искусства [1]).

Л. А. Сѣряковъ.

Примѣчаніе. Г. Сѣряковъ проситъ исправить его обмолвку на стр. 362 (примѣчаніе): картина Брюлова: «Взятіе Божіей матери на небо» находиться не въ Петропавловскомъ, а въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ. Затѣмъ въ заключеніе разсказа г. Сѣрякова, считаемъ не лишнимъ помѣстить переводъ съ подлиннаго письма знаменитаго гравера издателя «Magasin Pittoresque» — къ бывшему вице-президенту академіи художествъ кн. Гагарину (см. стр. 516). Подлинникъ этого документа хранится въ дѣлѣ о г. Сѣряковѣ, въ архивѣ академіи; за разрѣшеніе просмотра этого дѣла мы весьма обязаны конференцъ-секретарю П. Ѳ. Исѣеву, которому и свидѣтельствуемъ глубочайшую нашу признательность. **Ред.**

---

[1]) Почти всѣ портреты, приложенные къ «Русской Старинѣ» (говоримъ только о гравюрахъ на деревѣ), принадлежатъ рѣзцу академика Сѣрякова. Назовемъ особенно замѣчательные по художественности отдѣлки: пѣвецъ былинъ—крестьянинъ Рябининъ, герцогъ Курляндскій Биронъ, статсъ-дама Наталья Лопухина, тайный секретарь Петра III — Дмитрій Волковъ, Емельянъ Пугачевъ, два портрета Андрея Тимофеевича Болотова, основатель харьковскаго университета Каразинъ, авторъ «Горе отъ Ума»—Грибоѣдовъ, генералъ Булатовъ и друг. Ему же принадлежатъ гравюры рисунковъ: «Памятникъ Екатеринѣ», также заглавная виньетка къ «Русской Старинѣ», старинныя моды, болѣе 60-ти рисунковъ въ Запискахъ Болотова и проч.

Письмо Беста къ кн. Гагарину о г. Сѣряковѣ.

Парижъ.—22-го іюля 1863 г.

(Переводъ съ французскаго). „Князь, въ минуту отъѣзда г. Сѣрякова изъ Парижа, мнѣ пришло на мысль, что лестное письмо, которымъ ваше сіятельство удостоили меня отъ 26-го минувшаго ноября 1862 г., налагаетъ на меня обязанность изложить, въ какой мѣрѣ г. Сѣряковъ отвѣтствовалъ ожиданіямъ и надеждамъ своихъ высокихъ покровителей.

„По прибытіи въ Парижъ, г. Сѣряковъ былъ уже замѣчательный художникъ. Исполненныя имъ работы были тѣмъ болѣе достойны вниманія, что ему не были знакомы ни инструменты, нынѣ употребляемыя, ни удобства, способствующія упрощенію и быстротѣ работы. Нимало не колеблясь, онъ обратился ко мнѣ съ просьбою помѣстить его въ мои гравировальныя мастерскія и здѣсь, первый и послѣдній (sic), работая съ молодыми людьми всѣхъ возрастовъ, онъ видѣлъ и наблюдалъ все, что могло способствовать его усовершенствованію въ искусствѣ. Благодаря своему рвенію и неутомимому прилежанію, онъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ выучился тому, чему другіе выучиваются въ нѣсколько лѣтъ.

„Нынѣ г. Сѣряковъ — отличный граверъ, занявшій первое мѣсто, а работы, довѣренныя мною ему для „Живописнаго Магазина“ (Magasin Pittoresque) и для другихъ сочиненій, обратили на себя вниманіе и даже произвели большое впечатлѣніе, ибо ни одинъ граверъ въ Парижѣ не выполнилъ бы ихъ лучше и столь хорошо.

„Ваше сіятельство, удостойте вниманіемъ вашимъ нѣсколько портретовъ, пробные оттиски которыхъ, исполненные на механическомъ прессѣ, будутъ повергнуты г. Сѣряковымъ на ваше усмотрѣніе: они выполнены съ такою нѣжностью и съ такимъ совершенствомъ, подобныхъ которымъ нигдѣ не отыщется, а между тѣмъ портретъ, гравированный на деревѣ, составляетъ самый неблагодарный и самый трудный родъ гравировки.

„Г. Сѣряковъ жаждетъ знать многое; кромѣ ежедневныхъ своихъ работъ, онъ, въ послѣднее время, занимался всѣмъ, что относится до типографскаго искусства, то-есть всѣмъ, что способствуетъ отчетливому воспроизведенію труда гравера.

„Если в. с и высокіе покровители г. Сѣрякова не лишатъ его впредь своей благосклонности, нѣтъ никакого сомнѣнія, что, черезъ немного лѣтъ, въ Петербургѣ будетъ одна изъ первыхъ школъ гравировки на деревѣ, которая поспособствуетъ распространенію вкуса къ иллюстрированнымъ книгамъ.

„Благоволите, князь, принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ и пр. Бестъ“.

(См. въ Архивѣ Император. Акад. Художествъ).

КАРЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШИЛЬДЕРЪ.

1785—1854.

„Il faut toujours du temps et passer par plus d'un degré pour embrasser et comprendre l'ensemble d'un grand homme".

Sainte-Beuve.

I[1]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя нѣмецкимъ авторомъ статьи: „Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну" относительно характера и дѣятельности Карла Андреевича Шильдера, даютъ читателю совершенно ложное понятіе о личности этого замѣчательнаго русскаго инженера. Въ каждой строкѣ очерка, относящагося къ событіямъ его жизни, проглядываетъ совершенное незнакомство автора съ истинными фактами описываемаго имъ предмета. Впрочемъ, неудивительно, что помѣщенная выше статья нѣмецкаго автора изобилуетъ въ этой части самыми грубыми ошибками: все, что до сихъ поръ появлялось въ печати о генералѣ Шильдерѣ въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ, нисколько не могло содѣйствовать къ разъясненію истины. Дѣйствительно, военные подвиги, совершенные имъ въ турецкую и польскую кампаніи, могли быть еще изложены съ нѣкото-

---

[1]) Предлагаемые ниже матеріалы, относящіеся до пребыванія Шильдера на Дунаѣ въ 1854 г., составляютъ XI-е приложеніе къ переводу статьи: «Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну» («Русская Старина», изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 603—635); но такъ какъ матеріаламъ этимъ, извлеченнымъ изъ семейнаго и другихъ архивовъ, предпосланъ весьма обстоятельный очеркъ службы К. А. Шильдера, то мы и приводимъ ихъ въ видѣ особаго собранія новыхъ данныхъ къ оцѣнкѣ этого даровитаго и вполнѣ достопамятнаго русскаго инженера. Ред.

рою достовѣрностію; но, затѣмъ, вся мирная дѣятельность этого генерала съ 1832 по 1854 годъ, посвященная усовершенствованію самыхъ разнообразныхъ отраслей инженернаго искусства, оставалась до сихъ поръ, за неимѣніемъ необходимыхъ къ тому матеріаловъ, недоступною для изслѣдователя.

Между тѣмъ, одно поколѣніе смѣнилось другимъ и всѣ труды генерала Шильдера для усовершенствованія отечественнаго инженернаго дѣла изгладились изъ лѣтописей науки. Забыли, кому обязаны введеніемъ въ Россіи галванизма для воспламененія минныхъ зарядовъ, оказавшагося столь полезнымъ при оборонѣ Севастополя; изгладилось въ тоже время изъ памяти—кому принадлежитъ въ Россіи честь перваго опыта подводнаго плаванія, основаннаго на раціональныхъ началахъ, и введенія подводныхъ минъ, какъ существеннаго средства для приморской обороны; забыли также, кто поддерживалъ у насъ до севастопольскаго погрома, съ рѣдкою энергіею, научно-военное направленіе сапернаго дѣла. Наконецъ, въ печати стали даже появляться отзывы, въ которыхъ всѣ эти результаты приписывались лицамъ совершенно въ этомъ неповиннымъ [1]). Вслѣдствіе этого о генералѣ Шильдерѣ сохранилось представленіе, какъ о безпокойномъ прожектерѣ, безцѣльно трудившемся надъ безконечнымъ рядомъ воздушныхъ твореній и неосновательныхъ предложеній, зарождавшихся въ его пытливомъ умѣ. Согласно остроумной аллегоріи нѣмецкаго автора, К. А. Шильдеръ строилъ дома безъ фундамента, во внутренность которыхъ не могъ проникнуть лучъ свѣта и въ извилистыхъ ходахъ которыхъ онъ самъ заблуждался. Только въ рѣдкихъ случаяхъ о генералѣ Шильдерѣ отзывались, какъ о необыкновенномъ импровизаторѣ въ инженерномъ дѣлѣ, которому были доступны высокія и смѣлыя вдохновенія, смѣшанныя съ наукою, посѣщающія, какъ въ области литературы, такъ и въ области войны, только однихъ избранниковъ [2]). Что же касается участія, принятаго генералъ-адъютантомъ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866 года мы читаемъ слѣдующее въ статьѣ о юбилеѣ генералъ-адъютанта Витовтова: «..... въ званіи начальника инженеровъ гвардіи (1843—1846) въ три года онъ поставилъ это спеціальное оружіе на блестящую степень, такъ что оно постоянно находилось въ апогеѣ своего развитія.....» «Безпримѣрная оборона Севастополя доказала на какой высокой степени стояло уже и тогда у насъ инженерное искусство».

Безпристрастная исторія должна рѣшить, возможна-ли подобная натяжка и справедливо-ли возведеніе заслуженнаго строеваго генерала на степень передоваго дѣятеля инженерной науки. **Ред.**

[2]) Н. И. Ушаковъ: Записки очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ (1853—1855 гг.). П. Глѣбовъ: «Карлъ Андреевичъ Шильдеръ въ турецкую войну 1828 и 1829 годовъ». («Военный Сборникъ» 1861 г.).

Шильдеромъ въ злополучной силистрійской осадѣ 1854 года, то нѣтъ небылицы, которая не нашла бы почетнаго мѣста среди имѣющихся объ этомъ эпизодѣ дунайской кампаніи отрывочныхъ указаній, разсѣянныхъ по журнальнымъ статьямъ и монографіямъ о восточной войнѣ. Даже романъ овладѣлъ этимъ предметомъ и довершилъ, рядомъ фантастическихъ картинъ, искаженіе событій, начатое ранѣе, болѣе серьезными изслѣдователями.

Такому странному положенію дѣла много содѣйствовало то обстоятельство, что предложенія и опыты генералъ-адъютанта Шильдера считались въ прежнее время секретомъ и строго охранялись отъ всякаго распространенія внѣ границъ нашего отечества. Мѣра эта настолько удалась, что, наконецъ, и русскіе инженеры наравнѣ съ иностранными офицерами находились въ одинаковомъ невѣденіи относительно дѣятельности этого генерала и истиннаго значенія многихъ изъ его своеобразныхъ предложеній. Поэтому К. А. Шильдеръ не занимаетъ въ исторіи науки то почетное мѣсто, которое ему, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ въ ней по праву; по той же причинѣ имя его не встрѣчается до сихъ поръ ни въ одномъ изъ сочиненій фортификаціоннаго содержанія. Наконецъ, относительно участія, принятаго генералъ-адъютантомъ Шильдеромъ въ дунайской кампаніи, остается замѣтить, что восточная война еще не имѣетъ своего исторіографа, и богатый историческій матеріалъ этой интересной эпохи русской военной исторіи представляетъ собою пока только не початую почву. Не давая себѣ труда вникнуть глубже въ смыслъ тогдашнихъ событій, различнымъ писателямъ было легко уклоняться отъ истины и дѣлать часто и непреднамѣренно генерала Шильдера отвѣтственнымъ лицомъ за чужія ошибки. Теперь, когда съ каждымъ годомъ распространяется все большій интересъ къ изслѣдованію неразработанныхъ еще событій новѣйшей русской исторіи, слѣдуетъ также возстановить истину относительно личности генералъ-адъютанта Шильдера и воздать должное памяти человѣка, столь несправедливо оцѣненнаго потомствомъ.

Въ настоящее время въ „Инженерномъ журналѣ“ печатается полковникомъ М. Н. Мазюкевичемъ подробный очеркъ жизни и службы генералъ-адъютанта Шильдера, въ которомъ, на основаніи офиціаль-

---

Къ этимъ отзывамъ можно еще присоединить характеристику генерала Шильдера, встрѣчающуюся въ Воспоминаніяхъ о кампаніи на Дунаѣ въ 1854 г. генерала Клеменса («Инжен. журналъ» 1864 г., № 2-й): «Шильдеръ былъ, безспорно, однимъ изъ лучшихъ нашихъ боевыхъ генераловъ инженернаго корпуса своего времени. Разнородныя свѣдѣнія, быстрое соображеніе, геніальныя идеи, рѣзко отличали его отъ обыкновенныхъ людей». Н. Ш.

ныхъ документовъ, представлено впервые полное описаніе всѣхъ разнообразныхъ предложеній и опытовъ Карла Андреевича [1]). Отнынѣ уже немыслимы болѣе ни на чемъ неоснованныя критическія замѣтки въ родѣ бездоказательныхъ отзывовъ нѣмецкаго автора, и безпристрастному читателю легко очистить факты отъ выдумокъ и случайныхъ искаженій.

Въ помѣщаемыхъ ниже замѣткахъ мы не остановимся на полномъ очеркѣ жизни и служебной дѣятельности генералъ-адъютанта Шильдера, но ограничимся только краткимъ указаніемъ на нѣкоторые факты, ложно переданные нѣмецкимъ авторомъ, и затѣмъ обратимся главнымъ образомъ къ участію, принятому Карломъ Андреевичемъ въ дунайской кампаніи 1854 года.

Прежде всего нужно замѣтить, что нѣмецкій авторъ ошибается, признавая инженеръ-генерала Шильдера лифляндскимъ уроженцемъ изъ Риги. Карлъ Андреевичъ родился въ 1785 году, въ усадьбѣ Симоново, въ Витебской губерніи. Отецъ его, Андрей Михайловичъ, переселился незадолго до этого сюда изъ Риги, пріобрѣтя здѣсь обширныя помѣстья, которыхъ онъ уже болѣе не покидалъ; поэтому Карлъ Андреевичъ выросъ въ деревнѣ, среди русской земли, успѣвъ съ ранняго дѣтства вполнѣ сродниться съ русскими понятіями и русскимъ міросозерцаніемъ. Это обстоятельство, конечно, способствовало и послужило исходной точкой его всегдашняго тяготѣнія къ православію и принятія имъ въ послѣдствіи этого исповѣданія, къ величайшему огорченію лицъ, не сочувствующихъ Россіи и началамъ ея духовной жизни. Для объясненія подобнаго явленія они охотно прибѣгаютъ ко всякаго рода уловкамъ и готовы даже приписать вліянію движущихся столовъ и чуть-ли не умственному разстройству.

Первоначальное образованіе Карлъ Андреевичъ получилъ подъ руководствомъ гувернера, взятаго для него отцомъ изъ дома близкаго сосѣда по имѣнію, извѣстнаго генерала Михельсона, съ которымъ Андрей Михайловичъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ. Но, конечно, домашнее воспитаніе не могло оказаться надолго достаточнымъ; склонность же молодаго Шильдера къ военной службѣ выказалась въ пылкомъ юношѣ съ раннихъ лѣтъ и потому отецъ поручилъ дальнѣйшее воспитаніе его старшему сыну отъ перваго брака, Ефиму Андреевичу, который былъ инженеромъ по строительной части и жилъ въ Москвѣ. Выборъ подобнаго руководителя былъ какъ нельзя болѣе удачный;

[1]) «Жизнь и служба генералъ-адъютанта Карла Андреевича Шильдера» М. Мазюкевича, рядъ статей, начинающихся съ № 11-го «Инж. журнала» 1874 года.

Ефимъ Андреевичъ былъ человѣкъ серьезнаго характера, обладавшій высокимъ умомъ и получившій блестящее образованіе, довершенное во время обширныхъ путешествій по Европѣ. Вліяніе старшаго брата обнаружилось еще въ одномъ отношеніи: спеціальныя занятія его по инженерной части, вѣроятно, пробудили въ юномъ Шильдерѣ предпочтеніе къ этой спеціальной отрасли военнаго дѣла, усовершенствованію которой онъ посвятилъ въ послѣдствіи свою многолѣтнюю служебную дѣятельность. Ефимъ Андреевичъ опредѣлилъ своего брата въ одно изъ лучшихъ частныхъ московскихъ учебныхъ заведеній того времени (по всей вѣроятности, это былъ благородный университетскій пансіонъ, но въ семействѣ объ этомъ не сохранилось положительныхъ указаній). „Находясь въ этомъ заведеніи и будучи руководимъ своимъ старшимъ братомъ, молодой Шильдеръ, по свидѣтельству его біографа, получилъ образованіе прочное и всестороннее: онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ математикѣ и основательно изучилъ иностранные языки— французскій и нѣмецкій. Приэтомъ не были забыты и изящныя искусства: Карлъ Андреевичъ умѣлъ прекрасно рисовать и игралъ на нѣсколькихъ музыкальныхъ инструментахъ“.

Когда Шильдеру минулъ шестнадцатый годъ, можно было подумать объ исполненіи давнишняго его желанія—поступить на военную службу. Начало военной карьеры Карла Андреевича было весьма скромное; 7-го марта 1802 года его зачислили унтеръ-офицеромъ въ московскій гарнизонный баталіонъ. По прошествіи же года, онъ былъ переведенъ въ колонновожатые [1]) и прошелъ, такимъ образомъ, эту лучшую военную школу того времени [2]). 17-го мая 1806 года Шильдеръ былъ произведенъ въ подпоручики и назначенъ во 2-й піонерный полкъ; съ этого года началась служба его въ рядахъ инженерныхъ войскъ, продолжавшаяся почти полъ столѣтія, до кончины, послѣдовавшей въ 1854 году.

Не имѣя въ виду представить читателямъ „Русской Старины“ полнаго біографическаго очерка жизни генерала Шильдера, мы оставимъ въ сторонѣ турецкую и польскую кампаніи, доставившія Карлу Андреевичу извѣстность отличнаго боеваго генерала и искуснаго инженера; обратимся прямо къ 1832 году, съ котораго начались опыты и различнаго рода предложенія и изобрѣтенія генерала Шильдера

---

[1]) Будучи еще колонновожатымъ, Карлъ Андреевичъ участвовалъ въ кампаніи 1805 года и въ Аустерлицкомъ сраженіи — этимъ началась его боевая служба.

[2]) Молодой Шильдеръ съ особенной охотой и любовью занялся изученіемъ фортификаціи, которая, какъ военная наука, въ то время наиболѣе разработанная и богатая литературой, въ подробности преподавалась колонновожатымъ.

для усиленія обороны сухопутныхъ крѣпостей и приморскихъ пунктовъ; эти именно опыты и предложенія несвѣдующій авторъ нѣмецкой статьи: „Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну“ признаетъ за воздушныя творенія, уподобляемыя имъ, сверхъ того, какимъ-то домамъ, лишеннымъ фундамента и свѣта, но наполненными безконечными лабиринтами, съ которыми не могъ справиться самъ изобрѣтатель. Очевидно, что авторъ разбираемой статьи писалъ эти строки, будучи совершенно незнакомымъ съ описываемымъ имъ предметомъ; едва-ли ему извѣстно хоть одно изъ предложеній генерала Шильдера, начиная отъ такъ-называемыхъ „паростоевъ“; да онъ нигдѣ и не указываетъ на нихъ, а только насмѣхается надъ геніальными опытами русскаго инженера, не удостоенными имъ предварительнаго изученія. Необходимо пояснить здѣсь вкратцѣ эту мало изслѣдованную еще страницу исторіи отечественнаго военнаго искусства.

По возвращеніи изъ польской кампаніи, генералъ-маіоръ Шильдеръ, какъ командиръ гвардейскаго саперного баталіона [1]), находился, наконецъ, въ положеніи, дозволявшемъ ему испытаніе на практикѣ тѣхъ предложеній, которыя давно уже занимали его пытливый умъ; обративъ на себя своими военными подвигами особенное вниманіе императора Николая, онъ могъ съ этого времени прямо расчитывать на просвѣщенную поддержку вѣнценоснаго покровителя инженернаго искусства въ Россіи.

Желая сдѣлать практическія работы саперныхъ баталіоновъ не только школою для обученія нижнихъ чиновъ осаднымъ работамъ, но и средствомъ для рѣшенія научныхъ вопросовъ, генералъ Шильдеръ придалъ въ короткое время этимъ занятіямъ интересъ и значеніе, которое въ настоящее время представляется какимъ-то преданіемъ старины глубокой. Исходной точкой длиннаго ряда весьма важныхъ по своимъ послѣдствіямъ опытовъ, производившихся въ Красномъ Селѣ, послужили испытанія способа воспламененія пороховыхъ зарядовъ помощью галванизма, предпринятыя въ 1832 году по настоятельному ходатайству Карла Андреевича. Этотъ способъ превосходилъ, по мнѣнію генерала Шильдера, всѣ до того времени извѣстныя средства и тогда еще нигдѣ не испробовался для подобной цѣли въ другихъ государствахъ.

Изобрѣтеніе способа воспламененія пороховыхъ зарядовъ галванизмомъ принадлежитъ барону Шиллингу-фонъ-Канштадтъ, служившему въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ [2]); занимаясь много есте-

[1]) А съ 1836 года, какъ начальникъ инженеровъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса.

[2]) Онъ былъ одно время посланникомъ въ Китаѣ и скончался въ Петербургѣ въ 1837 году. Н. Ш.

ственными науками и работая надъ электрическимъ телеграфомъ, онъ напалъ въ 1822 году на мысль о возможности воспламенять порохъ галванической искрою. Но первоначальные опыты не привели къ желаемому результату; хотя порохъ и воспламенился, но тѣмъ не менѣе высшему инженерному начальству угодно было признать изобрѣтателя шарлатаномъ и предложеніе его оставлено безъ послѣдствій. Барону Шиллингу пришлось выжидать для своего изобрѣтенія благопріятныхъ обстоятельствъ; не доставало только энергическаго и знающаго дѣло лица, которое привело бы новое предложеніе къ желаемой цѣли, поставивъ его на практическую почву. Лицо это Шиллингъ нашелъ въ полковникѣ Шильдерѣ, съ которымъ онъ познакомился послѣ перевода Карла Андреевича въ 1826 году въ гвардейскій саперный баталіонъ. Повѣривъ слова изобрѣтателя нѣсколькими опытами, полковникъ Шильдеръ сразу оцѣнилъ всю пользу этого открытія, въ практической обработкѣ котораго еще многаго недоставало; но, занимая въ то время довольно скромное служебное положеніе и не пользуясь еще извѣстностью [1]), онъ не обладалъ тѣмъ авторитетомъ, который всегда требуется для проведенія мыслей и предложеній, хотя и вполнѣ полезныхъ, но не для всѣхъ доступныхъ. Затѣмъ настало время войнъ съ Турціею и Польшею, такъ что только послѣ 1831 года можно было вновь приняться за это дѣло, при измѣнившихся уже обстоятельствахъ. Генералъ Шильдеръ занялся этими опытами съ неутомимой дѣятельностью и даже со страстью [2]); поэтому въ 1832 году, въ Красномъ Селѣ, въ присутствіи императора Николая, оказалось возможнымъ взорвать посредствомъ галванизма первый усиленный горнъ въ 45 пудовъ пороха. Мгновенное сообщеніе огня въ желаемый моментъ, на произвольномъ разстояніи, всѣхъ удивило. Послѣ этого опыта нельзя было болѣе сомнѣваться въ томъ, что въ близкомъ будущемъ галваническій способъ сообщенія пороху огня вытѣснитъ всѣ другіе огнепроводы и будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на способъ и характеръ минной войны. Государь тотчасъ же призналъ всю важность произведеннаго испытанія и приказалъ генералу Шильдеру продолжать подобные же опыты для возможнаго усовершенствованія этихъ новыхъ огнепроводовъ.

На сколько этотъ новый способъ воспламененія минныхъ зарядовъ

---

[1]) Полковникъ Шильдеръ завѣдывалъ въ то время только хозяйственною частью гвардейскаго сапернаго баталіона, такъ какъ генералъ-адъютантъ Геруа оставался до взятія Варны въ 1828 г. въ званіи командира баталіона, занимая въ то же время мѣсто начальника штаба войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ генералъ-инспектора по инженерной части. **Н. Ш.**

[2]) Волькенштейнъ: «Исторія гвардейскаго сапернаго баталіона». Спб. 1851.

удовлетворялъ цѣли, выказалось неопровержимымъ образомъ при оборонѣ Севастополя; только благодаря этому обстоятельству, осажденному возможно было вести столь безпримѣрную въ лѣтописяхъ инженернаго искусства подземную войну, задержавшую передъ ничтожными укрѣпленіями болѣе полугода лучшихъ инженеровъ двухъ передовыхъ націй запада [1]).

Примѣненіе галванизма къ воспламененію минъ сопровождалось двумя важными послѣдствіями: оно породило въ генералѣ Шильдерѣ мысль о новой контръ-минной системѣ, пользуясь трубами, просверленными въ грунтѣ, какъ рукавами минныхъ галерей, и создавая при ихъ содѣйствіи цѣлую систему совершенно особой подземной войны, могущую продлить оборону крѣпости на весьма значительное время.

Для провѣрки своихъ предположеній, генералъ Шильдеръ представилъ проектъ оборонительныхъ минныхъ работъ, по которому было разрѣшено производить практическія инженерныя работы подъ Краснымъ Селомъ въ теченіе 1833 года. Эти первоначальные опыты сопровождались самыми удовлетворительными результатами и доказали, что трубная система составляетъ существенное средство къ возстановленію равновѣсія между атакою и обороною крѣпостей. „Получивъ донесеніе о послѣдствіяхъ первыхъ опытовъ надъ контръ-минной системой генерала Шильдера и дѣйствіемъ подземныхъ оборонительныхъ трубъ противъ осадныхъ работъ, государь императоръ былъ такъ заинтересованъ этими изобрѣтеніями, что приказалъ повторить тѣ же опыты въ своемъ присутствіи“ [2]). Они были произведены 5-го октября 1833 года въ высочайшемъ присутствіи, въ Красномъ Селѣ, и увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Императоръ Николай, вѣрно оцѣнивая всю

[1]) Подъ Севастополемъ обороняющійся произвелъ 94 взрыва (84 горна было взорвано впереди 4-го бастіона и 11 горновъ впереди редута Шварца и 5-го бастіона), изъ которыхъ былъ только одинъ примѣръ отказа, происшедшій по недосмотру. Интересно сравнить эти цифры съ неудавшимися взрывами французовъ, которые взорвали всего 118 горновъ (107 передъ 4-мъ бастіономъ и 11 впереди редута Шварца и 5-го бастіона); они располагали весьма неудовлетворительными средствами воспламененія пороха, употребляя для этой цѣли шнуръ Ларпвіера, съ англійскимъ фитилемъ Бикфорда. При взрывѣ 3-го (15-го) апрѣля изъ 21-го горна остались не взорванными 6 горновъ, вслѣдствіе непринятія мѣръ для уравненія огнепроводовъ. Кромѣ того, у французовъ произошло еще около 20 отказовъ, большею частію по причинѣ дурнаго сращиванія шнура съ англійскимъ фитилемъ. (М. Фроловъ: «Минная война при оборонѣ гор. Севастополя»).

Біографъ К. А. Шильдера поэтому былъ вполнѣ правъ, замѣчая, что придуманный и введенный имъ въ употребленіе галваническій способъ воспламененія минъ составляетъ одну изъ неоцѣнимыхъ услугъ, оказанныхъ генераломъ Шильдеромъ военно-инженерному искусству въ Россіи.

[2]) Мазюкевичъ: «Жизнь и служба К. А. Шильдера». **Н. Ш.**

важность и пользу, которую проекты и предложенія генерала Шильдера принесутъ военно-инженерному дѣлу при должномъ усовершенствованіи, изволилъ тутъ же выразиться, что они составляютъ истинный переворотъ въ инженерномъ искусствѣ [1]). Черезъ недѣлю послѣ этихъ опытовъ, генералъ Шильдеръ былъ награжденъ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ къ его величеству, съ оставленіемъ въ званіи командира гвардейскаго сапернаго баталіона.

Ободренный успѣхомъ опытовъ и вниманіемъ императора Николая, генералъ Шильдеръ продолжалъ безотлагательно свои изслѣдованія и придумалъ еще примѣнять къ оборонѣ крѣпостей, независимо отъ трубной системы, фугасныя ракеты особенной конструкціи, съ значительнымъ количествомъ пороха [2]). Средства, предложенныя генераломъ

---

[1]) Земляной буравъ, какъ минный инструментъ, конечно, не составлялъ новости, такъ какъ употребленіе сверла встрѣчается въ разныхъ минныхъ руководствахъ. Но имъ совѣтовали пользоваться какъ средствомъ для изслѣдованія грунта, для просверливанія вентиляціонныхъ отверстій, равно какъ при выдѣлкѣ трубъ для выслушиванія непріятельскаго минера и т. п. Сверла были несовершенны и цѣль, для которой они предназначались, не имѣла достаточной важности. Но генералъ Шильдеръ далъ сверлу въ минной войнѣ совершенно новое, неизвѣстное дотолѣ примѣненіе вслѣдствіе того, что со введеніемъ гальванизма имѣлось въ рукахъ средство вѣрно и на произвольное разстояніе сообщать огонь пороховому заряду, и въ тоже время располагали при этомъ огнепроводами, неподверженными порчѣ отъ неустранимыхъ причинъ.

Даже въ настоящее время вопросъ о трубныхъ минахъ мало разработанъ за границею и вообще не подвергнутъ еще должному изслѣдованію. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ инженеровъ, творецъ антверпенской крѣпости, полковникъ Бріальмонъ, писалъ въ 1863 году въ своемъ сочиненіи объ оборонѣ государствъ («Etudes sur la défense des Etats») слѣдующее о трубныхъ минахъ: «минное искусство сдѣлало также въ послѣднее время (!!) нѣкоторые успѣхи. Мы укажемъ, между прочимъ, на изобрѣтеніе трубныхъ минъ, называемыхъ также артезіанскими минами». Конечно, автору не были извѣстны опыты, произведенные надъ трубными минами въ Россіи, начиная съ 1833 года и продолжавшіеся во все время царствованія императора Николая.

[2]) Опыты Шильдера съ фугасными ракетами и обширное примѣненіе, данное имъ въ крѣпостной войнѣ, также подверглось забвенію. Вотъ почему могло случиться, что генералъ Константиновъ въ спеціальномъ сочиненіи: «Les fusées de guerre» умолчалъ о нихъ и указалъ на опыты, произведенные въ 1856 г. въ Кобленцѣ, какъ на первую попытку примѣненія ракетъ къ разрушенію осадныхъ работъ. Противъ этой ошибки возражалъ, въ свое время, одинъ академикъ Якоби въ своемъ отчетѣ о названномъ сочиненіи, представленномъ въ 1864 г. въ академію наукъ, возстановивъ истину слѣдующими словами:

«Мы не хотимъ быть соучастникомъ въ забывчивости автора. Многіе еще живы изъ тѣхъ, которые были свидѣтелями опытовъ покойнаго генерала Шильдера надъ фугасными ракетами,—опытовъ, увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ, и которые въ послѣдствіи были еще продолжены безъ него во время практиче-

Шильдеромъ для усиленія обороны сухопутныхъ крѣпостей, подверглись впервые обширному испытанію въ 1838 году въ крѣпости Новогеоргіевскѣ, во время примѣрной атаки Бородинскаго фронта. Опыты эти были весьма удачны и дали самый важный и удовлетворительный результатъ, такъ что на донесеніи главнокомандующаго дѣйствующею арміею, князя Варшавскаго, императоръ Николай положилъ слѣдующую собственноручную резолюцію: „Я былъ впередъ убѣжденъ въ неимовѣрной пользѣ сей системы, которая при дальнѣйшихъ опытахъ еще гораздо усовершенствуется“. Затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть о кіевскихъ опытахъ, состоявшихся въ 1844 и 1845 гг.; они увѣнчались также замѣчательнымъ успѣхомъ и доказали, что трубная система при благопріятномъ грунтѣ представляетъ превосходное средство для продленія обороны крѣпостей [1]). Но творческая изобрѣтательность генерала Шильдера не довольствовалась этими занятіями. Одновременно съ предложеніями трубной системы Карлъ Андреевичъ разработалъ новую мысль относительно примѣненія гальванизма къ военнымъ цѣлямъ: укладывать минные заряды подъ водою и воспламенять ихъ помощью галванизма. „Это важное примѣненіе давало совершенно новое средство для обороны портовъ, береговъ, проливовъ и крѣпостей, имѣющихъ водяные рвы; въ полевыхъ же дѣлахъ взрывомъ минъ подъ водою представлялась возможность разрушать мосты въ то самое мгновеніе, когда непріятель началъ уже по нимъ переправу“. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1834 года, Шильдеръ взорвалъ въ бассейнѣ Обводнаго канала, покрытаго еще льдомъ, прототипъ теперешнихъ подводныхъ минъ въ присутствіи императора и великаго князя Михаила Павловича [2]). Этотъ удачный опытъ, равно

скихъ саперныхъ работъ, исполнявшихся ежегодно въ Красномъ Селѣ и въ Бабьегонахъ. Офиціальные отчеты объ этихъ работахъ, безъ сомнѣнія, должны находиться въ архивахъ». Далѣе г. Якоби продолжаетъ: «Слава этого примѣненія должна принадлежать геніальному человѣку, котораго мы только что назвали, и воспоминаніе о которомъ не скоро изгладится изъ преданій военно-инженернаго корпуса».

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что опыты въ Кіевѣ производились подъ руководствомъ поручика учебнаго сапернаго баталіона Тотлебена, будущаго защитника Севастополя, избраннаго для сего генераломъ Шильдеромъ.

[2]) Великій князь Михаилъ Павловичъ, осматривая разрушеніе, произведенное подводными минами, обращаясь къ находившимся при этомъ офицерамъ гвардейскаго сапернаго баталіона, сказалъ: «Avec ça nous aurons de quoi tenir contre les Anglais».

Эти опыты послужили въ послѣдствіи основаніемъ при разработкѣ генераломъ Шильдеромъ вопроса о подводныхъ минахъ и содѣлали слова великаго князя какъ бы пророческими. Дѣйствительно, двадцать лѣтъ спустя, Кронштадту пришлось обороняться противъ англійскаго флота, причемъ оборонительныя средства,

какъ и успѣшное разрушеніе моста, длиною 20 сажень, подъ Краснымъ Селомъ, убѣдили генерала Шильдера въ томъ, что вопросъ объ устройствѣ подводныхъ минъ должно считать уже рѣшеннымъ въ принципѣ; оставалось только разработать детали, что, конечно, не могло представить особенныхъ затрудненій. Карлъ Андреевичъ предвидѣлъ, что этому безспорно важному открытію предстояла весьма значительная роль при оборонѣ прибрежій и морскихъ военныхъ портовъ, такъ какъ оно составляло могущественное средство для разрушенія непріятельскихъ кораблей. Это открытіе пріобрѣтало еще большую важность въ виду того, что тогда начались значительныя усовершенствованія въ кораблестроеніи и въ морской артиллеріи, калибры которой, быстро увеличиваясь, предвѣщали, что въ скоромъ времени флоты сдѣлаются весьма могущественною военною силой. Поэтому, послѣ перваго же опыта надъ подводною миной, Карлъ Андреевичъ предался изслѣдованію этого способа прибрежной обороны со свойственнымъ ему нетерпѣливымъ увлеченіемъ изобрѣтателя. Онъ не сомнѣвался, что послѣ введенія галваническаго способа воспламенять порохъ, устройство минныхъ непроницаемыхъ для воды сосудовъ, усовершенствованіе запаловъ, способъ соединенія съ ними проводниковъ и т. п., представляютъ вопросы, которые, рано или поздно, будутъ разрѣшены совер-

---

подготовленныя въ этомъ пунктѣ попеченіями генерала Шильдера, оказали неоцѣнимыя услуги для обезпеченія столицы отъ угрожавшей ей тогда опасности Вопросъ о подводныхъ минахъ былъ въ то время еще такъ мало разработанъ на западѣ, что англичане считали даже примѣненіе Россіею этого, для нихъ столь неудобнаго, оборонительнаго средства чуть-ли не противнымъ международному праву. Теперь кажется страннымъ, что подобнаго рода отзывы могли имѣть мѣсто, послѣ того какъ со времени сѣверо-американской междоусобной войны торпедо нашли повсемѣстное примѣненіе. Не менѣе замѣчательно также, что, въ изслѣдованіяхъ о подводныхъ минахъ, даже русскіе писатели готовы признать за американцами первое систематическое употребленіе торпедо, совершенно забывая объ опытахъ, произведенныхъ въ Россіи надъ этимъ вспомогательнымъ боевымъ оружіемъ еще въ періодъ времени, предшествовавшій восточной войнѣ (съ 1834 по 1854 годъ).

Замѣтимъ здѣсь, что Шильдеръ, желая до нѣкоторой степени облегчить свои многостороннія занятія и имѣя въ виду придать изслѣдованію своихъ проектовъ болѣе офиціальное значеніе, обратился въ 1837 году (5-го октября) къ в. к. Михаилу Павловичу, прося исходатайствовать высочайшее соизволеніе на назначеніе комитета, который, провѣривъ предварительными опытами предположенія о подводной оборонѣ, привелъ бы ихъ къ окончательному результату путемъ всесторонняго изслѣдованія. На учрежденіе этого комитета послѣдовало соизволеніе государя и ему присвоено названіе: Комитетъ, высочайше утвержденный о подводныхъ опытахъ; онъ продолжалъ свои дѣйствія до самаго появленія союзнаго флота передъ Кронштадтомъ въ 1854 году.

Н. Ш.

шенно удовлетворительно. Но при этомъ Карлъ Андреевичъ находилъ, что такъ какъ подводныя мины, опущенныя на дно моря, или удерживаемыя въ водѣ на одномъ мѣстѣ помощью якорей, могутъ дѣйствовать лишь въ томъ случаѣ, когда судно приблизится къ нимъ на извѣстное разстояніе, то поэтому подобныя мины составляютъ совершенно пассивное оборонительное средство и лишены даже того слабаго наступательнаго характера, который имѣютъ подземныя дѣйствія при оборонѣ сухопутной крѣпости. Изобрѣтательность Карла Андреевича не остановилась передъ этимъ, повидимому, непреодолимымъ затрудненіемъ и еще раньше, чѣмъ устройство подводныхъ минъ было доведено почти до настоящаго ихъ совершенства, въ живомъ воображеніи Карла Андреевича уже созрѣлъ проектъ лодки, съ помощью которой онъ предполагалъ дѣйствовать наступательно, т. е., онъ полагалъ, двигаясь подъ водою невидимо для непріятеля, подводить свои мины къ самымъ его кораблямъ.

Послѣ разработки этого проекта Шильдеръ приступилъ, съ высочайшаго разрѣшенія, къ построенію подводной лодки на Александровскомъ литейномъ заводѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1834 года лодка была окончена; она обошлась въ 13,448 руб. ассигн. Лодка эта была желѣзная, такъ что, не говоря о цѣли ея и качествахъ, нельзя здѣсь не замѣтить, что первое желѣзное судно въ Россіи было построено генераломъ Шильдеромъ; фактъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ желѣзное судостроеніе находилось еще въ совершенномъ младенчествѣ даже въ Англіи и Франціи.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности относительно устройства подводной лодки генерала Шильдера и произведенныхъ надъ нею опытовъ; замѣтимъ только, что если они и не увѣнчались рѣшительнымъ успѣхомъ, то только потому, что изобрѣтатель ея располагалъ скудными заводскими средствами того времени и встрѣчалъ при выполненіи своего совершенно новаго проекта безпрерывныя затрудненія отъ недостатка необходимыхъ вспомогательныхъ техническихъ средствъ. Наконецъ, современники его, за исключеніемъ одного государя [1]), относились несочувственно къ этому предложенію и не могли уяснить себѣ всю

---

[1]) Приведемъ отрывокъ изъ письма Шильдера къ его тестю, сенатору Н. П. Дубенскому, относящійся къ 1834 году: «...J'ai fini par donner un spectacle très satisfaisant pour mes projets futurs, tant sous l'eau que sous terre— ce qui m'a occupé jour et nuit plus d'une semaine. Notre monarque, qui possède vraiment le feu sacré, a calculé sur le champ toutes les suites des applications possibles à faire et il a parcouru le vaste champ qui s'ouvre pour des projets infinis, au moment même — ce qui a été pour moi — l'inventeur — une continuelle et longue méditation». Н. Ш.

важность подводнаго плаванія, какъ средства морской обороны. Поэтому можно только сказать, что изобрѣтеніе генерала Шильдера было преждевременно, а, какъ справедливо замѣтилъ Наполеонъ III, „изобрѣтенія, превышающія свой вѣкъ, остаются безполезными до тѣхъ поръ, пока уровень общихъ знаній не достигъ ихъ высоты". Дѣйствительно, различнаго рода предложенія Карла Андреевича по настоящее время сохранили всю свою важность для военно-инженернаго дѣла и преслѣдуются теперь повсемѣстно, а раціональность основаній, принятыхъ имъ для подводнаго плаванія, подтвердилась позднѣйшими опытами [1]).

Къ числу подобнаго рода, можетъ быть, преждевременныхъ предложеній генерала Шильдера, осужденныхъ современниками, относятся также построенные имъ своеобразные пароходы, о которыхъ, повидимому, что-то слыхалъ и нѣмецкій авторъ, вызвавшій своей статьей печатаемыя теперь замѣтки. При постройкѣ ихъ „изобрѣтатель стремился къ достиженію тѣхъ цѣлей, которымъ суждено было осуществиться только спустя почти 30 лѣтъ, именно: онъ хотѣлъ сдѣлать пароходъ непроницаемымъ для артиллерійскихъ снарядовъ, скрыть отъ выстрѣловъ механизмъ, служащій для движенія судна, и, по возможности, уменьшить размѣры подводной части его, чтобы судно представляло возможно малую цѣль для

---

[1]) Въ 1855 году испытывалась въ Кронштадтѣ подводная лодка иностранца Бауэра; она совершила 134 подводныхъ плаванія и, по мнѣнію нѣмецкихъ писателей, принципъ, на основаніи котораго Бауэръ устроилъ свою лодку, совершенно новый и никогда еще не былъ примѣненъ на дѣлѣ. Между тѣмъ, подводное судно Бауэра отличается отъ лодки генерала Шильдера только вдвое большими размѣрами и лучшею разработкою деталей; что же касается до принципа, принятаго въ основаніе проекта, то, сравнивая обѣ лодки, между ними нельзя найти никакой разницы. Это обстоятельство замѣтилъ тогда же изобрѣтателю академикъ Якоби, указавшій Бауэру, при опытахъ надъ его лодкою въ Кронштадтѣ, что уже 20 лѣтъ тому назадъ генералъ Шильдеръ, при испытаніи своей лодки, достигъ погруженія и всплыванія ея при содѣйствіи средствъ, совершенно одинаковыхъ съ предлагаемыми нынѣ вновь г. Бауэромъ. Хотя опыты 1855 года также не привели еще къ положительному рѣшенію столь труднаго вопроса, какимъ представляется задача подводнаго плаванія, но лодка Бауэра оказалась, конечно, уже болѣе совершенною судна 1834 года, причемъ справедливость предположеній генерала Шильдера относительно подводнаго плаванія получила блистательное подтвержденіе. Большій успѣхъ опытовъ 1855 года объясняется тѣмъ, что генералъ Шильдеръ могъ располагать весьма ограниченными средствами сравнительно съ Бауэромъ, которому русское правительство отпустило на постройку лодки 74,000 руб. серебр., и, что еще важнѣе, болѣе совершенное состояніе всѣхъ техническихъ производствъ, конечно, во многомъ облегчало иностранному изобрѣтателю разрѣшеніе предстоявшей ему задачи. Н. Ш.

непріятельскихъ артиллеристовъ. Эти идеи осуществились только въ шестидесятыхъ годахъ появленіемъ броненосныхъ кораблей и мониторовъ"[1]). Генералу Шильдеру не было суждено дожить до полнаго примѣненія на практикѣ въ дѣлѣ судостроенія тѣхъ мыслей, которыя его занимали уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Онъ скончался не понятый современниками; потомство же, къ сожалѣнію, продолжаетъ ложно оцѣнивать его труды и стремленія и потому неудивительно, что и нѣмецкій авторъ не нашелъ сказать объ этомъ ничего другаго, какъ только то, что генералъ Шильдеръ строилъ какіе-то чудесные пароходы, которые не двигались съ мѣста!

Теперь намъ остается еще объяснить участіе, принятое генераломъ Шильдеромъ въ дунайской кампаніи. Прежде всего необходимо возстановить истину относительно тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ послѣдовало назначеніе его состоять временно въ распоряженіи князя М. Д. Горчакова, командовавшаго тогда войсками, занимавшими придунайскія княжества.

Когда вспыхнула восточная война, генералъ-адъютантъ Шильдеръ занималъ въ Варшавѣ должность начальника инженеровъ дѣйствующей арміи. Съ самаго начала столкновенія нашего съ Турціею, Карлъ Андреевичъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣлъ на востокѣ, а затѣмъ, по объявленіи намъ войны Портой, и за дѣйствіями, открывшимися на Дунаѣ, на мѣстности, столь знакомой ему еще со времени кампаніи 1828 и 1829 годовъ. Само собою разумѣется, что онъ считалъ для себя великимъ счастіемъ подвизаться еще разъ на бранномъ полѣ, въ особенности же за такое дѣло, которому онъ сочувствовалъ всѣми мыслями своей пылкой души—освобожденіе христіанъ на востокѣ и возвращеніе св. Софіи православному богослуженію составляло издавна его любимую мечту; но тѣмъ не менѣе, не имѣя привычки напрашиваться на полученіе какого бы то ни было назначенія, генералъ-адъютантъ Шильдеръ никогда не утруждалъ государя просьбою о командированіи его къ войскамъ, дѣйствовавшимъ на Дунаѣ. Все это дѣло устроилось безъ всякаго личнаго съ его стороны вмѣшательства[2]).

---

[1]) М. Мазюкевичъ: «Жизнь и служба К. А. Шильдера».

[2]) Припомнимъ здѣсь, что нѣмецкій авторъ статьи: «Паскевичъ въ крымскую войну» утверждаетъ, что генералъ Шильдеръ выпросилъ у императора Николая, какъ особую милость, переводъ въ дунайскую армію и руководство осадой Силистріи. Подробности о назначеніи генерала Шильдера въ распоряженіе князя Горчакова появляются нынѣ впервые въ печати. Но тѣмъ не менѣе авторъ разбираемой нами статьи могъ бы объ этомъ найти уже слѣдующую замѣтку въ запискахъ генерала Ушакова, которыми онъ неоднократно

Еще при отъѣздѣ князя Горчакова изъ Варшавы на Дунай для занятія Придунайскихъ княжествъ, Паскевичъ сказалъ ему, что въ случаѣ серьезныхъ дѣйствій въ Турціи, слѣдуетъ вытребовать туда генерала Шильдера [1]). Князь Михаилъ Дмитріевичъ не забылъ этихъ словъ фельдмаршала и 29-го ноября 1853 года онъ писалъ военному министру князю Долгорукову: „... ради Бога, выпросите мнѣ генерала Шильдера. За него я бы отдалъ дивизію“ [2]), а позднѣе, 14-го декабря 1853 года: „... я уже извѣстилъ фельдмаршала, что пишу вамъ насчетъ Шильдера, пользуясь его благосклоннымъ предложеніемъ. Впрочемъ, Шильдеръ мнѣ необходимъ. Онъ именно исполнитель предстоящаго дѣла“. Государь приказалъ тотчасъ сообщить фельдмаршалу желаніе князя Горчакова и, съ согласія князя Варшавскаго, послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи генералъ-адъютанта Шильдера на нѣкоторое время къ князю Горчакову; повелѣніе это было сообщено ему черезъ дежурнаго генерала дѣйствующей арміи 20-го декабря 1853 года [3]).

Слѣдя, какъ уже выше упомянуто, съ особеннымъ вниманіемъ за ходомъ открывшихся въ 1853 г. противъ Турціи военныхъ дѣйствій,

---

пользовался: «По возвращеніи нашемъ въ Бухарестъ, мы нашли тамъ пріѣхавшаго изъ Варшавы генералъ-адъютанта Шильдера. Онъ былъ присланъ въ армію по высочайшему повелѣнію, основанному на просьбѣ самаго князя Горчакова».

[1]) Объ этомъ князь Горчаковъ упоминаетъ въ письмѣ военному министру отъ 14-го декабря 1853 года: «A mon départ de Varsovie le maréchal m'avait dit qu'en cas d'opérations sérieuses il me faudrait demander Schilder. Je me flatte donc de ne pas éprouver de refus de sa part».

[2]) «...En grâce obtenez moi le général Schilder. Je donnerai une division pour l'avoir».

[3]) 21-го декабря 1853 г. князь Горчаковъ писалъ военному министру изъ Букареста: «...Сейчасъ узналъ, что Шильдеръ прибудетъ ко мнѣ дней черезъ десять. Онъ окажетъ мнѣ драгоцѣнную помощь, потому что мнѣ предстоятъ, по крайней мѣрѣ, три переправы черезъ рѣку и одна осада».

24-го декабря военный министръ увѣдомлялъ князя Горчакова, что отправляемое при семъ письмо найдетъ уже при немъ генерала Шильдера, такъ какъ онъ получилъ приказаніе отправиться въ княжества и никогда не опаздывалъ являться на поле брани или для работы.

29-го декабря фельдмаршалъ писалъ князю Горчакову: «...Осады крѣпостей для насъ теперь не такъ трудны, какъ бывало въ прежнія войны, когда наши инженеры думали, что сдѣлали все возможное, когда подходили къ крѣпости на 300 саженъ, и никто и не думалъ имъ противорѣчить. Генералъ Шильдеръ будетъ вамъ въ семъ случаѣ отличнымъ помощникомъ, да я увѣренъ, что и онъ найдетъ много хорошихъ себѣ помощниковъ между офицерами, воспитывавшимися въ инженерномъ училищѣ. Слава Богу, съ учрежденіемъ сего заведенія мы не отстанемъ теперь отъ иностранцевъ». **Н. Ш.**

генералъ-адъютантъ Шильдеръ сильно порицалъ распоряженія князя Горчакова на Дунаѣ, которыя онъ признавалъ совершенно не соотвѣтствующими обстоятельствамъ. Онъ отдыхалъ только мыслью при чтеніи донесеній объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ нашихъ въ Азіятской Турціи и на Черномъ морѣ. Фанатически увѣренный въ томъ, что войну надлежало вести быстро и рѣшительно, Шильдеръ говорилъ, что князь Горчаковъ растянулъ свои войска въ княжествахъ на подобіе паутины, которую турки вездѣ могутъ прорвать безнаказанно и находилъ, что крайне осторожный образъ дѣйствій его—стыдъ и вѣчное пятно для русскаго оружія. Обдумывая предстоящія дѣйствія въ княжествахъ, генералъ Шильдеръ былъ того мнѣнія, что, для успѣшнаго и безостановочнаго открытія кампаніи, слѣдуетъ прежде всего исправить ужасное упущеніе, сдѣланное относительно дѣйствій по лѣвому берегу Дуная; по его мнѣнію, намъ слѣдовало господствовать по всему лѣвому берегу рѣки и сдѣлать невозможнымъ для турокъ занимать въ значительныхъ силахъ, хотя временно, какой-либо пунктъ на нашемъ берегу. Для достиженія этой цѣли онъ считалъ необходимымъ озаботиться безотлагательно о повсемѣстномъ уничтоженіи на Дунаѣ турецкой флотиліи, чтобы лишить непріятеля перевозочныхъ средствъ для занятія лѣваго берега; надлежало поэтому тотчасъ приступить къ постройкѣ батарей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ турки безпрерывно пытались переправляться на занятый нами берегъ. Лишивъ же непріятеля всякой точки опоры на лѣвомъ берегу, въ томъ числѣ и Калафата, Шильдеръ полагалъ перейти съ арміей Дунай и открыть немедленно осаду Силистріи, а затѣмъ и Рущука, чтобы, утвердившись прочно на этой рѣкѣ, обезпечить за собою успѣхъ дальнѣйшаго наступленія къ Балканамъ.

Генералъ Шильдеръ бесѣдовалъ также неоднократно о предстоящей кампаніи съ княземъ Варшавскимъ. Въ это время, т. е. въ концѣ декабря мѣсяца 1853 года, фельдмаршалъ не отказывался еще отъ мысли наступательныхъ дѣйствій противъ Турціи, даже находилъ возможнымъ, въ случаѣ успѣшной поддержки возстанія христіанскихъ племенъ, окончить кампанію въ Адріанополѣ. Паскевичъ расчитывалъ, по совершеніи переправы черезъ нижній Дунай, приступить уже въ мартѣ къ осадѣ Силистріи и овладѣть ею въ три недѣли; разъясняя свои предположенія о войнѣ съ Портой, онъ передалъ даже генералу Шильдеру свои мысли относительно того, что дѣлать съ Силистріею по взятіи ея [1]).

---

[1]) 29-го декабря фельдмаршалъ писалъ князю Горчакову: «..... По взятіи Силистріи, какъ крѣпость сія слишкомъ велика и потребовала бы большаго гарнизона, я бы не оставилъ всѣхъ укрѣпленій, уничтожилъ бы половину, а

Первая забота Карла Андреевича, въ виду предстоящаго отправленія въ армію, заключалась въ прiисканіи себѣ достойныхъ помощниковъ для успѣшнаго выполненія на Дунаѣ разнообразныхъ работъ по инженерной части. Выборъ его палъ прежде всего на генералъ-маіора Дубенскаго, раздѣлявшаго съ нимъ всѣ труды послѣдней турецкой кампаніи и занимавшаго въ то время мѣсто члена инженернаго отдѣленія военно-ученаго комитета, равно какъ на своего прежняго адъютанта, капитана гвардейскихъ инженеровъ Тотлебена. Этихъ двухъ лицъ, непосредственно состоявшихъ въ его распоряженіи на Дунаѣ, онъ признавалъ своими лучшими помощниками. Кромѣ того, генералъ Шильдеръ просилъ еще о назначеніи къ нему поручика 1-го сапернаго баталіона Рубанова и инженеръ-капитана Фолькмута[1]). Всѣ эти лица, согласно ходатайству объ этомъ князя Варшавскаго, были командированы въ распоряженіе генералъ-адъютанта Шильдера на Дунай.

Передъ тѣмъ, чтобы обратиться къ разсказу о прибытіи генералъ-адъютанта Шильдера въ Букарестъ, необхомимо упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ его жизни, послужившемъ исходной точкой самыхъ разнообразныхъ толковъ, которыми украсились даже страницы нѣкоторыхъ романовъ: это принятіе Карломъ Андреевичемъ православія до выѣзда изъ Варшавы въ армію и увлеченіе его спиритизмомъ.

Присоединеніе къ православной церкви составляло уже съ давняго времени задушевное желаніе Карла Андреевича. Если же онъ не рѣшался на этотъ шагъ ранѣе, то единственно во избѣжаніе праздныхъ толковъ, всегда вызываемыхъ въ обществѣ подобнымъ рѣшеніемъ. Но въ кругу семьи онъ выражалъ неоднократно положительнымъ образомъ свою непремѣнную волю и искреннее желаніе умереть сыномъ православной церкви, ученіе которой болѣе удовлетворяло глубокому религіозному чувству его поэтической и восторженной души; въ случаѣ опасной болѣзни, онъ просилъ близкихъ къ нему лицъ непремѣнно озаботиться о своевременномъ призваніи священника для совершенія таинства міропомазанія. Томимый, можетъ быть, предчувствіемъ близкой кончины въ предстоящей кампаніи, Карлъ Андреевичъ рѣшился не откладывать далѣе свое присоединеніе къ православію; обстоятельство это представляетъ тѣмъ болѣе вѣроятія, что онъ даже скрылъ свое рѣшеніе отъ членовъ своей семьи, опасаясь

изъ другой устроилъ бы крѣпость въ меньшемъ объемѣ. Объ этомъ я передалъ мысли мои генералу Шильдеру».

[1]) Капитанъ Фолькмутъ отличился въ послѣдствіи при осадѣ Силистріи и въ особенности во время обороны Севастополя, гдѣ онъ лишился руки.

усугубить преждевременно тяжкое впечатлѣніе предстоящей разлуки. 5-го января, въ сочельникъ, наканунѣ отъѣзда въ армію, состоялся обрядъ присоединенія генералъ-адъютанта Шильдера къ греко-россійскому исповѣданію, въ военной походной замковой церкви св. великомученика Георгія; при этомъ присутствовалъ только князь Варшавскій и его супруга, княгиня Елисавета. При св. миропомазаніи ему наречено имя Александръ, избранное генераломъ Шильдеромъ, какъ встрѣчавшееся уже неоднократно въ семействѣ. Мнѣніе, нерѣдко высказываемое даже въ печати, что будто бы движущіеся столы и сношенія черезъ нихъ съ загробнымъ міромъ возбудили генерала Шильдера перейти изъ лютеранства въ православіе и принять имя Александра, не имѣетъ никакого основанія—между этими событіями никогда не было ничего общаго.

Что же касается до движущихся столовъ и тѣхъ явленій спиритизма, которыя дѣйствительно весьма интересовали генерала Шильдера, то истина объ этомъ заключается въ слѣдующихъ фактахъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ повсюду въ обществѣ стали заниматься движущимися столами; явленіе это всѣхъ заинтересовало и обратило на себя всеобщее вниманіе. Но дѣло не ограничилось этими опытами; ихъ вскорѣ замѣнило стологаданіе, причемъ психографы, т. е. медіумы, вступали въ сношеніе съ загробнымъ міромъ помощью маленькаго столика, одна ножка котораго снабжалась карандашомъ. Въ послѣдствіи этотъ способъ постепенно упростился и окончательно процессъ этотъ совершался путемъ обыкновеннаго карандаша или пера. Сеансы эти представляли подъ часъ весьма интересныя явленія, и, конечно, не могли остаться безъ вліянія на воспріимчивый и впечатлительный характеръ генерала Шильдера. Знакомый уже съ давнихъ поръ съ сочиненіями Сведенборга и ученіемъ секты новаго Іерусалима, вызванной къ жизни этою загадочною личностью, Карлъ Андреевичъ не могъ не слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за тѣми опытами съ движущимися столами, которые все чаще встрѣчались въ варшавскомъ обществѣ. Замѣчательно, что у всѣхъ тогдашнихъ медіумовъ съ Карломъ Андреевичемъ вступалъ постоянно въ бесѣду изъ загробнаго міра духъ покойнаго императора Александра; онъ увѣрялъ его въ своемъ особомъ покровительствѣ, сообщалъ прекрасныя молитвы и часто распространялся о предстоящей борьбѣ съ Турціею и объ окончательномъ несомнѣнномъ торжествѣ Россіи надъ ея врагами[1]). У одного медіума столикъ пи-

---

[1]) Впрочемъ, эти пророчества, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, были весьма темнаго свойства, допускавшія весьма разнообразное и растяжимое толкованіе. Н. Ш.

салъ даже свои изреченія такъ, что чтеніе ихъ возможно было только при помощи зеркала и, кромѣ того, столикъ рисовалъ разнаго рода аллегорическія изображенія и нерѣдко даже небольшія картинки, изображавшія собою различные эпизоды изъ священнаго писанія; глядя на послѣднія, можно и теперь призадуматься, какимъ образомъ, при помощи столика, даже опытный художникъ былъ бы въ состояніи выполнить такіе отчетливые во всѣхъ отношеніяхъ рисунки. Всѣ эти явленія, конечно, сильно заинтересовали генерала Шильдера, и были вообще вполнѣ безвреднаго свойства; но все дѣло приняло совершенно другой оборотъ, когда дѣйствующимъ лицомъ явилась одна пожилая особа изъ высшаго польскаго общества. Вспоминая событія этого времени и сопоставляя ихъ съ разоблаченіями послѣдняго польскаго мятежа, доказавшими до какой степени изобрѣтательны враги Россіи во всемъ могущемъ принести вредъ имперіи, на умъ невольно приходитъ многое, прошедшее тогда незамѣченнымъ и нуждающееся еще въ объясненіи. Въ то время извѣстно было, что по высочайшему повелѣнію посылается на Дунай генералъ, одаренный необыкновенной предпріимчивостію, геройскою храбростію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пламеннымъ воображеніемъ; въ княжествахъ же роль главнокомандующаго выпала на долю человѣка нерѣшительнаго, не имѣвшаго вѣры къ собственнымъ воззрѣніямъ, и опасавшагося на каждомъ шагу отвѣтственности[1]). Столкновеніе между этими двумя лицами, уже по самому свойству ихъ обоюднаго характера, было неизбѣжно, тѣмъ болѣе, что генералъ Шильдеръ, по природной своей вспыльчивости, не могъ высказывать и защищать свои идеи спокойно, не выходя изъ себя, причемъ онъ рѣшительно забывалъ, кого онъ имѣетъ передъ собою; въ пылу справедливаго неудовольствія доставалось одинаково и старшимъ и младшимъ, а на Дунаѣ дѣла творились безъ особенной чести для русскаго оружія и было о чемъ гнѣваться и спорить съ княземъ Горчаковымъ. Этими обстоятельствами воспользовались какъ нельзя лучше и дѣло было ведено весьма искусно, чтобы все-

[1]) Князь Горчаковъ самъ въ этомъ признавался. Когда ему былъ присланъ военнымъ министромъ, 3-го ноября 1853 г., планъ дѣйствій противъ Турціи, начертанный самимъ императоромъ, съ просьбою сообразить его съ мѣстными обстоятельствами и сообщить вполнѣ откровенно мнѣніе свое по этому предмету, князь Горчаковъ это сдѣлалъ, наконецъ, 29-го ноября, прибавивъ, что, безъ настоятельнаго приказанія государя, онъ никогда бы не рѣшился указать на пользу внесенія необходимыхъ варіантовъ, «такъ мало я имѣю вѣры въ собственныя идеи. (Encore une fois, je vous supplie de faire agréer à S. M. la hardiesse que je prend en énonçant l'utilité de quelques variantes. Si ce n'était Sa volonté expresse, je n'aurai pas osé les exposer, tant j'ai peu de confiance dans mes idées) **Н. Ш.**

лить и упрочить возможно бо́льшій раздоръ въ высшемъ управленіи арміи. Императоръ Александръ I, высказывавшій свои совѣты черезъ этого психографа, являлся здѣсь совершенно инымъ духомъ, чѣмъ у другихъ медіумовъ; здѣсь уже не сообщались молитвы, исполненныя высокаго христіанскаго смиренія, но проповѣдывалось совсѣмъ иное дѣло; этотъ психографъ вліялъ на самолюбіе, на безъ того уже сильное воображеніе своего слушателя и вообще по мѣрѣ силъ дѣйствовалъ на недостатки, свойственные и самымъ лучшимъ и достойнымъ людямъ. Всѣ эти наставленія и бесѣды образовали собою толстую книгу, которая сдѣлала генерала Шильдера до крайности раздражительнымъ, и обратила его въ непримиримаго антагониста князя Горчакова. Всякое соглашеніе между ними стало немыслимымъ [1]).

Но этого было еще мало; психографъ настаивалъ и на томъ, чтобы нѣкоторыя сообщенія его были бы представлены генераломъ Шильдеромъ на воззрѣніе государя. Къ счастію, Карлъ Андреевичъ воздержался отъ исполненія подобнаго требованія; иначе стремленія извѣстной партіи достигли бы сразу окончательной цѣли, и, конечно, командировка генерала Шильдера въ княжества не состоялась бы; въ такомъ случаѣ, армія была бы лишена свѣдующаго и опытнаго генерала, а въ глазахъ императора уронили бы навсегда человѣка, дотолѣ пользовавшагося благоволеніемъ своего монарха, искренно-цѣнившаго его рѣдкія дарованія [2]).

---

[1]) Разсматривая переписку князя Горчакова, видно, какимъ образомъ охладѣвали постепенно его искреннія дружескія чувства въ отношеніи генерала Шильдера. Прежнія дружескія письма замѣнились сообщеніями строго оффиціальнаго характера; князь сталъ даже жаловаться военному министру на своего подчиненнаго, говоря, что онъ романизируетъ подъ стѣнами Силистріи (Childer est toujours un peu dans les romans). Когда же генералъ-адъютантъ Шильдеръ былъ раненъ, князь Горчаковъ ни разу не отвѣчалъ на вопросы, дѣлаемые государемъ: «Каково Шильдеръ и гдѣ онъ?» Наконецъ, о смерти его онъ сообщилъ въ припискѣ къ письму военному министру: «Childer vient de mourir avant hier», какъ-будто дѣло шло о самомъ не стоющемъ вниманія событіи, а не о геройской кончинѣ генерала, за котораго онъ прежде готовъ былъ отдать дивизію, говоря ему: «Vous seul pouvez nous sauver».

[2]) Возвратимся еще разъ къ повѣствованію нѣмецкаго автора: никогда голосъ императора Александра, возвѣщавшійся генералу Шильдеру чрезъ психографа, не побуждалъ его ходатайствовать у государя о переводѣ въ дунайскую армію и разрѣшеніи принять участіе въ осадѣ Силистріи; выше уже былъ представленъ истинный ходъ этого дѣла, на которое движущіеся столы повліяли столь же мало, какъ и на рѣшеніе Карла Андреевича принять православіе. Не менѣе ошибочно мнѣніе, что этотъ же духъ черезъ психографа увѣрилъ его въ томъ, что онъ, Шильдеръ, покоритъ Силистрію въ самое короткое время и что его лично не постигнетъ при этомъ никакое несчастіе, вслѣд-

Надѣясь скорѣе прибыть въ Букарестъ заграничнымъ путемъ, генералъ-адъютантъ Шильдеръ избралъ, съ разрѣшенія князя Варшавскаго, дорогу черезъ Австрію. Вечеромъ 6-го января, онъ выѣхалъ изъ Варшавы по вѣнской желѣзной дорогѣ, въ сопровожденіи своихъ двухъ адъютантовъ, штабсъ-капитана 1-го сапернаго баталіона Ахбауера[1]) и полеваго инженеръ-поручика Тидебеля[2]). Но ожиданія генерала Шильдера сократить избраннымъ путемъ время переѣзда не оправдались; желѣзная дорога кончалась въ то время уже въ Пресбургѣ, а дальнѣйшее слѣдованіе черезъ Венгрію и Трансильванію сопряжено было съ неимовѣрными затрудненіями, благодаря плачевному состоянію дорогъ, представлявшихъ одну густую и сплошную грязь; мѣстами пришлось даже вытаскивать экипажи изъ пятой стихіи, какъ ее называлъ Наполеонъ, волами. 17-го января генералъ Шильдеръ прибылъ только въ Германштадтъ и, наконецъ, 24-го января достигъ Букареста, пробывъ въ дорогѣ почти безостановочно 18 дней[3]).

ствіе чего въ немъ вселилось убѣжденіе въ своей несокрушимости. Этимъ путемъ, т. е. безусловной вѣрой во все сказанное психографомъ, нѣмецкій авторъ объясняетъ обыкновеніе генерала Шильдера подвергать себя непріятельскому огню съ величайшимъ спокойствіемъ, самымъ безразсудно смѣлымъ образомъ, какъ бы это само собою разумѣлось. Подобное ложное толкованіе образа дѣйствій генерала Шильдера нельзя пройти молчаніемъ и оставить безъ возраженія.

Храбрость и полное пренебреженіе опасностію, свойственныя генералу Шильдеру, обнаружились не только въ послѣднюю кампанію, но и во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе; храбрость его никогда не знала предѣловъ и не разъ увлекала его въ такіе поступки, за которые онъ могъ поплатиться жизнію; по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ, онъ былъ какъ бы лишенъ всякаго чувства самосохраненія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ ознакомиться съ дѣйствіями генерала Шильдера въ турецкую кампанію 1828 и 1829 гг. и при усмиреніи польскаго мятежа; желая ободрить солдатъ, онъ не останавливался въ критическія минуты ни передъ какой опасностью. Поэтому неудивительно, если онъ и на Дунаѣ продолжалъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, и подъ Силистріею разъѣзжалъ по осаднымъ работамъ верхомъ, на бѣлой лошади, подъ градомъ пуль, отмахиваясь платкомъ и приговаривая «пчелы, пчелы», или же влѣзалъ на брустверъ и стоялъ подъ ихъ выстрѣлами.

[1]) Ахбауэръ принадлежалъ въ послѣдствіи къ числу защитниковъ Севастополя, и кровью запечатлѣлъ свою преданность новому отечеству (онъ былъ австрійскій уроженецъ): онъ скончался отъ раны, 12-го мая 1855 г., въ чинѣ капитана.

[2]) Тидебель занимаетъ въ настоящее время должность начальника Николаевскаго инженернаго училища и академіи; онъ оказалъ большія отличія въ Севастополѣ и удостоился получить Георгіевскій крестъ 4-й степени при заложеніи редута. **Н. Ш.**

[3]) Проѣздъ черезъ Австрію не остался безъ вліянія на взгляды генерала

Пріѣздъ генералъ-адъютанта Шильдера взволновалъ всю главную квартиру. „Всѣ знали,—говоритъ очевидецъ, генералъ Ушаковъ,—его необыкновенную предпріимчивость, пылкость, геройскую храбрость, искусство въ постройкѣ полевыхъ укрѣпленій въ виду непріятеля и рѣдкую находчивость въ разныхъ случаяхъ войны, особенно по своей части; а потому и надѣялись, что наступитъ, наконецъ, періодъ военныхъ дѣйствій болѣе энергическій, а слѣдовательно, и болѣе успѣшный“. При первомъ же свиданіи съ княземъ Горчаковымъ генералъ Шильдеръ вступилъ съ нимъ въ самыя горячія объясненія, которыя постепенно приняли самыя рѣзкія формы; самъ Шильдеръ говорилъ, что онъ на мѣстѣ князя Михаила Дмитріевича, конечно, просилъ бы государя императора избавить главнокомандующаго отъ такого безпокойнаго человѣка, который, хотя временно, но бѣснуется какъ бы самъ сатана. Но за что и отчего?—продолжалъ онъ далѣе—оттого, что дѣло нынѣ идетъ о царѣ, Россіи и православіи, а весь планъ дѣйствій никуда не годится“ [1]). Дѣйствительно, въ моментъ пріѣзда генерала Шильдера, равно какъ и въ послѣдствіи, было о чемъ гнѣваться и придти въ неописанное раздраженіе; князь Горчаковъ тогда только что возвратился отъ Калафата, не придя, по обыкновенію, ни къ какому рѣшенію.

Послѣ дѣла при Четати князь Горчаковъ, въ началѣ января, лично отправился въ Малую Валахію; можно было полагать, что участь Калафата будетъ, наконецъ, рѣшена, такъ какъ противъ этого турецкаго оплота было предпринято грозное движеніе; упорный бой казался неминуемымъ. Но все кончилось ничѣмъ; по обыкновенію горчаковской стратегіи, гора мышь родила. 17-го января Горчаковъ подступилъ къ Калафату и произвелъ рекогносцировку возведенныхъ здѣсь турками укрѣпленій, которая убѣдила его только въ невозможности

Шильдера относительно предстоящихъ намъ дѣйствій на Дунаѣ. Повсюду австрійскія власти и офицеры принимали генералъ-адъютанта русскаго императора съ величайшимъ радушіемъ и самою изысканною привѣтливостію; онъ еще болѣе увѣровалъ въ томъ, что намъ въ сущности нечего опасаться австрійскаго вмѣшательства; предстояла только настоятельная надобность дѣйствовать противъ турокъ болѣе рѣшительнымъ образомъ, одержать хоть какой-нибудь успѣхъ надъ Портой, чтобы побудить вѣнскій кабинетъ къ принятію менѣе враждебнаго положенія относительно Россіи. Но, къ несчастію, Шильдеру никогда не удалось убѣдить князя Горчакова въ справедливости этого взгляда, а въ послѣдствіи также безуспѣшно убѣждалъ онъ и Паскевича. Да что же удивляться, если самъ императоръ не успѣлъ повліять въ этомъ смыслѣ на избраннаго имъ главнокомандующаго, упорно отстаивавшаго свою боязливую политику вплоть до очищенія княжествъ.

[1]) Изъ письма къ генералъ-адъютанту Философову. Н. Ш.

атаковать теперь непріятельское расположеніе. Затѣмъ, оставивъ передъ Калафатомъ генерала Липранди, съ сильнымъ отрядомъ, онъ приказалъ ему не предпринимать ничего рѣшительнаго, а только тѣсно блокировать непріятельскій укрѣпленный лагерь, а самъ возвратился въ Букарестъ. Здѣсь онъ, по прежнему, впалъ въ разныя запутанныя соображенія, оправдывая подъ разными предлогами бездѣйствіе арміи.

Несмотря на малое сочувствіе князя Горчакова къ предположеніямъ Шильдера относительно дѣйствій дунайской арміи, послѣдній все-таки продолжалъ настаивать на необходимости повсемѣстнаго уничтоженія турецкой флотиліи и воспрепятствованія непріятелю занимать въ значительныхъ силахъ какой-либо пунктъ на нашему берегу. Въ немъ вспыхнула вся энергія молодыхъ лѣтъ: дѣятельность его была необыкновенная, онъ удвоился, удесятерился и всюду поспѣвалъ, гдѣ являлась надобность отражать турецкія покушенія на лѣвый берегъ Дуная. Вскорѣ теченіе всей рѣки огласилось громомъ шильдеровскихъ батарей [1]; мы помѣнялись съ тѣхъ поръ въ роляхъ съ турками, начинали ихъ безпрерывно тревожить и запрятанные по Дунаю отряды наши встрепенулись.

26-го января генералъ-адъютантъ Шильдеръ поскакалъ въ Журжу. Очевидцы помнятъ еще, какое впечатлѣніе произвело на тамошній отрядъ появленіе предпріимчиваго и восторженнаго старца, умѣвшаго возбуждать во всѣхъ окружающихъ его лицахъ одушевлявшую его неустрашимость и увѣренность успѣха. Дѣятельность генерала Шильдера вселила въ князѣ Горчаковѣ сильнѣйшее безпокойство; принятому нами оборонительному положенію грозилъ нежданный конецъ, и князю оставалось только восклицать: „mais au nom de tous les saints du paradis, laissez moi commander les troupes comme je l'entends“ [2]. Но все кончилось благополучно; 2-го февраля турецкая флотилія подъ Рущукомъ была частью окончательно истреблена, частью же сильно повреждена. Генералъ-адъютантъ Шильдеръ удостоился получить за это дѣло всемилостивѣйшій рескриптъ и государь писалъ князю Горчакову (18-го февраля 1854 г.): „...Дѣло подъ Журжею было, точно, прекрасное и, надѣюсь, на время отняло способы къ переправѣ турокъ и дастъ тамъ болѣе покоя въ центрѣ“.

Оцѣнка дѣйствій генералъ-адъютанта Шильдера на Дунаѣ въ пе-

---

[1]) Благодаря своей живой изобрѣтательности, генералъ Шильдеръ придумалъ всюду особаго рода батареи съ анвелопами, эполементами и другія, вполнѣ примѣненныя къ требованію мѣстныхъ условій и имѣющимся у насъ въ распоряженіи средствамъ. Относительно этихъ батарей, князь Горчаковъ писалъ даже государю, что онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія.

[2]) Изъ письма князя Горчакова къ генералъ-адъютанту Шильдеру. **Н. Ш.**

ріодъ времени, предшествовавшій осадѣ Силистріи, не можетъ войти въ составъ нашихъ краткихъ замѣтокъ: они подлежатъ еще всесторонней разработкѣ безпристрастной исторіи. Нѣкоторые относящіеся до сего матеріалы помѣщены нами въ октябрьской книгѣ „Русской Старины". Въ послѣдующихъ же замѣткахъ мы ограничимся только одними указаніями относительно осады Силистріи, избранной, главнымъ образомъ, нѣмецкимъ авторомъ для характеристики дѣйствій фельдмаршала Паскевича въ кампанію 1854 года.

Замѣтимъ здѣсь еще только, что генералъ Шильдеръ, руководя лично всѣми предпріятіями нашими на Дунаѣ, по всему теченію этой рѣки отъ Рущука и выше, до самыхъ устьевъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, не побывалъ только въ Калафатѣ, скорому взятію котораго онъ придавалъ особенное значеніе, считая это „важнѣйшимъ дѣломъ". Пришлось ему ограничиться отправить туда, къ генералу Липранди, 3-го марта, съ разрѣшенія князя Горчакова, состоявшаго при немъ подполковника Тотлебена, съ порученіемъ сообразить способы атаки турецкой позиціи. Тотлебенъ произвелъ подробную рекогносцировку непріятельскаго расположенія и представилъ, при пояснительной запискѣ, подробный планъ калафатской укрѣпленной позиціи; при этомъ укрѣпленія не оказались вовсе столь сильными, какими ихъ сдѣлала молва. Но атака Калафата тѣмъ не менѣе не состоялась. Съ прибытіемъ въ княжества фельдмаршала было рѣшено совсѣмъ очистить Малую Валахію и отвести войска за Алуту. Турки могли торжествовать, а австрійцы радоваться, что система ихъ политическаго устращиванія принесла желаемые плоды.

Н. К. Шильдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НА ВИСЛѢ и ДУНАѢ, ВЪ ОДЕССѢ и СЕВАСТОПОЛѢ.

Замѣтки артиллериста.

1853 — 1855.

«Правда, какая бы ни была, не должна никого стѣснять».

Изъ объявл. о Севастопольск. Сборникѣ.

I.

5-го декабря 1853 г. получено было распоряженіе о приведеніи арміи въ Царствѣ Польскомъ на военное положеніе. Молодежь ликуетъ, семейные задумались, землевладѣльцы начали охать, предвидя обратную сдачу въ войска лошадей, розданныхъ имъ на продовольствіе послѣ венгерской кампаніи; интендантство радостно потирало руки....

Раннею весною началось передвиженіе войскъ: 6-я дивизія направилась къ Дунаю, 5-я—къ Замостью.

Фельдмаршалъ заговорилъ о фальшивыхъ дѣйствіяхъ вѣнскаго двора и затѣмъ приказалъ генералу Лабинцеву расположить у австрійской границы наблюдательные отряды отъ Грубешова до р. Вислы. Въ іюлѣ полки отодвинуты были назадъ изъ опасенія нечаяннаго нападенія со стороны австрійцевъ, которые тоже показались на своей границѣ.

Въ августѣ пѣхотный великаго князя Владиміра полкъ съ батареею помѣщенъ въ Красникѣ для устройства моста около Завихвоста и насыпки укрѣпленій. Галицкій полкъ—въ Грубешовѣ, Вологодскій—въ Красноставѣ, Костромской—въ Томашевѣ. Семействамъ военныхъ предложенъ выѣздъ въ Россію. У владѣльцевъ отобрано оружіе. Жителямъ форштатовъ подъ Замостьемъ объявлено, что всѣ дома ихъ будутъ снесены. Въ крѣпости дозволено оставаться только тѣмъ, кто

имѣетъ вѣрныя средства къ своему пропитанію. Бѣднымъ для переѣзда роздано вспоможеніе и тѣ выѣхали въ одни ворота, а въ другія—вернулись въ свои дома.

Фельдмаршалъ самъ прибылъ въ Замостье, осматривалъ мѣстность по дорогѣ къ Томашеву и указывалъ лучшія позиціи, приговаривая: „при отступленіи въ крѣпость бить и бить непріятеля“.

У меня взяли дивизіонъ для вылазокъ.

Съ 22-го октября посыпались эстафеты. 2-я кавалерійская дивизія изъ Луцка и Владиміра усиленными переходами спѣшила на соединеніе съ 5-ю дивизіею. Вездѣ устроены маяки, разсылались патрули и разъѣзды, офицеры генеральнаго штаба разсажены по границѣ для наблюденій.

Секретныя распоряженія о мнимомъ непріятелѣ сбивали всѣхъ съ толку. Одинъ полковой командиръ испрашивалъ разъясненія, какъ ему поступать въ отношеніи австрійцевъ, которые ежедневно учатся около границы съ пушечною пальбою; другой—доносилъ о шпіонахъ, третій—проводилъ цѣлыя ночи въ боевомъ порядкѣ. Предписаніе корпуснаго командира къ Лабинцеву еще болѣе надѣлало суматохи. Никто въ штабѣ не замѣтилъ писарской ошибки: вмѣсто выраженія—„въ случаѣ дѣйствій со стороны австрійцевъ“, написано было—„по случаю....“

23-го октября Галицкій полкъ съ батареею выдвинутъ въ авангардъ къ с. Лабуни. Фельдмаршала ожидали и не дождались. Корпусный командиръ, сидя въ Замостьѣ, убивалъ скуку преферансомъ. Князь Паскевичъ писалъ къ нему: „Всѣ ваши донесенія подтверждаются“.... А генералъ Панютинъ съ изумленіемъ спрашивалъ у другихъ: „Да развѣ мы что-нибудь писали?“ Наконецъ, по усиленному ходатайству, отрядъ распущенъ 7-го ноября. Лабунская экспедиція сильно отозвалась на здоровьи нижнихъ чиновъ.... Грусть беретъ, читая мѣсячные отчеты штаба арміи о состояніи войскъ.

Всѣ ясно понимали, что затѣянная тревога была слѣдствіемъ нежеланія фельдмаршала выпустить изъ Польши 2-й пѣхотный корпусъ.

Начало слѣдующаго года было спокойно, но за то болѣзненность развилась въ полкахъ до сильной степени. Госпитали Люблинскій, Замосткій и Щебржешинскій переполнились тифозными и холерными, въ полковыхъ лазаретахъ тоже не доставало мѣста для помѣщенія заболѣвающихъ. Врачей мало, на фельдшера въ госпиталяхъ приходилось до 200 человѣкъ больныхъ. Солдаты умоляли не отправлять ихъ въ госпитали на явную смерть. Тамъ дѣйствовали по ветхому завѣту! Опечаленный Іовъ говоритъ: „Нагой я родился изъ утробы своей матери, нагой и возвращусь въ чрево земли!“ Слова праведнаго

мужа коммисары примѣняли къ умирающимъ солдатамъ. Къ чему тратить на нихъ матеріалы? Къ чему гробы и рубашки, когда умирающіе ложатся въ общую могилу и при томъ ночью? Довольно и того, что нѣкоторымъ мертвецамъ отпускаютъ гробы на прокатъ до могилы... Да и лекарства безполезны: удѣлъ смертнаго—рано или поздно, а должно умереть! Этому слѣдовали и въ госпиталяхъ Кашаускомъ и Эперьескомъ (1849 г.). Только въ Александрійскомъ (Варшавской цитадели, 1857 г.) не скупились на лекарства. Тамъ главную роль играли діэта и холодная простыня. Воды не жалѣли и, признавая англійскую систему полезною для здоровья, не тратили напрасно дровъ на отопленіе зданій. Ординаторамъ постоянно дѣлались замѣчанія за прописываніе больнымъ хины въ порошкѣ, которая гораздо лучше дѣйствуетъ въ растворѣ.

II.

Туземцевъ мало занимали политическія событія, они увлекались вертящимися столиками. Въ числѣ ревностныхъ послѣдователей этой болѣзни были нѣкоторые генералы. За то администрація края находилась въ полной дѣятельности! Отечество въ опасности, нельзя же сидѣть сложа руки!... Варшавское интендантство показывало фокусы не хуже Пинетти. Оно сформировало подвижной магазинъ полковнику Баклашеву до 1,500 лошадей. Начальникъ, пользуясь правомъ продовольствовать лошадей пищею св. Антонія и запахомъ перевозимой ими муки, посвящалъ время картамъ. Куда бы онъ ни отправился, картежные промышленники не отставали отъ него. Половина лошадей пришла въ изнуреніе, опаршивѣла, часть пала, а остальныя къ маю мѣсяцу проданы были съ аукціона за безцѣнокъ. Стаи вороновъ покрывали дорогу отъ Люблина къ Замостью, наслаждаясь падалью.

Владѣльцевъ обязали поставить извѣстное количество муки и овса по назначенной цѣнѣ—6 руб. 50 к. за четверть. Евреи доставляли имъ квитанціи по 9 рублей. Кули съ мукою, ложась въ бунты, оплачивали впередъ свое мѣсто. Въ Замостьѣ открылась азартная игра между интендантскими чиновниками, какъ въ Новогеоргіевскѣ между инженерами.

Вскорѣ началось круговое движеніе „четвертей". Практическій умъ распорядителей представлялъ собою солнце. Муку перевозили съ мѣста на мѣсто между Франполемъ, Люблиномъ, Замостьемъ и Устилугомъ. То много привезутъ, то не довезутъ, то мало останется въ запасѣ. Перевозка возвысила цѣнность муки въ полтора раза, смотри-

теля магазиновъ отказывались помѣщать ее въ склады, войска не хотѣли принимать... Червяки кишѣли въ мѣшкахъ.

Въ крѣпостяхъ приказано заготовить неприкосновенный запасъ спирта, сушеной рыбы, сѣна и овса. Въ Замостьѣ сырое сѣно, сложенное въ скирды, сгорѣло, въ спиртѣ оказалась добавка воды, въ рыбѣ—червяки.

Крѣпости назначено было привести на военное положеніе. Интересны совѣщанія по этому случаю. Комендантъ Замостья въ общемъ совѣтѣ предложилъ: „По недостатку мѣста для бунтовъ муки—сложить ее въ крѣпостномъ рву, а чтобы непріятель не могъ видѣть, что происходитъ въ крѣпости, то всѣ тополи внутри укрѣпленій срубить, а растущіе за рвомъ—оставить“.

Инженеры отыскали около Замостья возвышенія, которыя необходимо было срывать; плата выводилась по рублю въ день на каждаго работника. Работы на передовой батареѣ кипѣли по отчетамъ и я слышалъ разъ разговоръ двухъ инженеровъ В* и Г*:

— „А что, здоровы ли наши люди на батареѣ?“

Императоръ Николай I не даромъ приказалъ на крѣпостныхъ веркахъ въ Новогеоргіевскѣ означить фамиліи строителей. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что это награда за труды, но я вижу въ томъ другое: фамилія укажетъ виновника преждевременнаго разрушенія постройки.

Звонкая монета вдругъ исчезла изъ обращенія. Еще въ 1852 г. мы хлопотали, чтобы интендантство высылало намъ часть денегъ кредитными билетами, а чрезъ полтора года о серебрѣ осталось одно воспоминаніе. Евреи платили по 40 руб. на тысячу за промѣнъ билетовъ на монету, которую сбывали за границу. Одинъ изъ артиллерійскихъ начальниковъ, желая заработать кое-что, выпросилъ въ интендантствѣ 2 т. рублей серебромъ на казенныя надобности и полетѣлъ къ банку, гдѣ ожидали его евреи. Дорогою одинъ мѣшокъ съ деньгами провалился чрезъ дно стараго экипажа и наказалъ жажду корысти.

Волченята, разведенные львами на воеводствахъ, до того понаторѣли въ продѣлкахъ, что оставляли и большихъ волковъ въ дуракахъ, какъ видно изъ исторіи чиновника, похитившаго деньги въ кабинетѣ тверскаго губернатора, и С*, служившаго въ варшавскомъ интендантствѣ и командированнаго для объѣзда провіантскихъ магазиновъ и дистанціонныхъ смотрителей. Рекомендованный фельдмаршалу статсъ-секретаремъ Туркуломъ, чиновникъ Целецкій, отправясь на Дунай, поступилъ въ коммисіонерство 4-го пѣхотнаго корпуса. Отправленный

съ огромною суммою денегъ, кажется, въ Курскъ, для закупки провіанта, ускакалъ въ Варшаву, а оттуда чрезъ Парижъ въ Лондонъ.

20-го февраля поразила всѣхъ грустная вѣсть о кончинѣ императора. Князь Паскевичъ немедленно разослалъ по всѣмъ войскамъ арміи копію телеграммы нашего посланника изъ Вѣны, князя Горчакова.

„Вѣна, 19-го февраля (3-го марта). Императоръ Францъ-Іосифъ сказалъ, что онъ не можетъ свыкнуться съ мыслію, что лишился друга, испытаннаго во всѣхъ случаяхъ, и въ особенности, что этотъ ударъ постигъ его въ такую минуту, когда его величество надѣялся доказать на дѣлѣ свою вѣрность почившему государю; что онъ надѣется, что Императоръ Александръ Николаевичъ приметъ, какъ часть наслѣдія своего, ту дружбу, о коей его величество сохранитъ вѣчную память; что онъ горько сожалѣетъ о томъ, что лишался случая доказать императору Николаю I, что онъ возвратится на прежній путь. Императоръ Францъ-Іосифъ убѣжденъ, что Императоръ Александръ II явитъ въ дѣлѣ возстановленія мира такую же возвышенность и твердость видовъ, какъ его августѣйшій предшественникъ"....

Дружба Франца-Іосифа, какъ благодарность за спасеніе австрійской имперіи въ 1849 г., блистательно выказана была въ 1854 г., когда армія его появилась въ тылу нашихъ войскъ, перешедшихъ Дунай.

III.

Въ маѣ мѣсяцѣ получено повелѣніе изъ столицы—непремѣнно отправить 4-ю и 5-ю дивизіи въ имперію. Намъ приказано было слѣдовать, со всѣми воинскими предосторожностями, около австрійской границы. Пѣхота шла съ примкнутыми штыками и съ боковыми патрулями. Фельдмаршалъ до того настращалъ генерала Панютина, что герой Кракова, придя въ Луцкъ, перекрестился, благодаря Бога, что австрійцы не ударили ему во флангъ.

Князь Паскевичъ явился въ Луцкѣ для осмотра проходящихъ войскъ.... Мы пришли туда вечеромъ, а утромъ, вмѣсто смотра, получили извѣстіе, что фельдмаршалъ уѣхалъ. Говорятъ, онъ получилъ замѣчаніе за безполезное безпокойство войскъ на походѣ.

Съ другой стороны, насъ преслѣдовала заботливость варшавскаго интендантства. Оно отправило въ Луцкъ транспорты съ гнилою мукою, но мы успѣли во-время уйти, а муку продали за самую низкую цѣну. За то постигла насъ другая бѣда.

Въ Польшѣ было заготовлено большое число воловъ факторомъ интендантства, евреемъ Брауманомъ. Сначала скотъ продовольствовался на счетъ казны, послѣ переданъ владѣльцамъ, съ платою по

3 руб. въ мѣсяцъ со штуки и, конечно, съ правомъ считать тѣхъ воловъ упалыми, на которыхъ представятся свидѣтельства мѣстной полиціи. Когда волы съѣли третію часть своей стоимости, разсерженный фельдмаршалъ приказалъ продать ихъ съ аукціона.

Въ это самое время мы выступали на Волынь. Человѣколюбивое интендантство предписало войскамъ принимать мясо въ живомъ скотѣ отъ того же еврея Браумана, который отъ Люблина до Стараго Константинова на всѣхъ ночлегахъ являлся съ своими волами. Мы могли на сторонѣ покупать мясо по 3 и по 4 коп. за фунтъ, но намъ это строго воспрещалось. Мы должны были выдавать еврею квитанціи по 2 р. 80 к. за пудъ. Такую операцію интендантства прозвали „цвѣткомъ благоразумной экономіи“. И дѣйствительно, штука важная: обратить казенныя деньги въ воловъ, а послѣднихъ прибрать къ своимъ рукамъ какъ собственность! Это почище и извѣстныхъ мериносовъ.

Ну, да вѣдь какія же и головы засѣдали тогда въ варшавскомъ интендантствѣ! Удивительные люди, искусившіеся въ практической мудрости — молотить на обухѣ! Сколько нужно смѣтливости, находчивости и твердости духа обращать положительныя величины въ отрицательныя, дѣлать изъ ничего все, и все обращать въ ничто. Рече и бысть! Прикоснулся пальцемъ — и есть! А простяки кричатъ, что изъ грязи ничего добыть нельзя!

Въ особенности стяжалъ себѣ извѣстность въ арміи контролеръ N. N. — кривой. Къ нему, какъ къ епископу интендантства, съѣзжались командиры частей послѣ 1849 года съ чистыми книгами и съ звонкою благодарностью. Ошибки признавались законными, остаточныя деньги исчезали. Онъ не любилъ разговоровъ: поставитъ ребромъ ладонь на ладонь и смотритъ: кивнетъ-ли проситель головою. Тогда отчеты составятъ въ интендатствѣ, и чрезъ три дня повѣрятся и спустятся въ архивъ на вѣчный покой. N. N. быстро понималъ вещи, соображаясь съ обстоятельствами, въ тоже время ловко приноравливался и къ людямъ, и къ обстоятельствамъ. Онъ никогда не читалъ ни Лоу, ни Неккера, — по его словамъ, дураковъ, — а онъ слѣдилъ только за дѣйствіями своихъ собратьевъ: дѣйствія открываютъ причины, — причины указываютъ на средства.

IV.

Съ прибытіемъ на Волынь, мы поступили въ составъ средней арміи генерала Панютина. Первою его заботою было вниманіе на сохраненіе здоровья нижнихъ чиновъ.

Онъ предписалъ на основаніи „собственнаго опыта“:

1) Изгнать изъ употребленія горохъ.

2) Уничтожить ужины.

3) Днемъ спать, а ночью совершать переходы.

Оно и понятно: солдатъ легче будетъ на ходу, а при томъ голодный всегда сердитѣе дерется съ непріятелемъ.

Передвиженія въ темныя ночи развели въ полкахъ курятники,—пришлось брать подводы подъ куриную слѣпоту.

Изъ Луцка, чрезъ Балту къ Николаеву, 2-й корпусъ продолжалъ свое движеніе безъ остановки, и далѣе, по обнаженнымъ степямъ, подъ жгучимъ солнцемъ. Курганы, безмолвные свидѣтели давно минувшихъ битвъ, напоминали объ эпохѣ переселенія народовъ, гонимыхъ судьбою съ востока на западъ.

Въ Дарьевкѣ, чрезъ рѣчку Ингулецъ, на маломъ паромѣ, полкъ, съ двумя батареями, переправлялся десять часовъ. Хороша распорядительность! Почти всѣ войска направлялись въ Крымъ на Береславль, а о дорогѣ подумать никому не пришло въ голову. Если бы поставили два парома рядомъ, то имѣлся бы постоянный мостъ. Въ Береславлѣ учреждены депо лошадей и артиллеріи; послѣднимъ завѣдывалъ капитанъ Дудинъ. Я засталъ старика въ большомъ горѣ: онъ получилъ сильную нагоняйку изъ Петербурга за прямое выполненіе своей обязанности. Ему поручено было записывать проходящіе въ Крымъ транспорты съ предметами артиллерійскаго вѣдомства: капитанъ донесъ, что нѣсколько транспортовъ прошли не въ срокъ и въ повозкахъ не имѣли надлежащаго числа лошадей...

Въ Херсонской губерніи между помѣщиками развита гаремная жизнь. Смертность не уменьшала численности крестьянъ въ имѣніяхъ, благодаря кандидатамъ изъ бродягъ и бѣглыхъ.

До Чаплинки дорога безводна.

Въ Перекопѣ временный комендантъ, не видя предъ собою непріятеля, воевалъ съ чумаками, насильно перекупалъ у нихъ соль и самъ пускался въ торговлю.

Чрезъ Агаяръ 5-я дивизія достигла Симферополя. Городъ представлялъ общую больницу: до 95-ти домовъ было занято лазаретами. Квартиръ нѣтъ, гостинницы набиты народомъ, пріѣзжіе, въ ожиданіи свободныхъ комнатъ, по два и по три дни проводили на улицахъ при своихъ повозкахъ. Городъ походилъ на муравейникъ: татары, греки, караимы, чумаки, военные—здоровые и на костыляхъ, мнимо-увѣчненые, сестры милосердія, патріотки въ военныхъ плащахъ, безконечные транспорты съ припасами и продуктами, обозы съ ранеными, команды выздоравливающихъ, новенькіе экипажи начальниковъ воловыхъ командъ,—все двигалось и сливалось въ необозримую пеструю толпу.

У купца Бычкова была лавка въ Балаклавѣ. Прибывшій прикащикъ разсказывалъ: „Съ приближеніемъ французовъ, балаклавскій баталіонъ, съ двумя старыми пушками, встрѣтилъ ихъ выстрѣлами, но вскорѣ долженъ былъ сдаться. Французы велѣли лавочникамъ продолжать торговлю, платили за все монетою и повѣсили нѣсколько турокъ за грабежъ греческой церкви".

Очевидцы передавали: „утромъ, 1-го сентября 1854 г., у Евпаторіи показался союзный флотъ; въ четвертомъ часу прибыли парламентеры, французскій и англійскій полковники, въ парадной формѣ, морякъ и переводчикъ. Они потребовали коменданта на свиданіе. Народъ высыпалъ на берегъ.

Комендантомъ былъ какой-то маіоръ Тарутинскаго полка, онъ не принялъ приглашенія. Парламентеры держали себя вѣжливо, скрывая досаду. Одинъ изъ одесскихъ купцовъ вступилъ съ ними въ разговоръ, а тѣмъ временемъ успѣли уговорить маіора, который и явился растрепанымъ, въ засаленной фуражкѣ, въ дырявой шинели, съ нагайкою въ рукахъ. Французы съ удивленіемъ и улыбкою проговорили: „это русскій комендантъ?"

Купецъ перевелъ условія: сдать городъ, гарнизону и городу предоставляется удалиться въ теченіе сутокъ изъ Евпаторіи; остающимся обѣщана защита жизни и имущества; торговцы будутъ получать за все наличными деньгами.

Во время чтенія подскочилъ карантинный чиновникъ и вырвалъ у купца бумагу изъ рукъ, объявляя, что она, можетъ быть, зачумлена. Въ народѣ поднялся шумъ. Парламентеры согласились на окуриваніе въ карантинѣ.

Послѣ этого зажжены были маяки по направленію къ Симферополю. Вечеромъ флотъ былъ иллюминованъ, на палубахъ гремѣла музыка.

Комендантъ, получа приказаніе: со всѣми воинскими командами направиться къ Перекопу и далѣе въ Херсонъ, не пошелъ туда, опасаясь уморить всѣхъ въ пустой и безводной степи. Онъ двинулся въ Саки. Тутъ, на ночлегѣ, утромъ, послышались пушечные выстрѣлы за озеромъ: то было начало высадки. Вскорѣ показалась кавалерія; французы преслѣдовали маіора около 6-ти верстъ.

Поднявшіеся татары въ Евпаторіи и въ окрестностяхъ убили до 10-ти человѣкъ русскихъ, въ томъ числѣ окружнаго начальника и карантиннаго лекаря Дулина. Жена послѣдняго, красивая женщина, вернулась въ городъ съ жалобою. Французскій комендантъ выслалъ отряды и захваченные трое виновныхъ татаръ повѣшены были на городскомъ бульварѣ.

Одесскій купецъ имѣлъ въ складѣ до 40 т. четвертей муки. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ коменданта о его намѣреніяхъ, тотъ скрывалъ полученное распоряженіе о своемъ выступленіи. Мука досталась французамъ. Молодой чиновникъ, назначенный вмѣсто городничаго, не имѣя приказанія о выѣздѣ, оставался въ городѣ. Ночью онъ пробрался къ магазину для поджога, его схватили. Комендантъ, смѣясь надъ служебнымъ рвеніемъ, сказалъ:

— Вы уже не городничій, поѣзжайте на родину.

Жандармы выпроводили его версты три за городъ.

Чиновникъ снова пробрался къ магазинамъ и опять схваченъ часовыми. Комендантъ замѣтилъ ему:

— Послушайте, похвальна съ вашей стороны исполнительность своего долга, но поймите же, что городъ занятъ уже нами.

Упрямца вывезли изъ города верстъ за пять, но онъ опять вернулся для исполненія своего намѣренія. Послѣ этого чиновника отправили въ Марсель, какъ неспокойнаго человѣка.

Слухи о высадкѣ навели страхъ на жителей Симферополя; казаки разглашали, что непріятель идетъ съ трехъ сторонъ. Всѣ начали готовиться къ поспѣшному бѣгству, запасаясь закусками; шли и ѣхали, куда глаза глядятъ. Съ ними убѣжалъ и самъ губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Пестель. Приказаніе князя Меншикова достигло бѣглеца на второй станціи.

Татары показались съ ножами, насаженными на палки; казаки шарили по домамъ.

По истребленіи закусокъ, горожане начали возвращаться въ свои дома. Инспекторъ врачебной управы и старшій ординаторъ были совершенно пьяны.

Прибытіе маіора изъ Евпаторіи ободрило всѣхъ. Баталіонъ и команда, опасаясь ночнаго нападенія татаръ, хотѣли уйти изъ города въ поле. Главный врачъ госпиталя, Цвѣтковъ, съ коммисаромъ вооружили всю госпитальную прислугу.

Вмѣсто Пестеля назначили губернаторомъ Адлерберга.

Въ 1855 г. блокаднымъ корпусомъ подъ Евпаторіею завѣдывалъ начальникъ 1-й драгунской дивизіи, ген.-лейт. Врангель. Князь Меншиковъ, въ январѣ мѣсяцѣ, сообщилъ ему о назначеніи—овладѣть городомъ. Послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, Врангель въ донесеніи выставилъ на видъ значительность гарнизона, возведенныя имъ укрѣпленія, болота, окружающія городъ, узкія и неправильныя улицы, и, наконецъ, присутствіе флотиліи, могущей дѣйствовать во флангъ русскимъ,—все это могло принести однѣ гибельныя послѣдствія...

Генералъ Хрулевъ вызвался взять городъ; въ его распоряженіе

отданы 8-я пѣхотная дивизія, нѣсколько резервныхъ баталіоновъ, греческіе волонтеры, резервная кавалерійская дивизія, два полка казаковъ и одиннадцать батарей.

29-го января на совѣтѣ кн. Урусовъ предложилъ вопросъ: „Прямо ли идти на штурмъ, перекрестясь, или сначала отслужить молебенъ?“ Большинство рѣшило закончить молебномъ предстоящее дѣло. Но, къ несчастію, пришлось служить панихиду.

Для штурма назначено было 1-е февраля. Артиллерія едва могла дотащиться по грязи къ 4-му числу, и въ ту же ночь насыпаны были для батарей эполементы въ 300-хъ верстахъ отъ города. Генералъ Хрулевъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что назначилъ даже коменданта и плацъ-маіора; солдатамъ приказано имѣть на штыкахъ пуки соломы. Послѣ штурма предполагалось сжечь Евпаторію до основанія.

5-го февраля, въ 6 часовъ утра, батареи открыли огонь; въ 8 часовъ пѣхота пошла на приступъ и была отбита. Пострадали болѣе другихъ Азовскій полкъ и греческіе волонтеры, да еще конныя батареи лѣваго фланга. Въ 8-й бригадѣ, въ батарейной батареѣ, убито до 27-ми, а въ легкой—до 22-хъ человѣкъ... Хрулевъ уѣхалъ въ Севастополь.

V.

27-го іюля мы прибыли на позицію р. Качи, подъ Бахчисараемъ. Древняя столица хановъ, какъ змѣя, извивалась по глубокой лощинѣ. Улицы такъ узки, что, проходя, слѣдуетъ остерегаться, чтобы не получить толчка въ голову отъ лопаты булочника, который выходитъ изъ своей аршинной лавки на улицу, чтобы удобнѣе было сажать хлѣбъ въ печку.

Огромные бунты сухарей на возвышеніяхъ, какъ пирамиды Египта, исчезаютъ въ облакахъ пара. Солнце и дождь сгноили весь запасъ. На почтѣ конверты и письма свалены въ одинъ уголъ. По полу валяются разорванные конверты съ надписью: „экстренно“ къ начальнику артиллеріи и въ интендантство.

2-го августа перешли на Бельбекъ. Намъ намекнули, что скоро мы будемъ участниками въ дѣйствіяхъ.

3-го числа прибыли на Меккензіеву гору. Чрезъ два часа сообщена диспозиція на утро. Оберъ-квартирмейстеръ корпуса лично передалъ батарейнымъ командирамъ, кому за кѣмъ вступать въ дѣло въ долинѣ р. Черной.

Всѣ легкія батареи въ Береславлѣ сдали свои третіе дивизіоны, только одна батарейная батарея оставлена была въ 12-ти-орудійномъ

составѣ, такъ какъ при новомъ боевомъ порядкѣ имѣлось въ 1-й линіи три интервала для орудій.

Разсказывали съ вечера, что генералу Реаду поручено съ 7-ю и 12-ю дивизіями занять позицію внѣ пушечнаго выстрѣла, а съ зарею выдвинуть двѣ батарейныя батареи и обстрѣлять предмостное укрѣпленіе. Дальнѣйшія распоряженія ожидать изъ Чургуна отъ главнокомандующаго.

Осмотря единственный спускъ съ Меккензіевой горы и приведя въ ясность всѣ расчеты по батареѣ, я усѣлся около шалаша... Въ жизни человѣка бываютъ минуты, когда онъ невольно углубляется въ самаго себя, пробѣгаетъ свое прошедшее, какъ бы давая отчетъ своей совѣсти... Солнце пряталось за инкерманскими высотами, провожаемое тысячью глазъ; сумракъ опустился на окрестности; глубокая тишина смѣнила дневной говоръ... Солдаты молча готовились къ бою, надѣвая предсмертныя рубашки (чистое бѣлье). Надъ Севастополемъ разливалось зарево, выстрѣлы гремѣли безъ перерыва.

Въ 1-мъ часу ночи раздались крики: лекарей!! ихъ потребовали съ лазаретными фурами къ с. Шулѣ (верстъ за 30), гдѣ предназначались главныя дѣйствія.

Въ два часа тронулась пѣхота. Спускъ съ Меккензіевой горы не былъ очищенъ. Мѣстами покойно лежали глыбы земли. Вопреки данному распоряженію, патронные ящики и лазаретныя повозки слѣдовали за полками. Чрезъ это 5-я дивизія, безъ артиллеріи, спустилась съ горы къ половинѣ пятаго часа. Батарейная батарея осталась на мѣстѣ. Адъютантъ генерала Врангеля, капитанъ Волоцкой, прискакалъ съ требованіемъ этой батареи въ первую линію. Пришлось мнѣ идти, какъ охотнику. Обойдя бригаду и спустясь съ горы, я догналъ, на рысяхъ, 5-ю дивизію въ то время, когда она съ отрога высотъ повернула къ Каменному мосту.

Генералъ Реадъ, дѣйствительно, согласно полученному имъ распоряженію, открылъ огонь по предмостному укрѣпленію. Пріѣхалъ адъютантъ главнокомандующаго, Мейнсдорфъ, съ приказаніемъ „начинать дѣло".

— Я уже началъ.

— Я передаю только приказаніе главнокомандующаго, отвѣчалъ адъютантъ — и скрылся.

Реадъ приказалъ начальнику штаба, генералъ-маіору Веймарну, устраивать боевыя колонны, не слушая представленій послѣдняго, что боевые резервы еще не спустились съ горы.

12-я пѣхотная дивизія генерала Мартинау пошла въ атаку. Предмостное укрѣпленіе взято; французы, сбитые съ уступа средняго

холма, потеряли лагерь и батарею. Солдаты разсыпались по палаткамъ. Непріятель, получа подкрѣпленіе, отбросилъ нашихъ съ большимъ урономъ. Веймарнъ убитъ.

Въ это время мы подошли къ Черной рѣчкѣ и приняли на себя разсыпанную по полю 12-ю дивизію. Солдаты шли съ ругательствами, что ихъ не хотѣли поддержать. У многихъ въ рукахъ я замѣтилъ разныя вещи. Одинъ усачъ подалъ мнѣ небольшой волосяной хлыстикъ.

Галицкій полкъ развернулся въ первой линіи. Реадъ со свитою стоялъ шагахъ въ 70-ти за батареею, около каменнаго столба. Врангель хотѣлъ атаковать высоты цѣлою дивизіею. Реадъ сказалъ:

— Я здѣсь корпусный командиръ, слушайте моихъ приказаній!

И велѣлъ начинать атаку по полкамъ.

Галицкій, Костромской и Вологодскій полки, одинъ за другимъ, были отбиты съ величайшимъ урономъ: первымъ двумъ не удалось даже перейти моста, послѣдній достигъ до половины отлогости высотъ.

Безразсудство пріобрѣло въ этотъ день достойныхъ себѣ представителей. Реадъ славился подвигами за кулисами варшавскаго театра и обученіемъ парадныхъ ординарцевъ, но для боеваго поля этихъ дарованій не требовалось. Потому-то мы и не имѣли успѣха въ открытыхъ дѣлахъ, начиная съ Альмы до позорной потери конной батареи, захваченной башибузуками подъ Евпаторіею.

При Черной рѣчкѣ солдаты дрались отважно. Каждый шагъ ихъ обозначался кровію, устилался убитыми и ранеными. Обезсиленные потерями полки возвращались на свои мѣста подъ тѣмъ же убійственнымъ огнемъ. Когда пришла очередь полку великаго князя Владиміра, граната поразила Реада... Свита его исчезла, дивизія смѣшалась, никто не зналъ, что дѣлать, куда идти. Всѣ начальники, до ротныхъ командировъ, выбыли изъ строя. Впереди линіи оставались: командиръ артиллерійской бригады полковникъ Каннабихъ, я, маіоръ Мѣдниковъ и дивизіонный квартирмейстеръ Кузьминъ.

Въ это время подъѣхалъ къ лѣвому флангу дивизіи со стороны Чоргуна главнокомандующій, спросилъ: сколько времени батарея находится въ дѣлѣ, можетъ-ли продолжать дѣйствіе? и приказалъ взять изъ полковъ людей для пополненія прислуги.

Князь Горчаковъ спокойно проѣхалъ по первой линіи, ядро подхватило генерала барона Вревскаго, виновника несчастнаго дѣла при Черной рѣчкѣ. Его никто и не жалѣлъ, да ему и дѣлать ничего не оставалось въ Крыму, потому что Никитскій садъ былъ уже въ рукахъ французовъ.

Главнокомандующій, не видя никого на полѣ, приказалъ сопро-

вождавшему его начальнику Курскаго ополченія, Бѣлявцеву, отвести войска къ Меккензіевой горѣ.

Во вторую линію, устроенную на слѣдующихъ возвышеніяхъ, попала наша батарейная батарея. За отъѣздомъ командира на перевязочный пунктъ, орудія разсыпались по полю. Генералъ Крыжановскій привелъ ее въ порядокъ, отправя одинъ дивизіонъ на Меккензіеву гору.

Въ три часа долина Черной рѣчки опустѣла.

4-го августа въ 5-й дивизіи показано выбылыхъ изъ строя: генераловъ ранено и убито 3, штабъ-офицеровъ 18, оберъ-офицеровъ 87, нижнихъ чиновъ 2,963.

По свѣдѣніямъ 5-го августа, составленнымъ въ управленіи арміи, выбыло изъ всего отряда: генераловъ 9, штабъ-офицеровъ 47, оберъ-офицеровъ 283, нижнихъ чиновъ 8,597.

Главный пунктъ для раненыхъ назначенъ былъ на Меккензіевой горѣ. Транспорты тянулись отъ Черной рѣчки съ изувѣченными, которыхъ складывали на землѣ подъ солнцемъ. Палатокъ для нихъ мало разбили, докторовъ было еще менѣе. Въ Шулѣ дѣла не было, лекаря оставались безъ дѣла, а у насъ слишкомъ много было для нихъ дѣла. Дежурный генералъ не распорядился ни приготовленіемъ достаточнаго числа помѣщеній для раненыхъ, ни запасомъ воды, которую приходилось добывать за 10 верстъ.

Въ ночь на 5-е число зуавы и казаки обирали убитыхъ. При уборкѣ тѣлъ пріѣхавшіе англичане осыпали русскихъ колкими шутками; французскій генералъ отправилъ ихъ въ лагерь. Въ это же время производилась мѣновая торговля: французскіе солдаты предлагали наши кредитные билеты для обмѣна на монету. Одинъ артиллерійскій фейерверкеръ за девять полуимперіаловъ получилъ столько же билетовъ по 50 рублей.

Сраженіе 4-го августа можно считать послѣднею попыткою помѣряться съ непріятелемъ въ полѣ. Оно рѣшило участь Севастополя.

Въ военномъ совѣтѣ баронъ Вревскій настаивалъ на занятіи Федюхиныхъ высотъ. Близорукіе поддерживали это мнѣніе. Липранди находилъ атаку высотъ безполезною, хотя прежде считалъ необходимостью имѣть въ своихъ рукахъ ту мѣстность.

Противники встрѣтились около Полоцкаго резервнаго полка и крупно переговорили между собою.

Вревскій съ укоризною намекнулъ ему на измѣнчивость мнѣній.

— На все есть свое время.

„Но вы, какъ отрядный начальникъ, должны поддерживать духъ

солдатъ, а не разглашать о невозможности выполненія плановъ главнокомандующаго".

— Эти слова показываютъ, что вы не бывали въ дѣлахъ.

„Да, это правда, и я за честь поставилъ бы себѣ командовать хотя ротою въ вашемъ отрядѣ, но никогда бы не пошелъ на штурмъ взорваннаго редута".

Къ числу комичныхъ сценъ 4-го августа можно отнести маневрированіе резервныхъ баталіоновъ на флангѣ позиціи. Генералъ Т* дѣйствовалъ морально, водя свои колонны съ барабаннымъ боемъ въ примѣрную атаку.

Въ артиллерійскомъ журналѣ, въ разборѣ преимуществъ облегченныхъ орудій противу легкихъ, сдѣлана выписка изъ одного мнѣнія наблюдателя сраженія 4-го августа:

«Я имѣлъ случай убѣдиться въ превосходномъ дѣйствіи 12-ти фунтовой облегченной пушки сравнительно съ легкимъ орудіемъ, ибо въ тоже время 4-я легкая батарея, слѣдовавшая въ хвостѣ колонны, примкнувъ къ правому флангу облегченной батареи, снялась съ передковъ, но, будучи въ слишкомъ дальнемъ разстояніи отъ непріятеля, простояла нѣкоторое время въ бездѣйствіи, и, потерявъ нѣсколько людей и лошадей отъ штуцернаго огня, должна была сняться съ позиціи и отступить за боевой резервъ, не сдѣлавши ни одного выстрѣла».

Вотъ плоды личныхъ наблюденій сраженія съ перевязочнаго пункта! Развѣ можно утверждать о превосходномъ дѣйствіи орудій, когда чрезъ нѣсколько строкъ выше сказано: „кажется, что орудія весьма удовлетворительно дѣйствовали"?

5-я дивизія ушла къ Черной рѣчкѣ, а артиллерія оставалась на Меккензіевой горѣ. Я догналъ полки на рысяхъ, за мною спускалась конная батарея князя Челокаева; 4-я дивизія не трогалась еще съ мѣста. Въ какомъ же хвостѣ шла 4-я легкая батарея? И какъ она могла пристроиться къ правому флангу моей батареи, когда во все время сраженія у Каменнаго моста была только одна моя батарея? Во второй линіи стояла батарейная батарея, а легкая находилась въ дальнемъ резервѣ за драгунами, скрываясь за буграми. Но еще разумнѣе выставлены дѣйствія командира легкой батареи: выѣхать на позицію подъ сильный перекрестный огонь непріятельской артиллеріи, постоять—посмотрѣть и безъ выстрѣла уйти въ резервъ съ потерею людей и лошадей. Это сказано, вѣроятно, въ шутку! Легкая батарея не подъѣзжала даже ко второй линіи, никакой потери ни въ людяхъ, ни въ лошадяхъ не было. Правда, батарея представила, что непріятельское ядро разбило десяточный котелъ, подвязанный сзади за-

ряднаго ящика, но командиръ, сообразя обстоятельства, что при этомъ ни лошади, ни ѣздовой не пострадали, взялъ назадъ свое представленіе, чтобъ не краснѣть передъ людьми.

Пользуясь свободнымъ временемъ, мы посѣщали сѣверную сторону Севастополя, чтобы взглянуть на этого мученика. Отъ Камышина до форта Константина раскачивался надъ водами союзный флотъ; на Сапунъ-горѣ бѣлѣлся лагерь; клубы дыма указывали мѣста осадныхъ батарей.

И день и ночь гремѣли непріятельскія батареи, а для защитниковъ еще не были устроены блиндажи.

Сѣверная сторона въ полномъ движеніи: вездѣ тянутся обозы, двигаются разныя команды, шагъ за шагомъ слѣдуютъ воловыя повозки съ убитыми. Толпа дѣтей играетъ на берегу бухты; около цитадели тѣснятся ратники. Шумъ, говоръ, крики и пѣсни несутся съ базара, расположеннаго сѣвернѣе цитадели. Удивительно, чѣмъ могла послѣдняя устрашить Сентъ Арно? Земляныя насыпи, одѣтыя мѣстами дранью....

Временной таборъ сѣверной стороны во многомъ былъ лучше многихъ уѣздныхъ городовъ. Надъ домами, сколоченными изъ досокъ, красовались вывѣски: „бакалейная лавка, трактиръ, часовой мастеръ, золотыхъ дѣлъ мастеръ"... По склону горы изъ оконъ землянокъ выглядывала продажная живность.... Въ гостинницахъ старые паруса замѣняли потолокъ залъ, а концы смолевыхъ веревокъ съ фонарями—люстры. Обѣдъ готовился порядочный по 25 коп. порція.

При спускѣ съ базара къ сторонѣ Инкермана, поразительная картина потрясала душу зрителя и надолго оставалась въ памяти. Склонъ горы изрытъ общими могилами; нѣсколько ротъ постоянно копало землю. Въ ближнихъ палаткахъ приготовлялись гробы и помѣщались убитые, надъ которыми церковникъ читалъ псалтырь. При мнѣ пріѣхали двѣ повозки съ окровавленными кусками павшихъ жертвъ....

Въ арміи уже говорили, что русскіе защищаютъ своею грудью одно только названіе порта. Флотъ, за исключеніемъ, быть можетъ, четырехъ кораблей, не соотвѣтствовалъ современнымъ требованіямъ. Потери въ войскахъ такъ были велики, что не могли сравниться съ убылью людей въ самыхъ рѣшительныхъ битвахъ.

Затлеръ съ интендантствомъ помѣщался на дачѣ Бибикова. На насъ мелкіе интендантскіе чиновники не обращали вниманія, но съ кавалеріи и казаковъ за выдачу фуражныхъ денегъ тянули порядочный процентъ. Частныхъ подрядчиковъ не могло быть, такъ какъ

войска измѣняли мѣста своего расположенія, а перевозка припасовъ равнялась стоимости послѣднихъ. Кто распорядился завести воловъ, у того и сѣно имѣлось, а у другихъ лошади по недѣлѣ ѣли только одинъ овесъ. Водопой былъ на Бельбекѣ, за 10 верстъ.

Овесъ всегда имѣлся въ продажѣ въ лавкахъ Бахчисарая, копѣйка въ копѣйку по справочнымъ цѣнамъ: четверть по 10-ти рублей, пудъ сѣна—по рублю. Но это только въ сухое время. Въ Симферополѣ, смотря по подвозу изъ Херсона,—отъ 6-ти до 9-ти рублей за четверть. Я не нахожу тутъ ничего удивительнаго, если вспомнить, что въ маѣ мѣсяцѣ, послѣ прибытія въ Царство Польское гвардейской кавалеріи, справочныя цѣны въ Красноставскомъ уѣздѣ значились въ 10 рублей 50 коп. за четверть.

11-го августа 5-я артиллерійская бригада отправлена изъ Крыма въ Одессу.

Въ Музыкиныхъ хуторахъ пронеслись мимо насъ почтовыя тройки съ ракетами изъ Петербурга.

Въ Копани достигла насъ вѣсть объ оставленіи Севастополя; она грустно и болѣзненно отозвалась въ груди каждаго. Кровавая драма окончена, вмѣстѣ съ нашимъ господствомъ на Черномъ морѣ. Все, что Россія въ продолженіе 160-ти лѣтъ выработала своими усиліями и кровью,—все утрачено.

VI.

Станція Буялыкъ напомнила печальную исторію Азовскаго резервнаго баталіона. Въ 1854 г., назначенный въ Крымъ, баталіонъ собрался въ 10 часовъ утра около одесскаго собора для молебна. Начальникъ-распорядитель изволилъ пожаловать въ два часа. Люди промокли отъ дождя. Баталіонный командиръ просилъ разрѣшенія остаться переночевать въ городѣ, ему отказали. Вскорѣ начало смеркаться, повѣялъ холодный вѣтеръ и обледѣнилъ промокшія шинели солдатъ; съ наступившей темнотою поднялась сильная вьюга... Дорога потеряна, люди разбрелись по всѣмъ направленіямъ пустой мѣстности, падали отъ изнеможенія... Даже въ Буялыкѣ, мѣстѣ ночлега, на дорогѣ и около пруда, на другой день собрано много окоченѣлыхъ труповъ въ глубокой грязи. Изъ строя выбыло, какъ говорятъ, болѣе 200 человѣкъ; двое офицеровъ замерзли.

Одесса—сколокъ съ городовъ южной Европы. Осадное положеніе обуздало излишнюю вольность иностранцевъ. Гавань пуста. На улицахъ не видно, какъ прежде, вереницы помѣщиковъ съ своими семействами, зато много встрѣчается мнимыхъ героевъ.

При Воронцовѣ на бульварѣ стояла небольшая пушка, возвѣщавшая наступленіе полдня; ее украли евреи.

Остовъ парохода „Тигръ" выглядывалъ изъ-подъ воды. Пиратъ, бывшій Люиджи-Мокка, и купецъ Потаповъ добыли съ него нѣсколько орудій.

Бомбардированіе Одессы прокричали газеты. Въ городъ случайно залетѣло нѣсколько бомбъ и гранатъ съ пароходовъ, которые дѣйствовали во флангъ батареямъ мола. Напрасно я искалъ слѣдовъ разрушенія въ зданіяхъ на морскомъ бульварѣ.....

Патріотизмъ далъ средства для постройки батарей на берегу, но постройка ихъ какъ-то не клеилась: то дождикъ ихъ размоетъ, то амбразуры смотрятъ не туда, куда слѣдуетъ. Построены были и блиндажи, да ихъ никто не видалъ: строители К* и Ш* тотчасъ же все уничтожили, а то, пожалуй, злые люди могли сказать, что блиндажи придуманы — душить артиллеристовъ.

Послѣ размѣщенія батарей по колоніямъ, назначены и магазины, гдѣ слѣдовало принимать провіантъ. Оказалось, что въ Катарджи никогда магазина не существовало, а въ Кобылинѣ стояли только два столба съ кусками гнилой рогожи... А на нихъ, вѣроятно, выводились деньги въ расходъ на ремонтъ и на доставку провіанта.

По отчетамъ значилось въ Одессѣ нѣсколько тысячъ четвертей кукурузы, задержанной при объявленіи военныхъ дѣйствій. Ее назначили на продовольствіе лошадей въ кавалерію и артиллерію... Но кукуруза куда-то исчезла, и интендантскіе чиновники полетѣли въ Бессарабію заготовлять ее съ доставкою на квартиры войскъ. Транспорты прибыли, а часть войскъ перемѣнила квартиры. Продавцы отказались отъ дальнѣйшей перевозки, за это имъ не выдавали денегъ. Жалобы обнаружили темныя плутни.

При вторичномъ появленіи союзнаго флота у Одессы, всполошенные жители опять начали выбираться, кто на Молдаванку, кто на хутора... одни только французы продолжали торговлю, съ улыбками посматривая на обозы, спѣшившіе уходить изъ города.

По вечерамъ войска размѣщались на улицахъ, ближайшихъ къ морю, и проводили холодныя ночи на голой землѣ. Одинъ лишь купецъ Посоховъ уступилъ для солдатъ свои магазины.

Въ Крыму и въ Одессѣ случай доставилъ возможность встрѣтиться съ давнишними товарищами и помѣняться разсказами, кому выпало на долю что̀ видѣть и испытать. О многомъ слѣдуетъ еще молчать изъ опасенія раздразнить гусей... Но для будущихъ изслѣдователей

севастопольскаго погрома не лишнее сдѣлать нѣсколько вопросовъ:

Почему ключъ Чернаго моря—Севастополь—лишенъ былъ хорошихъ путей сообщеній съ Россіею? Неужели для пользы одесской торговли?

Почему полгода толковали о сборѣ союзнаго флота и не вѣрили въ возможность десанта въ Крымъ, въ осеннее время?

Почему камышинская бухта считалась не удобною для стоянки флота?

Куда дѣвались запасы сѣна подъ Перекопомъ и кукурузы въ Одессѣ?

Гдѣ была заготовлена гнилая солонина, доставленная будто бы изъ Николаева, и не принятая войсками? Не для объясненія-ли того появилась за границею брошюра: „Крымскіе волы"?

Во сколько обошлась перевозка каждаго бревна, изъ числа закупленныхъ въ Херсонѣ для блиндажей, въ Севастополь, когда его уже оставили?

Интересно было бы узнать цѣнность моста чрезъ бухту и стоимость перевозки артиллерійскихъ снарядовъ изъ Кіева.

Куда дѣвались раненые, оставленные 27-го августа на Михайловскомъ мыску?

Куда исчезли дѣла и денежныя суммы керченскаго коммисіонерства? Великъ-ли былъ запасъ провіанта, истребленнаго градоначальникомъ? Много-ли по отчетамъ употреблено судовъ и камня для порчи Керченскаго фарватера? Вѣдь англійскій флотъ, 13-го мая, проходя въ Азовское море, не замѣчалъ слѣдовъ работы?

Сохранились-ли записки, составленныя у князя Горчакова по каждому роду войскъ особо: сколько изъ Крыма отправлено было денегъ въ банкъ?

Кому отдать первенство: англійскому или нашему интендантству? Робукъ въ парламентѣ этого не разъяснилъ.

VII.

Когда готовились къ переправѣ за Дунай, въ Измаилъ прибылъ извѣстный старецъ, котораго распоряженія мѣшали подготовкѣ переправы. А. И. Ушаковъ отказался отвѣчать за успѣхъ предпріятія и незваннаго гостя попросили вернуться къ своему мѣсту.

Занятіе Тульчи заставило турокъ немедленно очистить Добруджу. Къ генералу Ушакову полетѣли письма со всѣхъ сторонъ съ дружескимъ „ты". Одинъ изъ генераловъ пріѣхалъ съ просьбою—поручить ему командованіе авангардомъ. Александръ Ивановичъ отвѣчалъ:

— „Мы съ вами въ равныхъ чинахъ, въ отрядѣ моемъ не болѣе 9 т.

человѣкъ, что же могу дать вамъ? У меня полковникъ командуетъ авангардомъ и все идетъ хорошо, безъ тревогъ!"

Друзья обратились въ недруговъ, не возлюбя слова: „промышленники". Трое изъ нихъ уже въ могилѣ.

Болгарія въ это время поднималась, жители толпами приходили къ генералу Ушакову просить оружія. Но армія не двигалась впередъ; полагали, что она умретъ съ голоду „безъ магазиновъ". Между тѣмъ, въ Добруджѣ было всего довольно и подрядчики брались доставлять все необходимое. Кавалерійская дивизія почти даромъ продовольствовалась въ Добруджѣ.

Саперные офицеры, участвовавшіе въ обложеніи Силистріи, разсказывали: открытіе работъ поручено было Тотлебену. Три баталіона заняли назначенныя имъ мѣста (4-го мая). Вдругъ на правый флангъ неожиданно является генералъ Шильдеръ съ адъютантомъ и приказываетъ двигаться первому баталіону впередъ. Онъ самъ указалъ мѣсто для батареи на четыре орудія и направленіе параллели, перпендикулярно къ дорогѣ. Цѣпи для прикрытія работъ не выставили.

Средній баталіонъ съ рабочими, не зная о прибытіи Шильдера, подходя къ своему участку, услышалъ впереди шорохъ и принялъ то за турецкую засаду. Темнота не дозволяла различать хорошо предметовъ... Раздались выстрѣлы и „ура!" Генералъ съ баталіономъ поспѣшно отступилъ, тоже сдѣлали и другіе баталіоны. На утро пришлось собирать потерянныя въ суматохѣ каски и инструменты. Вечеромъ открыта была первая параллель.

Осада тянулась, какъ мишура. На осадныхъ батареяхъ лѣваго берега Дуная зажигательные снаряды выказали явное ослушаніе: они не хотѣли производить пожаровъ въ крѣпости. Полковникъ Шуббе бѣсился. Завѣдывающій батареями на островахъ рѣки подалъ рапортъ, что онъ хотя и хорошо прикрытъ отъ турокъ, но проситъ защиты отъ огня батарей полковника Шуббе.

Шалость 16-го мая 1854 г. извѣстна. Жаждущіе подвиговъ составили планъ нападенія на фортъ Арабскій, повѣря разсказамъ шпіоновъ, что турки изъ страха оставляютъ на ночь укрѣпленіе и что въ ночь они собираютъ свои силы для нападенія на нашъ правый флангъ. Герои отправились на совѣтъ къ генералу Сельвану, выставляя удобный случай для нападенія, и что „если теперь не возьмемъ форта, то никогда его не захватимъ". Сельванъ отговаривался старшинствомъ Шильдера. Посланный къ нему привезъ отвѣтъ: „все предоставляется на волю самого Сельвана". Рѣшено идти. Это сдѣлалось извѣстнымъ по лагерю и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдали, чѣмъ окончится дѣло пріѣзжихъ партизановъ.

Въ 1-мъ часу ночи мѣсто заболѣвшаго князя Урусова заступилъ на правомъ флангѣ графъ Опперманъ; вылазки турокъ были отбиты. Затѣмъ послышались крики на лѣвомъ флангѣ. Три баталіона двумя отрядами кинулись на фортъ Арабскій. Сельванъ съ ординарцами, въ темнотѣ, направился на крики атакующихъ и погибъ отъ непріятельскихъ пуль.

Баталіоны, встрѣченные огнемъ турокъ, взобрались на валъ, въ это время послышался сигналъ къ отступленію. Одни говорятъ, что это сдѣлано по приказанію генерала Веселицкаго, другіе увѣряютъ, что сигналъ былъ уловкою непріятеля.... Атака отбита съ большимъ урономъ, пострадала и бригада 8-й дивизіи, бывшая подъ командою генерала Попова. Веселицкій отвелъ войска въ траншеи. Князь Горчаковъ, не разобравши дѣла, назвалъ его трусомъ. Тотъ отвѣчалъ: „Трусятъ одни подлецы! Вы не смѣете говорить мнѣ такихъ словъ!" Прибывшій фельдмаршалъ принялъ сторону обиженнаго... „Ты—храбрый человѣкъ! Вѣроятно, тутъ вышла ошибка!" Потомъ прибавилъ: „У насъ каждый прапорщикъ представляетъ себя умнѣе главнокомандующаго!" Вскорѣ послѣдовало распоряженіе, чтобы отъ флигель-адъютантовъ не принимать никакихъ приказаній. На другой день турки показывали издали сюртукъ Сельвана съ Георгіевскимъ крестомъ. На третій день отыскали трупъ генерала безъ головы, съ разрубленною грудью. Погибло до 700 человѣкъ.

Производство атаки безъ разрѣшенія главнокомандующаго, въ ночную темную пору, безъ лѣстницъ, открытою силою, на обумъ, можетъ быть отнесено только къ безумному удальству, преслѣдуемому закономъ.

Графъ Опперманъ разсказывалъ мнѣ, что 16-го мая, позднимъ вечеромъ, онъ пилъ чай у Сельвана. Послѣдній какъ-будто предчувствовалъ свою судьбу: „Чего я ищу, еще имѣя дѣтей и семейство! Если меня убьютъ, то пусть не достанется въ руки враговъ память моей матери", сказалъ онъ, снимая съ себя золотые часы и вынимая изъ кармана кошелекъ работы жены. Въ карманъ же положилъ горсть золота: „Пусть турки знаютъ, что русскіе генералы не безъ денегъ!"

Послѣдующая исторія, по словамъ полковника Дел*, принадлежитъ саперному штабсъ-капитану Мацѣевскому. За чаркою водки онъ условился съ однимъ ротнымъ командиромъ въ траншеѣ, 22-го мая, броситься на Арабскій фортъ, послѣ взрыва мины, подведенной подъ исходящій уголъ укрѣпленія.... Мацѣевскій подползъ ко рву взглянуть на дѣйствіе мины. Неизвѣстно, подалъ-ли онъ условный знакъ капитану, который съ своею ротою и подговоренными охотниками бросился впередъ. Турки открыли огонь, въ лагерѣ сдѣлалась тревога, загудѣли

осадныя батареи, резервы выдвинулись на помощь атакующимъ. Мина, сдѣланная небрежно, обсыпала немного переднюю покатость вала и разрушила нашу лѣвую траншею. Солдаты, поражаемые картечью, бросились бѣжать по полю на лѣвый флангъ, а Маціевскій, не сдавши своего дежурства, скрылся въ лагерь.

Ротный командиръ убитъ; нижніе чины показали, что какой-то саперный офицеръ передавалъ приказаніе отъ имени главнокомандующаго: „идти на приступъ“.

Ш* велѣлъ сказать Маціевскому, чтобы держалъ языкъ за зубами, и послѣдній, потребованный къ объясненію, отперся отъ всего сознаваясь, что, дѣйствительно, изъ любопытства подходилъ ко рву взглянуть на дѣйствіе мины. Ш* проговорилъ: „Офицеръ увлекся любопытствомъ и это дѣлаетъ ему честь! Чѣмъ же онъ виноватъ, что глупая пѣхота бросилась вслѣдъ за нимъ“.

Вылазка турокъ и нападеніе на батарею капитана Козелло отбиты картечью; изъ прислуги ранено двое. Такъ сообщилъ мнѣ самъ командиръ батареи. Но въ реляціи мы читаемъ, что прислуга у одного орудія была перебита и другаго рода войскъ офицеръ самъ заряжалъ орудія.

Офицеръ, назначенный съ ракетными станками въ траншею, выпровоженный къ мѣсту назначенія самимъ начальникомъ осадныхъ парковъ, скрылся, оставя свою команду.

Провіантскій магазинъ на р. Бокчіо, въ безопасномъ мѣстѣ, на лѣвой сторонѣ Дуная, днемъ сгорѣлъ до тла вскорѣ послѣ посѣщенія провіантскаго чиновника.

9-го іюня 1854 г. снята осада Силистріи.

VIII.

Перенесемся въ Крымъ.

Севастополь прозвали Стуковымъ монастыремъ. Я видѣлъ каррикатуру: въ облакахъ — рогъ изобилія; изъ него сыплются звѣзды, ленты, кресты, золотыя сабли, аренды и проч. Изъ крѣпости подняты сотни рукъ, но вѣтеръ съ моря относитъ все на Инкерманъ, а красныя ленточки падаютъ въ Севастополь.

Одного вновь произведеннаго подполковника назначили для надзора за работами въ передовыхъ редутахъ. Онъ дня три не являлся къ своему мѣсту, но опасаясь, чтобы Тотлебенъ не замѣтилъ его отсутствія, отправился въ редуты, собралъ отъ офицеровъ свѣдѣнія и, являясь къ генералу Жабокрицкому, высказалъ ему свои замѣчанія о работахъ, прибавя:

— В. п., вѣроятно, это и сами вы изволили замѣтить?

„Любезнѣйшій, у кузнеца есть щипцы для раскаленнаго желѣза, а у меня — саперные офицеры!“

Подполковникъ пришелъ въ восторгъ отъ такихъ словъ: „Какой умный человѣкъ! Я непремѣнно приму къ руководству его замѣчаніе и воспользуюсь своими щипцами“.

Послѣ дѣла у редутовъ генералъ А. П. Хрущевъ посѣтилъ раненыхъ солдатъ и, къ большему удивленію, замѣтилъ, что большая часть между ними изъ Селенгинскаго полка, бывшаго въ резервѣ. Оказалось, что З*, начальникъ смежнаго отряда, принялъ резервъ за непріятеля и шпиговалъ его съ тылу пулями. Конечно, по реляціи пострадали одни французы.

Потеря передовыхъ редутовъ не приведена еще въ ясность. Настанетъ время и для дѣйствительной оцѣнки дѣйствій въ сраженіяхъ подъ Альмою, Инкерманомъ и Черною рѣчкою.

Изъ оврага, въ которомъ спрятался отъ башибузуковъ генералъ Корфъ съ уланскимъ полкомъ великой княгини Екатерины Михаиловны и съ конною батареею Гаційскаго, офицеръ Калмыковъ успѣлъ ускакать съ двумя орудіями, а шесть захвачены турками. Такое безславіе среди бѣлаго дня еще не случалось въ арміи послѣ дѣла у Сточка, въ 1831 году, 2-го (14-го) февраля.

Послѣ занятія Севастополя, русскихъ плѣнныхъ отправили на островъ Принца. Капитанъ Стюартъ вздумалъ тамъ проповѣдывать католицизмъ и переходъ въ ряды французовъ. Защитниками своихъ соотчичей выступили моряки П. А. Карповъ и Панферовъ; ихъ, какъ горячихъ людей, увезли въ Тулонъ.

Князь П. Д. Горчаковъ 1-й, желая загладить свои промахи по управленію Западною Сибирью, прибылъ въ Крымъ подъ начальство своего младшаго брата. Потеря Байдарской долины доставила ему прозваніе „Баштаннаго дѣла“. Въ разговорахъ съ офицерами онъ однажды высказался: „Я сдѣлалъ большую глупость, что вступилъ опять въ службу“. Въ своемъ отрядѣ князь не давалъ никому покоя — передвиженіями и постоянными опасеніями, что непріятель его обходитъ. С. Г. Веселицкій, съ 17-ю дивизіею, хотѣлъ проситься на отдыхъ въ Севастополь.

Братъ посовѣтовалъ князю уѣхать: „Сегодня обходятъ, завтра обходятъ, надо самому уходить!“

Съ полученіемъ телеграммы о заключеніи мира, зуавы толпами устремились на Меккензіеву гору, но ихъ остановили. И тѣ были въ большемъ удивленіи, какимъ образомъ переданное извѣстіе изъ

русскаго лагеря не было объявлено русской арміи. Вскорѣ завязалась дружба съ французами и взаимныя посѣщенія. У нихъ завелись театры и собранія, на которыхъ участвовали полковыя маркитантки и выписанныя изъ Одессы куртизанки. Англичане держались особнякомъ. Для сохраненія сердечнаго согласія союзниковъ, расположены были наблюдательные посты между ихъ лагерями.

На литерной батареѣ Генса опился одинъ зуавъ. Международная коммисія, произведя слѣдствіе, назначила сдѣлать командиру батареи выговоръ.

При посѣщеніи генераломъ Пелисье нашего лагеря, Веселицкій представлялъ дивизію, на-ново обмундированную. Первый замѣтилъ, что сѣренькія шинели хотя и изорваны, но болѣе бы придавали воинственности солдату, а при томъ напоминали бы о великомъ трудѣ, совершенномъ защитниками Севастополя.

Маршевые баталіоны, сформированные въ Москвѣ, направлены въ Крымъ черезъ Николаевъ и армянскій базаръ, подъ командою генерала Юзефовича, который такъ много заботился о хорошемъ продовольствіи людей, что даже и не видалъ ихъ. Это послужило поводомъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Завѣдывавшій двумя баталіонами Л... кормилъ солдатъ скверно, водку раздавалъ только по отчетамъ. Баталіоны по дорогѣ оставили множество больныхъ. Л... не унывалъ, услыша о доносахъ, и самодовольно поглаживалъ свой карманъ, какъ-будто говоря: „Защита у меня здѣсь". Командиръ другаго баталіона, изъ страха отвѣтственности, отравился въ Симферополѣ. О всѣхъ злоупотребленіяхъ сообщено генералу Огареву.

Въ Симферополѣ недоставало помѣщеній подъ раненыхъ. Губернаторъ, не отставая отъ другихъ, также отдѣлилъ часть своего дома, но съ условіемъ, чтобы не было умершихъ. Вслѣдствіе того, всѣ опасно больные переносились въ сосѣдніе дома (въ палату), а оттуда брали въ замѣнъ ихъ выздоравливающихъ. Въ палатѣ скопилось до 400 человѣкъ при одномъ фельдшерѣ и лекарѣ С*. Кромѣ тѣсноты, воздухъ былъ до такой степени испорченъ, что одурялъ здороваго человѣка. А тутъ еще, на бѣду, перенесенный въ губернаторскій домъ гренадеръ — померъ. Едва-едва замяли дѣло.

Главный докторъ госпиталя Ц* за выдачу неправильныхъ свидѣтельствъ раненымъ смѣщенъ въ младшіе ординаторы, въ одинъ изъ госпиталей Херсонской губерніи. Казначей госпиталя оттягивалъ у прикомандированныхъ лекарей жалованье и фуражныя деньги.

Преемникъ Ц*, Прот*, также отданъ былъ подъ судъ.

Во временномъ госпиталѣ на Бельбекѣ палатокъ было очень мало, хотя неоднократно представляли о томъ дежурному генералу Уша-

кову 3-му. Разъ привезли офицера съ пробитою грудью. Ему набросали соломы въ ямѣ палатки, отъ дождя образовалась грязь... Лекаря напрасно хлопотали о лучшемъ помѣщеніи, отвѣтъ одинъ: „Нѣтъ мѣста!“ Ушаковъ, зайдя въ палатку, получилъ справедливый упрекъ отъ офицера... генералъ промолчалъ и спросилъ у лекарей: „Оказали ли вы должное пособіе?“ Тѣ отвѣчали: „Врачи сдѣлали все, что могли сдѣлать съ своей стороны“. Ушаковъ повернулся къ выходу.....

Изувѣченные солдаты, которымъ не доставало помѣщеній въ палаткахъ, помѣщались временно около скирдъ сѣна, подвергаясь дождю и сырости.

Въ госпиталяхъ второй линіи, напримѣръ, въ Елисаветградѣ (1855), цифра больныхъ достигла до 1,500 человѣкъ, при трехъ врачахъ. И тутъ — тѣснота въ размѣщеніи, страшный удушливый воздухъ и злоупотребленія. Подрядчики доставляли тухлую говядину и клюквенный морсъ, поддѣланный вмѣсто вина.

Лучше всѣхъ было раненымъ, размѣщеннымъ по нѣмецкимъ колоніямъ: хозяева ухаживали за ними и холили ихъ... Больныхъ считалось до 2,000 человѣкъ.

Изъ ревизоровъ добросовѣстнѣе всѣхъ дѣйствовалъ князь Крапоткинъ. Онъ навелъ такой страхъ на промышленниковъ съ длинными пальцами, что, по разсказамъ, въ херсонскомъ госпиталѣ аптекарь удавился, главный врачъ бѣжалъ, а старшій ординаторъ принялъ ядъ. Да и раненымъ „на деньги“ спуску не было!

По окончаніи войны, сестры милосердія, отъѣзжая изъ Симферополя, оставили не уничтоженными настои шпанскихъ мушекъ. Одна изъ бутылокъ попалась въ руки лазаретной прислуги... Понюхали — спиртъ..... Передъ ужиномъ хватили по стаканчику и двѣнадцать человѣкъ поплатились за то жизнію.

Кстати упомянуть и о другихъ продѣлкахъ.

Въ Литвѣ евреи взялись доставить бульонъ, а интендантство обязалось указать складъ. Неизвѣстно, какого качества былъ бульонъ, но онъ пролежалъ мѣсяца два на открытомъ воздухѣ и при сдачѣ найденъ негоднымъ. Евреи заставили казну принять на свой счетъ всѣ убытки.

Черниговская губернія пожертвовала для арміи спиртъ. Транспортъ доставленъ непремѣннымъ засѣдателемъ Скварскимъ. Отъ него не хотѣли принимать, намекая о придачѣ. Такая наглость взбѣсила малоросса и онъ рѣшительно объявилъ: „Если сейчасъ не примите, то я выпущу спиртъ изъ бочекъ и уѣду“..... Коммисіонеры немедленно приняли транспортъ.

Въ Симферопольскомъ госпиталѣ на больныхъ выведено не смѣт-

ное количество лимоновъ; вмѣсто хины, подмѣшивали горькія вещества, хину продавали на сторону. Главный докторъ не былъ причастенъ къ этому мошенничеству аптекаря и коммисара; его вина была другаго рода, какъ слѣдствіе поборовъ.

Въ госпиталѣ, даже раненымъ офицерамъ подавали супъ съ тараканами. Артиллерійскій офицеръ А. П. Поповъ, кажется, показывалъ такое блюдо посѣтившей госпиталь г-жѣ Стаховичъ.

Многіе спѣшили воспользоваться временемъ и ковали желѣзо, пока оно было горячо. Въ резервной пѣхотной бригадѣ, подъ Замостьемъ, полковникъ Г* былъ того мнѣнія, что съѣстное не грѣхъ брать у другихъ; онъ ссылался на царя Давида, который, для утоленія голода, взялъ просфору въ храмѣ... Командиръ отпускалъ на котелъ припасы въ десятичныхъ дробяхъ, предоставляя солдатамъ заботиться самимъ о своихъ желудкахъ, и тѣ по ночамъ бандами отправлялись въ поля копать картофель, да ловить коровъ съ телятами... Вѣдь это все съѣстное! Доносы не подѣйствовали. Г* выдалъ дочь свою за казначея съ уступкою въ приданое—половину доходовъ съ бригады и, конечно, на другой годъ разсорился съ своимъ зятемъ.

Въ томъ же 1855 году, въ пѣхотной дивизіи, квартировавшей въ Эстляндіи, изъ 11-ти т. человѣкъ перемерло до 2-хъ т. По представленію дворянства, назначено было разслѣдованіе о возмутительныхъ дѣйствіяхъ, въ особенности въ бригадѣ Б....... Довольно того, что провіантъ для солдатъ переданъ въ руки помѣщиковъ; отъ нихъ раздавался печеный хлѣбъ людямъ. Разъ къ помѣщику Фитингофу явился фельдфебель изъ роты Ѳ* съ просьбою — отпустить вмѣсто хлѣба по $7^1/_2$ ф. муки на человѣка; ему отказали. Черезъ полчаса вторично приходитъ фельдфебель, но уже весь избитый и окровавленный... Его освидѣтельствовали и отправили въ лазаретъ кавалерійскаго полка (кажется, къ полковнику Энгельгардту). Вскорѣ ворвался въ комнаты самъ капитанъ Ѳ*, бывшій, какъ говорится, на готовѣ. Онъ выставлялъ необходимость отпуска муки въ роту для хозяйства и для удовлетворенія требованія начальства по нѣскольку фунтовъ съ каждаго человѣка... Капитана выпроводили изъ дома.

На одномъ обѣдѣ участвовали начальникъ дивизіи, извѣстный по дѣлу валахской милиціи, полковникъ Энгельгардтъ, исправникъ Буксгевденъ и маіоръ Z*, прибывшій съ резервнымъ баталіономъ Нарвскаго полка. Послѣдній хвастался, что у него больныхъ солдатъ не бываетъ... „Дамъ 25 розогъ, да и спрошу о здоровьѣ; кто отзовется больнымъ, еще накину!“ Тутъ исправникъ заявилъ, что въ лѣсу найдены закопанными въ землѣ четыре человѣка... Не знаю, что

открылось по разслѣдованію. Не оказались-ли эти несчастные бѣглецами изъ баталіона, послѣ лекарства, даннаго имъ маіоромъ?

IX.

8-го декабря, 5-ю дивизію направили формироваться въ Подольскую губернію. Батареи шли на прямикъ, какъ летаютъ вороны, поперегъ всѣхъ дорогъ, занесенныхъ большими снѣгами, при сильномъ морозѣ и вѣтрахъ. Благодѣтели снабдили солдатъ на дорогу полушубками—по одному на трехъ человѣкъ. Лазареты наполнились больными съ отмороженными руками, ногами и носами... Мы утѣшали свои ноги баснею римскаго консула... Наши воеводы до того углубились въ передвиженіе войскъ, что, слѣдя за нами по картѣ, потеряли изъ вида и разсылали приказанія о перемѣнѣ маршрута по дорогѣ отъ Николаева къ Балтѣ, а мы шли изъ Одессы.

Въ Ананьевѣ была встрѣча съ полками. „Что вы дѣлали въ Крыму?" Намъ отвѣчали стихами, сочиненными въ честь промежуточнаго отряда между Евпаторіею и Симферополемъ:

От Такыла до Альмы,
Отъ Альмы къ Каракіату
Очень часто ходимъ мы
На погибель супостату!
И не сдобровать ему!
Шевельнись хотя онъ мало,
Мы тотчасъ махнемъ въ Альму,
А оттоль въ Такылъ, пожалуй...
Пусть же вѣдаютъ враги
Нашу удаль боевую:
Мы истопчемъ сапоги
За (себя) и Русь святую!

Боевыя тревоги расшевелили солдатскую поэзію... Въ Крыму пѣсня графа Л. Н. Толстаго получила громкую извѣстность.

Наступила минута всеобщаго спокойствія. Умолкли бранные крики и гулы выстрѣловъ; прекратилось кровопролитіе... Крымская война для Россіи была тяжелымъ историческимъ урокомъ! Намъ пришлось узнать значеніе политической дружбы, пришлось увидѣть и наше ослѣпленіе, и наши недостатки! Рѣчь Наполеона III-го въ сенатѣ и его самоувѣренная гордость непріятны были для нашего народнаго самолюбія, но въ словахъ врага слышалась доля горькой истины!

Грустно разоблачать минувшее, но мы его пережили, мы выплатили дань заблужденіямъ... Послѣдняя война во многомъ измѣнила

образъ общественнаго мнѣнія и вызвала голоса благонамѣренныхъ людей, призывающихъ къ разработкѣ свѣтлой стороны настоящаго.

Да поможетъ Господь Богъ Тому, кто принялъ на себя все бремя власти, на кого съ любовью и затаенными надеждами были устремлены взоры всей Россіи въ тяжкую годину испытанія, въ чьихъ дѣйствіяхъ ясно отражается стремленіе уничтожить темныя пятна на нравственномъ горизонтѣ нашей общественной жизни... Путь указанъ—на обществѣ лежитъ обязанность избрать дѣятелей съ благими намѣреніями и съ любовью къ своей родинѣ...

1856 г. Б.

Примѣчаніе. Приведенныя выше Замѣтки писаны двадцать лѣтъ тому назадъ и сообщены въ распоряженіе «Русской Старины» въ началѣ 1870 года. Они принадлежатъ одному заслуженному воину и, несмотря на свою отрывочность, могутъ быть не безполезны въ обширномъ собраніи изданныхъ въ послѣдніе годы матеріаловъ къ эпохѣ грозныхъ для Россіи событій 1853—1855-хъ гг.

Ред.

ШТУРМЪ МАЛАХОВА КУРГАНА

27-го и 28-го августа 1855 г.[1]).

27-е августа 1855 года исторія впишетъ въ свои страницы кровавыми буквами. День, ознаменованный гибелью нѣсколькихъ десятковъ тысячъ храбрыхъ и равно славный для обѣихъ сражавшихся сторонъ. Но искупитъ-ли эта огромная, кровавая жертва благоденствіе народовъ или только удовлетворитъ нѣсколько ненасытныхъ самолюбій, которыя попираютъ спокойствіе и жизнь милліоновъ для личнаго своего возвышенія или для упрямаго осуществленія своихъ частныхъ идей, коимъ хотятъ подчинить выгоды цѣлаго міра,—взвѣситъ и осудитъ безпристрастная исторія!...

Я же разскажу происшествія этого кроваваго дня такъ, какъ видѣлъ ихъ самъ и какъ они переданы мнѣ участниками великой драмы, совершившейся въ стѣнахъ Севастополя.

---

[1]) «Не для печати, но для себя. Не для печати потому, что здѣсь много есть лишняго, высказаннаго тихомолкомъ, и не для исторіи по той причинѣ что еще далеко не полно; первая попытка къ собранію фактовъ, такъ сказать, канва, по которой сказаніе о штурмѣ будетъ мало по малу выясняться въ настоящемъ свѣтѣ и истинѣ.» **О. Константиновъ.**

Къ этому примѣчанію автора, нынѣ покойнаго, присоединяемъ свѣдѣніе о его служебной дѣятельности. Статскій совѣтникъ Осипъ Ильичъ Константиновъ род. въ 1813 году. Отецъ его былъ убитъ при взятіи Праги Суворовымъ. На восьмомъ году О. И. отданъ въ 1-й кадетскій корпусъ, откуда въ 1832 г., 19-ти лѣтъ, вышелъ въ офицеры въ 1-ю конную артиллерійскую роту. Въ 1840 году перешелъ въ гражданскую службу, былъ вызванъ главнокомандующимъ Кавказскаго края въ Тифлисъ и состоялъ при немъ; въ тоже время издавалъ газету «Кавказъ». Составилъ сборникъ: «Путеводитель для е. и. в. вел. кн. Государя Наслѣдника во время путешествія по Кавказу»—при которомъ онъ и состоялъ. Константиновъ составилъ таже «Исторію Русскаго владычества на Кавказѣ». Въ 1848 г. вернулся въ Петербургъ и состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министерствѣ. Въ началѣ дунайской и севастопольской кампаній прикомандированъ къ кн. Горчакову, при которомъ и оставался все время до конца военныхъ дѣйствій. Вернувшись въ Петербургъ,

Считаю необходимымъ еще разъ повторить, что севастопольскія укрѣпленія съ сухопутной или южной стороны не существовали до появленія союзниковъ у Камыша и Балаклавы, за исключеніемъ нѣсколькихъ батарей, соединенныхъ между собою каменными, изъ бутоваго камня, стѣнками и земляными валами безъ рвовъ. Сплошная оборонительная линія стала воздвигаться на-скоро, предъ глазами непріятеля, когда онъ уже приступилъ къ заложенію первой своей параллели. Осаждающій съ самаго начала повелъ атаку противъ праваго нашего фланга, гдѣ искусство Тотлебена соединило всѣ усилія гарнизона для быстраго созданія сильной обороны. На лѣвомъ же флангѣ, не угрожаемомъ непріятелемъ, ограничились только разбивкою линій укрѣпленій, вырытіемъ широкаго и глубокаго рва предъ Малаховымъ курганомъ, выведеніемъ оборонительной прямолинейной стѣнки отъ онаго до 2-го бастіона изъ бутоваго камня и вооруженіемъ послѣдняго девятью шестнадцати-фунтовыми коронадами. Корабельная сторона долгое время оставлена была защитѣ батареи, называемой первымъ бастіономъ, 2-го бастіона и Малаховой башни [1]). Только въ концѣ ноября приступили къ возведенію верковъ Малахова кургана.

Вообще нужно принять во вниманіе чрезвычайную трудность, которую мѣстность съ южной стороны Севастополя представляла для фортификаціи. И въ мирное время она требовала бы долгихъ и зрѣлыхъ соображеній опытнаго инженера, а тутъ приходилось быстро, въ виду непріятеля, импровизировать надежную оборону при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ и притомъ еще подчинять ее уже существовавшимъ на важнѣйшихъ пунктахъ отдѣльнымъ люнетамъ, казематированнымъ батареямъ и оборонительнымъ казармамъ, расположеннымъ весьма невыгодно для соблюденія общей связи и взаимной ихъ обороны. Все протяженіе полукруглой линіи, длиною въ нѣсколько верстъ, требовавшей непрерывнаго пояса верковъ, раздѣлялось южной бухтой на двѣ, совершенно отдѣльныя, части, независимыя между собою и долженствовавшія имѣть отдѣльные, самостоятельные гарни-

---

написалъ исторію севастопольской кампаніи, и, 4 мѣсяца спустя, умеръ внезапно 3-го мая 1856 года, на 43 году, возвратившись отъ обѣда у кн. А. С. Меншикова. Трудъ Константинова не былъ изданъ и, вѣроятно, остался въ бумагахъ кн. Меншикова, который былъ расположенъ къ О. И. Константинову и часто съ нимъ видѣлся.—Предлагаемая статья есть не болѣе какъ отрывокъ изъ помянутаго труда, переданный на страницы «Русской Старины» дѣтьми покойнаго. **Ред.**

[1]) Мнѣ говорили, будто бы Тотлебенъ съ самаго начала просилъ князя Меншикова уничтожить эту башню, которая могла только привлечь на себя усилія атакующаго и быть намъ болѣе вредною, чѣмъ полезною, ибо самые камни оной, какъ и было, поражали. **О. К.**

зоны. Каждая же часть, въ свою очередь, была раздроблена глубокими оврагами, между коими возвышались далеко впередъ высунувшіеся уступы, которые уже прежде, какъ я упоминалъ, до появленія союзниковъ въ Крыму, были заняты батареями, обращенными въ послѣдствіи въ основанія бастіоновъ, исходящіе углы коихъ отстояли между собою на 400 и даже нѣкоторые болѣе, чѣмъ на 500 сажень, такъ что вовсе лишены были фланговой взаимной обороны, а потому принуждены были, по мѣрѣ потребности противодѣйствія непріятелю, воздвигать на фасахъ бастіоновъ и на соединительныхъ между ними стѣнкахъ отдѣльные редуты, батареи и люнеты. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ осады, на правомъ флангѣ, отъ Малахова кургана до 6-го бастіона включительно, образовалась весьма сильная и надежная оборона съ верками значительной профили, до конца осады устоявшихъ противъ опустошительнаго огня непріятеля.

Но Малаховъ курганъ—ключъ нашей позиціи, самая возвышенная и болѣе всѣхъ выдавшаяся впередъ точка, имѣющая въ планѣ форму овала, представляла всего болѣе мѣстныхъ трудностей; притомъ, по окраинѣ передней вершины ея, возвели полукруглый фасъ. Командовавшій на курганѣ контръ-адмиралъ Истоминъ, довѣрясь командиру 6-го сапернаго баталіона, подполковнику Ползикову, не хотѣлъ подчиниться правиламъ инженернаго искусства и настаивалъ, чтобы фасъ передъ башней былъ закругленъ, будто бы для лучшаго обстрѣливанія впереди лежащей мѣстности, а также и прочіе прилежащіе верки расположилъ по своей фантазіи. Адмиралъ Корниловъ, уважавшій Истомина, упросилъ Тотлебена не вмѣшиваться въ эти работы и, такимъ образомъ, вліяніе Тотлебена на Корабельную сторону на долгое время вовсе было отклонено.

Съ лѣвой стороны кургана 2-й бастіонъ отстоялъ отъ этой дуги на 300 сажень и соединялся съ нею прямолинейною стѣнкой, а съ правой (выдавался) исходящій уголъ 3-го бастіона болѣе чѣмъ на 400 сажень. При такихъ мѣстныхъ условіяхъ, Малаховъ курганъ лишенъ былъ фланговой обороны, а по возвышенному своему положенію передъ переднимъ фасомъ онаго, впереди рва, сажень на 17, образовалось мертвое пространство. Съ лѣваго же плеча онъ подвергался прорыву непріятеля сквозь слабую стѣнку, въ тылъ, почему, при расположеніи его верковъ, имѣли въ виду образовать изъ него сильное сомкнутое, самостоятельное укрѣпленіе, какъ бы цитадель, которое могло бы держаться даже тогда [1]), когда бы пали не только собственно городъ, но

---

[1]) Для этой цѣли предполагалось учредить на Малаховомъ курганѣ провіантскій магазинъ на мѣсячное продовольствіе гарнизона.

даже 2-й и 3-й бастіоны. На этомъ основаніи горжу его закрыли [1]) и отдѣлили сзади глубокимъ и широкимъ рвомъ.

Между тѣмъ, какъ непріятель направлялъ апроши свои противъ 4-го бастіона, Корабельная сторона до конца ноября оставалась почти беззащитною и въ совершенномъ покоѣ. Почему союзники съ самаго начала не повели атаки на этотъ слабѣйшій пунктъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составлявшій ключъ всей позиціи, могутъ объяснить лишь союзные инженеры.

Оборотъ наступательнаго движенія 24-го октября не дозволилъ удержать намъ возвышенность на Сапунъ горѣ, гдѣ потомъ непріятель воздвигъ редутъ Канробера, признанную необходимою для обезпеченія лѣваго фланга; а какъ подобное наступленіе еще имѣли въ виду, то, для опорныхъ ему точекъ впереди оборонительной линіи, въ 280 саж., приступили къ возведенію передовыхъ укрѣпленій: Селенгинскаго и потомъ Волынскаго [2]). Наступательныя движенія на Сапунъ гору не состоялись, а между тѣмъ передовые редуты сохранены, и съ Камчатскимъ люнетомъ составили передовую оборонительную линію лѣваго фланга. Постройка этихъ укрѣпленій и удержаніе ихъ до конца стоили намъ до 20 т. человѣкъ и за ними считали Корабельную сторону совершенно обезпеченною, такъ что оборонительная линія всего пространства, отъ бухты, близъ устья Киленъ-балки, до кургана почти не была усиливаема новыми работами, кромѣ только того, что отъ 1-го бастіона къ бухтѣ вывели стѣнку, дали настоящій видъ 2-му бастіону и вмѣсто 16-ти фунтовыхъ коронадъ вооружили его 24-хъ фунтовыми пушками.

Взятіе непріятелемъ передовыхъ редутовъ 26-го мая однимъ ударомъ уничтожило переднюю линію обороны лѣваго фланга и обнажило союзникамъ Севастополь съ самой слабѣйшей стороны. Атакующій это видѣлъ, понадѣялся и возъимѣлъ смѣлость штурмовать Корабельную

---

[1]) Мысль закрыть горжи бастіоновъ предложена Тотлебеномъ и была оспариваема инженеръ-капитаномъ Фолькмутомъ. Мысль эта приведена въ исполненіе на 4-мъ бастіонѣ въ ноябрѣ, но какъ на немъ, такъ и на другихъ, за исключеніемъ Малахова кургана, горжи были разметаны снарядами непріятеля и это обстоятельство спасло всѣ прочіе бастіоны въ день штурма 27-го августа **О. К.**

[2]) Поэтому имъ дали профиль и расположеніе не самостоятельныхъ и надежныхъ, но полевыхъ укрѣпленій. Впрочемъ, это показаніе противорѣчитъ уже объясненному мною прежде въ отношеніи цѣли передовыхъ укрѣпленій, какъ начала наступательныхъ нашихъ дѣйствій посредствомъ постепеннаго выдвиженія рядами укрѣпленій. Настоящая цѣль заложенія передовыхъ укрѣпленій, вѣроятно, будетъ объяснена въ «Инженерномъ журналѣ». **О. К.**

и былъ отбитъ, 6-го іюня, съ огромнымъ урономъ не по неприступности верковъ, но, можно сказать, отраженъ грудью гарнизона.

Это, однако, не охладило энергической дѣятельности непріятеля; подвигая свои апроши и батареи, онъ все тѣснѣе и тѣснѣе сталъ обхватывать смертоноснымъ поясомъ курганъ и его плечи. Тогда съ нашей стороны признали уже позднимъ усиливать оборону лѣваго фланга, а съ необыкновенною дѣятельностію приступили къ возведенію второй оборонительной линіи, и именно тогда начали строить Генерихову батарею, когда подступы атакующаго уже находились въ 70-ти саженяхъ отъ 2-го бастіона, и онъ открылъ на Камчатскомъ люнетѣ 10-ти пушечную батарею, показавшую, какъ можетъ она быть губительна, въ особенности 2-му бастіону. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено было, по окончаніи этой второй линіи, уничтожить первую взрывомъ сперва бастіона № 2-й, миною во 100 пудовъ пороха, вторымъ взрывомъ оборонительную стѣнку до мортирной батареи у рогатки, и третьимъ—мортирную и 12-ти пушечную батареи, такъ какъ вся эта линія и по мѣстности, и по своему выдавшемуся расположенію не представляла надежной обороны. Предположеніе это приводилось въ исполненіе и для его осуществленія только ожидали полученія гальваническихъ проводниковъ, когда послѣдовалъ приступъ 27-го августа.

Кромѣ всѣхъ этихъ работъ, воздвигались батареи и обширные оборонительные верки на сѣверной сторонѣ, а также въ самомъ Севастополѣ, на случай, если бы атакующій взялъ штурмомъ оборонительную линію и гарнизону пришлось бы шагъ за шагомъ отступать къ переправѣ. Такимъ образомъ постоянно, съ открытія до окончанія осады, вся система укрѣпленій и необходимыхъ работъ была несоразмѣрна съ числомъ рукъ гарнизона, несмотря на его многочисленность.

Вотъ въ какомъ стѣснительномъ положеніи были инженеры въ Севастополѣ и, притомъ, должно сознаться, что со времени, когда Тотлебенъ былъ раненъ и принужденъ былъ покинуть городъ, т. е. послѣ отбитаго штурма, душа оставила инженерное искусство. Работы хотя и производились весьма дѣятельно, но инженеры уже не имѣли прежней энергіи и того авторитета, который при Тотлебенѣ сдвигалъ цѣлыя горы, если это онъ признавалъ нужнымъ. Многія его предположенія вовсе не были приведены въ исполненіе [1]).

При такомъ ходѣ дѣлъ непріятель открылъ, 5-го августа, бомбардированіе по нашимъ веркамъ съ самаго близкаго разстоянія, направляя огонь преимущественно на Корабельную сторону.

[1]) Такъ, напримѣръ, предположено было въ глубокомъ рву горжи Малахова кургана, въ эскарпѣ и контръ-эскарпѣ, прорыть блиндажи въ родѣ пещеръ и соединить площадь кургана съ рвомъ потернами. О. К.

Апроши атакующаго почти касались нашихъ верковъ, батареи его заключали въ себѣ до 300 мортиръ и до 800 орудій, которыя дѣйствовали по нашимъ насыпямъ прицѣльно, снарядами разрывными,—и такъ, то ослабляя, то усиливая огонь, громили непрерывно двадцать трое сутокъ. Съ нашей стороны дѣйствовало 1,200 орудій, но при сухопутной доставкѣ снарядовъ на далекое пространство, мы не имѣли возможности постоянно поддерживать равносильный огонь, въ особенности разрывными снарядами, которыхъ подъ конецъ осады уже не доставало,—большая часть орудій молчала [1]).

Непріятель имѣлъ на батареяхъ одну артиллерійскую прислугу съ необходимымъ числомъ прикрытія въ траншеяхъ, а мы, ежеминутно ожидая приступа, должны были держать на готовѣ и по близости пятидесяти тысячный гарнизонъ. Притомъ, на лѣвомъ флангѣ мѣстный каменистый грунтъ оказывалъ пагубное свойство; тонкій слой земли, покрывавшій мѣстность, былъ снятъ на возведеніе брустверовъ, остались площади голаго камня, въ особенности на Малаховомъ курганѣ, и большая часть послѣдовавшихъ исправленій производилась насыпкою въ туры единственнаго подъ рукою матеріала — крупнаго щебня, разсыпавшагося и поражавшаго людей при каждомъ ударѣ снаряда въ траверзъ, мерлонъ или въ каменныя площади обнаженнаго грунта.

Непріятельскія батареи, то залпами изъ всѣхъ орудій, то бѣглымъ артиллерійскимъ огнемъ, громили наши верки и безостановочнымъ штуцернымъ огнемъ поражали людей: щиты изъ троса были разбиты и пули поражали прислугу сквозь амбразуры. Мы теряли въ сутки отъ 600 до 1,500 человѣкъ, но продолжали по ночамъ, подъ картечнымъ огнемъ съ ближнихъ батарей атакующаго, исправлять поврежденія; трудъ напрасный: камни и сухая, разбитая земля не имѣли никакой связи и каждый ударъ снаряда разрушалъ снова то, что стоило страшныхъ усилій и жертвъ.

Насыпи уже отказались прикрывать своихъ защитниковъ, гибнувшихъ тысячами, но съ мужествомъ продолжавшихъ непоколебимо стоять подъ губительнѣйшимъ огнемъ, ожидая мгновенія, когда врагъ

---

[1]) Непріятель постоянно имѣлъ перевѣсъ надъ нами въ артиллерійскомъ огнѣ, во-первыхъ, потому, что у него втрое было мортиръ, самаго губительнѣйшаго для насъ оружія; во-вторыхъ, что его выстрѣлы сконцентрировывались, тогда какъ наши расходились. Съ начала всякаго бомбардированія мы принуждали замолчать многія изъ его батарей, но потомъ не могли выдерживать равнаго боя за недостаткомъ снарядовъ или пороха, которые должны были сберегать на случай рѣшительный—штурма. **О. К.**

бросится на штурмъ, чтобы грудью остановить его стремленіе и штыками выбросить за развалины своихъ окоповъ.

Но что такое былъ въ это время и что значилъ Севастополь, это яблоко, за которое съ обѣихъ сторонъ нѣсколько сотъ-тысячныя арміи боролись и гибли уже одиннадцатый мѣсяцъ?...

Самый городъ, за исключеніемъ небольшаго числа строеній, прилегавшихъ къ западному берегу южной бухты, представлялъ груду обгорѣлыхъ развалинъ. Матеріалы флота, заключавшіеся въ его складахъ, уже были всѣ или увезены, или обращены на разныя постройки обороны. Правда, Севастополь прикрывалъ собою главную бухту и остатки нашего флота, жаль было его, въ особенности не парусныхъ судовъ, но пароходовъ, но они и при удержаніи города могли быть сожжены бомбами и ракетами непріятеля, осыпавшими послѣднее время всю бухту; съ паденіемъ же Севастополя, но при существованіи сѣверныхъ фортовъ и батарей, эта бухта могла бы быть только нейтральною и все-таки запертою для входа въ нее союзныхъ флотовъ. Слѣдовательно, продолженіе обороны было уже не продолженіе защиты Севастополя, какъ важнаго города и военнаго пункта, но единственно отстаиваніе чести русскаго оружія, а со стороны непріятеля—соперничество въ преодолѣніи нашихъ усилій. Съ обѣихъ сторонъ упорная борьба не за существенныя выгоды, а изъ-за раздраженнаго самолюбія, и съ окончаніемъ осады обѣимъ сторонамъ равно предстояла необходимость окончить споръ въ открытомъ полѣ. Но стоила-ли эта ожесточенная борьба самолюбій тѣхъ потоковъ крови, которые проливались ежедневно, и жизни тысячей, которыя каждые сутки приносились въ жертву народнымъ тщеславіямъ. Слава русскаго оружія, утвержденная одиннадцати мѣсячною обороною укрѣпленій позиціи противъ усилій, постоянно превосходнѣйшаго числомъ и средствами, непріятеля, уже не нуждалась въ доказательствахъ большей стойкости и геройскаго самоотверженія, какія представило міру русское воинство. Оно исполнило свое дѣло и продолжало бы еще долго отстаивать Севастополь даже однимъ своимъ тѣломъ и безропотно умирать на его стѣнахъ, но велѣть долѣе защищать городъ, потерявшій свою матеріальную важность, защищать однѣ развалины, или, вѣрнѣе, одну идею, одно имя,—было бы жестокостью, ничѣмъ не извинительною, безполезнымъ пролитіемъ крови воиновъ, драгоцѣнныхъ отечеству и нужныхъ ему для предстоящихъ еще болѣе важныхъ битвъ.

Сознаніе этой великой истины побудило главнокомандующаго рѣшиться на оставленіе южной стороны Севастополя, и вы, быть можетъ, удивитесь, если я скажу, что это рѣшеніе породило въ гарнизонѣ

самыя тягостныя чувства. Добровольно уступить врагу валы и клокъ земли, упитанный кровью десятковъ тысячей братій, показалось всѣмъ пожертвованіемъ невыносимымъ и всѣ готовы были лучше умереть, нежели спасти жизнь цѣною подобной уступки.

Оставить Севастополь рѣшено было вскорѣ послѣ 4-го августа; но для приведенія этого важнаго дѣла въ исполненіе, въ виду сильнаго непріятеля, тогда какъ онъ уже почти касался своими апрошами нашихъ рвовъ,—требовалось особенно удобнаго времени, чтобы скрыть это отступленіе, и притомъ отступить безъ боя считали несвойственнымъ чести оружія. Это понятіе о чести стоило намъ однако же лишнихъ 30 т. человѣкъ, выбывшихъ изъ строя съ 5-го по 28-е августа. Впрочемъ, не эти однѣ причины задержали отступленіе, а главное то, что мостъ, который хотя строился и не для ретирады, но для облегченія сообщеній, еще не былъ готовъ, какъ равно минныя работы подъ Малаховымъ курганомъ и фортами для поднятія ихъ на воздухъ.

Тѣмъ временемъ, атакующій, ослабившій канонаду, такъ что ежедневная потеря наша стала было уменьшаться до 600 человѣкъ, съ 24-го августа возобновилъ жесточайшій огонь прицѣльно, по веркамъ, съ явнымъ намѣреніемъ демонтировать наши орудія. Обыкновенно съ разсвѣтомъ онъ билъ залпами со всѣхъ своихъ батарей и продолжалъ бѣглый артиллерійскій огонь до 9-ти часовъ утра, постепенно ослабляя пальбу; около полудня снова возобновлялъ канонаду, которая стихала по немногу подъ сумерки, и вечеромъ въ третій разъ открывалъ ожесточенную пальбу, соединявшуюся ночью съ бомбардированіемъ и картечнымъ огнемъ, съ цѣлію мѣшать исправленіямъ верковъ. Но верки наши уже пришли, бо́льшею частію, на лѣвомъ флангѣ въ такое разрушеніе, что ихъ надо было не исправлять, а вновь возводить; рѣшеніе же въ скорости покинуть Севастополь заставляло щадить людей, долженствовавшихъ гибнуть безполезно на работахъ. Производились исправленія только необходимыя: насыпка земли на пороховые погреба, блиндажи, расчистка амбразуръ, доканчивалась вторая оборонительная линія на лѣвомъ флангѣ, ретраншаментъ и барбеты для полевыхъ орудій на Малаховомъ курганѣ и минныя работы.

Правый флангъ нашъ былъ еще такъ силенъ, что могъ по временамъ отвѣчать непріятелю равнымъ огнемъ; но лѣвый—почти вовсе молчалъ. Настоящаго положенія Малахова кургана не хотѣли понять и были убѣждены, что непріятель скорѣе атакуетъ 5-й и 6-й бастіоны, чтобы овладѣть городомъ и мостомъ и тѣмъ, пресѣча путь отступленія, заставить гарнизонъ сдаться.

Огонь союзниковъ, съ 24-го августа по самый моментъ штурма, былъ такъ силенъ, что большая часть мерлоновъ была срыта, засыпанныя землею орудія не въ состояніи были дѣйствовать, прислуга перебита и даже не было возможности убирать тѣла убитыхъ. Въ сутки выбывало изъ гарнизона и артиллерійской прислуги болѣе чѣмъ по 2 т. человѣкъ. 24-го числа сосчитано, что союзники выпустили до 70 т. ядеръ и до 16 т. бомбъ и гранатъ въ однѣ сутки.

24-го числа сгорѣлъ въ бухтѣ, у сѣвернаго берега ея, отъ непріятельской бомбы транспортъ „Дунай", съ складомъ водки и смолы; 25-го, такимъ же образомъ, сгорѣлъ фрегатъ „Коварна", а вечеромъ слѣдующаго дня ракета подняла на воздухъ, у самой Николаевской пристани, только что причалившій баркасъ съ 140 пудами пороха, а другой, слѣдовавшій за нимъ съ тѣмъ же количествомъ пороха, затопило дѣйствіемъ взрыва. Городъ во многихъ мѣстахъ загорѣлся отъ ракетъ, бросаемыхъ непріятелемъ настильно.

По утру 27-го августа огонь осаждающаго казался слабѣе, стрѣляли рѣже, но болѣе мѣтко и съ большимъ вредомъ.

Въ 8 часовъ утра предъ Малаховымъ курганомъ непріятель взорвалъ, въ ближайшей своей траншеѣ, три колодца. Чтобы оттянуть штурмъ до времени, когда подойдутъ къ намъ снаряды, и съ цѣлію завести предъ курганомъ подземную войну, подобную той, какая велась предъ 4-мъ бастіономъ, у насъ были выведены минныя галлереи изъ рва Малахова (кургана) къ передовымъ подступамъ атакующаго. Онъ слышалъ наши подземныя работы, боялся дѣйствія минъ въ минуту уже приготовленнаго имъ штурма, и потому для успокоенія своихъ войскъ, опасавшихся взрыва минъ, когда они пойдутъ на приступъ, сдѣлалъ три взрыва булевыми колодцами. Но наши рукава еще не дошли на 4 сажени отъ его апрошей и мины не были заряжены, а потому взрывы его не имѣли никакого дѣйствія на галлереи.

Послѣ 9-ти часовъ утра непріятель въ этотъ день, какъ и въ предшествовавшіе, значительно ослабилъ свой огонь, нарочно давая гарнизону возможность предаться около полудня обыкновенному отдыху, съ тѣмъ, чтобы этимъ воспользоваться. Тѣмъ временемъ, траншеи его скрытно наполнялись людьми, перебѣгавшими съ заднихъ, а къ послѣднимъ стягивались сильныя колонны. Движеній этихъ изъ Севастополя не было видно, но замѣтили стягиваніе войскъ въ траншеи въ началѣ 12-го часа утра съ телеграфа на Инкерманѣ, и дали объ этомъ въ городъ сигналъ. По странному стеченію обстоятельствъ, №№ 14 и 39 сигналовъ, вмѣсто того, какъ бы слѣдовало: сильныя колонны идутъ на Корабельную, сигналы означали: непріятель-

скій флотъ на Корабельную. Разумѣется, сигнала не поняли и послали изъ города на телеграфъ за объясненіемъ[1]).

Между тѣмъ непріятель далъ три залпа изъ всѣхъ своихъ батарей и густыя цѣпи въ нѣсколько линій, поддерживаемыя резервами въ колоннахъ, внезапно выскочили изъ траншей и стремительно бросились на наши верки; пробѣжать 18 сажень, раздѣлявшихъ траншеи отъ Малахова и притомъ пространство, ни откуда не обстрѣливаемое, французамъ нужно было одно мгновеніе, и въ тотъ же моментъ трехцвѣтное знамя водружено на оконечности кургана.

Почти въ тоже время линіи штурмующаго бросились на второй бастіонъ и оборонительную стѣнку до Малахова кургана. На 2-мъ бастіонѣ два баталіона Олонецкаго полка и выше, па стѣнкѣ, до рогатки, другіе два баталіона того же имени и Муромскій полкъ, лишь только завидѣли французовъ, выскочившихъ изъ траншей, бѣжали за вторую оборонительную линію, но два орудія съ 2-го бастіона успѣли дать по выстрѣлу картечью. Штурмующій безпрепятственно взбѣжалъ на валъ, бросая на бѣгущихъ Олонцевъ тучи камней, заклепалъ часть орудій, проникъ въ Ушакову балку, даже на 2-й линіи на мгновеніе занялъ Генерихову батарею, но тогда, противъ 2-го бастіона, Кременчугскій полкъ, баталіонъ Бѣлозерскаго и потомъ два Олонецкаго, предъ тѣмъ сбитые, а противъ стѣнки баталіонъ Шлиссельбургскаго и Сѣвскій полкъ, съ крикомъ „ура!", со второй линіи ударили въ штыки: трехцвѣтныя знамена исчезли, густыя цѣпи штурмующаго, устилая поле своими трупами, отхлынули назадъ въ траншеи, орудія наши начали расклепывать, а батареи сѣверной стороны открыли учащенную пальбу ядрами, бомбами и гранатами по траншеямъ, куда начали набѣгать подкрѣпленія изъ заднихъ въ переднія подступы. Въ тоже время пароходы: „Владиміръ", „Херсонесъ" и „Одесса", на парахъ подойдя къ устью Киленъ-балки, бомбами осыпали все пространство, пересѣченное зигзагами непріятельскихъ подступовъ, нанося наполнявшимъ ихъ людямъ жестокій уронъ. Несмотря на это, французы снова пошли на приступъ. На 2-мъ бастіонѣ бывъ встрѣчены бѣглымъ ружейнымъ огнемъ всей линіи и съ фланга картечью съ Парижской батареи, отступили, а противъ стѣнки снова прорвались у рогатки, но вторично были отброшены штыками.

Пароходъ „Херсонесъ", подойдя къ непріятельской батареѣ вплоть къ берегу по ту сторону устья Киленъ-балки, выйдя изъ-подъ ея

---

[1]) Впрочемъ, секреты предъ Малаховымъ курганомъ, на зарѣ, замѣтили непріятельскія войска въ полной формѣ, о чемъ было донесено и растолковано, что въ этотъ день быть штурму, но никакъ не ожидали его въ полдень. **О. К.**

выстрѣловъ, поражалъ какъ ее, такъ и вдоль всей Киленъ-балки, но у него бомба разбила машину и самъ онъ сталъ на мель, откуда отбуксировалъ его пароходъ „Одесса", спустя полчаса.

2-й бастіонъ и стѣнка до кургана были слабѣйшіе пункты изъ всей нашей оборонительной линіи, а между тѣмъ приступъ на нихъ дважды былъ ужъ отбитъ, тогда какъ рядомъ, на Малаховомъ кургапѣ, считавшемся трудно поборимымъ, трехцвѣтное знамя продолжало развѣваться съ самаго начала своего водруженія, только отходя назадъ или подаваясь впередъ, смотря по тому, на чью сторону клонился нерѣшительный, долго длившійся тамъ жестокій бой. Это знамя подстрекало французовъ къ новымъ усиліямъ противъ 2-го бастіона. Они выставили въ 3 часа пополудни, правѣе Камчатскаго люнета, полевую батарею о 6-ти орудіяхъ и начали картечью обстрѣливать первую и вторую линіи, но сѣверныя укрѣпленія и пароходы засыпали ее бомбами и ядрами: два зарядные ящика взорвало и послѣ пятой или шестой очереди картечи, остатки батареи снялись и укрылись за Камчатку. Вновь выѣхавшая другая полевая батарея испытала ту же участь; вслѣдъ затѣмъ, третій ожесточенный напоръ, въ 5-мъ часу, сдѣлалъ, наконецъ, французовъ обладателями первой линіи 2-го бастіона и оборонительной стѣнки, тянувшейся къ кургану. Вдругъ страшный взрывъ пороховаго погреба въ линіи этой стѣнки поднялъ на воздухъ часть французовъ, остальные дрогнули, бѣжали со всей линіи, наши провожали ихъ штыками, потомъ картечью, и на 2-й бастіонъ и стѣнку послѣ того уже нападенія не возобновлялись.

Для атаки Малахова кургана, какъ самаго важнаго пункта, непріятель сосредоточилъ огромныя силы.

Штурмующая колонна (числомъ до 3,300 человѣкъ) по обрушившемуся валу вскочила на брустверъ безъ выстрѣла, гдѣ при орудіяхъ находилась часть только прислуги и на банкетѣ нѣсколько людей. Гарнизонъ, состоявшій изъ 1,400 человѣкъ полковъ 15-й резервной дивизіи, мало обстрѣленной и не надежной, вовсе не ожидая штурма въ этотъ часъ, обѣдалъ въ блиндажахъ, укрываясь отъ страшнаго навѣснаго и прицѣльнаго огня, опустошительно дѣйствовавшаго за минуту предъ тѣмъ, и французовъ некому было встрѣтить. По тревогѣ, люди выскакивали изъ блиндажей, хватали ружья, составленныя въ козла, бросались на свои мѣста, но брустверъ уже былъ занятъ и прикрытіе Малахова принуждено было отойти за ретраншаментъ. Ретраншаментъ этотъ только наканунѣ былъ на-скоро оконченъ, но, къ несчастію, не вооруженъ, какъ предполагалось, тремя каронадами, для которыхъ были устроены плацформы, и самыя орудія, со всею принадлежностію, не доставлены на курганъ артиллерійскимъ вѣ-

домствомъ[1]); равнымъ образомъ, на барбеты, возведенные собственно на случай штурма, тоже не были поставлены полевыя орудія и, такимъ образомъ, не было внутренней обороны, не было возможности очищать картечью первую, предъ ретраншаментомъ, площадку, ежеминутно наполнявшуюся прибывающими силами непріятеля. Одна ружейная пальба малочисленнаго гарнизона изъ-за ретраншамента не въ силахъ была остановить и отбросить натискъ французовъ. Тѣмъ временемъ колонны ихъ, войдя съ лѣваго плеча Малахова кургана, со стороны 2-го бастіона, по стѣнкѣ отъ 12-ти пушечной батареи, орудія съ коей предъ тѣмъ были смѣщены на вторую оборонительную линію, ударили во флангъ гарнизону и заставили его отступить на вторую площадку, огражденную траверзами, блиндажами и пороховыми погребами. Эти самыя постройки послужили прикрытіемъ непріятелю, откуда онъ открылъ морскую перестрѣлку и бросалъ тучи камней, а между тѣмъ сзади его прибывали свѣжія подкрѣпленія по накинутымъ чрезъ ровъ мостамъ и прорытымъ въ валу входамъ. Часть этихъ силъ, по занятіи ретраншамента, обратилась на лѣво, ударила чрезъ Корнилова батарею во флангъ батареи Жерве, и оттѣснила къ правой оконечности егерскій е. и. в. Михаила Николаевича полкъ.

Но въ это время генералъ Хрулевъ съ Брянскимъ (кн. Горчакова) полкомъ двинулся въ горжу Корнилова бастіона, но тутъ же былъ раненъ, а генералъ Юферовъ—убитъ. Генералъ Лысенко, принявшій команду послѣ Хрулева, тоже вскорости былъ раненъ. Не было начальника, не было единодушія въ войскахъ, уже потерявшихъ полковыхъ своихъ командировъ, баталіонныхъ и лучшихъ офицеровъ, и всѣ частныя попытки выбить непріятеля, уже многочисленнаго, оставались тщетными, хотя для рѣшительнаго удара представился удобный моментъ, когда на лѣвомъ фасѣ Малахова кургана взорвало, среди массы непріятеля, ящикъ съ патронами и врагъ было поколебался[2]). Наши солдаты, съ подоспѣвшими подкрѣпленіями смѣшавшись, долгое время съ ожесточеніемъ дрались въ рукопашную съ напиравшимъ непріятелемъ между

[1]) Когда, около полуночи, инженерный офицеръ далъ знать начальнику артиллеріи на курганѣ, морскому офицеру, что платформы готовы, то онъ отвѣчалъ, что орудія успѣетъ поставить и завтра. Къ постройкѣ ретраншамента приступили послѣ 6-го іюня, но рабочихъ для сего возведенія не давали, поспѣшая окончаніемъ 2-й оборонительной линіи. Дѣятельно стали оканчивать его только съ 24-го августа. О. К.

[2]) Съ фронта не было никакой возможности ударить на непріятеля, но можно было повести атаку съ праваго фаса, отъ Корнилова батареи, въ правый флангъ французамъ, и эта атака вѣроятно бы удалась, потому что всѣ насыпи, которыми непріятель прикрывался, были бы къ намъ не поперечныя, но продольныя, и не представляли бы ему опоры и защиты. О. К.

траверзами и около большаго пороховаго погреба, нѣсколько разъ переходившаго изъ рукъ въ руки; наконецъ, подавленные массами французовъ, принуждены были отступить за горжу кургана, откуда, частью на открытой мѣстности, частью пользуясь развалинами строеній, толпы нашихъ солдатъ держались до самой ночи, поддерживая сильный ружейный огонь. Нѣсколько разъ не хватало патроновъ, посылали за ними команды, но тѣ не возвращались, а разъ, хотя и привезли патроны, но не привезли капсулей. Принуждены были сбирать капсули и патроны отъ убитыхъ и раненыхъ, во множествѣ устилавшихъ корабельную площадку.

3-й бастіонъ, отбивъ отъ себя атаку англичанъ, вмѣстѣ съ пароходами „Бессарабія“ и „Громоносецъ“, стоявшими у входа въ южную бухту у Павловскаго мыска, бросалъ бомбы на оконечность кургана, занятую непріятелемъ. „Бессарабія“ одна бросила до 600 бомбъ, но, не видя куда ложились снаряды, пароходы часто поражали и своихъ. Непріятель нѣсколько разъ пытался выйти изъ-за горжи Корнилова бастіона, но входъ въ нее стерегла смерть, равно безпощадная для обѣихъ сторонъ: никто не могъ переступить этого рубежа. И такъ, закрытая горжа, отдѣленная глубокимъ и широкимъ рвомъ, образуя изъ кургана сомкнутое укрѣпленіе на случай, если бы, какъ имѣлось въ виду, что атакующій всего скорѣе прорвется чрезъ стѣнку у рогатки, вмѣсто того, чтобы спасти курганъ отъ занятія его съ тыла, закрыла намъ всякую возможность двинуть на него массу резервовъ противъ непріятеля, овладѣвшаго Малаховымъ съ фронта, ибо входъ состоялъ изъ узкаго моста чрезъ ровъ, съ той и другой стороны защищаемаго съ ожесточеннымъ упорствомъ.

Къ несчастію, союзники штурмовали Севастополь днемъ или двумя ранѣе, чѣмъ мы были готовы ихъ встрѣтить. Съ кургана опущены были двѣ подземныя потерны въ ровъ, оттуда шли галлереи въ направленіи къ непріятельской траншеѣ, оканчивавшіяся каморами для минъ, а другія двѣ каморы устроены, но не были заряжены, по обѣимъ сторонамъ башни, съ тою цѣлію, что когда курганъ останется во власти непріятеля, то поднять его съ бастіономъ на воздухъ. Еще бы день или другой и совершилась бы страшная катастрофа!.. но Провидѣнію угодно было пощадить жизнь нѣсколькихъ тысячъ, которыя нашли бы тогда могилу подъ массами камня обрушившагося на нихъ кургана, съ ихъ трехцвѣтнымъ, гордо развѣвавшимся знаменемъ, и съ нашими замолкнувшими 58-ю орудіями... Въ минныхъ галлереяхъ, впереди рва, въ минуту приступа находилось 130 человѣкъ рабочихъ Люблинскаго полка первой смѣны и столько же второй смѣны; кромѣ

того, двѣ смѣны, каждая по 170 человѣкъ, Эриванскаго полка, расчищали въ это время ровъ — всѣ они захвачены въ плѣнъ.

Немного позже приступа на Малаховъ курганъ, въ самый полдень, англичане пошли на исходящій уголъ любимаго ими 3-го бастіона; батареи встрѣтили ихъ картечью съ дальней дистанціи, но англичане на этотъ разъ храбро достигли рва, завалили его и по приставленнымъ лѣстницамъ взбирались на брустверъ. Владимірскій полкъ было отбѣжалъ отъ банкетовъ, но во-время подоспѣвшія рота Ѳеленгинскаго и двѣ роты Якутскаго полковъ штыками сбрасывали въ ровъ штурмующихъ, и когда они послѣ всѣхъ тщетныхъ усилій занять бастіонъ отхлынули въ свои траншеи, то смолкнувшія было орудія провожали ихъ картечью. Оправившись, англичане снова устремились на исходящій же уголъ 3-го бастіона, но и въ этотъ, какъ и послѣдующій за тѣмъ разъ, были отбиты съ огромнымъ урономъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Часть англичанъ засѣла во рву, откуда выбилъ ихъ прапорщикъ Дубровинъ съ 48-ю охотниками. При отбитіи этихъ штурмовъ, взято въ плѣнъ: оберъ-офицеровъ 8 и нижнихъ чиновъ 128, изъ нихъ легко раненыхъ 80 человѣкъ. 3-й бастіонъ, по отраженіи на него атакъ, открылъ навѣсный огонь на занятую французами оконечность Малахова кургана.

Въ тоже время Суздальскій и Якутскій полки и дружина № 47-й Курскаго ополченія отбили приступъ на батарею Будищева и Яновскаго, а сводный Волынскій и Минскій полки, на штрурмовыхъ батареяхъ: Артюкова, Потемкина, Зубова и Никонова сильнымъ ружейнымъ огнемъ даже не допустили атакующаго до засѣкъ.

Такимъ образомъ оба фланга Корабельной стороны были отстоены и только средній, выдавшійся въ поле пунктъ, по оплошности гарнизона, былъ занятъ и, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, удержанъ непріятелемъ.

Атака праваго фланга началась въ 3-мъ часу пополудни, послѣ жестокаго артиллерійскаго огня. Осаждающій зналъ сильную, еще хорошо сохранившуюся оборону 4-го бастіона, быть можетъ, опасался минъ, почему и взорвалъ поутру, предъ шпицемъ онаго, булевые колодцы, и, дѣйствительно, мины существовали, на случай штурма, предъ этимъ бастіономъ: 120 пуд. пороха въ оконечностяхъ галлерей, противъ исходящаго угла, и три меньшія; поэтому онъ и не повелъ своихъ колоннъ на 4-й бастіонъ, а бросилъ ихъ на 5-й и на редуты по обоимъ бокамъ онаго, вѣроятно, намѣреваясь, какъ показывали плѣнные, по занятіи этихъ укрѣпленій, ударить въ правый флангъ, тылъ и на шпицъ 4-го бастіона.

Съ правой стороны 5-го бастіона, на люнетъ Бѣлкина, лощиною

пошла на приступъ густая цѣпь, а за нею колонна, числительностью до 10-ти т. человѣкъ. Но встрѣченная со всѣхъ смежныхъ батарей картечью, была смята, опрокинута и присоединилась къ колоннѣ, стремившейся на 5-й бастіонъ, гдѣ, несмотря на жестокій картечный и ружейный огонь, французы спустились въ ровъ, взбирались на бруствръ, но тутъ Подольцы, стоя на валу, штыками сбрасывали въ ровъ подымавшихся. Едва эти массы были отбиты и бѣжали въ свои траншеи, какъ оттуда свѣжія колонны бросились на редутъ Шварца. Приступъ съ фронта и лѣваго фаса былъ отраженъ, но на правомъ фасѣ французы ворвались въ редутъ и тогда завязался жестокій рукопашный бой съ Житомирцами, Минцами и Екатеринбургцами, изъ коего ни одинъ французъ, изъ числа ворвавшихся, не вышелъ живой, за исключеніемъ 153 человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ. Непріятель еще бросался на Шварца редутъ, но уже не съ тою запальчивостію и былъ отбитъ огнемъ съ 6-го бастіона и люнета Бѣлкина.

Противъ оконечности праваго нашего фланга дѣйствовали суда непріятельскаго флота. Съ самаго утра 3 парохода вошли въ Стрѣлецкую бухту и оттуда бросали семипудовыя бомбы на правый фасъ 6-го бастіона, а другіе 3 парохода изъ Песчаной бухты залпами громили бомбами № 10-й; около полудня къ послѣднимъ присоединились еще два парохода и фрегатъ съ снятыми мачтами и дѣйствовали пятипудовыми бомбами; въ тоже время батареи съ „Херсонеса“ и ракетная били № 10-й, 8-й и за стѣнку № 7-го, гдѣ держались наши резервы.

По отбитіи первыхъ штурмовъ на всѣхъ пунктахъ, главнокомандующій прибылъ ко 2-й (оборонительной) линіи Малахова кургана и, убѣдившись, что для возвращенія Корнилова бастіона, занятаго большими массами непріятеля, потребовались бы огромныя усилія и жертвы, приказалъ генералу Шепелеву, принявшему начальство надъ войсками, находящимися на курганѣ, ограничиться воспрепятствованіемъ, во чтобы то ни стало, проникнуть непріятелю въ Корабельную слободку, удерживая до ночи разоренныя строенія на сѣверной покатости кургана.

Тѣмъ временемъ князь Горчаковъ рѣшился воспользоваться утомленіемъ непріятельскихъ войскъ для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ плана—очищенія южной стороны Севастополя. Въ 5 часовъ вечера всѣ части гарнизона получили заранѣе приготовленную для того диспозицію.

Нужно-ли было это отступленіе послѣ отбитія всѣхъ приступовъ на разные пункты оборонительной линіи, исключая Малахова?.. Отступленіе, которое возродило неудовольствіе гарнизона, въ особенности на правомъ флангѣ, гдѣ укрѣпленія были еще сильны и могли долго противустоять всѣмъ усиліямъ атакующаго?..

Правда, во власти непріятеля остался только одинъ пунктъ, но пунктъ самый важный, командовавшій обѣими частями города, и гдѣ французы, соорудивъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней сильную батарею, въ состояніи были обстрѣливать всѣ пути ретирады и даже мостъ чрезъ главную бухту; они могли бы, не подвергаясь пораженію, безнаказанно губить бомбами бо̀льшую часть гарнизона и заставить очистить городъ, и тогда къ чему повела бы эта напрасная, огромная жертва. Еслибъ мы даже отняли опять у французовъ курганъ, то осаждающій снова открылъ бы опустошительное бомбардированіе, и мы, не имѣя достаточнаго количества снарядовъ, должны бы были гибнуть въ бездѣйствіи тысячами ежедневно среди разрушенныхъ своихъ окоповъ, безъ пользы, безъ цѣли, только развѣ для того, чтобы еще нѣсколько дней или нѣсколько недѣль долѣе считать за собою груды камней, облитыхъ кровію и носящихъ названіе: „Севастополь!“ Такая жертва не соотвѣтствовала выгодѣ, которую мы пріобрѣли бы ею.

Должно вообще замѣтить, что при осадѣ Севастополя, какъ и при всякой, если осажденный стоекъ до такой степени, какъ были русскіе, а осаждающій такъ упрямо настойчивъ, какъ французы, храбрость войскъ — дѣло второстепенной важности, а прямое вліяніе на успѣхъ осады или обороны имѣютъ матеріальныя средства. У кого болѣе этихъ средствъ, тотъ и выиграетъ. Средства же русскихъ, съ самаго начала до конца обороны, далеко уступали средствамъ союзниковъ — и результатъ былъ несомнѣненъ.

Безошибочно можно упрекнуть главнокомандующаго союзниковъ въ томъ, что онъ совершенно напрасно подвергъ смерти десять тысячъ своихъ солдатъ, бросивъ ихъ на штурмъ безъ всякой надобности, тогда какъ его 300 мортиръ и нѣсколько сотъ орудій, дѣйствовавшихъ съ самаго близкаго разстоянія по нашимъ веркамъ, въ продолженіе еще не многихъ сутокъ, непремѣнно заставили бы насъ покинуть этотъ городъ смерти, даже и тогда, еслибъ армія, пополнявшая гарнизонъ, была бы втрое сильнѣе и солдаты наши были не изъ тѣла и крови, но машины, сдѣланныя изъ желѣза. Но пагубное тщеславіе — взять, а не занять — неумолимо требовало жизни нѣсколькихъ тысячей. Принесена эта великая жертва, но все-таки Севастополь не взятъ, но занятъ, за исключеніемъ одного пункта. А еслибъ атакующій изъ-за этого одного слова усиливался бы овладѣть городомъ съ боя, тогда бы всѣ батареи, всѣ завалы, оставленные нами въ самомъ городѣ безъ выстрѣла, всѣ строенія, самыя груды камней, были бы оспариваемы на смерть, шагъ за шагомъ, обагряемые потоками крови, — гарнизонъ севастопольскій доказалъ въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, что онъ умѣлъ умирать и не умѣлъ бѣжать передъ смертью.

Еслибъ съ паденіемъ или освобожденіемъ Севастополя окончательно рѣшался споръ, то можно и должно бы держаться и погибнуть въ немъ до послѣдняго, но здѣсь, напротивъ, съ уничтоженіемъ городской ограды обѣ стороны получали свободу окончить распрю въ полѣ. Не трусость, не совершенное истощеніе силъ, а высокое человѣколюбіе руководило отступленіемъ. Самолюбіе наше отъ того жестоко страдало, больно было уступить, когда еще была возможность сопротивляться, но оба войска избѣгли тѣмъ жесточайшей катастрофы. Да не упрекнетъ же русскихъ послѣ этого никто, ни врагъ, ни свой, за это отступленіе; оно — побѣда народа надъ собственнымъ тщеславіемъ, побѣда ума и сердца главнокомандующаго надъ предразсудкомъ свѣта и личнымъ самолюбіемъ!

Съ наступленіемъ сумерекъ, гарнизонъ, по сигнальной ракетѣ, сталъ отступать къ мѣстамъ переправы, оставя на оборонительной линіи охотниковъ и часть артиллерійской прислуги, которые поддерживали рѣдкій пушечный и ружейный огонь. За линіями внутреннихъ барикадъ, на случай удержанія натиска непріятеля, еслибъ онъ замѣтилъ нашу ретираду и посмѣлъ преслѣдовать, поставлены были самые надежные полки: на правой сторонѣ города Тобольской, Волынской и Минской, на лѣвой—Азовской и Одесской.

Подъ этимъ прикрытіемъ, войска послѣдовательно стягивались на Николаевскую площадь и переправлялись чрезъ мостъ, а съ Корабельной стороны частью садились на суда, частью по малому мосту чрезъ южную бухту присоединялись къ первымъ. Легкія орудія нѣсколькихъ полевыхъ батарей брошены въ бухту, потому, что будто бы они были старой конструкціи, малаго калибра и, по существующему нынѣ у артиллеристовъ мнѣнію, негодны для дѣйствія въ полѣ, а между тѣмъ могли затруднить и даже задержать переправу (въ сущности же они нисколько не задержали бы переправы и всѣ могли бы быть перевезены—напрасное опасеніе).

Переправа совершилась благополучно, хотя въ темнотѣ, при сильномъ волненіи бухты и качкѣ мостовъ и при поспѣшности, съ которою напирали войска, невозможно было при всѣхъ усиліяхъ приставленныхъ лицъ смотрѣть за порядкомъ, сохранить этотъ порядокъ. Огонь непріятеля былъ незначителенъ: рѣдкія бомбы падали на бухту около моста и въ городъ; одною бомбою убило и изувѣчило человѣкъ 6 раненыхъ французскихъ плѣнныхъ, лежавшихъ на койкахъ на Николаевской площади, и нѣсколько солдатъ изъ госпитальной прислуги.

По второй ракетѣ, въ третьемъ часу ночи, начали отступать къ переправѣ войска аріергарда, находившіяся за барикадами, охотники и прислуга, остававшаяся на батареяхъ, но до отступленія старались

по возможности испортить лафеты, станки и самыя орудія, для чего на нѣкоторыхъ батареяхъ праваго фланга употребили самое дѣйствительное для того средство: подвѣшивали бомбы подъ тѣла орудій между станками, зажигали трубки и, такимъ образомъ, при разрывѣ снаряда разлетались станки и самыя орудія частію повреждались до негодности. Всѣхъ крѣпостныхъ и морскихъ орудій и мортиръ оставлено нами до 1,200 штукъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ проводили по землѣ пороховыя борозды къ пороховымъ погребамъ, зажигали блиндажи, зданія и въ минуту отступленія послѣднихъ защитниковъ Севастополя пожаръ вспыхнулъ на всей оборонительной линіи и тридцать пять пороховыхъ погребовъ, одинъ за другимъ, начали взлетать на воздухъ.

Утро 28-го августа вполнѣ открыло ужасную картину покинутаго и преданнаго нами уничтоженію Севастополя: его холмы пылали, какъ гигантскій костеръ; клубы чернаго дыма медленно подымались надъ ними въ недвижномъ воздухѣ и соединялись въ одинъ колоссальный витой столбъ, прорѣзываемый порой огненными языками. Вѣтеръ, наканунѣ бушевавшій свирѣпо, не хотѣлъ помогать намъ, не хотѣлъ раздувать и разгонять пожаръ, въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія.

Тишина въ городѣ, дотолѣ безпрерывно потрясаемомъ неумолкаемою пальбой, сливавшеюся въ одинъ громовой гулъ, была мертвая; чрезъ бухту можно было слышать трескъ пламени и это грозное безмолвіе нарушали изрѣдка грохоты взрывовъ батарей №№ 7-й, 8-й, 10-й Александровскаго форта; около двухъ часовъ пополудни—Павловской батареи, въ сумерки — минныхъ галлерей, противъ исходящаго угла 4-го бастіона, и въ продолженіе всей слѣдующей ночи—другихъ небольшихъ погребовъ. Николаевской фортъ и Александровская башня только обгорѣли, но не были взорваны. За три дни до очищенія Севастополя отдано приказаніе инженерамъ приготовить мины подъ Николаевской батареей, но наканунѣ штурма оно было пріостановлено и 32 приготовленныхъ колодцевъ остались не заряженными. Вечеромъ 27-го августа, снова отдано приказаніе приготовить фортъ къ поднятію на воздухъ, но уже не было никакой возможности зарядить 32 колодца, для чего надо было порохъ перевезти съ сѣверной стороны. Еще бы можно было и на другое утро подложить подъ казарму и подъ башню достаточное число пороха и зажечь тѣ строенія, которыя пламя миновало, для чего вызывались охотники, но опасались движенія непріятеля, тогда какъ тотъ, изумленный, въ свою очередь, боялся войти въ городъ, объятый пламенемъ, гдѣ на каждомъ шагу взлетали взрывы. Только на Малаховомъ курганѣ толпы союзниковъ стояли и смотрѣли на грозную картину разрушенія того

мѣста, куда такъ упорно и долго стремились они отпраздновать побѣду надъ русскими,—пламя вырвало изъ ихъ рукъ эту добычу.

Впрочемъ, мародеры ихъ, не убоясь ни огня, ни взрывовъ, рыскали за поживой по уцѣлѣвшимъ или еще не объятымъ пламенемъ домамъ и грабили, что могли. Около полудня 28-го числа, они взобрались на соборную колокольню и производили оттуда трезвонъ.

Въ тоже время совершилось еще другое мародерство: знамена англичанъ, турокъ и даже сардинцевъ были водружены на различныхъ бастіонахъ, не только отъ которыхъ штурмы были отбиты съ урономъ, но два послѣдніе поборника луны даже не участвовали въ пагубныхъ къ тому попыткахъ.

Въ ночь на 28-е августа опущены на дно бухты корабли: „Парижъ", „Храбрый", „Константинъ", „Марія", „Чесма", и фрегатъ „Кулевча"; корабль „Ягудіилъ", затопленный противъ Павловскаго мыска и по мелководью погрузившійся только до половины, былъ сожженъ. На третій день потоплены пароходы: „Владиміръ", „Крымъ", „Херсонесъ", „Одесса", „Бессарабія", „Громоносецъ", „Эльборусъ", „Дунай", „Турокъ" и „Грозный".

Послѣдняя жертва, принесенная нами въ защиту Севастополя въ 349-й день его обороны, состояла убитыми: штабъ-оф. 4, об.-оф. 55 и нижн. чиновъ 2,625; ранеными: шт.-оф. 26, об.-оф. 206, нижн. чин. 5,826; контуженными: шт.-оф. 9, об.-оф. 38, нижн. чин. 1,138; безъ вѣсти пропавшихъ: об.-оф. 24, нижн. чин. 1,739. Принимая въ соображеніе, что союзники на всѣхъ пунктахъ были по нѣсколько разъ отбиты не только штыками и ружейнымъ огнемъ, но и перекрестнымъ картечнымъ огнемъ, а на Малаховомъ курганѣ рукопашный бой длился болѣе 5-ти часовъ и туда пущено нѣсколько тысячъ бомбъ и ядеръ,—то потеря союзниковъ должна быть гораздо значительнѣе нашей.

1855 г. Сообщ. **О. И. Константиновъ.**

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Отзывъ Екатерины II объ Арсеніи Мацѣевичѣ.

Въ перепискѣ Вольтера, напечатанной въ самомъ полномъ изданіи его сочиненій (par M. Beuchot), въ одномъ изъ писемъ къ нему Екатерины II есть замѣчательное мѣсто, не сохранившееся не только въ другихъ изданіяхъ, но и въ черновыхъ автографахъ императрицы, какъ видно изъ „бумагъ" ея, печатаемыхъ Историческимъ Обществомъ.

Въ письмѣ отъ 11-го (22-го) августа 1765 года, государыня кончаетъ свой Post-scriptum слѣдующими, неизвѣстными до сихъ поръ строками, касающимися Арсенія Мацѣевича [1]):

„Люди, подвластные церкви, страдая отъ жестокихъ нерѣдко притѣсненій, къ которымъ еще болѣе способствовали частыя перемѣщенія ихъ духовныхъ господъ, возмутились въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, и при моемъ вступленіи на престолъ ихъ было болѣе ста тысячъ подъ ружьемъ. Вотъ почему я, въ 1762 году, выполнила планъ—совершенно измѣнить управленіе имѣніями духовенства и опредѣлить доходы лицъ этого сословія. Арсеній, епископъ ростовскій, воспротивился тому, подстрекаемый нѣкоторыми изъ своихъ собратій, которые заблагоразсудили скрыть свои имена. Онъ отправилъ двѣ записки, въ которыхъ старался провести нелѣпое начало двоевластія. Онъ сдѣлалъ эту попытку уже при императрицѣ Елисаветѣ; тогда удовольствовались тѣмъ, что приказали ему молчать; но когда его дерзость и безуміе еще усилились, то онъ былъ судимъ митрополитомъ новгородскимъ и всѣмъ синодомъ, осужденъ какъ фанатикъ, виновный въ замыслѣ, противномъ какъ православной вѣрѣ, такъ и

---

[1]) См. «Oeuvres de Voltaire, édition Beuchot», t. LXII, p. 411.

верховной власти, лишенъ сана и священства, и преданъ въ руки свѣтскаго начальства. Я простила его и удовольствовалась тѣмъ, что перевела его въ монашеское званіе".

«Les sujets de l'Eglise souffrant des vexations souvent tyranniques, auxquelles les fréquents changements de maîtres contribuaient encore beaucoup, se révoltèrent vers la fin du règne de l'impératrice Elisabeth, et ils étaient, à mon avénement, plus de cent mille en armes. C'est ce qui fit qu'en 1762 j'exécutai le projet de changer entièrement l'administration des biens du clergé, et de fixer ses revenus. Arsène, évêque de Rostof, s'y opposa, poussé par quelques uns de ses confrères, qui ne trouvèrent pas à propos de se nommer. Il envoya deux mémoires où il voulait établir le principe absurde des deux puissances. Il avait déjà fait cette tentative du temps de l'impératrice Elisabeth; on s'était contenté de lui imposer silence; mais son insolence et sa folie redoublant, il fut jugé par le métropolitain de Novogorod et par le synode entier, condamné comme fanatique, coupable d'une entreprise contraire à la foi orthodoxe autant qu'au pouvoir souverain, déchu de sa dignité et de la prêtrise, et livré au bras séculier. Je lui fis grâce, et je me contentai de le réduire à la condition de moine».

Сообщ. **Я. К. Гротъ.**

Часовыхъ дѣлъ мастеръ при дворѣ Екатерины II.

Въ Женевѣ живутъ три брата Фази, правнуки часоваго мастера Екатерины II, Jean Fazy. Одинъ изъ нихъ доставилъ мнѣ рукопись съ разсказами изъ того, что извѣстно имъ о пребываніи предка ихъ въ Россіи. Это —извлеченіе изъ записокъ, составленныхъ сыномъ послѣдняго. Хотя разсказы эти и не носятъ печати большой точности и полной достовѣрности, однако-жъ они любопытны, какъ случайно долетающее до насъ изъ новаго источника преданіе о достопамятной эпохѣ, и потому я намѣренъ сообщить здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ полученной мною рукописи. Братья Фази считаютъ себя потомками стариннаго рода Bonifazio изъ Пизы. Жанъ Фази родился въ 1734 г. Расходясь съ отцомъ въ политическихъ идеяхъ, онъ рѣшился оставить родительскій домъ, получилъ пособіе отъ дяди и уѣхалъ въ Парижъ, а оттуда въ Стокгольмъ. Здѣсь онъ сблизился съ наслѣднымъ принцемъ (въ послѣдствіи Густавомъ III) и женился на Елисаветѣ Эрстремъ. Черезъ нѣсколько времени мы видимъ его въ Москвѣ и напослѣдокъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ старшинъ французской реформатской церкви. Въ этомъ качествѣ ему пришлось выдержать процессъ съ нѣмецкимъ приходомъ о правѣ владѣнія этой церковью. Поводомъ къ тяжбѣ было истребленіе нѣмецкой церкви пожаромъ, вслѣдствіе чего нѣмцы сперва выхлопотали себѣ позволеніе отправлять богослуженіе во французской церкви, а потомъ, мало по малу, присвоили себѣ надъ нею право собственности. Фази

выигралъ-было дѣло въ сенатѣ, но такъ какъ въ нѣмецкомъ, гораздо многочисленнѣйшемъ, приходѣ были люди съ большимъ вѣсомъ, какъ напримѣръ, генералъ Боуръ и академикъ Эйлеръ, то имъ и удалось добиться у императрицы отмѣны сенатскаго рѣшенія.

Однажды,—это было 12-го декабря, когда праздновался день рожденія великаго князя Александра Павловича, — Фази, при выходѣ императрицы изъ дворцовой церкви послѣ обѣдни, подалъ ей просьбу по этому дѣлу. „Въ то время"—сказано въ рукописи—„водилось, что человѣка, рѣшившагося на такой смѣлый поступокъ, сажали на всю жизнь въ крѣпость. Фази былъ арестованъ двумя кавалергардами, но онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что какъ скоро узнали, кто онъ такой, то его немедленно освободили. Дѣло, однако-жъ, осталось въ томъ же положеніи: онъ три раза подавалъ о немъ записки, но никакого отвѣта не послѣдовало".

По должности придворнаго часовыхъ дѣлъ мастера Фази получалъ тысячу рублей жалованья и квартиру близъ дворца съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и пр. Онъ былъ обязанъ разъ въ недѣлю заводить во дворцѣ часы, а когда надо было отправляться въ Царское Село, за нимъ пріѣзжала карета четверкой. При дворѣ онъ сблизился съ Бецкимъ и предложилъ ему перевезти изъ Финляндіи въ двадцать дней, съ помощью только сорока человѣкъ, огромную гранитную скалу для конной статуи Петра Великаго; онъ требовалъ только, чтобъ ему для этого предоставлены были въ полное распоряженіе казенныя кузницы. Бецкому хотѣлось принять это предложеніе, но Фази, видя, какія препятствія ему противопоставляютъ мелкіе чиновники, у которыхъ онъ не хотѣлъ искать милости, отказался отъ предпріятія, и оно поручено было итальянцу, употребившему на исполненіе его шесть недѣль и три тысячи человѣкъ.

Фази пользовался особеннымъ расположеніемъ Потемкина. Послѣдній занялъ у него однажды 1,400 руб. и нѣсколько лѣтъ не платилъ ему долга. Наканунѣ отъѣзда князя на югъ, въ дѣйствующую армію, императрица пригласила его къ обѣду и вмѣстѣ съ нимъ позвала своего любимаго часоваго мастера. Фази захотѣлъ воспользоваться случаемъ и написалъ къ Потемкину, немножко въ республиканскомъ духѣ, письмо, которое и положилъ на его приборъ, а самъ занялъ мѣсто по другую сторону стола. Любопытство государыни было возбуждено, и она торопила вельможу вскрыть пакетъ. Пробѣжавъ письмо, Потемкинъ бросилъ на смѣльчака многозначительный взглядъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Екатерина много смѣялась, и средство, которое придумалъ Фази для полученія своихъ денегъ, очень ей понравилось. Въ тотъ же вечеръ вся

сумма была отвезена къ Фази, но только мѣдными грошами, которыми и наполнились цѣлыя двѣ комнаты.

Фази былъ близокъ также съ обоими Разумовскими, изъ которыхъ одинъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, а другой сенаторомъ. Послѣдній отличился своею твердостью въ одномъ дѣлѣ. Императрица хотѣла провести въ сенатѣ какой-то законъ, котораго графъ не одобрялъ; нѣсколько разъ собирали голоса, но одного все не доставало. Узнавъ, что законъ не проходитъ по винѣ Разумовскаго, Екатерина позвала его къ себѣ и взяла съ него обѣщаніе согласиться, причемъ онъ однако-жъ заявилъ, что нехотя исполнитъ обязанность повиноваться государынѣ. Законъ состоялся, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ оставилъ службу и переселился въ Москву. По его приглашенію, туда же переѣхалъ и Фази; тамъ онъ и умеръ за полгода до нашествія Наполеона. Передъ занятіемъ города французами графъ увезъ вдову его въ свою Подольскую деревню, гдѣ она и умерла съ горя по мужѣ и потерѣ всего имущества: домъ ихъ сгорѣлъ среди московскаго пожара.

Сообщ. **Я. К. Гротъ.**

Прошеніе священника къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

1800 г.

Е҆гѡ̀ і҆мпера́торское вели́чество бл҃гочести́вѣйшагѡ и҆ всеми́лостивѣйшагѡ вели́каго гдр҃ѧ на́шего і҆мпера́тора Па́вла Петро́вича самоде́ржца всерѡссі́йскагѡ, да поменѣ́тъ Гдь Бгъ и҆ млтыню е҆гѡ̀ во цр҃твіи свое́мъ, на стра́шномъ и҆ второ́мъ Хр҃то́вомъ прише́ствіи.

Ѡ҆ всемил҃тивѣйшаѧ на́ша вели́каѧ гдр҃нѧ і҆мператріца Марі́а Ѳео́доровна. Е҆ди́но то́кмо ѡ҆ста́лось на́мъ оу҆пова́ніе по Бз҃ѣ ва́ше величество. Гла́съ на́шъ и҆ во́пль на́шъ пред ва́мъ внидетъ во оу҆́ши ва́ши. Бл҃говолѝ оу҆слы́шати всерѡссі́йскаѧ мт҃рь на́ша, на́съ к тебѣ̀ вопі́ющихъ, по нело́жномѹ на́шемѹ воздыха́нію. Воистиннѹ зна́емъ е҆́сть Гдь сѹдбы̀ творѧ́й: но і вашемѹ і҆мпера́торскомѹ величествѹ небезъизвѣ́стно, ско́ль сокрѹша́ютъ роди́телскіѧ срдца̀: комѹ всевы́шнѧго про́мыслъ дарова́лъ же́нска по́ла дѣте́й, кото́рыхъ а҆ по Бж҃ію бл҃гослове́нію і и҆мѣ́ю четыре́хъ дочере́й, и҆ всѣ́хъ къ замѹжествѹ доспѣ́вшихъ; са́мой ма̀лой до́чери пѧтойнадесѧть го́дъ, во́тъ на́ша сіѧ̀ вели́каѧ и҆ неѡбходи́маѧ нѹ́жда, понѹди́ла пріѡчча́ѧніи и҆ го́рести на́шей, не и҆мѣ́ѧ никако́й ни ѿкѹ́да наде́жды, дерзнове́ніемъ трѹ-

дить и҆ безпокои҆т ваше і҆мператорское величество. Бл҃говоли призрѣть на насъ всемл҃тивѣйшим своим и҆ мт҃рнимъ ѻ҆комъ, понеже а҆ всеподаннѣйшій вашъ рабъ и҆ недостойный сщ҃енникъ. Ей воистиннꙋ никакова неі҆мѣю длѧ ни́хъ приданаго, кромѣ платьишка лѣтнѧго и҆ зимнѧго, но и҆то мизирное и҆ переношеное, а҆ ѿпрочихъ дѣвческих вещахъ по пристойности чина нашего, и҆ подꙋмать неможно, а҆ без того нынѣшній свѣтъ комꙋ слѣдꙋетъ сватать, и҆ слышать нехотѧт что҆б невѣста была безприданаго. И҆ сіѧ моѧ причина требꙋетъ, в посредственномꙋ дочерей моихъ приданомꙋ, какъ то на платье лѣтнее и҆ зимнее, такъ и҆ на прочее самонꙋжнѣйшее приготовленіе и҆ непостыдное, тысѧщи три рꙋблей, а҆ на лицо неимѣю а҆ при себѣ, ниже десѧти рꙋблей, но еще и҆ ѡ҆должавши пре людми не мало, а҆ штатнаго жалованіѧ, по великой его величества мл҃ти, полꙋчаю в годъ ѻсмьдесѧтъ рꙋблей, и҆ црковнаго дохода в полъ придіотъ, а҆ иногда и҆ менше, на все годовое содержаніе, на семейство и҆ домишко, а҆ болше нѣтъ выгод никаких, сродники хотѧ і҆ есть, но и҆ сами проживаютъ в немалой нꙋждѣ, и҆ рꙋкꙋ помощи мнѣ подать никоим ѡбразомъ немогꙋтъ, а҆ и҆ ѿпосторонних кои богаты и҆ знаемы люди, многократно искалъ мл҃ти, но немог полꙋчить.

И потомꙋ мы нынѣ в последнѣй нашей надеждѣ припадаемъ пре лицем вашего і҆мператорскаго величества, всемл҃тивѣйшаѧ наша гд҃рынѧ Маріа Ѳеодѡровна, вонми и҆ оуслыши насъ к тебѣ вопіющих, помози намъ, и҆ ѿверзи рꙋкꙋ мл҃ти своеѧ, сколко возможно, по бл҃говоленію срд҃ца вашего, во и҆мѧ тріѵпостаснагѡ Бг҃а: и҆ ради бꙋдꙋщаго мздовоздаѧнія, пре всемирнымъ сꙋдіею, Гд҃емъ нашимъ І҆ис҃ Хр҃томъ.

Вашей црской і҆мператорской и҆ всевысочайшей ѳамиліи: вѣчный бг҃омолецъ, псковскаго первопрестолнагѡ трцкаго собора сщ҃енникъ І҆аковъ І҆саіевъ сн҃ъ Сꙋшинскій, писалъ своею грѣшною рꙋкою. Марта, а҃ днѧ, ҂аѿ года. Псковъ.

Примѣчаніе. Подлинникъ этой своеобразной челобитной сообщенъ намъ покойнымъ М. Д. Хмыровымъ; писана она киноварью, крупнымъ, превосходнымъ уставомъ на листѣ синей толстой бумаги и украшена двумя виньетками,

рисованными перомъ тушью: въ началѣ просьбы—св. Троица въ облакахъ, а въ концѣ—въ ширину всей чистой страницы—слѣдующій рисунокъ, переданный здѣсь въ уменьшенномъ размѣрѣ:

Замѣтки и поправки.

Въ разсказѣ академика Л. А. Сѣрякова («Русская Старина» изд. 1875 г. томъ XIV, стр. 173) вкралась небольшая ошибка, которую спѣшу разъяснить, такъ какъ я лично зналъ г. Сѣрякова, когда онъ былъ еще кантонистомъ, а я офицеромъ 2-й гренадерской дивизіи и жилъ въ гор. Псковѣ. Почтенный Лаврентій Аксеновичъ, во II-й главѣ своего интереснаго разсказа, замѣчаетъ, что «въ 1832 году 3-й карабинерный полкъ, въ коемъ служилъ его отецъ, былъ раскассированъ: первый баталіонъ поступилъ во 2-ю гренадерскую дивизію, въ полкъ принца Оранскаго, 2-й баталіонъ—въ Кіевскій полкъ, а третій и четвертый баталіоны въ другіе полки дивизіи». Это ошибочно: Кіевскій гренадерскій полкъ былъ послѣ польской кампаніи переименованъ въ гренадерскій принца Оранскаго полкъ, въ его составъ и поступилъ 1-й баталіонъ 3-го карабинернаго полка; 2-й же баталіонъ того полка вступилъ въ составъ Таврическаго гренадерскаго полка, носившаго названіе принца Евгенія Виртембергскаго гренадерскаго полка; къ этому необходимо дополнить то, что 3-й карабинерный полкъ былъ двухъ-баталіоннаго состава.

Смерть генерала Полѣшко, о которомъ упоминаетъ г. Сѣряковъ (стр. 175), послѣдовала дѣйствительно не отъ болѣзни, но отъ удара, но мысль, что генералъ Полѣшко отравился—ошибочна, такъ какъ едва-ли этому почтенному и храброму воину, бывшему командиру лейбъ-егерей, предстояла надобность посягать на самоубійство, да и время достаточно разъяснило, что Полѣшко едва-ли былъ грѣшенъ въ злоупотребленіяхъ по постройкѣ казармъ.

Г. Уфа. **Александръ Игнатовичъ.**

XLV-ти ЛѢТІЕ

артистической дѣятельности О. А. Петрова на Петербургской сценѣ.

1830—1875.

Въ пятницу, 10-го октября 1875 г., исполнилось 45-ти лѣтіе артистической дѣятельности уважаемаго маститаго пѣвца нашей оперной труппы, О. А. Петрова. День этотъ прошелъ безъ всякаго торжества, кромѣ скромной оваціи, устроенной за кулисами хоромъ и оркестромъ русской оперы. Даже назначенный на этотъ день бенефисъ О. А. Петрова не состоялся по болѣзни г. Комисаржевскаго.

Сила и свѣжесть таланта, которыя О. А. сохранилъ до настоящаго времени, не даютъ еще никакихъ на него правъ „Русской Старинѣ", но за то, исполняя свою обязанность помнить прежнее и напоминать забытое, „Русская Старина" считаетъ своимъ долгомъ вспомнить о первомъ дебютѣ О. А. на Петербургской сценѣ. Приводимъ отзывъ „Сѣверной Пчелы", единственной въ то время газеты, дававшей театральныя рецензіи. Отдадимъ при этомъ полную справедливость какъ критику, который съумѣлъ съ перваго раза понять и оцѣнить талантъ О. А. Петрова, такъ и артисту, который съумѣлъ такъ блистательно оправдать надежды, съ перваго же раза имъ возбужденныя.

„Нынѣшній разъ въ оперѣ „Волшебная флейта" явился впервые на нашей сценѣ г. Петровъ, молодой артистъ, обѣщающій намъ хорошаго пѣвца-актера. (Дай-то только Аполлонъ, чтобъ онъ постарался сдержать это обѣщаніе!). Онъ поступилъ на нашу сцену съ Харьковскаго театра [1]). Природа, одѣливъ его ростомъ, надѣлила его обширнымъ голосомъ съ сильною, если не ошибаемся, грудью. Басъ его довольно пріятенъ, но весьма мало образованъ, что доказалъ намъ рѣзкій переходъ онаго въ высшія ноты. Время и пламенное стремленіе къ усовершенствованію въ своемъ искусствѣ дадутъ нашему театру въ г. Петровѣ весьма хорошаго артиста. Тѣмъ рѣшительнѣе говоримъ это, что и въ роли Зороастра мы замѣтили у него довольно правильную дикцію. Даже и въ жестахъ онъ дѣйствовалъ обѣими руками, тогда какъ г. Шуваловъ, нѣсколько лѣтъ уже подвизающійся на нашей сценѣ, всѣ почти жесты дѣлаетъ одною правою рукою, и то употребляя для сего половину оной, то есть отъ оконечности указательнаго пальца до локтя, который почти никогда не отдѣляется отъ ребръ своего владѣльца.

„А еще болѣе утверждаетъ насъ въ добромъ мнѣніи о будущихъ сценическихъ способностяхъ г. Петрова то, что въ началѣ 2-го акта онъ удачно выразилъ монологъ Зороастра и пропѣлъ трудную его арію".

(«Сѣверная Пчела» 1830 г., № 126).

---

[1]) На Харьковской сценѣ артистическая дѣятельность Осипа Афанасьевича продолжалась болѣе четырехъ лѣтъ.

Замѣтка профессора Ѳ. И. Іордана.

Прочитавъ въ „Русской Старинѣ" (томъ XIV, стр. 364—365) разсказъ академика Сѣрякова, озаглавленный: „Моя трудовая жизнь", долгомъ своимъ считаю опровергнуть приведенный имъ, совершенно невѣрный, фактъ, будто въ 1858 году, на экзаменѣ, я помѣшалъ присужденію ему званія академика за выгравированную имъ на деревѣ гравюру: „Невѣріе св. апостола Ѳомы".

Это произведеніе Рембрандта, несмотря на небольшой размѣръ свой, есть одно изъ лучшихъ твореній великаго голландскаго художника, украшающихъ императорскій эрмитажъ, но молодой граверъ не былъ достаточно подготовленъ, чтобы воспроизвести его, тѣмъ болѣе, что для гравюры выгоднѣе выбирать картины, замѣчательныя не столько колоритомъ и эфектомъ, какъ силой и оконченностію рисунка. Таково было мнѣніе совѣта академіи въ полномъ его составѣ, а не мое личное, что и высказалось при баллотировкѣ, когда большинство голосовъ не оказалось въ пользу г. Сѣрякова. Покойный Ѳ. А. Бруни не разъ говорилъ мнѣ, что ошибся въ выборѣ картины, указанной имъ г. Сѣрякову, и, желая вознаградить его за потерянное время, поддерживалъ его отправленіе за границу на казенный счетъ.

Крайне невѣрно и другое мнѣніе г. Сѣрякова, будто гравированіе на мѣди и стали поддерживается въ нашей академіи искусственнымъ образомъ, и что покойный Н. И. Уткинъ поощрялъ меня всѣми силами съ цѣлію не уронить это искусство въ Россіи.

Я пользовался совѣтами и руководствомъ Н. И. Уткина въ качествѣ ученика его, а дальнѣйшими успѣхами на своемъ художественномъ поприщѣ обязанъ единственно трудамъ своимъ и той глубокой преданности своему искусству, которую академикъ Сѣряковъ признаетъ за художниками-граверами.

Профессоръ гравированія на мѣди Ѳ. Іорданъ.

При этой книгѣ «Русской Старины» разсылаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленія отъ книжныхъ магазиновъ **А. Базунова** *и* **Э. Мелье:** *каталогъ журналовъ на 1876 г., подписка на которые принимается въ этихъ магазинахъ.*

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ VI АНТОНОВИЧЪ.
1741 г.

ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.
25 ноября 1741 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», Т. XIV, ИЗД. 1875 г.
ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 АПРѢЛЯ 1875 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

отправили внутрь страны, гдѣ ихъ распредѣлили по городамъ; если бы не это, то они провели бы все время своего плѣна въ Петербургѣ. Тамъ остались только: генералъ-маіоръ Врангель, котораго фельдмаршалъ Ласи помѣстилъ у себя, и одинъ капитанъ, по имени Дидронъ, служившій адъютантомъ при генералѣ.

Дворъ не былъ доволенъ тѣмъ, что фельдмаршалъ Ласи вернулся съ арміей: его желаніе было, чтобы онъ дошелъ до Фридрихсгама и разбилъ по частямъ не собравшіяся еще шведскія войска. Но это не такъ легко было исполнить, какъ воображали въ Петербургѣ. Фельдмаршалъ доказалъ, что онъ не могъ бы болѣе ничего предпринять, не рискуя потерять весь корпусъ войскъ, которымъ онъ командовалъ. Изъ полковъ убыло убитыми и ранеными болѣе 2,000 человѣкъ; нужны были многочисленные конвои, чтобы отвести плѣнныхъ, а это еще болѣе ослабляло его. Прочіе полки, шедшіе на соединеніе съ арміей, еще не прибыли, равно какъ и 3 гвардейскіе баталіона, отряженные изъ Петербурга, не говоря уже о томъ, что войскамъ оставалось хлѣба всего на 6 дней. Полковыя лошади, которыя были нужны для перевозки раненыхъ до Выборга, едва-ли могли возвратиться къ этому времени; такимъ образомъ, дворъ былъ вынужденъ одобрить все, что было сдѣлано. Фельдмаршалъ возвратился вскорѣ въ Петербургъ, оставивъ начальство надъ арміей генералу Кейту.

Въ остальное время похода война производилась отдѣльными отрядами; во всѣхъ столкновеніяхъ русскіе одерживали верхъ надъ шведами; казаки и донскіе калмыки, присоединившіеся къ арміи въ сентябрѣ мѣсяцѣ, совершили нѣсколько разъѣздовъ по непріятельской землѣ и сожгли множество деревень.

Графъ Левенгауптъ прибылъ въ Финляндію въ половинѣ сентября, собралъ, наконецъ, шведскую армію и сдѣлалъ ей смотръ; она состояла изъ 23,700 человѣкъ. Швеція купила большое количество хлѣба въ Голландіи, Пруссіи и Помераніи и магазины ихъ были, наконецъ, такъ хорошо снабжены, что можно было бы прокормить гораздо болѣе сильную армію, нежели шведская, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду; но всѣ эти запасы были сожжены, или попали въ руки русскихъ, какъ мы это увидимъ ниже. Съ той и съ другой стороны были сдѣланы нѣкоторыя движенія, но значительнаго ничего не было предпринято.

Русская армія была въ походѣ до 8-го ноября, когда гене-

ралъ Кейтъ отослалъ войска на зимнія квартиры, получивъ извѣстіе, что непріятельская армія разошлась.

Приблизительно въ это время часть министерства посовѣтовала великой княгинѣ объявить себя императрицею для предупрежденія всѣхъ неудобствъ, которыя могли быть вызваны смертію малолѣтняго императора, если бы до тѣхъ поръ не родились другіе принцы, которые могли бы наслѣдовать ему. Сначала хотѣли издать только указъ, которымъ было бы постановлено, что дочери, которыя родились бы отъ брака принца Антона Ульриха съ великой княгинею, будутъ также наслѣдовать россійской имперіей, за неимѣніемъ лицъ мужскаго пола. Но вице-канцлеръ, графъ Головкинъ, и нѣкоторые другіе были того мнѣнія, чтобы великая княгиня сама взошла на престолъ, такъ какъ этимъ она положила бы конецъ всѣмъ прочимъ умысламъ. Предложеніе это было принято всѣми; все было приготовлено къ этому провозглашенію, которое должно было совершиться 18-го декабря, въ день рожденія великой княгини, но царевна Елисавета разрушила это намѣреніе.

Почти въ тоже самое время умерла шведская королева Ульрика Элеонора. Кончина ея увеличила смятеніе и общее несогласіе въ Швеціи и была поэтому одной изъ причинъ несчастій, случившихся во время похода 1742 года.

Генералъ Кейтъ прибылъ въ Петербургъ къ концу ноября, чтобы присутствовать на военномъ совѣтѣ. Онъ собирался ежедневно у графа Остермана въ присутствіи генералисимуса.

Извѣстія, полученныя Кейтомъ изъ Выборга, сообщали, что шведская армія собралась, что графъ Левенгауптъ, не имѣвъ возможности сдѣлать что-либо во время похода, предполагалъ вторгнуться зимою въ русскую Финляндію и подвинулся уже къ границѣ, что его главная квартира была въ Сеикьерви (Seikyerwi), и что онъ издалъ манифестъ, нѣсколько экземпляровъ котораго были присланы генералу Кейту.

Въ этомъ манифестѣ было сказано, что намѣреніе Швеціи вовсе не заключалось въ томъ, чтобы вести войну съ русской націей, но только въ томъ, чтобы освободить ее отъ притѣсненія и тираніи иностранцевъ, дать русскимъ свободу избрать себѣ другаго государя, который бы имъ нравился и т. д. Манифестъ этотъ не произвелъ бы ни малѣйшаго впечатлѣнія, если бы ца-

ревна Елисавета не приняла уже тѣхъ мѣръ, о которыхъ я буду теперь говорить.

У графа Остермана было рѣшено сдѣлать нѣсколько распоряженій, чтобы предупредить успѣхи непріятеля; всѣмъ полкамъ приказали быть наготовѣ двинуться. Генералъ Кейтъ выѣхалъ 5-го декабря (нов. ст.) изъ Петербурга, и въ ночь съ 5-го на 6-е число того же мѣсяца совершилась та великая революція, вслѣдствіе которой царевна Елисавета вступила на престолъ. Я опишу ее здѣсь сколь можно подробнѣе, какъ самое необычайное изъ всѣхъ событій, случившихся во время моего пребыванія въ Россіи.

V.

Обстоятельный разсказъ о переворотѣ, совершенномъ царевною Елисаветою. — Ошибки, сдѣланныя обѣими сторонами. — Изданные манифесты. — Портретъ принцессы Анны. — Арестованные вельможи подвергаются суду и осуждены. — Портретъ графа Миниха. — Портретъ графа Миниха, сына фельдмаршала. — Портретъ графа Остермана. — Портретъ графа Левенвольда.

1741—1742 гг.

Чтобы объяснить хорошенько обстоятельства этой революціи, надобно начать выше.

Царевна Елисавета, хотя и не была совсѣмъ довольна во все время царствованія императрицы Анны, оставалась, однако, спокойною до тѣхъ поръ, покуда не состоялось бракосочетаніе принца Антона Ульриха съ принцессою Анною; тогда она сдѣлала нѣсколько попытокъ, чтобы образовать свою партію. Все это дѣлалось, однако, въ такой тайнѣ, что ничего не обнаружилось при жизни императрицы; но послѣ ея кончины, и когда Биронъ былъ арестованъ, она стала думать объ этомъ серьезнѣе. Тѣмъ не менѣе, первые мѣсяцы послѣ того, какъ принцесса Анна объявила себя великой княгиней и регентшей, прошли въ величайшемъ согласіи между ею и царевною Елисаветою; онѣ посѣщали другъ друга совершенно безъ церемоніи и жили дружно. Это не продолжалось долго; недоброжелатели поселили вскорѣ раздоръ между обѣими сторонами. Царевна Елисавета сдѣлалась скрытнѣе, начала посѣщать великую княгиню только въ церемоніальные дни или по какому-нибудь случаю, когда ей никакъ нельзя было избѣгнуть посѣщенія. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что дворъ хотѣлъ принудить ее вступить въ бракъ съ принцемъ Людвигомъ Брауншвейгскимъ, и что ближайшіе къ ея

особѣ приверженцы ея сильно убѣждали ее освободиться отъ той зависимости, въ которой ее держали.

Ея хирургъ, Лестокъ, былъ въ числѣ приближенныхъ, наиболѣе горячо убѣждавшихъ ее вступить на престолъ, и маркизъ де-ла-Шетарди, имѣвшій отъ своего двора приказаніе возбуждать внутреннія волненія въ Россіи, чтобы совершенно отвлечь ее отъ участія въ политикѣ остальной Европы, не преминулъ взяться за это дѣло со всевозможнымъ стараніемъ. У царевны не было денегъ, а ихъ понадобилось много для того, чтобы составить партію. Де-ла-Шетарди снабдилъ ее такимъ количествомъ денегъ, какое она пожелала. Онъ имѣлъ часто тайныя совѣщанія съ Лестокомъ и давалъ ему хорошіе совѣты, какъ удачно повести столь важное дѣло. Затѣмъ царевна вступила въ переписку со Швеціей, и стокгольмскій дворъ предпринялъ войну, отчасти по соглашенію съ нею.

Въ Петербургѣ царевна начала съ того, что подкупила нѣсколькихъ гвардейцевъ Преображенскаго полка. Главнымъ былъ нѣкто Грюнштейнъ (Grünstein), изъ обанкрутившагося купца сдѣлавшійся солдатомъ; онъ подговорилъ нѣкоторыхъ другихъ, такъ что мало по малу въ заговорѣ оказалось до тридцати гвардейскихъ гренадеръ.

Графъ Остерманъ, имѣвшій шпіоновъ повсюду, былъ увѣдомленъ, что царевна Елисавета замышляла что-то противъ регентства. Лестокъ, самый вѣтренный человѣкъ въ мірѣ и наименѣе способный сохранить что-либо въ тайнѣ, говорилъ часто въ гостинницахъ, при многихъ лицахъ, что въ Петербургѣ случатся въ скоромъ времени большія перемѣны. Министръ не преминулъ сообщить все это великой княгинѣ, которая посмѣялась надъ нимъ и не повѣрила ничему тому, что онъ говорилъ по этому предмету. Наконецъ, извѣстія эти, повторенныя нѣсколько разъ и сообщенныя даже изъ-за границы, начали нѣсколько безпокоить принцессу Анну. Она повѣрила, наконецъ, что ей грозила опасность, но не предприняла ровно ничего, чтобы избѣжать ея, хотя и могла бы сдѣлать это тѣмъ легче, что царевна Елисавета дала ей достаточно времени принять свои мѣры. Царевна твердо рѣшилась вступить на престолъ, но вмѣсто того, чтобы поспѣшить исполненіемъ, находила постоянно предлогъ откладывать рѣшительныя мѣры еще на нѣкоторое время. Послѣднимъ

ея рѣшеніемъ было не предпринимать ничего до 6-го января (по старому стилю), праздника св. Крещенія, когда для всѣхъ полковъ, стоящихъ въ Петербургѣ, бываетъ парадъ на льду рѣки Невы. Она хотѣла стать тогда во главѣ Преображенскаго полка и обратиться къ нему съ рѣчью; такъ какъ она имѣла въ немъ преданныхъ ей людей, то надѣялась, что и другіе не замедлятъ присоединиться къ нимъ, и когда весь этотъ полкъ объявитъ себя на ея сторонѣ, то прочія войска не затруднятся послѣдовать за нимъ.

Проектъ этотъ, разумѣется, не удался бы или, по крайней мѣрѣ, вызвалъ бы большое кровопролитіе. Къ счастію для нея, она была вынуждена ускорить это предпріятіе; многія причины побудили ее принять окончательное рѣшеніе.

Во-первыхъ, она узнала, что великая княгиня рѣшилась объявить себя императрицею. Всѣ лица, приверженныя къ царевнѣ Елисаветѣ, совѣтовали ей не дожидаться осуществленія этого намѣренія и представляли, что она встрѣтитъ тогда больше затрудненій и что даже всѣ мѣры ея могли неудасться.

Во-вторыхъ, по извѣстіямъ, полученнымъ дворомъ о движеніи графа Левенгаупта, тремъ гвардейскимъ баталіонамъ было приказано быть готовымъ двинуться къ Выборгу для соединенія тамъ съ арміей; многія лица, принимавшія участіе въ дѣлѣ царевны, должны были идти съ этимъ отрядомъ. Они отправились къ царевнѣ и сказали ей, что нужно было непремѣнно торопиться исполненіемъ ея замысла, такъ какъ лица, наиболѣе ей преданныя, уйдутъ въ походъ, а на нѣкоторыхъ другихъ можетъ напасть страхъ, который заставитъ ихъ донести обо всемъ этомъ дѣлѣ.

И, наконецъ, неосторожность принцессы Анны, которая говорила царевнѣ о тайныхъ совѣщаніяхъ сей послѣдней съ де-ла-Шетарди, главнымъ образомъ ускорила это дѣло. 4-го декабря, въ пріемный день при дворѣ, великая княгиня отвела царевну Елисавету въ сторону, и сказала ей, что она получила много свѣдѣній о ея поведеніи; что хирургъ ея имѣлъ часто тайныя совѣщанія съ французскимъ министромъ и что оба они замышляли опасный заговоръ противъ царствующаго дома; что великая княгиня не хотѣла еще вѣрить этому, но что если подоб-

ные слухи будутъ продолжаться, то Лестока арестуютъ, чтобы заставить его сказать правду.

Царевна прекрасно выдержала этотъ разговоръ; она увѣряла великую княгиню, что никогда не имѣла въ мысляхъ предпринять что-либо противъ нея или противъ ея сына; что она была слишкомъ религіозна, чтобы нарушить данную ею присягу; что всѣ эти извѣстія сообщены ея врагами, желавшими сдѣлать ее несчастною; что нога Лестока никогда не бывала въ домѣ маркиза де-ла-Шетарди (это было совершенно вѣрно, такъ какъ оба они избирали всегда особое мѣсто для своихъ свиданій), но что тѣмъ не менѣе великая княгиня вольна арестовать Лестока: этимъ невинность царевны можетъ еще болѣе обнаружиться. Царевна Елисавета много плакала во время этого свиданія и такъ съумѣла убѣдить въ своей невинности великую княгиню (которая также проливала слезы), что послѣдняя повѣрила, что царевна ни въ чемъ не была виновна.

Возвратясь къ себѣ, царевна Елисавета тотчасъ же извѣстила Лестока о своемъ разговорѣ съ великою княгинею; наперсникъ ея желалъ бы въ ту же ночь предупредить опасность, грозившую царевнѣ и ему самому, но такъ какъ всѣ, принимавшіе участіе въ заговорѣ, были разсѣяны по своимъ квартирамъ и ихъ ни о чемъ не предупредили, то дѣло было отложено до слѣдующей ночи.

Утромъ, когда Лестокъ явился, по обыкновенію, къ царевнѣ, онъ подалъ ей небольшой клочекъ папки, на которой онъ нарисовалъ карандашомъ царевну Елисавету съ царскимъ вѣнцомъ на головѣ. На оборотной сторонѣ она была изображена съ покрываломъ, а возлѣ нея были колеса и висѣлицы; при этомъ онъ сказалъ: «Ваше императорское высочество должны избрать: быть-ли вамъ императрицею или отправиться на заточеніе въ монастырь и видѣть, какъ ваши слуги погибаютъ въ казняхъ». Онъ убѣждалъ ее долѣе не медлить и послѣднее рѣшеніе было принято на слѣдующую ночь.

Лестокъ не забылъ увѣдомить объ этомъ всѣхъ, принадлежавшихъ къ ихъ партіи. Въ полночь царевна, сопровождаемая Воронцовымъ и Лестокомъ, отправилась въ казармы гренадеръ Преображенскаго полка; 30 человѣкъ этой роты были въ заговорѣ и собрали до 300 унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Царевна объ-

явила имъ въ немногихъ словахъ свое намѣреніе и требовала ихъ помощи; всѣ согласились жертвовать собою для нея. Первымъ дѣломъ ихъ было арестовать ночевавшаго въ казармахъ гренадерскаго офицера, по имени Гревсъ (Grews), шотландца по происхожденію; послѣ этого они присягнули царевнѣ на подданство; она приняла надъ ними начальство и пошла прямо къ Зимнему дворцу; она вошла, безъ малѣйшаго сопротивленія, съ частію сопровождавшихъ ее лицъ въ комнаты, занимаемыя карауломъ, и объявила офицерамъ причину своего прихода; они не оказали никакого сопротивленія и допустили ее дѣйствовать. У всѣхъ дверей и у всѣхъ выходовъ были поставлены часовые. Лестокъ и Воронцовъ вошли съ отрядомъ гренадеръ въ покои великой княгини и арестовали ее съ ея супругомъ, дѣтьми и фавориткой, жившей рядомъ.

Лишь только это дѣло было окончено, нѣсколько отрядовъ было послано арестовать фельдмаршала Миниха, сына его, оберъ-гофмейстера великой княгини, графа Остермана, графа Головкина, графа Левенвольде, оберъ-гофмаршала двора, барона Менгдена и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе значительныхъ лицъ.

Всѣ арестованные были отведены во дворецъ царевны. Она послала Лестока къ фельдмаршалу Ласи предупредить его о томъ, что она совершила, и объявить, что ему нечего бояться, и притомъ приказала немедленно явиться къ ней. Сенатъ и всѣ сколько-нибудь знатныя лица имперіи были также созваны во дворецъ новой императрицы. На разсвѣтѣ всѣ войска были собраны около ея дома, гдѣ имъ объявили, что царевна Елисавета вступила на отцовскій престолъ, и привели ихъ къ присягѣ на подданство. Никто не сказалъ ни слова и все было тихо какъ и прежде. Въ тотъ же день императрица оставила дворецъ, въ которомъ она жила до тѣхъ поръ, и заняла покои въ императорскомъ дворцѣ.

Когда совершилась революція герцога Курляндскаго, всѣ были чрезвычайно рады: на улицахъ раздавались одни только крики восторга; теперь же было не то: всѣ смотрѣли грустными и убитыми, каждый боялся за себя или за кого-нибудь изъ своего семейства, и всѣ начали дышать свободнѣе только по прошествіи нѣсколькихъ дней.

Всѣ, читающіе объ этомъ событіи не могутъ не удивиться ужаснымъ ошибкамъ, сдѣланнымъ съ обѣихъ сторонъ.

Если бы великая княгиня не была совершенно ослѣплена, то дѣло это не должно было удасться. Я говорилъ выше, что она получила нѣсколько извѣщеній даже изъ-за границы; графъ Остерманъ, приказавъ однажды снести себя къ ней, увѣдомилъ ее о тайныхъ совѣщаніяхъ де-ла-Шетарди съ Лестокомъ; вмѣсто того, чтобы отвѣчать ему на то, что онъ говорилъ, она велѣла показать ему новое платье, заказанное ею для императора.

Въ тотъ же вечеръ, когда она говорила съ царевною Елисаветою, маркизъ Ботта обратился къ ней съ слѣдующею рѣчью: «Ваше императорское высочество упустили случай помочь государынѣ моей, королевѣ, несмотря на союзъ обѣихъ дворовъ, но такъ какъ этому уже нельзя пособить, то я надѣюсь, что, съ помощью Божіей и другихъ нашихъ союзниковъ, мы устроимъ наши дѣла. По крайней мѣрѣ, государыня, позаботьтесь теперь о самой себѣ. Вы находитесь на краю бездны; ради Бога, спасите себя, императора и вашего супруга».

Всѣ эти увѣщанія не побудили ее сдѣлать ни малѣйшаго шага, чтобы утвердить за собою престолъ. Неосторожность ея дошла еще дальше. Въ вечеръ, предшествовавшій революціи, супругъ ея сказалъ ей, что онъ получилъ новыя свѣдѣнія о поведеніи царевны Елисаветы, что онъ тотчасъ же прикажетъ разставить на улицахъ караулы и рѣшился арестовать Лестока. Великая княгиня не дала ему исполнить этого, отвѣтивъ, что она считала царевну невинною, что когда она говорила съ нею объ ея совѣщаніяхъ съ де-ла-Шетарди, послѣдняя не смутилась, очень много плакала и убѣдила ее.

Ошибки, сдѣланныя партіей царевны Елисаветы, были не менѣе велики. Лестокъ говорилъ во многихъ мѣстахъ и въ присутствіи многихъ лицъ о долженствовавшей случиться въ скоромъ времени перемѣнѣ. Прочіе участники заговора были не умнѣе: все люди простые, мало способные сохранить столь важную тайну. Сама царевна дѣлала нѣкоторыя вещи, за которыя она была бы (арестована?) въ царствованіе императрицы Анны. Она прогуливалась часто по казармамъ гвардейцевъ; простые солдаты становились на запятки ея открытыхъ саней и такимъ образомъ разъѣзжали, разговаривая съ нею, по улицамъ Петербурга. Ихъ приходило

каждый день по нѣсколько въ ея дворецъ и она старалась казаться популярной во всѣхъ случаяхъ. Но Провидѣніе рѣшило, что это дѣло удастся, поэтому другіе по необходимости были ослѣплены.

Въ день революціи новая императрица объявила манифестомъ, что она взошла на отцовскій престолъ, принадлежащій ей, какъ законной наслѣдницѣ, и что она приказала арестовать похитителей ея власти. Три дня спустя былъ обнародованъ другой манифестъ, который долженъ былъ доказать ея неоспоримое право на престолъ. Въ немъ было сказано, что такъ какъ принцесса Анна и супругъ ея не имѣли никакого права на русскій престолъ, то они будутъ отправлены со всѣмъ семействомъ въ Германію. Ихъ отправили изъ Петербурга со всѣми слугами подъ конвоемъ гвардейцевъ, состоявшихъ подъ командою генерала Салтыкова (бывшаго оберъ-полиціймейстеромъ при императрицѣ Аннѣ). Они доѣхали только до Риги, гдѣ ихъ арестовали. Сначала ихъ помѣстили на нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпость; затѣмъ ихъ перевезли въ Дюнамюндскій фортъ и, наконецъ, вмѣсто того, чтобы дозволить имъ возвратиться въ Германію, ихъ привезли обратно въ Россію. Мѣсто ихъ заточенія было часто перемѣняемо, и великая княгиня умерла въ родахъ въ мартѣ 1746 г. Тѣло ея было перевезено въ Петербургъ и предано землѣ въ монастырѣ св. Александра Невскаго.

Неизвѣстно, гдѣ именно содержатся теперь принцъ Антонъ Ульрихъ и юный императоръ; иные говорятъ, что отецъ и сынъ находятся въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и что молодому принцу даютъ, по повелѣнію двора, хорошее воспитаніе; другіе утверждаютъ, что царевичъ Іоаннъ разлученъ съ своимъ отцомъ и находится въ монастырѣ, гдѣ его воспитываютъ довольно плохо.

По всему, что я сказалъ о принцессѣ Аннѣ, будетъ не трудно опредѣлить ея характеръ. Она была чрезвычайно капризна, вспыльчива, не любила труда, была нерѣшительна въ мелочахъ, какъ и въ самыхъ важныхъ дѣлахъ; она очень походила характеромъ на своего отца, герцога Карла Леопольда Мекленбургскаго, съ тою только разницею, что она не была расположена къ жестокости. Въ годъ своего регентства она правила съ большою кротостью. Она любила дѣлать добро, не умѣя дѣлать его кстати. Фаворитка ея пользовалась ея полнымъ довѣріемъ и рас-

поряжалась ея образомъ жизни по своему усмотрѣнію. Министровъ своихъ и умныхъ людей она вовсе не слушала, наконецъ, она не имѣла ни одного качества, необходимаго для управленія столь большой имперіей въ смутное время. У ней былъ всегда грустный и унылый видъ, что могло быть слѣдствіемъ тѣхъ огорченій, которыя она испытала со стороны герцога Курляндскаго во время царствованія императрицы Анны. Впрочемъ, она была очень хороша собою, прекрасно сложена и стройна; она свободно говорила на нѣсколькихъ языкахъ.

Что же касается до принца, супруга ея, то онъ обладаетъ наилучшимъ сердцемъ и прекраснѣйшимъ характеромъ въ мірѣ, соединенными съ рѣдкимъ мужествомъ и неустрашимостью въ военномъ дѣлѣ, но онъ чрезъ мѣру робокъ и застѣнчивъ въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ пріѣхалъ слишкомъ молодымъ въ Россію, гдѣ перенесъ тысячу огорченій со стороны герцога Курляндскаго, который не любилъ его и часто обращался съ нимъ весьма жестко. Эта ненависть герцога происходила отъ того, что онъ считалъ его единственнымъ препятствіемъ къ возвышенію своего дома, такъ какъ, сдѣлавшись герцогомъ Курляндскимъ, онъ возъимѣлъ намѣреніе выдать принцессу Анну за своего старшаго сына и возвести этимъ бракомъ свое потомство на русскій престолъ; но, несмотря на свое вліяніе на императрицу, онъ никогда не могъ убѣдить ее согласиться на это.

Принцъ Людвигъ Брауншвейгскій, бывшій еще въ Петербургѣ во время революціи и имѣвшій помѣщеніе во дворцѣ, былъ также арестованъ въ своей комнатѣ; спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ императрица велѣла снять караулъ, ему назначили другую квартиру въ домѣ, подаренномъ великою княгинею своей фавориткѣ, который отстраивался все предъидущее лѣто и всю осень; отапливать въ немъ можно было только одну комнату. Принцъ долженъ былъ занять ее и довольствоваться ею; онъ оставался въ Петербургѣ до марта мѣсяца, и тогда возвратился въ Германію.

Къ нему, какъ бы для почета, былъ приставленъ караулъ, но въ сущности болѣе для того, чтобы наблюдать за всѣми, кто будетъ приходить къ нему. Его посѣщали одни иностранные министры.

Прежде чѣмъ я стану говорить о прочихъ событіяхъ, случив-

шихся послѣ революціи, скажу сначала о томъ, что касается до арестованныхъ вельможъ.

Была назначена коммисія, составленная изъ нѣсколькихъ сенаторовъ и другихъ русскихъ сановниковъ, которые должны были допросить ихъ и произвести надъ ними судъ. Они были обвинены во многихъ преступленіяхъ. Графа Остермана обвинили, между прочимъ, въ томъ, что онъ способствовалъ своими интригами избранію императрицы Анны и уничтожилъ завѣщаніе императрицы Екатерины и т. д. Графа Миниха обвинили въ томъ, будто онъ сказалъ солдатамъ, арестуя герцога Курляндскаго, что это дѣлалось съ цѣлью возвести на престолъ царевну Елисавету; тотъ и другой легко могли бы доказать, что обвиненія эти были ложныя, но оправданія ихъ не были приняты.

Въ сущности преступленіе всѣхъ арестованныхъ лицъ состояло въ томъ, что они не понравились новой императрицѣ и слишкомъ хорошо служили императрицѣ Аннѣ. Сверхъ того, Елисавета обѣщала тѣмъ, которые помогли ей взойти на престолъ, что она освободитъ ихъ отъ притѣсненія иностранцевъ, поэтому пришлось осудить тѣхъ, кто занималъ высшія должности.

Согласно опредѣленію, графъ Остерманъ былъ приговоренъ къ колесованію за-живо; фельдмаршалъ Минихъ — къ четвертованію; графа Головкина, графа Левенвольде и барона Менгдена присудили къ отсѣченію головы. Императрица даровала имъ всѣмъ жизнь; ихъ сослали въ разныя мѣста Сибири. Графъ Остерманъ получилъ помилованіе лишь на эшафотѣ, когда уже ему положили голову на плаху.

Дворъ издалъ по этому случаю манифестъ, гдѣ были перечислены всѣ преступленія, въ которыхъ они обвинялись.

Минихъ, Остерманъ и Левенвольде перенесли свое несчастіе съ твердостью; не то было съ другими. Всѣ помѣстья сосланныхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя жены ихъ принесли за собою въ приданое, были конфискованы въ пользу двора, который наградилъ ими другихъ лицъ. Жены осужденныхъ получили позволеніе поселиться въ своихъ помѣстьяхъ и не слѣдовать за мужьями въ ссылку, но ни одна изъ нихъ не захотѣла воспользоваться этою милостью.

Нѣкоторые изъ этихъ вельможъ играли столь видную роль въ свѣтѣ, что я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ

ихъ хорошихъ и дурныхъ качествахъ, присовокупивъ къ этому перечень главнѣйшихъ событій въ ихъ жизни.

Графъ Минихъ представлялъ собою совершенную противоположность хорошихъ и дурныхъ качествъ: то онъ былъ вѣжливъ и человѣколюбивъ, то грубъ и жестокъ; ничего не было ему легче, какъ завладѣть сердцемъ людей, которые имѣли съ нимъ дѣло; но минуту спустя, онъ оскорблялъ ихъ до того, что они, такъ сказать, были вынуждены ненавидѣть его. Въ иныхъ случаяхъ онъ былъ щедръ, въ другихъ скупъ до невѣроятія. Это былъ самый гордый человѣкъ въ мірѣ, однако, онъ дѣлалъ иногда низости; гордость была главнымъ его порокомъ, честолюбіе его не имѣло предѣловъ, и чтобы удовлетворять его, онъ жертвовалъ всѣмъ. Онъ ставилъ выше всего свои собственныя выгоды; затѣмъ, самыми лучшими для него людьми были тѣ, кто ловко умѣлъ льстить ему.

Это былъ человѣкъ съ великимъ геніемъ; одинъ изъ лучшихъ инженеровъ своего вѣка, отличный полководецъ, но нерѣдко слишкомъ отважный въ своихъ предпріятіяхъ. Онъ не зналъ, что такое невозможность; такъ какъ все, что онъ ни предпринималъ самаго труднаго, ему удавалось, то никакое препятствіе не могло устрашить его.

Онъ не имѣлъ способностей для того, чтобы быть министромъ, однако не упустилъ ни одного случая, чтобы попасть въ члены министерства, и это было причиной его несчастія. Чтобы вывѣдать у него самыя тайныя дѣла, стоило только разсердить его противорѣчіемъ.

Онъ родомъ изъ Ольденбурга, происходитъ изъ хорошей дворянской фамиліи; отецъ его, давъ ему хорошее образованіе, опредѣлилъ его въ 1700 г. капитаномъ пѣхоты въ гессенскую службу. Онъ совершилъ съ гессенскими войсками всѣ походы во Фландрію и Италію во время войны за[1]) наслѣдство до сраженія при Дененѣ (Denain), когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Король шведскій, Фридрихъ I, котораго онъ былъ нѣсколько лѣтъ адъютантомъ, всегда дорожилъ имъ.

По заключеніи мира съ Франціей, въ 1713 г., онъ поступилъ на службу къ польскому королю Августу II, съ чиномъ

---

[1]) Испанское. Ред.

полковника, получилъ, нѣсколько времени спустя, чинъ генералъ-маіора и начальствовалъ надъ польской гвардіей. Король, цѣня его достоинства, очень любилъ его; но графъ Флеммингъ, не желавшій дѣлить расположеніе своего государя съ кѣмъ бы то ни было, сталъ ревновать его и до того преслѣдовалъ, что онъ былъ вынужденъ выйти въ отставку въ 1718 г. Онъ намѣревался поступить въ шведскую службу, но какъ Карлъ XII былъ убитъ въ Норвегіи, то онъ вступилъ на службу Россіи. Онъ заслужилъ вскорѣ расположеніе Петра I, которое онъ и сохранилъ до кончины этого государя.

Въ царствованіе Екатерины и Петра II онъ перенесъ много огорченій отъ князя Меншикова, не любившаго его; паденіе этого любимца поправило его дѣла.

Привыкнувъ всю жизнь къ труду, онъ не можетъ оставаться празднымъ и въ ссылкѣ: онъ написалъ и представилъ сенату нѣсколько проектовъ, касательно улучшенія провинцій Россіи, и забавляется обученіемъ геометріи и инженерной наукѣ нѣсколькихъ дѣтей, которыхъ ему поручили. Губернаторы сибирскихъ городовъ боятся его такъ, какъ если бы онъ былъ генералъ-губернаторомъ края. Узнавъ о какомъ-нибудь злоупотребленіи ихъ, онъ тотчасъ же пишетъ имъ, грозя донести о томъ двору, и т. п. Въ заключеніе, о немъ можно сказать, по правдѣ, что въ немъ нѣтъ ничего мелочнаго: хорошія и дурныя его качества одинаково велики.

Единственный сынъ его раздѣлилъ его опалу; коммисія употребляла всевозможныя усилія, чтобы найти за нимъ какой-нибудь проступокъ, достойный наказанія; но это не удалось имъ, онъ былъ оправданъ своими судьями; однако, ему все-таки не хотѣли предоставить полную свободу; въ приговорѣ было сказано, что такъ какъ онъ зналъ, что принцесса Анна намѣревалась объявить себя императрицею, то онъ долженъ возвратить орденъ св. Александра Невскаго, что лифляндскія помѣстья его будутъ обмѣнены на другія въ Россіи; впрочемъ, и это было измѣнено: дворъ назначилъ ему ежегодную пенсію въ 1,200 рублей, и ему было приказано поселиться въ Вологдѣ[1]), городѣ, отстоящемъ отъ

[1]) Вологда отстоитъ отъ Москвы на 1,054 версты, что составляетъ около 260 французскихъ лье. Ред.

Москвы приблизительно на 80 французскихъ лье, и гдѣ поселилось нѣсколько голландскихъ купцовъ.

Онъ не имѣлъ блистательныхъ качествъ своего отца, но наслѣдовалъ многія его хорошія свойства, не получивъ ни одного изъ дурныхъ. Онъ имѣетъ ровный и основательный умъ, чрезвычайно честенъ и обладаетъ всѣми способностями, необходимыми для того, чтобы блистать въ министерствѣ. Онъ и получилъ бы тамъ должность, если бы продлилось правленіе принцессы Анны. Онъ началъ службу въ качествѣ секретаря и кавалера посольства при конгрессѣ въ Суассонѣ; возвратившись въ Петербургъ, онъ получилъ при дворѣ мѣсто камеръ-юнкера императрицы; нѣсколько лѣтъ спустя, былъ пожалованъ въ камергеры, и когда великая княгиня приняла званіе императрицы, то назначила его оберъ-гофмейстеромъ своего двора.

Графъ Остерманъ былъ, безспорно, однимъ изъ величайшихъ министровъ своего времени. Онъ зналъ основательно интересы всѣхъ европейскихъ дворовъ, былъ очень понятливъ, уменъ, чрезвычайно трудолюбивъ, весьма ловокъ и неподкупной честности: онъ не принялъ никогда ни малѣйшаго подарка отъ иностранныхъ дворовъ иначе, какъ по приказанію своего правительства. Съ другой стороны, онъ былъ чрезвычайно недовѣрчивъ, заходя въ подозрѣніяхъ часто слишкомъ далеко. Онъ не могъ терпѣть никого ни выше себя, ни равнаго себѣ, развѣ когда это лицо было гораздо ниже его по уму. Никогда товарищи его по кабинету не были довольны имъ, онъ хотѣлъ руководить всѣми дѣлами, а прочіе должны были раздѣлять его мнѣніе и подписывать.

Своей политикой и своими притворными, случавшимися кстати, болѣзнями, онъ удержался въ продолженіе шести различныхъ царствованій. Онъ говорилъ такъ странно, что немногіе могли похвастать, что понимаютъ его хорошо; послѣ двухчасовыхъ бесѣдъ, которыя онъ имѣлъ часто съ иностранными министрами, послѣдніе, выходя изъ его кабинета, также мало знали, на что онъ рѣшился, какъ въ ту минуту, когда они туда входили. Все, что онъ говорилъ и писалъ, можно было понимать двоякимъ образомъ. Онъ былъ до крайности скрытенъ, никогда не смотрѣлъ никому въ лицо и часто былъ тронутъ до слезъ, если считалъ ихъ нужными.

Домашній образъ жизни его былъ чрезвычайно страненъ:

онъ былъ еще неопрятнѣе русскихъ и поляковъ; комнаты его были очень плохо меблированы, а слуги одѣты обыкновенно какъ нищіе. Серебряная посуда, которую онъ употреблялъ ежедневно, была до того грязна, что походила на свинцовую, и кушанья подавались хорошія только въ дни торжественныхъ обѣдовъ. Одежда его, въ послѣдніе годы, когда онъ выходилъ изъ кабинета только къ столу, было до того грязна, что возбуждала отвращеніе.

Онъ былъ родомъ изъ Вестфаліи, сынъ пастора, прибылъ въ Россію около 1704 года и началъ службу на галерахъ въ чинѣ мичмана; нѣсколько времени спустя, онъ былъ произведенъ въ лейтенанты, и адмиралъ Крейцъ (Creutz)[1]) взялъ его къ себѣ въ качествѣ секретаря.

Петръ I, находясь однажды на адмиральскомъ кораблѣ, хотѣлъ отправить нѣсколько депешъ, и спросилъ Крейца: нѣтъ-ли у него какого-нибудь надежнаго человѣка, который могъ бы написать ихъ. Адмиралъ представилъ ему Остермана, который такъ хорошо изучилъ русскій языкъ, что говорилъ на немъ, какъ на своемъ природномъ. Императоръ, замѣтивъ его умъ, взялъ Остермана къ себѣ, сдѣлавъ его своимъ частнымъ секретаремъ и довѣреннымъ лицомъ. Онъ употреблялъ его въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и возвысилъ его въ нѣсколько лѣтъ до первыхъ должностей имперіи; въ 1723 г., послѣ паденія барона Шафирова, онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ и сохранилъ это званіе до той революціи, когда герцогъ Курляндскій былъ арестованъ, а Остерманъ назначенъ генералъ-адмираломъ.

Петръ I женилъ его на русской, изъ семейства Стрешневыхъ (Streschnew), одной изъ первыхъ фамилій въ государствѣ; она принесла ему богатое приданое, но была одно изъ самыхъ злыхъ созданій, существовавшихъ на землѣ. Онъ имѣлъ отъ нее двухъ сыновей и дочь. Сыновья, бывшіе при принцессѣ Аннѣ капитанами гвардіи,—что давало имъ чинъ подполковниковъ арміи,—были переведены капитанами въ пѣхотные полки, а дочь, черезъ нѣсколько времени послѣ опалы отца, вышла замужъ за подполковника артиллеріи Толстаго.

Графъ Левенвольде былъ лифляндецъ, происходившій отъ

---

[1]) Т. е. Крейсъ (Cruys). Ред.

одной изъ первыхъ фамилій этого края. Онъ поступилъ камеръ-юнкеромъ на службу къ императрицѣ Екатеринѣ еще при жизни Петра I; послѣ смерти императора, былъ пожалованъ въ камергеры; такъ какъ онъ былъ молодъ, хорошъ собою и статенъ, то императрица была неограниченно благосклонна къ нему. Императрица Анна назначила его оберъ-гофмаршаломъ двора и инспекторомъ доходовъ по соляной части. За нимъ не знали никакихъ качествъ, кромѣ хорошихъ. Онъ былъ созданъ для занимаемаго имъ мѣста, имѣлъ кроткій нравъ, былъ чрезвычайно вѣжливъ и располагалъ къ себѣ всѣхъ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ. Въ царствованіе Анны онъ не вмѣшивался ни въ какое дѣло, прямо не касавшееся его должности, и былъ бы счастливъ, если бы такъ держалъ себя и во время правительницы; но онъ былъ увлеченъ противъ своей воли. Принцесса спрашивала его о многихъ предметахъ, о которыхъ онъ былъ вынужденъ высказать свое мнѣніе, и такъ какъ онъ подалъ также мнѣніе, чтобы великая княгиня объявила себя императрицею, то онъ раздѣлилъ ея паденіе и окончитъ, по всей вѣроятности, жизнь въ изгнаніи. Главнымъ недостаткомъ его была страсть къ игрѣ; это разорило его, такъ какъ онъ проигрывалъ часто очень большія суммы въ одинъ вечеръ. Я не скажу ничего объ остальныхъ несчастныхъ; они были слишкомъ мало извѣстны остальному міру.

VI.

Награды. — Краткая исторія графовъ Разумовскаго, Бестужева, Воронцова, Лестока и принца Гессенъ-Гомбургскаго.—Перемиріе со Швеціей.—Притязанія шведовъ.—Императрица возвращаетъ множество ссыльныхъ.— Пріѣздъ герцога Голштейнскаго въ Петербургъ.—Дворъ отправляется въ Москву.— Предположенія о томъ, что Россія вступитъ въ тѣсный союзъ съ Франціей. — Пріѣздъ графа Саксонскаго въ Москву.—Елисавета отмѣняетъ все, сдѣланное во время регентства.—Уничтоженіе Кабинета.—Бунтъ въ Петербургѣ.

1741—1742.

По восшествіи на престолъ, императрица прежде всего озаботилась награжденіемъ тѣхъ, которые помогли ей совершить революцію. Она начала со своего любимца Разумовскаго, который былъ объявленъ камергеромъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, при ея короновании. Она возвела его въ должность оберъ-егермейстера, пожаловала ему графское достоинство и голубую ленту. Воронцовъ, два брата Шуваловы и Балкъ, бывшіе камеръ-юнкерами

царевны, также были пожалованы въ камергеры. Она наградила Лестока чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіемъ перваго лейбъ-медика двора съ президентствомъ медицинской коллегіи. Вся гренадерская рота Преображенскаго полка получила дворянское достоинство и офицерскіе чины, рядовымъ гренадерамъ пожалованъ чинъ поручика, капраламъ—маіора, каптенармусамъ и фурьерамъ — подполковниковъ и унтеръ-офицерамъ — полковниковъ арміи. Рота была названа Лейбъ-компаніей; ея величество объявила себя капитаномъ ея, принца Гессенъ-Гомбургскаго назначила штабсъ-капитаномъ, Разумовскаго и Воронцова—поручиками съ чиномъ генералъ-лейтенантовъ, а Шуваловыхъ—подпоручиками съ генералъ-маіорскимъ чиномъ; Грюнштейнъ (Grünstein) опредѣленъ адъютантомъ этого корпуса съ званіемъ бригадира; онъ удержался не долго; привыкши быть простымъ солдатомъ, онъ не могъ перенести большаго благополучія, надѣлалъ всевозможныхъ грубостей, не оказывалъ должнаго почтенія императрицѣ и ея фавориту, былъ подъ конецъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ помѣстья, которыя императрица подарила ему при его возвышеніи.

Рота эта творила всевозможныя безчинства въ первые мѣсяцы пребыванія двора въ Петербургѣ. Господа поручики посѣщали самые грязные кабаки, напивались до пьяна и валялись на улицахъ въ грязи. Они входили въ дома самыхъ знатныхъ лицъ съ угрозами, требуя денегъ, и безъ церемоніи брали то, что приходилось имъ по вкусу; не было возможности удержать въ порядкѣ этихъ людей, которые, привыкнувъ всю жизнь повиноваться палкѣ, не могли такъ скоро свыкнуться съ болѣе благороднымъ обращеніемъ. Чтобы исправить ихъ, нужно было время; не знаю, удалось-ли это; негодяи были исключены изъ этого корпуса и опредѣлены офицерами въ армейскіе полки, гдѣ было много вакансій.

Было еще довольно другихъ повышеній и роздано много голубыхъ лентъ; но такъ какъ малое число фамилій этихъ господъ пользуются извѣстностью, то я умалчиваю о нихъ. Скажу только нѣсколько словъ о Разумовскомъ, Бестужевѣ, Воронцовѣ, Лестокѣ и принцѣ Гессенъ-Гомбургскомъ, игравшихъ нѣкоторое время очень видную роль при петербургскомъ дворѣ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, графъ Разумовскій не могъ и представить себѣ, что онъ достигнетъ такого счастія. Онъ сынъ крестья-

нина украйнскаго города Изюма; родители помѣстили его въ школу; тамъ замѣтили, что онъ имѣлъ хорошій голосъ, и такъ какъ, по русскому обряду, во всѣхъ церквахъ есть хоръ, поющій за обѣдней, то Разумовскій былъ принятъ въ него съ другими молодыми людьми его лѣтъ; армейскій полковникъ, по имени Вишневскій, замѣтивъ его пріятную наружность, соединенную съ прекраснымъ голосомъ, взялъ его къ себѣ въ услуженіе; привезя его въ Петербургъ, онъ рекомендовалъ его оберъ-гофмаршалу графу Левенвольде, который опредѣлилъ его придворнымъ пѣвчимъ въ императорскую капеллу; онъ служилъ при дворѣ нѣсколько лѣтъ. Царевна Елисавета замѣтила его тамъ и выпросила у Левенвольде, который уволилъ его изъ капеллы. Когда онъ поступилъ на службу къ царевнѣ, она поручила ему управленіе однимъ изъ своихъ помѣстій, и сдѣлала его своимъ любимымъ слугою. Вступивъ на престолъ, она возвела его въ одну изъ главнѣйшихъ должностей имперіи, и, сдѣлавшись съ годами набожной, тайно обвѣнчалась съ нимъ, по совѣту духовенства, задобреннаго Разумовскимъ.

Бестужевъ, русскій по рожденію, происходитъ отъ хорошей и древней фамиліи; поступивъ на службу, онъ былъ опредѣленъ камеръ-юнкеромъ къ герцогинѣ Курляндской (въ послѣдствіи императрица Анна); нѣсколько лѣтъ спустя, его отправили въ качествѣ резидента въ Гамбургъ, на мѣсто, которое до него занималъ его отецъ; послѣ этого онъ служилъ въ званіи министра при разныхъ дворахъ, и, наконецъ, при копенгагенскомъ. Состоя при герцогинѣ, онъ завелъ большую дружбу съ Бирономъ, который въ послѣдствіи позаботился о его счастіи. Послѣ паденія Волынскаго онъ былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ; при революціи, свергшей герцога Курляндскаго, онъ былъ арестованъ; онъ оправдался и былъ выпущенъ на свободу, не получивъ, однако, должности; императрица Елисавета, вступивъ на престолъ, дала ему должность вице-канцлера на мѣсто графа Головкина, и послѣ смерти князя Черкасскаго она возвела его въ званіе канцлера. У него нѣтъ недостатка въ умѣ, онъ знаетъ дѣла по долгому навыку и очень трудолюбивъ; но въ тоже время надмененъ, корыстолюбивъ, скупъ, развратенъ, до невѣроятности лживъ, жестокъ и никогда не прощаетъ, если ему покажется, что кто-нибудь провинился передъ нимъ въ самой малости.

Вотъ человѣкъ, который управляетъ Россіей уже 11 лѣтъ, какъ властитель-деспотъ; императрица, чрезвычайно лѣнивая, очень довольна, что нашелся кто-нибудь, желающій заняться дѣлами имперіи; къ тому же она составила себѣ такое высокое понятіе о его способностяхъ, что, по ея мнѣнію, невозможно найти кого-нибудь, кто бы могъ замѣнить его. Впрочемъ, у него много враговъ, которые не пропускаютъ ни одного случая, чтобы очернить его въ глазахъ этой государыни. Имъ это не удалось еще до сихъ поръ, хотя онъ уже не разъ пошатнулся на своемъ мѣстѣ; быть можетъ, они найдутъ, наконецъ, благопріятную минуту.

Воронцовъ происходитъ также отъ русской хорошей дворянской фамиліи. Онъ поступилъ камеръ-юнкеромъ на службу къ царевнѣ Елисаветѣ. Незадолго до революціи, онъ женился на графинѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ царевны, служившей при ней статсъ-дамой. При коронованіи императрицы онъ былъ пожалованъ въ графы; это человѣкъ весьма честный, но чрезвычайно ограниченнаго ума, безъ особеннаго образованія, и еще менѣе того научившійся въ послѣдствіи; онъ не имѣлъ никогда случая заниматься политическими дѣлами, однако, послѣ смерти князя Черкасскаго, онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ. Время рѣшитъ, съумѣетъ-ли онъ удержаться въ этой должности, такъ какъ онъ уже нѣсколько лѣтъ въ ссорѣ съ канцлеромъ.

Лестокъ родился въ Ганноверѣ отъ семейства французскихъ выходцевъ. Онъ служилъ нѣсколько лѣтъ при царевнѣ въ качествѣ хирурга и пріобрѣлъ ея довѣріе задолго до того времени, когда она сдѣлала его своимъ орудіемъ при революціи. Все это дѣло лежало на немъ; онъ исполнилъ его, какъ я уже сказалъ выше, чрезвычайно вѣтрено и неосторожно, но весьма удачно. Лишь только царевна объявила себя государыней, онъ сталъ умолять ее наградить его деньгами и позволить ему удалиться изъ имперіи. Императрица не хотѣла согласиться на это, говоря, что она никогда не можетъ достаточно вознаградить услугъ, Лестокомъ ей оказанныхъ. «Онъ доказывалъ, что возвышеніе его навлечетъ ему несомнѣнно много враговъ, что ему могутъ повредить передъ ея величествомъ и что все это кончится ссылкой». Императрица отвѣчала самыми горячими увѣреніями на счетъ того, что ничего подобнаго никогда не можетъ случиться, что она знала слишкомъ хорошо его

привязанность и его усердіе, и что поэтому она никогда не повѣритъ ни малѣйшему обвиненію противъ него. Лестокъ этому повѣрилъ, остался при своей должности и убѣдилъ императора Карла VII дать ему титулъ имперскаго графа.

Вначалѣ онъ хотѣлъ завѣдовать только медицинской частью, но какъ императрица говорила съ нимъ часто о самыхъ важныхъ дѣлахъ, то это понравилось ему, и онъ захотѣлъ высказывать свое мнѣніе обо всемъ; онъ старался даже поступить въ верховный совѣтъ, въ качествѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, но это ему не удалось. Бестужевъ сдѣлался вскорѣ его заклятымъ врагомъ, чему Лестокъ много способствовалъ своею вѣтренностью и своею постоянною привязанностью къ Франціи и ея союзникамъ. Великій канцлеръ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы удалить его отъ двора; это не удавалось ему въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ, когда Лестокъ вывелъ его изъ терпѣнія, относясь о немъ при всякомъ случаѣ дурно, говоря ему дерзости въ лицо, не стѣсняясь въ выраженіяхъ даже въ присутствіи императрицы, канцлеръ, въ 1748 г., получилъ отъ ея величества приказаніе арестовать его. Процессъ его вели съ грѣхомъ пополамъ, и хотя его не могли обвинить ни въ какомъ преступленіи, однако едва-ли когда-нибудь его освободятъ. Въ самый день своего ареста онъ имѣлъ еще длинное объясненіе съ императрицею. Она снова увѣряла его въ своемъ расположеніи и своемъ покровительствѣ, но, нѣсколько часовъ спустя, графъ Апраксинъ, генералъ-аншефъ и генералъ-адъютантъ императрицы, явился объявить ему арестъ.

Принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій, равно какъ и младшій братъ его, поступили въ русскую службу въ 1724 г., въ чинѣ полковниковъ; младшій умеръ (?) лѣтъ отъ роду. Призвавъ его въ Россію, Петръ I имѣлъ намѣреніе женить его на царевнѣ Елисаветѣ; смерть императора остановила этотъ бракъ, а послѣ о немъ и не думали. Говорили много хорошаго о томъ, который умеръ первый, но того же самаго нельзя сказать о второмъ. Онъ не имѣлъ ни образованія, ни хорошихъ манеръ, не умѣлъ вести себя, не отличался умомъ, былъ необыкновенно сварливъ, большой трусъ и способенъ на всякія низости; несмотря на эти недостатки, онъ подвигался по службѣ впередъ. Онъ дошелъ до чина генералъ-лейтенанта въ царствованія Екатерины и Петра II;

въ 1734 г. онъ получилъ должность главнаго начальника артиллеріи и исполнялъ ее довольно плохо, такъ что сильно запуталъ всѣ артиллерійскія дѣла. Послѣ похода 1737 года онъ не получилъ назначенія въ войнѣ противъ Порты; при началѣ шведской войны ему было дано командованіе войсками, стоявшими близь Красной горки, такъ какъ всѣ были увѣрены, что тутъ нечего будетъ дѣлать. Вступивъ на престолъ, императрица пожаловала его въ генералъ-фельдмаршалы. Онъ былъ первые мѣсяцы въ большой милости; это не могло продолжаться долго. Его скоро оцѣнили по достоинству, и ему было также плохо какъ и въ предъидущія царствованія. Его не употребляли на войнѣ и презирали при дворѣ, гдѣ въ насмѣшку называли его фельдмаршаломъ комедіантовъ. Не ладя ни съ кѣмъ, онъ захотѣлъ отправиться въ Гомбургъ, чтобы жить въ собственномъ своемъ владѣніи и умеръ въ Берлинѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1745 года.

Послѣ такого длиннаго отступленія, пора вернуться къ прерванному разсказу.

Императрица, желавшая начать свое царствованіе заключеніемъ мира со Швеціей, освободила, въ самый день восшествія своего на престолъ, шведскаго капитана Дидрона, бывшаго военноплѣннымъ въ Петербургѣ. Она отправила его къ графу Левенгаупту, съ извѣщеніемъ о ея восшествіи на престолъ и съ порученіемъ объявить, что ея величество охотно пойдетъ на примиреніе со Швеціей. Маркизъ де-ла-Шетарди писалъ въ тоже время шведскому генералу и было заключено перемиріе до перваго марта, съ тѣмъ, чтобы до этого срока упрочить миръ. Шведы, воображавшіе, что они своею диверсіей много способствовали возведенію императрицы на престолъ, объявили большія претензіи, въ надеждѣ получить не менѣе всей Финляндіи съ городомъ Выборгомъ; но императрица ни за что не соглашалась уступить клочка земли изъ областей, завоеванныхъ ея отцомъ. Она предложила вознаградить Швецію и уплатить ея убытки деньгами, отъ чего стокгольмскій дворъ отказался; такимъ образомъ едва окончилось перемиріе, какъ война возобновилась.

Императрица возвратила изъ Сибири множество сосланныхъ семействъ, большинство которыхъ были отправлены туда въ цар-

ствованіе императрицы Екатерины. Всѣмъ имъ были возвращены ихъ должности, которыя они занимали до своего заточенія.

Было сосчитано, что съ тѣхъ поръ, какъ императрица Анна вступила на престолъ, было отослано въ Сибирь болѣе 20-ти тысячъ человѣкъ. Въ числѣ ихъ было 5,000, мѣстожительство которыхъ осталось навсегда неизвѣстнымъ и о которыхъ нельзя было получить ни малѣйшаго извѣстія. Такъ какъ ея величество возвратила всѣхъ тѣхъ, кого удалось найти, то не проходило дня, чтобы при дворѣ не появлялись какія-нибудь новыя лица, прожившія по нѣсколько лѣтъ сряду въ самыхъ ужасныхъ темницахъ.

Въ числѣ ихъ былъ и Шубинъ. Онъ служилъ сначала рядовымъ, а затѣмъ унтеръ-офицеромъ гвардіи Преображенскаго полка. Наружность его понравилась царевнѣ Елисаветѣ и она оказывала ему величайшія милости. Императрица Анна велѣла арестовать его и отправить въ Сибирь безъ дальнихъ церемоній. Елисавета, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, вспомнила о своемъ прежнемъ любимцѣ и освѣдомилась о немъ. Въ Сибирь былъ посланъ за нимъ нарочный курьеръ и съ трудомъ могли тамъ отыскать его. Если кто-нибудь отправляется въ ссылку безъ особаго манифеста, въ которомъ упомянуто мѣсто его заточенія, то онъ перемѣняетъ фамилію точно такъ, какъ въ испанской инквизиціи; иногда самый дворъ отдаетъ приказаніе объ этой перемѣнѣ, не предупредивъ тайную канцелярію (chancellerie de l'inquisition secrète), вслѣдствіе чего потомъ бываетъ трудно отыскать ссыльныхъ.

Когда Шубинъ возвратился ко двору, императрица пожаловала ему большія помѣстья, произвела его въ генералъ-маіоры и маіоры гвардіи. Заключеніе до того лишило его силъ, что онъ не могъ долго исполнять тѣ немногія обязанности, которыя возлагала на него служба. Онъ попросилъ отставки и благоразумно удалился въ свои помѣстья.

Герцогъ Курляндскій былъ также возвращенъ со всѣми тѣми, кто раздѣлилъ его опалу, и фельдмаршалъ Минихъ былъ отосланъ на жительство въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ герцогъ жилъ въ Пелымѣ, мѣстѣ его заключенія въ Сибири. Императрица помѣстила герцога въ Ярославлѣ, гдѣ обходятся съ нимъ очень хорошо; ему дозволено охотиться на 8 французскихъ лье въ окре-

стности. Онъ принимаетъ тамъ гостей и можетъ свободно писать своимъ друзьямъ. Старшій братъ его просилъ отставки, получилъ ее и удалился въ Курляндію, гдѣ и умеръ въ своихъ помѣстьяхъ. Густавъ Биронъ долженъ былъ снова поступить на службу, но умеръ въ Петербургѣ прежде чѣмъ получилъ должность. Генералъ Бисмаркъ былъ посланъ въ Украйну, гдѣ ему было поручено начальствованіе надъ войсками.

Въ январѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Петербургъ герцогъ Голштейнскій. Императрица вызвала его тотчасъ же по вступленіи на престолъ. Она была очень рада видѣть своего племянника и преемника; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, принцъ отрекся отъ протестантской религіи въ московской соборной церкви и принялъ греко-восточную вѣру. Онъ былъ объявленъ великимъ княземъ и законнымъ наслѣдникомъ имперіи; всѣ по этому случаю дали новую присягу.

Около конца февраля дворъ отправился въ Москву для коронованія императрицы; оно совершилось 25-го апрѣля. По этому случаю были большія празднества и очень много производствъ. Де-ла-Шетарди, между прочимъ, получилъ Андреевскую ленту и нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того возвратился во Францію осыпанный подарками.

Въ началѣ этого царствованія всѣ полагали, что императрица не преминетъ вступить въ тѣсный союзъ съ Франціей; все, повидимому, клонилось къ тому; маркизъ де-ла-Шетарди, по приказанію своего двора, помогалъ царевнѣ Елисаветѣ деньгами и совѣтами, что много способствовало успѣху революціи. Ея величество имѣла весьма основательныя причины быть недовольной дворами вѣнскимъ и лондонскимъ; министры ихъ разгадали ея намѣренія и нѣсколько разъ предостерегали правительницу; даже послѣ того, какъ Елисавета вступила на престолъ, эти оба двора приказывали своимъ министрамъ устроить новый переворотъ.

Маркизъ де-ла-Шетарди, пока оставался въ Россіи, былъ въ величайшей милости; не проходило дня, чтобы онъ не имѣлъ весьма продолжительныхъ совѣщаній съ императрицей; тѣмъ не менѣе, скоро все измѣнилось. Первымъ къ тому шагомъ были чрезмѣрныя претензіи Швеціи; Франція поддерживала ихъ сколько могла; остальное довершилъ графъ Бестужевъ, лишь только уѣхалъ де-ла-Шетарди. Тогда Бестужеву открылся просторъ; онъ сталъ

стараться о примиреніи своего двора съ Австріей и ея союзниками и имѣлъ въ томъ полный успѣхъ. Г. д'Алліонъ[1]), преемникъ де-ла-Шетарди, не съумѣлъ тому воспрепятствовать, и англійскій дворъ такъ обласкалъ канцлера, что всѣ затрудненія были устранены.

Вскорѣ послѣ прибытія двора въ Москву, пріѣхалъ туда графъ Саксонскій; онъ отправился изъ Франціи съ цѣлью ходатайствовать о герцогствѣ Курляндскомъ. Выше сего изъяснилъ я претензіи его на это герцогство, но такъ какъ русскій дворъ извлекаетъ наибольшую часть своихъ доходовъ изъ этой области, завладѣвъ множествомъ помѣстій, которыя онъ постарается удержать какъ можно долѣе, то намѣреніе графа Саксонскаго не удалось и онъ вернулся, не исполнивъ ничего.

Я забылъ сказать выше, что императрица отмѣнила все, сдѣланное во время регентства; даже тѣ лица, которыя были повышены, должны были отказаться отъ должностей, на которыя назначила ихъ великая княгиня; всѣ помѣстья, пожалованныя ею, были конфискованы. Нѣсколько времени спустя, императрица утвердила этихъ лицъ въ ихъ прежнихъ должностяхъ, но помѣстья и пенсіи были возвращены только немногимъ.

Кабинетъ, учрежденный императрицею Анною, былъ также уничтоженъ; ея величество возвратила сенату ту власть, какую онъ имѣлъ при Петрѣ I. Всѣ дѣла рѣшаются тамъ въ послѣдней инстанціи и согласно учрежденію этого императора. Ея величество должна часто присутствовать въ немъ лично. Это судилище имѣло нѣкогда власть наказывать смертною казнію, но Елисавета, давъ обѣтъ никого не осуждать къ смерти въ продолженіе своего царствованія, предоставила себѣ утвержденіе приговоровъ. Таковая ея воля была гласною и сильно увеличила необузданность народа.

Выше было сказано, что императрица обѣщала всѣмъ, помогавшимъ ей при революціи, что она освободитъ русскую націю отъ притѣсненія ея иноземцами. Она сдержала свое слово, но господа члены лейбъ-компаніи нашли, что этого недостаточно. Они подали прошеніе, въ которомъ изъявляли желаніе, чтобы

---

[1]) Алліонъ—Aillon или Alion (d'Usson d') сперва повѣренный въ дѣлахъ, потомъ полномочный министръ. Ред.

всѣ иноземцы, находившіеся въ русской службѣ, были убиты или, по крайней мѣрѣ, высланы. Императрица, не имѣя возможности согласиться на столь ужасное предложеніе, старалась умиротворить этихъ людей, и объявила даже, что беретъ всѣхъ этихъ иноземцевъ подъ свое особое покровительство; однако, послѣ отъѣзда двора въ Москву, между народомъ въ Петербургѣ распространился слухъ, что войскамъ, находившимся въ этой столицѣ, будетъ дозволено убивать и грабить всѣхъ иноземцевъ. Солдаты гвардіи, въ особенности двухъ старыхъ, самыхъ дерзкихъ и своевольныхъ полковъ имперіи, совершили множество безпорядковъ; нападали на улицахъ на попадавшихся имъ жителей и грабили ихъ; въ первый день Пасхи дѣло зашло еще дальше. Одинъ гвардейскій солдатъ завелъ на улицѣ споръ съ гренадеромъ одного изъ полевыхъ полковъ, стоявшихъ на квартирахъ въ Петербургѣ; отъ словъ они дошли до драки; мимо проходилъ офицеръ того полка, въ которомъ числился гренадеръ; къ несчастію, это былъ нѣмецъ, онъ хотѣлъ рознять ихъ и оттолкнулъ гвардейца; тотъ закричалъ сначала, что его обижали и позвалъ своихъ товарищей, находившихся по близости; въ ту же минуту около нихъ столпилось множество гвардейскихъ солдатъ; офицеръ, не имѣя возможности сопротивляться одинъ цѣлой толпѣ, ушелъ въ сосѣдній домъ, гдѣ были собравшись нѣсколько офицеровъ изъ иноземцевъ, незнавшихъ ничего о происходившемъ на улицѣ; толпа послѣдовала за нимъ и выломала двери (которыя загородили, какъ только можно было сдѣлать на-скоро); они напали на офицеровъ, которые, чувствуя себя не въ силахъ сопротивляться этимъ бѣшенымъ людямъ, удалялись изъ комнаты въ комнату до чердаковъ; ихъ преслѣдовали всюду, нѣкоторымъ удалось убѣжать по крышамъ; другіе были настигнуты и избиты; болѣе всего досталось адъютанту фельдмаршала Ласи, по имени Сотрону (Sautron), и капитану Брауну (Browne); нѣсколько дней думали, что они умрутъ отъ ранъ. Наконецъ, это смятеніе было прекращено посланными туда гвардейцами; самыхъ буйныхъ арестовали. Фельдмаршалъ извѣстилъ дворъ объ этомъ безпорядкѣ; но виновные были наказаны довольно слабо, а это до такой степени увеличило дерзость гвардейцевъ, что, нѣсколько времени спустя, они затѣяли возстаніе въ самомъ лагерѣ, какъ мы это увидимъ ниже.

Чтобы предупредить новые безпорядки, фельдмаршалъ Ласи велѣлъ разставить на всѣхъ улицахъ пикеты полевыхъ войскъ, и днемъ и ночью разсылалъ частые патрули; тѣмъ не менѣе, всѣ въ Петербургѣ находились въ большомъ страхѣ; никто не считалъ себя безопаснымъ въ своемъ домѣ, не рѣшались также ходить по вечерамъ и на улицахъ поодиночкѣ; и никогда еще всѣ такъ не заботились, чтобы двери были на запорѣ днемъ и ночью. Не подлежитъ сомнѣнію, что безъ хорошихъ распоряженій, принятыхъ фельдмаршаломъ Ласи, безпорядки случались бы чаще.

VII.

Въ Финляндіи возобновляются непріятельскія дѣйствія.—Манифестъ, распространенный въ Финляндіи.—Распоряженія шведовъ.—Русская армія собирается близь Выборга.—Состояніе русскаго флота. — Бунтъ гвардейцевъ въ лагерѣ. — Начало военныхъ дѣйствій. — Шведскій полковникъ Лагеркранцъ посылается въ Москву для переговоровъ о мирѣ. — Укрѣпленія Мендолакса покинуты. — Армія приближается къ Фридрихсгаму. — Фридрихсгамъ оставленъ. — Переходъ черезъ Кюмень. — Приказъ отъ двора. — Капитуляція шведской арміи. — Что случилось замѣчательнаго при дворѣ въ 1742 году.—Герцогъ Голштейнскій избранъ наслѣдникомъ Швеціи.—Приготовленія къ миру. — Графъ Левендаль оставляетъ Россію. — Кейтъ требуетъ отставки, но получаетъ ее лишь четыре года спустя.

1742 г.

Перваго марта возобновились непріятельскія дѣйствія между русскими и шведами; чрезвычайно суровое въ этомъ климатѣ время года дозволяло вести войну только отдѣльными отрядами: триста гусаровъ, подкрѣпленные тремя стами пѣхотинцевъ, вступили въ непріятельскую страну и разорили множество деревень, послѣ чего они удалились.

Графъ Ласи, желавшій начать кампанію какъ можно раньше, послалъ войскамъ приказаніе собраться около Выборга къ концу апрѣля, но дурная погода и холодъ продолжались до половины мая, и кавалерія не могла выступить до конца этого мѣсяца по недостатку травы.

Между тѣмъ, петербургскій дворъ велѣлъ распространить въ Финляндіи манифестъ, которымъ финляндцевъ убѣждали отдѣлиться отъ Швеціи. Манифестъ этотъ, произведшій большое впечатлѣніе на значительную часть финляндцевъ, былъ причиною того, что на нихъ смотрѣли недовѣрчиво въ шведской арміи во время похода.

Шведская армія не могла выступить въ походъ по тѣмъ же

причинамъ, какъ и русская; но, кромѣ того, графъ Левенгауптъ сдѣлалъ очень большія ошибки. Лишь только было заключено перемиріе, онъ отослалъ полки на зимнія квартиры, въ мѣста, отдаленныя отъ границы, оставивъ въ Фридрихсгамѣ и окрестностяхъ его не болѣе какъ отъ 4 до 5,000 человѣкъ, тогда какъ значительная часть русской арміи имѣла свои квартиры у самыхъ границъ. Левенгауптъ былъ такъ увѣренъ, что миръ будетъ заключенъ, что не позаботился сдѣлать многія распоряженія, необходимыя для слѣдующаго похода.

Онъ узналъ въ началѣ марта, что нѣсколько русскихъ полковъ получили приказаніе выступить и вторженіе гусаровъ привело его къ предположенію, что русская армія начнетъ свои дѣйствія до конца зимы. Тогда онъ сжегъ магазинъ, устроенный имъ близъ деревни, называемой Кваренби (Quarenby), по сю сторону отъ Фридрихсгама, и послалъ войскамъ приказаніе собраться близъ этого города, заставляя ихъ дѣлать усиленные переходы, что очень утомило войска и привело ихъ въ плохое состояніе для слѣдующаго похода. Онъ отослалъ ихъ затѣмъ на ихъ прежнія квартиры, гдѣ большая ихъ часть стояла еще спокойно въ то время, когда русскіе начали свои дѣйствія.

Русская армія собралась подъ Выборгомъ въ концѣ мая; фельдмаршалъ Ласи отправился туда и сдѣлалъ смотръ войскамъ. Они состояли изъ трехъ полковъ кирасиръ, всего 1,640 человѣкъ, отряда конно-гвардейцевъ въ 300 человѣкъ, 6 драгунскихъ полковъ — всего 4,200 человѣкъ, 3 гусарскихъ полка—всего 1,686 человѣкъ и 2,500 казаковъ. Пѣхота состояла изъ трехъ пѣшихъ гвардейскихъ баталіоновъ и 28 баталіоновъ полевыхъ полковъ; въ каждомъ баталіонѣ было приблизительно 500 человѣкъ. На 43-хъ галерахъ было отправлено 10 тысячъ человѣкъ, такъ что вся русская армія могла простираться до 35-ти или 36-ти тысячъ человѣкъ.

Генералы, командовавшіе подъ начальствомъ фельдмаршала Ласи, были: генералъ-аншефы Левашевъ—на галерахъ, Кейтъ и Левендаль — въ сухопутномъ войскѣ; генералъ-лейтенантъ Брилли—на галерахъ, Стоффельнъ, графъ Салтыковъ и принцъ Голштейнъ-Бекскій (Holstein Beck)—въ сухопутномъ войскѣ; генералъ-маіоры Братке, Ливенъ, Брюсъ, Ведель, графъ Ласи, Броунъ, Лопухинъ и Черновъ (Scherntzow)—въ сухо-

путномъ войскѣ; Карауловъ и Киндерманнъ — на галерахъ. Генералъ-маіоръ Томиловъ командовалъ артиллеріей.

Русскій флотъ не выходилъ изъ портовъ въ предъидущую кампанію; въ этомъ году хотѣли ввести его въ дѣло. Адмиралтейство получило приказаніе отправить въ море столько судовъ, сколько возможно; ему удалось вооружить 12 линейныхъ кораблей и нѣсколько фрегатовъ. Командованіе ими получилъ вице-адмиралъ Мишуковъ. Онъ не сдѣлалъ многаго, или, лучше сказать, не сдѣлалъ ровно ничего, такъ какъ онъ не посмѣлъ ничего предпринять противъ шведскаго флота, хотя сей послѣдній былъ далеко не такъ многочисленъ и хотя Мишукову неоднократно были даны приказанія напасть на него.

Война противъ турокъ унесла старыхъ матросовъ и лучшихъ офицеровъ русскаго флота; не доставало людей, чтобы укомплектовать экипажи судовъ и императрица была вынуждена преобразовать одинъ пѣхотный полкъ, чтобы помѣстить солдатъ во флотъ; хотя эти новые матросы едва были годны для морской службы, однако изъ нихъ извлекли нѣкоторую пользу, смѣшавъ ихъ со старыми моряками на военныхъ судахъ.

Такъ какъ и въ этомъ году опасались, чтобы шведы не высадили десанта въ Лифляндіи, то тамъ оставили нѣсколько полковъ пѣхоты, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бутлера, чтобы охранять берега близь Ревеля.

Я говорилъ выше о бунтѣ гвардейцевъ при началѣ похода; это случилось слѣдующимъ образомъ.

Въ то время, какъ армія стояла лагеремъ подъ Выборгомъ, шведы послали унтеръ-офицера и барабанщика съ письмами къ фельдмаршалу Ласи. Ливенъ, бывшій дежурнымъ генералъ-маіоромъ, находился на передовыхъ постахъ въ то время, когда они прибыли, и такъ какъ фельдмаршалъ былъ въ городѣ, то Ливенъ велѣлъ провести ихъ въ свою палатку, взялъ отъ нихъ письма и лично доставилъ ихъ фельдмаршалу. Ливенъ, будучи въ то же время подполковникомъ конной гвардіи, имѣлъ свою квартиру сзади этого полка, такъ что нѣсколько пѣшихъ гвардейцевъ, стоявшихъ въ лагерѣ по близости, видѣли, какъ онъ возвратился со шведами. Они сообщили тотчасъ же своимъ товарищамъ, что иноземцы составляли заговоръ противъ государства, получали отъ непріятелей посланія и письма, что въ палаткѣ

генерала Ливена были спрятаны шведы, что не слѣдуетъ терпѣть начальствованія иноземныхъ офицеровъ, ихъ слѣдуетъ убить всѣхъ разомъ и начать съ Ливена. Въ самое короткое время собралось отъ 3 до 400 гвардейскихъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ; они отправились прямо въ палатку Ливена; не найдя его тамъ, вошли въ его канцелярію, куда помѣстили шведовъ, схватили ихъ и адъютанта генерала, и обошлись съ ними чрезвычайно грубо; караулъ генерала вздумалъ противиться этому буйству, но съ нимъ поступили не лучше, какъ со шведами, адъютантомъ и прислугой. Офицеры сбѣжались, чтобы прекратить безпорядокъ, но солдаты не оказали имъ никакого уваженія; имъ отвѣчали только, что «нужно убить всѣхъ иноземныхъ офицеровъ, находящихся въ арміи; послѣ этого будутъ повиноваться офицерамъ своей націи»; ни одинъ изъ офицеровъ этихъ отрядовъ не хотѣлъ подойти къ нимъ: одни отъ страху быть побитыми, другіе, чтобы не помѣшать имъ исполнить то, чего сами они давно желали. Между тѣмъ прибылъ генералъ Кейтъ, котораго извѣстили о безпорядкѣ; онъ вошелъ не колеблясь въ средину этой мятежной толпы, схватилъ самъ одного изъ бунтовщиковъ, велѣлъ позвать священника, чтобы исповѣдать его, говоря, что намѣренъ разстрѣлять его на мѣстѣ; потомъ приказалъ своимъ адъютантамъ и вѣстовымъ арестовать нѣкоторыхъ другихъ. Едва произнесъ онъ эти слова съ столь обычною ему твердостью, какъ все сборище разсѣялось: каждый побѣжалъ спрятаться въ свою палатку. Кейтъ приказалъ вызвать полки впередъ лагеря, арестовать всѣхъ отсутствующихъ и начать слѣдствіе надъ тѣми, которые присутствовали при возмущеніи. Въ этомъ дѣлѣ не были замѣшаны ни конно-гвардейцы, ни полевые полки; сіи послѣдніе взялись за оружіе, чтобы усмирить силою дерзость пѣшихъ гвардейскихъ полковъ, въ случаѣ, если бы ихъ не удалось успокоить. Безъ спасительной рѣшимости, оказанной Кейтомъ, возстаніе это пошло бы очень далеко; никто изъ русскихъ офицеровъ не сталъ бы противиться бѣшенству солдатъ. Зачинщики мятежа были всѣ арестованы; дворъ назначилъ коммисію для разсмотрѣнія этого дѣла; президентомъ ея былъ генералъ Румянцевъ. Зачинщику, который былъ унтеръ-офицеромъ гвардіи, отрубили кисть правой

руки и его сослали въ Сибирь; другихъ наказали кнутомъ и отправили той же дорогой.

До нѣкоторой степени можно извинить эту сильную ненависть русскаго дворянства къ иноземцамъ, такъ какъ оно было вынуждено указами Петра I не только измѣнить бо̀льшую часть своихъ старинныхъ привычекъ, но въ царствованіе Анны всѣ главнѣйшія должности были отданы иноземцамъ, которые распоряжались всѣмъ по своему усмотрѣнію, и весьма многіе изъ нихъ слишкомъ тяжко давали почувствовать русскимъ власть, бывшую въ ихъ рукахъ; они обращались очень высокомѣрно и съ пренебреженіемъ даже съ членами самыхъ именитыхъ фамилій. Къ этому еще нужно прибавить обѣщаніе, данное императрицею при вступленіи на престолъ, что она освободитъ Россію отъ иноземной зависимости; по понятіямъ гвардейцевъ, это обѣщаніе она исполнила не вполнѣ.

18-го іюня фельдмаршалъ Ласи двинулся въ походъ съ арміей, направляясь вдоль морскаго берега, чтобы имѣть свободное сообщеніе съ галерами, которыя везли бо̀льшую часть продовольствія для арміи.

Генералъ-маіоръ Ведель былъ отряженъ съ 600 драгунами, 1,000 гусарами и бо̀льшею частію казаковъ, по верхней вильманстрандской дорогѣ, чтобы встревожить непріятеля съ этой стороны; онъ имѣлъ приказаніе дойти до 6-ти лье отъ Фридрихсгама.

Русская армія соблюдала слѣдующій порядокъ при переходахъ, совершенныхъ ею во время этой кампаніи: когда она была вдалекѣ отъ непріятеля, въ главѣ ея шла легкая кавалерія, за нею кирасиры и половина драгунъ, потомъ слѣдовала артиллерія, а послѣ ея пѣхота; другая половина драгунъ составляла аріергардъ, но всякій разъ, какъ фельдмаршалъ предполагалъ, что можетъ завязаться дѣло, онъ ставилъ впереди всей колонны часть пѣхоты; такъ какъ мѣстность въ Финляндіи чрезвычайно стѣснена, то войска принуждены всегда проходить очень узкимъ фронтомъ, и могутъ двигаться лишь одной колонной; для ѣзды удобна одна только большая дорога, по обѣимъ сторонамъ находятся только скалы, лѣса и болота. Въ лѣсахъ нѣтъ ни одной мѣстности, настолько обширной, чтобы войско могло расположиться лагеремъ все вмѣстѣ, поэтому четыре пѣхотныхъ полка и драгунъ аріер-

гарда ставили всегда въ отдѣльный лагерь въ одной или въ двухъ верстахъ отъ большаго лагеря.

Левенгауптъ, не собравшій еще шведской арміи, былъ въ большомъ затрудненіи, когда узналъ, что русскіе выступили въ походъ. Онъ послалъ полковника Лагеркранца (Lagerkrantz) къ фельдмаршалу для переговоровъ о мирѣ, но такъ какъ графъ Ласи не имѣлъ на этотъ счетъ инструкцій отъ двора, то онъ послалъ Лагеркранца въ Москву и продолжалъ подвигаться къ непріятелю.

24-го іюня русское войско вступило въ шведскую Финляндію; въ ней пограничныя деревни были сожжены зимою казаками, чтобы отнять у шведскихъ войскъ возможность тамъ продовольствоваться и устроивать свои квартиры; жители убѣжали внутрь страны, такъ что все было пусто.

Генералъ Ведель отправилъ въ лагерь нѣсколькихъ плѣнныхъ, отъ которыхъ узнали, что непріятели трудились съ большимъ усердіемъ надъ окопомъ, близъ деревни Мендолаксъ (Mendolax)[1]), лежащей въ 4-хъ лье по сю сторону отъ Фридрихсгама, что армія не собралась еще окончательно, но что полки получили неоднократныя приказанія идти со всевозможною скоростью, чтобы достигнуть лагеря, занятаго по ту сторону Фридрихсгама, что армія ихъ состояла изъ 4-хъ кавалерійскихъ, 3-хъ драгунскихъ и 19-ти пѣхотныхъ полковъ, и что войска много пострадали зимою отъ переходовъ, которые ихъ заставляли дѣлать, и т. п.

Русская армія продолжала свой путь до 30-го іюня (не имѣя другихъ извѣстій о непріятелѣ); она шла по самой лѣсистой странѣ и самымъ худшимъ дорогамъ въ мірѣ; были такія мѣста, что 2,000 человѣкъ въ хорошемъ окопѣ и за завалами могли бы преградить путь цѣлой арміи.

30-го числа русская армія стояла лагеремъ на рѣкѣ Веріоки (Weriocki), мостъ черезъ которую разрушили шведы. Русскіе поспѣшно принялись за работу, чтобы выстроить новый мостъ. Шведскій перебѣжчикъ явился въ лагерь и извѣстилъ, что графъ Левенгауптъ прибылъ въ Мендолаксъ, съ цѣлью ускорить работы своимъ присутствіемъ, тѣмъ болѣе, что вся непріятельская армія должна была собраться тутъ и защищать этотъ проходъ противу

[1]) У шведскихъ историковъ Mendolaks. Ред.

русскихъ. Такъ какъ шпіоны подтвердили это извѣстіе, то фельдмаршалъ приказалъ оставить тяжелый обозъ на рѣкѣ Веріоки, съ 800-ми человѣкъ регулярныхъ войскъ и 200-ми казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Киндерманна, для прикрытія его. Больныхъ посадили на галіоты, которые везли съѣстные припасы для арміи, и отправили ихъ въ Выборгъ; войскамъ было приказано взять съ собою сухарей на десять дней. Мостъ былъ оконченъ и какъ вся армія перешла его 1-го іюля, то фельдмаршалъ усилилъ сухопутное войско двумя гренадерскими полками и 3,000-ми солдатъ, взятыми имъ съ галеръ, вмѣстѣ съ генераломъ Левашевымъ.

Генералъ Ведель возвратился въ лагерь со своимъ отрядомъ; онъ встрѣтилъ одинъ только небольшой непріятельскій отрядъ, изъ котораго при этой встрѣчѣ было убито 30 человѣкъ и взято 14 плѣнными.

2-го числа Ведель былъ снова откомандированъ для наблюденія за движеніями непріятелей. Черезъ шпіоновъ узнали, что въ Мендолаксъ прибыло лишь около 4,000 шведовъ, но что галеры ихъ стояли на якорѣ вправо отъ окопа; непріятель могъ взять оттуда людей и подкрѣпить ими тѣхъ, которые стерегли окопъ. Получивъ это извѣстіе, Ласи приказалъ генералъ-лейтенанту Брилли двинуться съ частью его галеръ и принудить непріятельскія суда оставить свой постъ.

31-го — русская армія подвинулась до Раваіоки (Ravayocki); деревни, лежащей въ 3-хъ лье отъ окопа.

5-го — шведскій отрядъ, состоявшій изъ 300 пѣхотинцевъ и 50 драгунъ, вышелъ изъ окопа съ намѣреніемъ схватить передовой русскій отрядъ, но гусары, спѣшившись, напали на шведовъ съ такою живостью, что принудили ихъ вернуться, оставивъ 1 офицера и 15 рядовыхъ убитыхъ на мѣстѣ, и 10 другихъ, взятыхъ у нихъ русскими въ плѣнъ. У русскихъ было убито всего два гусара и четверо ранено.

Когда русская армія была въ полъ мили отъ окопа, фельдмаршалъ отправился съ генералами осмотрѣть его. Окопъ нашли очень сильнымъ, какъ по положенію, такъ и по заваламъ, тамъ устроеннымъ. Стали распрашивать провожатыхъ: не было-ли средствъ обойти его; они объяснили, что это было бы невозможно, такъ какъ правая сторона окопа упиралась въ море, а лѣвая—

въ большое озеро, вдававшееся глубоко въ чрезвычайно густой лѣсъ, раскинутый на болотистой и непроходимой почвѣ. Осмотрѣвъ все это, фельдмаршалъ Ласи рѣшилъ, однако, напасть на окопъ. Укрѣпленіе было прикрыто спереди глубокимъ, чрезвычайно крутымъ обрывомъ, какъ бы высѣченнымъ въ скалѣ; дно этого оврага имѣло около 100 шаговъ ширины; тамъ протекалъ небольшой ручеекъ; почва была болотистая и покрытая густымъ лѣсомъ; всѣ деревья были срублены и опущены въ болото, такимъ способомъ они образовывали завалъ, чрезъ который не было почти возможности пройти. Чтобы дойти до окопа, имѣвшаго 2,500 сажень фронтальной линіи, должно было проходить черезъ лѣсъ, заслонявшій все на разстояніи менѣе оружейнаго выстрѣла отъ окопа. Хотѣли повести атаку съ разныхъ сторонъ, но нашли только двѣ дороги: большую—близь праваго крыла непріятелей, и тропинку, влѣво отъ нихъ.

Генералъ Левашевъ во главѣ шести пѣхотныхъ и двухъ драгунскихъ полковъ пошелъ по тропинкѣ. Фельдмаршалъ съ остальной арміей двинулся по большой дорогѣ. Движеніе генерала Левашева очень замедлилось тѣмъ, что тропинка была чрезвычайно узка, и поэтому пришлось останавливаться каждую минуту, чтобы сдѣлать ее шире, и рубить по обѣимъ сторонамъ деревья для того, чтобы провезти пушки. Фельдмаршалъ послалъ снова осмотрѣть окопъ одного офицера, который донесъ, что онъ подошелъ къ самому укрѣпленію, но не видѣлъ никого. Въ тоже самое время генералъ Левашевъ извѣстилъ, что нѣсколько гусаровъ его корпуса вошли въ самый окопъ и нашли его оставленнымъ. Нѣсколько летучихъ отрядовъ были отряжены въ погоню за непріятелемъ, но не могли его настигнуть; шведы ушли ночью и прибыли въ Фридрихсгамъ прежде, чѣмъ бѣгство ихъ сдѣлалось извѣстнымъ. Русская армія прошла черезъ окопъ и заняла лагерь, оставленный непріятелемъ.

Чѣмъ болѣе осматривали эти укрѣпленія, тѣмъ удивительнѣе становилось, что шведы ихъ оставили; окопъ былъ найденъ чрезвычайно сильнымъ, какъ по положенію, такъ и по произведеннымъ въ немъ работамъ; всѣ были того мнѣнія, что если бы шведы заняли его отрядомъ въ 7,000 человѣкъ съ 20-ю пушками, для которыхъ они уже выстроили батареи и платформы, то было бы чрезвычайно трудно, чтобы не сказать невозможно,—взять его си-

лою. Русскіе потеряли бы добрую часть своей пѣхоты и, вѣроятно, были бы принуждены отказаться отъ своего намѣренія. Нѣсколько гренадеръ были посланы, чтобы сдѣлать примѣрный приступъ съ передней стороны окопа; имъ нужно было болѣе часа, чтобы достигнуть вершины бруствера. Не то было бы, если бы ихъ встрѣтилъ порядочный пушечный и ружейный огонь.

6-го числа фельдмаршалъ Ласи и генералы отправились осматривать Фридрихсгамъ. Городъ этотъ лежитъ на возвышенности, имѣя съ одной стороны море, съ другой — большое озеро; пространство между ними было укрѣплено; укрѣпленія были сдѣланы изъ земли и фашинъ и содержались довольно плохо; но городъ нельзя совершенно окружить по причинѣ озера, имѣющаго около пяти лье въ окружности; гарнизонъ имѣлъ свободное сообщеніе съ арміей, стоявшей лагеремъ по другую сторону, и могъ быть смѣненъ каждый разъ, какъ это сочли бы нужнымъ. Осада его показалась трудною всѣмъ генераламъ; самая почва какъ-будто препятствовала этому, такъ какъ тутъ находятся однѣ только скалы, которыя весьма затрудняютъ открытіе траншей. Сверхъ того, было не легко найти тамъ мѣсто для лагеря, по причинѣ болотъ и чрезвычайно густаго лѣса. Всѣ эти трудности не устрашили фельдмаршала,—онъ рѣшилъ атаковать городъ.

Непріятели подвели 3 галеры къ лѣвому флангу русскихъ, опиравшемуся въ море; онѣ производили сильную пальбу изъ пушекъ, но русскіе отвѣчали также живо и повредили одну галеру; тогда онѣ удалились.

7-го — армія подошла къ Фридрихсгаму; занимаемый ею лагерь до того былъ неровенъ и наполненъ скалами, что не было мѣста, гдѣ бы можно было выстроить полкъ въ боевой порядокъ; часть драгунъ была даже принуждена расположиться такъ близко къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, что находилась отъ нихъ не болѣе какъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла.

Фельдмаршалъ Ласи, осмотрѣвъ еще разъ городскія укрѣпленія, поручилъ веденіе осады графу Левендалю. У арміи не было тяжелой артиллеріи; за нею было послано въ Выборгъ нѣсколько галеръ. Полкамъ было приказано дѣлать фашины и артиллерія приготовляла доски для платформъ и т. п. Работы эти подвигались быстро, такъ какъ страна изобилуетъ лѣсомъ.

Было рѣшено открыть траншею въ ночь съ 9-го на 10-е чи-

сло; графъ Левендаль осмотрѣлъ высоту, гдѣ онъ хотѣлъ помѣстить первую батарею. Наконецъ уже сдѣланы были всѣ распоряженія для начала осады, когда шведы разстроили этотъ планъ, оставивъ городъ. Въ одиннадцать часовъ вечера его увидѣли всего въ огнѣ. Сначала думали, что, быть можетъ, комендантъ велѣлъ сжечь предмѣстья; послали разузнать нѣсколькихъ гусаръ, которые донесли, что пожаръ былъ въ самомъ городѣ и что непріятель удалился; уходя, шведы наполнили нѣсколько домовъ порохомъ, бомбами, гранатами, заряженными пушками и ружьями; дома взлетали одинъ за другимъ на воздухъ, что помѣшало русскимъ войти и потушить огонь. Бо́льшая часть легкихъ войскъ рѣшилась, однако, пройти сквозь пламя, чтобы преслѣдовать непріятеля, но они привели съ собою лишь нѣсколькихъ больныхъ, которые не могли удалиться довольно скоро. Главная часть арміи имѣла уже время уйти. Три четверти домовъ Фридрихсгама были обращены въ пепелъ. Тамъ нашли 10 мѣдныхъ пушекъ 18-ти и 24-хъ фунт. калибра и 120 чугунныхъ орудій разнаго калибра; почти всѣ магазины были уничтожены пламенемъ, поэтому тамъ нашли лишь немного съѣстныхъ припасовъ и аммуниціи. Одинъ только пороховой погребъ не взлетѣлъ на воздухъ; въ немъ было 400 центнеровъ пороха и нѣсколько тысячъ бочекъ смолы.

Непріятель удалился съ такою поспѣшностью, что Эстерботнійскій полкъ забылъ даже взять одно изъ своихъ знаменъ.

Надобно сознаться, что фридрихсгамскія укрѣпленія многаго не стоили, такъ какъ они были всѣ земляныя, но городъ имѣлъ свободное сообщеніе съ моремъ, позади стояла армія, изъ нея онъ могъ получать подкрѣпленія, прибытію которыхъ русскіе не могли препятствовать; онъ былъ снабженъ всѣми необходимыми боевыми и съѣстными припасами, и самая почва затрудняла дѣйствія осаждающихъ, поэтому нельзя довольно удивляться тому, что шведы оставили его безъ малѣйшаго сопротивленія. Гарнизонъ города состоялъ изъ 8-ми пѣхотныхъ полковъ: Буске (Bousquet), Вильбранда (Wilbrand), Абосскаго, Эстерботнійскаго, Саволакскаго, Кюменегордскаго, Нюландскаго и Таваст-гусскаго.

Ошибка, которую графъ Левенгауптъ сдѣлалъ, отступивъ изъ Фридрихсгама, тѣмъ болѣе велика, что онъ устроилъ тамъ са-

мый большой магазинъ для арміи; войска, оставивъ этотъ городъ, не имѣли хлѣба и на 10 дней; онъ не сдѣлалъ даже распоряженія для доставленія съѣстныхъ припасовъ изъ Гельсингфорса, гдѣ у него былъ другой магазинъ, и поэтому былъ вынужденъ уступить русскимъ весь край и приблизиться къ Гельсингфорсу. Наконецъ, въ 10 мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ онъ командовалъ войсками въ Финляндіи, онъ даже не обдумалъ: слѣдовало-ли защищать или покинуть Фридрихсгамъ [1]).

10-го, въ день св. Петра, имя котораго носитъ великій князь, отслужили благодарственный молебенъ за то, что русская армія завладѣла Фридрихсгамомъ, единственнымъ укрѣпленнымъ городомъ во всей шведской Финляндіи, не потерявъ ни одного человѣка. Отрядъ гусаръ, откомандированный для развѣдываній, привелъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, которые извѣстили, что непріятельская армія перешла рѣку Сому и расположилась лагеремъ по другую сторону рѣки.

11-го—армія прошла 10 верстъ или около трехъ французскихъ лье, переправилась черезъ Сому и заняла лагерь, только что оставленный непріятелемъ. Гусары, слѣдовавшіе за шведами по пятамъ, донесли, что армія ихъ переправлялась черезъ Кюмень и бо́льшая часть ея была уже на другой сторонѣ.

12-го—русскіе подошли къ Кюменю; вся шведская армія перешла уже рѣку; на этой сторонѣ былъ только одинъ караулъ; онъ удалился при приближеніи русской арміи, которая стала тогда лагеремъ вдоль берега этой рѣки. Непріятеля было не видно, лишь небольшіе отряды были расположены на высотахъ противоположнаго берега; они стояли тамъ спокойно до тѣхъ поръ, покуда русскіе не вошли въ лагерь, а кавалерійскіе полки не сняли сѣделъ и не разнуздали своихъ лошадей; тогда они стали сильно стрѣлять изъ пушекъ, которыя были у нихъ на этихъ высотахъ и которыя они скрывали за этими отрядами пѣхоты. Они тревожили главнымъ образомъ лагерь кирасиръ, бывшій ближе всего къ берегу. Фельдмаршалъ велѣлъ имъ перемѣнить мѣсто и поставилъ ихъ за лѣсъ, гдѣ они были защищены отъ непріятельскихъ пушекъ. По берегу, со стороны русскихъ,

[1]) Фельдмаршалъ отрядилъ двѣ тысячи работниковъ, чтобы очистить городъ, и галерамъ было приказано войти въ гавань. Прим. Авт.

поставили пушки, которыя скоро заставили шведовъ замолчать, сбивъ у нихъ два орудія съ первыхъ же выстрѣловъ.

13-го—шведская армія оставила берега Кюменя; фельдмаршалъ сдѣлалъ тотчасъ же необходимыя распоряженія для переправы черезъ эту рѣку; мосты были наведены и армія стала переходить на слѣдующій день; бо́льшая часть ея была уже на другомъ берегу, когда къ фельдмаршалу прибылъ отъ двора курьеръ, который привезъ ему положительное приказаніе: окончить дѣйствія этого похода, лишь только онъ принудитъ шведовъ перейти Кюмень, положить эту рѣку границею, построить по берегу ея въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ крѣпостцы и расположить свою армію лагеремъ близъ Фридрихсгама до тѣхъ поръ, покуда не придетъ время разставить полки по зимнимъ квартирамъ. Фельдмаршалъ созвалъ тотчасъ же всѣхъ генераловъ и держалъ военный совѣтъ на берегу самой рѣки. Всѣ русскіе генералы были того мнѣнія, чтобы перейти рѣку обратно и въ точности исполнить повелѣніе двора. Но иноземцы доказывали, что дворъ никогда не далъ бы подобнаго приказанія, если бы онъ могъ вообразить, что непріятели очистятъ такъ легко эту позицію; по ихъ мнѣнію, такъ какъ войско перешло уже рѣку, слѣдовало воспользоваться преимуществомъ, которое они уже пріобрѣли надъ шведами и оттѣснить ихъ, если возможно, до Гельсингфорса, взять этотъ городъ и окончить на этомъ походъ. Фельдмаршалъ одобрилъ этотъ совѣтъ, армія двинулась далѣе и послѣ нѣсколькихъ переходовъ расположилась лагеремъ близъ Перно-Кирке (Perno-Kircke)[1], гдѣ нашли шведовъ, стоявшихъ въ очень выгодной позиціи; но, простоя нѣсколько дней въ присутствіи своихъ непріятелей, они стали опасаться, чтобы русскія галеры не обошли ихъ; поэтому они сняли лагерь и отошли къ Борго; русскіе слѣдовали за ними; обѣ арміи простояли еще нѣсколько дней одна противъ другой, русскіе по одну, а шведы по другую сторону рѣки; наконецъ, шведы отступили до Гельсингъ-Кирке (Helsing-Kircke), гдѣ заняли лагерь въ чрезвычайно выгодной мѣстности; правое ихъ крыло

---

[1]) Вѣроятно, Перрго (Perrho). Объ этой мѣстности упоминается въ поэмѣ финляндскаго поэта Рунеберга «Grafven i Perrho» (могила въ Перрго), которой шведская академія присудила вторую золотую медаль въ 1831 г. Въ ней Рунебергъ прославляетъ патріотизмъ стараго финляндскаго поселянина Гане и его шести сыновей во время войны, описываемой Манштейномъ. **Ред.**

упиралось въ море; передъ фронтомъ ихъ было большое болото, шириною въ четверть французской лье; черезъ него вела небольшая дорожка, по которой могли идти въ рядъ не болѣе какъ 8 или 10 человѣкъ; наконецъ, рѣка, начинавшаяся у самаго болота, прикрывала ихъ лѣвое крыло и тылъ. И эта даже позиція, на которой они могли бы простоять нѣсколько мѣсяцевъ, не подвергаясь нападенію, показалась имъ не довольно сильною. Узнавъ, что Стоффельнъ былъ отряженъ съ нѣсколькими полками, они стали опасаться быть окруженными съ тыла и отрѣзанными отъ своего магазина; поэтому они отступили до Гельсингфорса.

Фельдмаршалъ и всѣ генералы осматривали весьма часто расположеніе непріятельскаго лагеря, желая убѣдиться, была-ли возможность напасть на него съ какой-нибудь стороны; но нашли это неисполнимымъ и были поэтому очень довольны, когда увидѣли, что непріятель оставляетъ лагерь. Послали легкія войска тревожить ихъ во время ихъ слѣдованія и русская армія тотчасъ же двинулась въ слѣдъ за отступающимъ непріятелемъ. Близь Гельсингфорса шведы нашли готовымъ укрѣпленный лагерь, который былъ устроенъ еще до ихъ прихода; несмотря на то, было рѣшено очистить и этотъ пунктъ и отступить къ Або.

Въ тотъ самый вечеръ, когда русская армія прибыла къ Гельсингфорсу, одинъ крестьянинъ, изъ финновъ, просилъ, чтобы ему дозволено было переговорить съ фельдмаршаломъ; онъ сообщилъ, что шведская армія рѣшила двинуться на слѣдующій день по направленію къ Або, но что этому легко было помѣшать; что черезъ лѣсъ шла дорога, проложенная по повелѣнію Петра I въ предъидущую войну; что по ней безъ труда можно было бы пройти, расчистивъ ее отъ кустарниковъ, тамъ выросшихъ въ теченіе 30-ти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ этотъ путь былъ безъ употребленія, и что дорога эта примыкала по ту сторону лѣса къ большой дорогѣ, шедшей изъ Гельсингфорса къ Або. Получивъ это извѣстіе, фельдмаршалъ послалъ двухъ инженеровъ осмотрѣть дорогу; они донесли, что она была удобна. Поэтому генералъ Левендаль и генералъ-лейтенантъ Брилли были отряжены туда съ 64-мя ротами гренадеръ и четырьмя баталіонами; они извѣстили еще до разсвѣта, что проходъ былъ расчищенъ и что они прошли лѣсъ и стали на абосской дорогѣ. Въ четыре часа утра вся армія тронулась и соединилась съ Левендалемъ въ 6

часовъ утра. Только что успѣла она стать на мѣсто, какъ показались передовые отряды шведской арміи. Непріятели, весьма удивленные при видѣ русскихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они нисколько не ожидали ихъ, возвратились поспѣшно въ гельсингфорскій лагерь, который они продолжали укрѣплять и снабдили нѣсколькими пушечными батареями.

Занявъ абосскую дорогу, фельдмаршалъ отрѣзалъ въ тоже время шведамъ всякое сообщеніе съ твердою землею; однако они имѣли еще нѣкоторое время свободный доступъ къ морю. Но, наконецъ, появился русскій флотъ, и такъ какъ шведскій флотъ очень пострадалъ отъ болѣзней, и во все время кампаніи захворало болѣе половины экипажей, то флотъ ихъ не былъ въ состояніи дѣйствовать и отступилъ къ Карлскронѣ. Адмиралъ Мишуковъ (Mischoukow), остававшійся въ бездѣйствіи какъ можно дольше, воспользовался этимъ и окружилъ шведскую армію со стороны моря. Въ этомъ положеніи шведы оставались двѣ недѣли; они имѣли время хорошо укрѣпиться въ своей позиціи, тѣмъ не менѣе вступили, наконецъ, въ переговоры. Графъ Левенгауптъ и генералъ-лейтенантъ Будденброкъ были арестованы по повелѣнію двора и отвезены въ Стокгольмъ, гдѣ ихъ предали суду, а генералъ-маіоръ Буске (Bousquet), какъ старшій генералъ, получилъ начальство надъ арміей. Онъ заключилъ съ генераломъ Левендалемъ, которому фельдмаршалъ поручилъ вести переговоры со шведами, слѣдующую капитуляцію:

1) Что всѣ 10 финскихъ полковъ, находившіеся въ шведской арміи, должны были положить оружіе; драгунскіе полки—отдать своихъ лошадей русскимъ коммисарамъ и возвратиться каждый въ свою деревню.

2) Что всѣ магазины, полевыя орудія и оружіе, которое будетъ найдено въ Гельсингфорсѣ, должно быть также передано русскимъ коммисарамъ, и что шведамъ не будетъ дозволено взять изъ магазиновъ болѣе провіанту, чѣмъ сколько потребуется для продовольствія ихъ по пути въ Швецію. Шведамъ была оставлена ихъ осадная артиллерія.

3) Что шведская пѣхота будетъ посажена на свои галеры и транспорты для доставленія въ Швецію, и фельдмаршалъ Ласи дастъ имъ паспорты для ихъ безопасности во время пути.

4) Что кавалерія направится по дорогѣ въ Торнео и достигнетъ Швеціи этимъ путемъ, подъ конвоемъ капитана и 60-ти гусаръ.

Всѣ статьи этой капитуляціи были исполнены въ точности. Финны, сдавъ свое оружіе и лошадей, возвратились домой, очень довольные тѣмъ, что не должны были болѣе служить въ такую войну, въ продолженіе которой имъ ничего не удавалось.

Въ то время, когда армія сдалась на капитуляцію, она состояла изъ 17-ти тысячъ человѣкъ, а всѣ русскія силы, бывшія подъ командою фельдмаршала Ласи, не превышали числомъ непріятеля и на 500 человѣкъ. Гарнизоны Фридрихсгама и Борго, нѣсколько отрядовъ, которые пришлось послать, и болѣзни уменьшили русскую армію болѣе чѣмъ на половину. Можно было бы побиться объ закладъ на двое противъ одного, что если бы шведы не приняли этихъ постыдныхъ условій и фельдмаршалъ атаковалъ ихъ, то русскіе были бы разбиты, благодаря положенію шведскаго лагеря, который непріятель имѣлъ достаточно времени хорошо укрѣпить.

Наконецъ, дѣйствія шведовъ во время этой войны были странны и несообразны со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается обыкновенно, и притомъ въ такой степени, что потомству трудно будетъ повѣрить этому.

Когда сеймъ рѣшилъ начать войну и графъ Левенгауптъ былъ избранъ для командованія арміей, то ему дали всю власть, необходимую для главнокомандующаго. Но лишь только скончалась королева, какъ въ арміи былъ учрежденъ военный совѣтъ, въ которомъ засѣдали всѣ полковые командиры; всѣ дѣла обсуждались и рѣшались въ немъ большинствомъ голосовъ и главнокомандующій имѣлъ въ этомъ совѣтѣ одинъ только голосъ, какъ и всѣ другіе. Часто вынуждены были даже посылать разсужденія военнаго совѣта въ Швецію и ждать оттуда рѣшеніе короля и сената. Несогласіе между главнѣйшими генералами арміи доходило до того, что достаточно было одному пожелать чего-нибудь, чтобы другой высказалъ противоположное мнѣніе. Ко всему этому присоединилось еще созваніе сейма въ Стокгольмѣ для избранія наслѣдника шведскаго престола; множество офицеровъ оставили свои корпуса, чтобы присутствовать на немъ, заняться своими дѣлами, или, скорѣе, чтобы увеличить или уравновѣсить какую-нибудь партію. Словомъ, безпорядокъ въ арміи былъ такъ великъ,

что самый искусный генералъ въ мірѣ съ трудомъ могъ бы сдѣлать что-нибудь годное.

Послѣ того, какъ шведы удалились, вся Финляндія сдѣлалась подвластной Россійской имперіи и арміи не оставалось ничего болѣе, какъ вступить на зимнія квартиры.

Генералъ Кейтъ былъ посланъ въ Або, столицу Финляндіи, управленіе которой вполнѣ поручили ему, оставивъ при немъ достаточный отрядъ войска для охраненія этого новато пріобрѣтенія; шестнадцать галеръ и два прама были оставлены въ Гельсингфорсѣ и пять галеръ въ Фридрихсгамѣ для защиты береговъ слѣдующею весною, до прибытія флота. Остальная часть арміи отправилась обратно въ Россію и фельдмаршалъ Ласи отправился вскорѣ ко двору, когда послѣдній возвратился въ Петербургъ.

Въ то время, какъ русская армія совершала эту счастливую кампанію въ Финляндіи, дворъ былъ въ Москвѣ, гдѣ ея величество короновалась.

Швеція дѣлала нѣсколько мирныхъ предложеній до начала военныхъ дѣйствій. Левенгауптъ посылалъ полковника Лагерканца въ Москву, какъ я сказалъ выше; Лагеркранцъ согласился на предложенныя ему условія, но такъ какъ они были слишкомъ тяжки для шведовъ, то сеймъ отказался утвердить ихъ и Лагеркранцъ былъ арестованъ. Шведскій сеймъ отправилъ на его мѣсто барона Нолькена (Nolcken) съ новыми предложеніями; онъ не былъ счастливѣе своего предшественника. Императрица, оскорбленная чрезмѣрными претензіями, высказанными Швеціей въ началѣ ея царствованія, не хотѣла даровать ей мира иначе, какъ съ условіемъ, что Россіи уступятъ часть Финляндіи, и, какъ стало извѣстно, что Нолькенъ выражался слишкомъ свободно объ ея величествѣ и говорилъ даже, что нужно было бы произвести новый переворотъ въ пользу герцога Голштейнскаго, то ему приказали удалиться какъ можно скорѣе.

Герцогъ Голштейнскій, объявленный россійскимъ великимъ княземъ и законнымъ наслѣдникомъ имперіи, былъ также избранъ въ наслѣдники шведскаго королевства штатами, собравшимися въ Стокгольмъ на сеймъ. Они надѣялись чрезъ это достигнуть скорѣе мира. Три депутата были посланы къ русскому двору извѣстить его объ этомъ избраніи и убѣдить герцога отправиться въ королевство; порученіе это было возложено на графа Бонде

(Bonde), который жилъ нѣкогда долгое время въ Петербургѣ въ качествѣ министра герцога Голштейнскаго, на барона Гамильтона и барона Шеффера; они имѣли аудіенцію у великаго князя, когда дворъ возвратился въ Петербургъ, но его императорское высочество, предпочитая россійскую имперію королевству шведскому, отблагодарилъ ихъ, и они, пробывъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, возвратились въ Швецію.

Дворъ возвратился въ Петербургъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Наконецъ, стали серьезно думать о мирѣ и устроился конгрессъ въ Або; россійскій дворъ послалъ туда генерала Румянцева и генералъ-лейтенанта Лубераса (Loubеras) въ качествѣ полномочныхъ министровъ; со стороны Швеціи таковыми были сенаторъ баронъ Седеркрейцъ и статсъ-секретарь баронъ Нолькенъ; совѣщанія начались въ мартѣ 1743 г., но миръ былъ заключенъ лишь пять мѣсяцевъ спустя, какъ я объясню это въ своемъ мѣстѣ.

Къ концу этого года Левендаль оставилъ Россію. Онъ имѣлъ нѣсколько причинъ быть недовольнымъ; главною было то, что у него отняли жалованье по должности кирасирскаго полковника, которое могло доходить до 2,500 рублей или 5,000 нѣмецкихъ гульденовъ (такъ какъ императрица, поступивъ на престолъ, прекратила всѣ двойныя жалованья, получаемыя по разнымъ должностямъ, которыя были возложены на одно лицо. Поэтому, какъ Левендаль былъ генералъ-аншефомъ и полковникомъ кирасирскаго полка, котораго графъ Минихъ былъ прежде командиромъ, то за нимъ оставили только генеральское содержаніе). Онъ пожелалъ имѣть голубую ленту; ему не дали ея. Онъ не могъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ фельдмаршаломъ Ласи; критиковалъ его дѣйствія во время похода и написалъ графу Лестоку письмо, въ которомъ фельдмаршалъ Ласи не былъ представленъ въ хорошемъ свѣтѣ. Лестокъ отослалъ это письмо въ подлинникѣ къ фельдмаршалу, что было причиною весьма натянутыхъ отношеній между обоими генералами. Наконецъ, примѣры несчастій, постигшихъ нѣкоторыхъ иноземцевъ, возмущеніе гвардейцевъ близъ Выборга и безпорядки, поселявшіеся мало по малу въ войскахъ, побудили его ходатайствовать о дозволеніи уѣхать на годъ въ Польшу для устройства тамъ своихъ домашнихъ дѣлъ; нѣсколько времени спустя, онъ сталъ просить объ увольненіи отъ службы

и для ходатайства о томъ отправилъ въ Петербургъ свою жену; она выхлопотала ему отставку послѣ многихъ затрудненій.

Въ тоже самое время попросился въ отставку и Кейтъ, но императрица, не хотѣвшая потерять разомъ двухъ лучшихъ своихъ генераловъ, сдѣлала все возможное, чтобы заставить его измѣнить свое намѣреніе. Она писала ему самыя любезныя письма, послала ему голубую ленту, увеличила его содержаніе и убѣдила его остаться. Она могла бы удержать его навсегда, если бы канцлеръ поступилъ съ нимъ хорошо и если бы брату его разрѣшили поселиться въ Россіи. Но дурныя продѣлки, совершенныя съ нимъ графомъ Бестужевымъ четыре года позднѣе, вынудили его просить отставки и никакія обѣщанія не могли уже убѣдить его остаться.

VIII.

Приготовленія къ походу.— Войска садятся на суда и походъ начинается.— Приготовленія шведовъ.— Распоряженія генерала Кейта.— Дѣйствія фельдмаршала Ласи.— Шведы оставляютъ свой постъ близь Гангеуда.— Экспедиція генерала Кейта съ его эскадрою.— Сраженіе при Корпо.— Продолженіе дѣйствій фельдмаршала Ласи.— Предварительныя условія мира.— Положеніе, въ которомъ находилась Швеція.— Внутреннія смуты въ Швеціи.— Заключеніе мира.— Принцъ Голштейнскій избранъ въ наслѣдники.— Возвращеніе фельдмаршала Ласи съ арміей въ Россію.— Генералъ Кейтъ посланъ обратно въ Швецію.— Экспедиція генерала Кейта въ Швецію.— Открытіе заговора.—Армія располагается на квартирахъ въ Лифляндіи.

1743 г.

Сдѣлавъ нужныя распоряженія для возстановленія спокойствія, петербургскій дворъ подумалъ также о тѣхъ мѣрахъ, которыя были необходимы для того, чтобы продолжать войну съ еще бо̀льшими противу прежняго усиліями, и съ оружіемъ въ рукахъ принудить шведовъ исполнить все, чего ни потребуетъ Россія. Всѣ полки получили приказаніе заранѣе озаботиться о снабженіи себя всѣмъ необходимымъ и быть готовыми выступить по первому приказанію, и такъ какъ послѣ прошлогодняго счастливаго похода русскимъ нечего было опасаться десанта шведовъ на ихъ берега, то было рѣшено, что суда и галеры будутъ дѣйствовать съ бо̀льшей энергіей; что на галеры посадятъ какъ можно больше пѣхоты и что съ цѣлью усилить этотъ флотъ на петербургской верфи будетъ производиться поспѣшная работа. Было назначено открыть кампанію очень рано. Около конца марта мѣсяца самые отдаленные отъ Петербурга полки, кото-

рые во время предъидущаго похода оставались въ Лифляндіи, получили приказаніе отправиться въ столицу, чтобы сѣсть тамъ на суда.

Приготовленія не могли быть окончены ранѣе какъ 14-го мая, когда всѣ люди были посажены на галеры; войска получили провіантъ на два мѣсяца: половину сухарями и половину мукою.

Ея величество отправилась на галеру фельдмаршала Ласи, гдѣ отслушала литургію, послѣ чего подарила ему очень цѣнное кольцо и небольшой золотой крестъ съ мощами; поцѣловавъ его съ пожеланіемъ счастливаго похода, она удалилась въ свой дворецъ, изъ оконъ котораго она смотрѣла какъ уходили галеры, привѣтствовавшія ее на ходу выстрѣлами изъ пушекъ, и т. д.

15-го числа эта эскадра прибыла въ Кронштадтъ. Военныя суда были уже тамъ на рейдѣ; галеры вошли въ гавань и пробыли тамъ 16-го и 17-го числа по причинѣ противныхъ вѣтровъ. 18-го числа, когда вѣтеръ перемѣнился, онѣ вышли изъ гавани и стали въ боевомъ порядкѣ на рейдѣ, гдѣ бросили якорь. Императрица прибыла изъ Петербурга и отправилась на адмиральское судно, гдѣ она разговаривала нѣкоторое время съ фельдмаршаломъ Ласи и адмираломъ Головинымъ, послѣ чего она отправилась кушать въ Кронштадтъ и въ тотъ же день возвратилась въ Петергофъ.

Военный флотъ, посланный этотъ годъ русскими въ кампанію, состоялъ изъ 17-ти линейныхъ кораблей и 6-ти фрегатовъ. Имъ командовалъ адмиралъ графъ Головинъ, сидѣвшій на 110-ти пушечномъ кораблѣ «Великая Анна». Императрица была вынуждена переформировать еще три пѣхотныхъ полка, чтобы усилить экипажи судовъ.

Галерный флотъ, вышедшій изъ Кронштадта, состоялъ изъ 34-хъ галеръ и 70-ти канчибасовъ (cantschibasses); это небольшія турецкія суда, которыя могутъ вмѣстить каждое до 80-ти человѣкъ экипажа и на мѣсяцъ продовольствіе для нихъ. Генералы, командовавшіе этой эскадрой, подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Ласи, были генералъ-аншефъ Левашевъ, генералъ-лейтенанты Брилли и графъ Салтыковъ, генералъ-маіоры Ведель, Лопухинъ и Стуартъ (Stouart); на судахъ были отправлены 9 пѣхотныхъ полковъ и 8 гренадерскихъ ротъ изъ гарнизонныхъ полковъ Выборга, Петербурга и Кронштадта; тутъ

же были размѣщены 200 донскихъ казаковъ съ ихъ лошадьми; эту конницу имѣли въ виду употребить для разъѣздовъ по непріятельской странѣ.

Фельдмаршалъ раздѣлилъ флотъ на три эскадры: передовая, подъ синимъ флагомъ, находилась подъ командою генерала Левашева, генералъ-лейтенанта Брилли и генералъ-маіора Веделя; она состояла изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ и трехъ гренадерскихъ ротъ. Фельдмаршалъ Ласи находился въ кордебаталіи, подъ бѣлымъ флагомъ, съ генералъ-маіоромъ Лопухинымъ, тремя пѣхотными полками и двумя гренадерскими ротами; на аріергардной эскадрѣ, подъ краснымъ флагомъ, были три пѣхотныхъ полка и три гренадерскихъ роты подъ командою графа Салтыкова и генералъ-маіора Стуарта.

Съ этимъ флотомъ фельдмаршалъ Ласи выступилъ 19-го мая къ шведскимъ областямъ. Но такъ какъ Россія хотѣла послать въ походъ всѣ силы, которыя она могла бы собрать, то въ Петербургѣ продолжали работать надъ постройкой галеръ, и когда онѣ были окончены, то на нихъ посадили войска, присоединившіяся потомъ къ арміи, какъ мы увидимъ ниже.

Со стороны Швеціи дѣлались также нѣкоторыя приготовленія. Въ Торнео былъ собранъ корпусъ войскъ, съ которыми хотѣли попытать вторгнуться въ Финляндію. Въ эту сторону отправили генералъ-лейтенанта Стоффельна съ сильнымъ корпусомъ драгунъ и казаковъ, которыхъ нельзя было употребить на галерахъ. Онъ съумѣлъ такъ хорошо сдерживать непріятелей во все время похода, что они не могли предпринять ничего значительнаго.

Шведскій флотъ, который можетъ выходить изъ своихъ портовъ мѣсяцемъ ранѣе русскаго, отправился въ море уже въ началѣ апрѣля. Шведы сдѣлали незначительные десанты въ Финляндіи и на островѣ Аландѣ, захватили нѣсколько русскихъ карауловъ и прикрытій, и, наконецъ, сожгли часть лѣса, приготовленнаго, по распоряженію генерала Кейта, для постройки судовъ; Кейтъ приступилъ къ постройкѣ шести галеръ въ Або, и онѣ были окончены въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Генералъ Кейтъ, желая помѣшать непріятелямъ сдѣлать большіе успѣхи, послалъ генералъ-лейтенанту Хрущеву (Chrouschow) и генералъ-маіору Братке приказаніе сѣсть какъ можно

скорѣе съ полками, которые были подъ ихъ командою въ Гельсингфорсѣ и Фридрихсгамѣ, на 21 галеру, оставленную тамъ въ предъидущемъ году; я буду говорить ниже о всемъ томъ, что сдѣлалъ генералъ Кейтъ съ полками, бывшими у него подъ командою, и изложу теперь, какія были самыя значительныя дѣйствія флота фельдмаршала Ласи до соединенія его корпуса съ отрядомъ Кейта.

Противные вѣтры препятствовали фельдмаршалу Ласи идти съ флотомъ такъ скоро, какъ онъ того желалъ. Море близь береговъ было еще покрыто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ льдомъ и войска очень страдали отъ холода.

27-го мая галеры подошли къ Фридрихсгаму, гдѣ былъ устроенъ большой магазинъ для аммуниціи и фуража; въ гарнизонѣ стояли два пѣхотныхъ полка подъ командою полковника Каркеттеля. Фельдмаршалъ велѣлъ отправить туда больныхъ солдатъ и взялъ вмѣсто нихъ 100 гренадеръ изъ полковъ, остававшихся тамъ въ гарнизонѣ; флотъ былъ задержанъ тутъ противными вѣтрами до 31-го числа. Фельдмаршалъ былъ тѣмъ болѣе недоволенъ этой задержкой, что, по извѣстію, полученному отъ генерала Кейта, послѣдній былъ очень близко отъ непріятеля и что черезъ нѣсколько дней могло завязаться сраженіе между имъ и шведской эскадрой.

2-го іюня эскадра фельдмаршала Ласи прибыла въ Гельсингфорсъ; проходы между этимъ городомъ и Фридрихсгамомъ чрезвычайно узки; въ иныхъ мѣстахъ между скалами остается пространство шириною не болѣе какъ въ восемь или десять туазовъ, такъ что приходится пропускать одну галеру за другою, чтобы не сѣсть на мель или не наскочить каждую минуту на песчаную отмель или на скалу.

Въ Гельсингфорсѣ не было ни одного укрѣпленія и онъ не былъ даже обнесенъ стѣною; весь городъ состоялъ приблизительно изъ 300 домовъ, построенныхъ довольно хорошо по мѣстному образцу; но гавань его — лучшая въ Финляндіи — можетъ весьма удобно вмѣстить до 150 судовъ; въ нее можно войти и выдти оттуда при всякомъ вѣтрѣ. До взятія Гельсингфорса русскими, тамъ не было даже батареи для защиты проходовъ въ гавань; они построили четыре батареи, но разрушили ихъ при передачѣ города. Фельдмаршалъ взялъ изъ тамошняго гарнизона

200 человѣкъ и посадилъ ихъ на галеры, въ замѣнъ больныхъ, оставленныхъ въ городѣ. Тамъ командовалъ полковникъ Бревернъ, имѣя подъ начальствомъ своимъ два пѣхотныхъ полка. Войска получили тамъ муки еще на 15 дней, такъ что армія запаслась хлѣбомъ до 15-го іюля.

Отъ генерала Кейта было получено извѣстіе о томъ, что онъ имѣлъ дѣло со шведскими галерами и одержалъ побѣду. Это извѣстіе было тѣмъ пріятнѣе, что въ арміи опасались услыхать противное. По этому случаю фельдмаршалъ велѣлъ отслужить молебенъ утромъ 5-го числа, и послѣ полудня двинулся со своимъ флотомъ. При выходѣ изъ гельсингфорскаго порта въ эту кампанію, въ первый разъ былъ устроенъ передовой отрядъ, состоявшій изъ двухъ галеръ и четырехъ канчибасовъ. Вѣтеръ былъ самый благопріятный и флотъ прошелъ болѣе 16-ти французскихъ лье менѣе чѣмъ въ 6 часовъ; къ вечеру галеры прибыли къ мѣстечку, называемому Паркала, гдѣ находится образованная природою хорошая гавань; въ ней удобно могутъ помѣститься до 100 галеръ.

6-го — флотъ совершилъ, утромъ, переходъ въ 12 французскихъ лье до Барра-Сунта (Barra-Sount); не доходя до этой мѣстности, есть проходъ, длиною въ 1,500 шаговъ, до того тѣсный, что имъ во многихъ мѣстахъ даже одной галерѣ трудно пройти, не ударившись о скалы. Послѣ полудня суда прошли еще 10 лье до Свартовы (Swart-ouwa), гдѣ фельдмаршалъ узналъ, что шведскій флотъ, состоявшій изъ 18-ти военныхъ судовъ, частію линейныхъ кораблей и частію фрегатовъ, стоялъ близь Гангеуда съ тѣмъ, чтобы не дать галерамъ фельдмаршала Ласи пройти далѣе и соединиться съ судами генерала Кейта. Графъ Ласи подвинулся, однако, съ флотомъ еще на 5 лье до Тверминне, лежащаго въ 4-хъ лье отъ Гангеуда, гдѣ ясно виднѣлся шведскій флотъ, стоявшій на якорѣ. Фельдмаршалъ Ласи, сопровождаемый всѣми генералами, отправился осматривать непріятельскій флотъ; они нашли, что два судна стояли именно на томъ пути, по которому должны были слѣдовать галеры, если бы онѣ стали продолжать свой путь. Море близь Гангеуда настолько глубоко, что самыя большія военныя суда могутъ подходить вплоть къ берегу.

8-го — былъ большой военный совѣтъ, на которомъ старались

отыскать всевозможныя средства, чтобы принудить непріятеля оставить занимаемую имъ выгодную позицію; ни одно изъ нихъ не удалось и, наконецъ, было рѣшено подождать русскій флотъ, и тогда посмотрѣть, будетъ-ли онъ въ состояніи сраженіемъ принудить шведовъ, чтобы они очистили проходъ.

Къ вечеру прибылъ къ фельдмаршалу флотскій капитанъ Головинъ и извѣстилъ его, что адмиралъ Головинъ съ русскимъ флотомъ былъ всего въ 10-ти лье отъ непріятеля и собирался атаковать его, лишь только дозволятъ обстоятельства, что онъ найдетъ удобный для того случай; но подобнаго случая не представилось и галеры остались на тѣхъ же мѣстахъ до 18-го іюня. Фельдмаршалу Ласи очень наскучило это затруднительное положеніе; онъ неоднократно посылалъ графу Головину приказаніе атаковать шведовъ, но тотъ не повиновался. Адмиралъ находилъ каждый день новыя отговорки для избѣжанія сраженія. Изъ числа приведенныхъ имъ причинъ была слѣдующая: въ морскомъ регламентѣ Петра I постановлено, что русскій флотъ никогда не долженъ вступать въ сраженіе съ шведскимъ, если не можетъ выставить трехъ русскихъ кораблей противъ двухъ шведскихъ, и такъ какъ у него было всего 17 кораблей противъ 12-ти, то ему недоставало одного до предписаннаго числа.

Часто бывали военные совѣты, генералы отправлялись ежедневно на сосѣдніе острова слѣдить за непріятелями, однако дѣло не шло впередъ. Оба флота стояли на якорѣ въ разстояніи двухъ лье другъ отъ друга; шведскій флотъ находился между галерами и русскими кораблями. Фельдмаршалъ приказывалъ галерамъ дѣлать время отъ время нѣкоторыя передвиженія, но все это ни къ чему не вело.

Въ то время, покуда галеры стояли въ Тверминне, армія была усилена пятью пѣхотными полками, которые генералъ-маіоръ Карауловъ привелъ на 14-ти галерахъ и 18-ти канчибасахъ, вновь построенныхъ въ Петербургѣ, такъ что послѣ этого присоединенія флотъ, находившійся подъ начальствомъ фельдмаршала Ласи, состоялъ изъ 48-ми галеръ и 98-ми канчибасовъ; вновь пришедшія суда были распредѣлены между всѣми тремя эскадрами.

18-го, утромъ, фельдмаршалъ послалъ, по просьбѣ адмирала Головина, русскому флоту 14 канчибасовъ. Адмиралъ хотѣлъ

взять оттуда солдатъ, усилить ими экипажи судовъ и затѣмъ, какъ онъ утверждалъ, атаковать непріятеля. Лишь только шведскій флотъ увидѣлъ движеніе канчибасовъ, какъ снялся съ якоря и поднялъ паруса, желая помѣшать канчибасамъ присоединиться къ кораблямъ. Русскій флотъ сдѣлалъ тоже самое и оба флота вышли въ открытое море. Надѣялись, что произойдетъ морское сраженіе, но обѣ стороны одинаково боялись начать его; произвели нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, не рѣшившихъ ничего, и оба флота разошлись съ наступленіемъ ночи, такъ что ни одинъ изъ нихъ не могъ похвалиться ни малѣйшимъ преимуществомъ надъ противникомъ. Русскія суда отплыли къ острову Гогланду, близь Ревеля, гдѣ онѣ простояли спокойно до заключенія мира, а шведскій флотъ отправился въ Карлскрону, гдѣ онъ сталъ отдыхать послѣ понесенныхъ имъ тяжкихъ трудовъ.

Между тѣмъ фельдмаршалъ Ласи, видя, что оба корабля, поставленные въ самомъ проходѣ близь Гангеуда, оставили это мѣсто и присоединились къ своему флоту, въ ту же минуту воспользовался удаленіемъ непріятелей; онъ подалъ сигналъ къ отплытію и счастливо прошелъ со своими галерами Гангеудскій мысъ. Къ вечеру сдѣлался густой туманъ, совершенно скрывшій его движеніе отъ непріятельскихъ судовъ, которыя виднѣлись русскимъ лишь въ отдаленіи.

23-го — фельдмаршалъ прибылъ со своимъ флотомъ въ Суттонгу, гдѣ онъ нашелъ генерала Кейта, стоявшаго со своей эскадрой въ очень выгодной позиціи. Кейтъ представилъ фельдмаршалу отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ его эскадры; привожу здѣсь извлеченіе изъ этого отчета.

16-го мая генералъ Кейтъ получилъ отъ генералъ-лейтенанта Хрущева (Chroutschew) извѣстіе, что онъ сѣлъ со своими людьми на 16 галеръ въ Гельсингфорсѣ и прибылъ съ этою эскадрою и двумя прамами на высоту Гангеуда. Вслѣдъ за этимъ генералъ тотчасъ же оставилъ Або и соединился, 17-го числа, съ галерами къ сѣверу отъ Гангеуда. Въ тотъ же день онъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали всѣ флотскіе офицеры и полковые командиры; на немъ было рѣшено единогласно, что такъ какъ сила ихъ была равна непріятельской, то слѣдовало искать случая дать сраженіе сколь возможно скорѣе, и даже не дожидаясь генералъ-маіора Братке, который не при-

соединился еще къ эскадрѣ съ 5-ю фридрихсгамскими галерами. Былъ отданъ приказъ готовиться къ сраженію и идти впередъ по первому сигналу. Со стороны W. N. W. донесся пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій вечернюю зарю у непріятелей, которые, повидимому, стояли въ 4-хъ лье отъ русскихъ.

18-го мая генералъ Кейтъ вышелъ съ галерами изъ Гангеуда при ясной погодѣ, но не могъ далеко подвинуться, такъ какъ галерамъ пришлось вести прамы на буксирѣ и, кромѣ того, у этихъ береговъ нужно быть во многихъ мѣстахъ чрезвычайно осмотрительнымъ по причинѣ скалъ и отмелей. Одинъ изъ прамовъ наткнулся на скалу и пришлось употребить много времени, чтобы высвободить его; къ вечеру эскадра бросила якорь въ открытомъ морѣ, пройдя въ этотъ день не болѣе одной шведской мили или около двухъ французскихъ лье (NB. Шведскія мили составляютъ 10-ю часть градуса). Вечеромъ услышали два пушечныхъ выстрѣла и показался непріятельскій бригантинъ, крейсировавшій приблизительно на разстояніи одной мили отъ русскихъ галеръ.

19-го — эскадра двинулась утромъ, при крѣпкомъ вѣтрѣ, но такъ какъ все-таки приходилось буксировать прамы, то она не могла имъ воспользоваться; около 8-ми часовъ, галера, шедшая впереди, подала сигналъ, что она открыла непріятелей; генералъ отправился на своей галерѣ осмотрѣть ихъ; онъ увидѣлъ, что они стояли на якорѣ, приблизительно въ одной мили; тогда онъ далъ всей эскадрѣ сигналъ идти впередъ, но въ то время, когда онъ находился не болѣе какъ въ полумилѣ отъ шведовъ, они подняли паруса и прошли между двумя островами, гдѣ не было достаточно воды для прохода прамъ; такимъ образомъ, пришлось взять влѣво и обогнуть островъ, чтобы достигнуть непріятеля, но вѣтеръ, повернувъ вдругъ къ N. W., такъ скрѣпчалъ, что нельзя было болѣе вести прамы на буксирѣ; поэтому генералъ велѣлъ бросить якорь близь церкви Гитисъ (Hitis Chapelle)[1]).

20-го — противный вѣтеръ продолжалъ дуть до полудня, когда погода стихла; эскадра снялась съ якоря, но едва успѣла она пройти одну лье, какъ подулъ совершенно противный вѣтеръ, что заставило генерала подойти къ берегу. Сто человѣкъ было

[1]) На шведскихъ картахъ островъ Hüttis. Ред.

отправлено на шести шлюпкахъ, чтобы получить положительныя извѣстія о непріятелѣ и отыскать лоцмановъ; тѣ изъ лоцмановъ, которые до того были на судахъ, не знали пути дальше, а между этими скалами почти невозможно сдѣлать шагу, не рискуя ежеминутно стать на мель, если только на кораблѣ нѣтъ мѣстныхъ жителей, знающихъ прибрежье.

21-го мая эскадра тронулась въ 3 часа ночи, при тихой погодѣ; она прибыла къ полудню въ Юнгфернъ-Зундъ, представляющій собою чрезвычайно узкій проходъ между двумя островами. Шлюпки присоединились здѣсь къ флоту, не найдя, однако, лоцмановъ, такъ какъ всѣ деревни были оставлены жителями. Онѣ донесли, что при выходѣ изъ Юнгфернъ-Зунда они видѣли шведское судно, удалившееся при ихъ приближеніи. Къ вечеру примѣтили непріятельскій баркасъ, крейсировавшій въ одной милѣ отъ передоваго отряда.

22-го числа — эскадра, рано утромъ, двинулась въ путь въ тихую погоду; она прошла до полудня 3 мили, но тогда поднялся противный вѣтеръ и пришлось бросить якорь. Отрядили снова нѣсколько шлюпокъ для рекогносцировокъ и отысканія лоцмановъ; одна изъ нихъ привезла шведскаго канонира, забытаго на одномъ островѣ. Онъ объявилъ, что непріятельская эскадра состояла изъ 15-ти галеръ и такого же числа аспинъ (aspines), (это мелкія суда, вооруженныя 10-ю пушками), съ однимъ баркасомъ; что она ожидала на дняхъ подкрѣпленія, состоящаго изъ двухъ галеръ и одного прама, и что въ Швеціи вооружали еще 8 галеръ, которыя также могли уже быть въ пути. Прочія шлюпки, вернувшись вечеромъ, донесли, что онѣ нашли непріятельскую галеру на разстояніи одной мили отъ шведскаго флота, и что она отошла при ихъ приближеніи.

23-го — генералъ повторилъ приказаніе облегчить галеры и приготовиться къ сраженію; утромъ было отправлено 6 шлюпокъ и одинъ канчибасъ для рекогносцировки непріятеля и промѣровъ въ проходахъ; эскадра двинулась въ путь въ полдень; едва успѣла она пройти съ полъ-лье, какъ увидѣли, что непріятельская галера и два баркаса гнались за шлюпками; передовыя галеры стали грести сильнѣе, чтобы поддержать ихъ; непріятели, замѣтивъ это, стали подъ прикрытіе острова; эскадра не могла далеко пройти по причинѣ противнаго вѣтра. Усмотрѣли аріергардъ

шведской эскадры, состоявшій изъ 3-хъ галеръ и нѣсколькихъ небольшихъ судовъ. Генералъ направилъ на нихъ 4 галеры и всѣ шлюпки; завидѣвъ ихъ, шведы тотчасъ же обратились въ бѣгство, выстрѣливъ три раза изъ пушки, чтобы предупредить свой флотъ, стоявшій отъ нихъ въ полутора лье; русскія галеры заняли ту самую мѣстность, которую оставили шведы, и извѣстили генерала, что непріятель отступалъ.

24-го мая получено извѣстіе, что непріятели находились въ Корпо, гдѣ къ нимъ присоединился ихъ прамъ.

25-го — прибылъ генералъ-маіоръ Братке, съ пятью галерами, зимовавшими въ Фридрихсгамѣ. Онъ много потерпѣлъ отъ противныхъ вѣтровъ и бурь и потерялъ большую мачту съ своей галеры. Кейтъ раздѣлилъ свой флотъ на три эскадры, поручивъ передовую генералъ-лейтенанту, заднюю — генералъ-маіору и предоставилъ себѣ кордебаталію.

26-го, на разсвѣтѣ, увидѣли флагъ шведскаго адмирала и нѣсколько мачтъ другихъ галеръ, число которыхъ нельзя было опредѣлить навѣрно, такъ какъ онѣ стояли между островами. Генералъ велѣлъ тотчасъ же подать сигналъ къ нападенію на непріятеля, но едва успѣли сняться съ якоря, какъ шведы отошли по направленію къ Аланду. Тогда одинъ флотскій лейтенантъ былъ направленъ, съ десятью шлюпками и однимъ канчибасомъ, при подкрѣпленіи изъ двухъ галеръ, чтобы сдѣлать рекогносцировку; вернувшись, онъ донесъ, что видѣлъ 17 галеръ, полугалеру, галіотъ и два шмака (Schmacks) въ полномъ вооруженіи, что адмиралъ былъ въ аріергардѣ и шелъ навеслахъ вслѣдствіе противнаго вѣтра. Русская эскадра стала близь деревни, называемой Корпо. Острова образуютъ тамъ очень хорошую гавань, гдѣ галеры находятъ защиту во всякую бурю.

Кейтъ узналъ отъ прибрежныхъ жителей и шпіоновъ, что непріятели ожидали большаго подкрѣпленія, что контръ-адмиралъ Фалькенгренъ, командовавшій ихъ галерами, получилъ положительное приказаніе атаковать его, и такъ какъ къ тому же противные вѣтры и бури, не прекращавшіеся нѣсколько дней сряду, не дозволяли Кейту оставить занимаемую имъ мѣстность, то онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія для хорошей обороны. Оба прама были поставлены при входѣ въ гавань, вправо отъ этого

входа устроили 4-хъ пушечную батарею, чтобы лучше защитить доступъ въ нее.

Въ этомъ положеніи онъ оставался до 29-го, мая когда караульные передоваго отряда, стоявшіе на вершинѣ скалъ, извѣстили, что непріятельскій флотъ пришелъ въ движеніе. Получивъ это извѣстіе, генералъ отправился на гору, чтобы наблюдать самому за движеніемъ непріятелей; оттуда онъ увидѣлъ, что шведскія галеры шли на него тремя колоннами. Онъ велѣлъ пробить сборъ и разстановилъ галеры въ боевомъ порядкѣ, примѣняясь къ мѣстности. Около 11-ти часовъ утра непріятели выстроились въ линію противъ русскихъ, стоявшихъ отъ нихъ въ 1,500 туазахъ, и бросили якоря.

30-го мая оба флота оставались въ томъ же самомъ положеніи, не имѣя возможности предпринять что-либо вслѣдствіе дурной погоды и бывшей въ тотъ день грозы.

31-го—вѣтеръ значительно стихъ. Тогда нѣсколько шведскихъ галеръ показались изъ-за острововъ, куда онѣ стали въ предъидущій день, чтобы укрыться отъ грозы. Около полудня съ непріятельскаго прама подали сигналы ракетами и, немного минутъ спустя, съ того же прама сдѣлали нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы узнать, достигаютъ-ли русскихъ ядра; они упали близь батареи на берегу (которая находилась на 100 саженъ впереди русскихъ прамъ), но такъ какъ они не долетѣли до судовъ, то шведскій адмиралъ приказалъ шлюпкамъ подвести прамъ на буксирѣ. Въ 3 часа пополудни увидѣли, что весь шведскій флотъ, состоявшій изъ 18-ти галеръ, одного прама и разныхъ мелкихъ судовъ, подвигался одной линіей противъ входа въ гавань; въ 4 часа онъ находился отъ него лишь на разстояніи хорошаго пушечнаго выстрѣла. Офицеры, командовавшіе русскими прамами, попросили у генерала позволеніе открыть по немъ огонь, но онъ положительно запретилъ имъ это, не желая, чтобы былъ сдѣланъ одинъ выстрѣлъ прежде, чѣмъ непріятели подойдутъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Но когда вслѣдъ затѣмъ онъ увидѣлъ, что шведскій прамъ становился на якорь и готовился подставить бортъ, то велѣлъ сдѣлать два пушечныхъ выстрѣла изъ верхней батареи прамовъ: одно ядро пролетѣло надъ шведскимъ прамомъ, а другое попало въ его корму. Послѣ этого опыта, Кейтъ приказалъ всѣмъ батареямъ открыть огонь противъ не-

пріятеля. Онъ велѣлъ отвести въ сторону часть галеръ, не имѣвшихъ достаточно мѣста для маневровъ, и самъ сталъ близъ береговой батареи, откуда онъ могъ лучше слѣдить за всѣми движеніями, такъ какъ батарея эта, какъ я уже замѣтилъ, была на 100 сажень ближе къ непріятелю, нежели суда.

Шведы, выстроившіеся въ линію передъ входомъ въ гавань, имѣли возможность дѣйствовать противъ русскихъ всѣми орудіями своего флота, между тѣмъ какъ послѣдніе могли противупоставить имъ лишь два прама и три галеры, которымъ былъ открытъ видъ на непріятеля. Однако, послѣ двухчасовой перестрѣлки, весьма сильной съ той и съ другой стороны, галера шведскаго адмирала была вынуждена выйти изъ линіи и скрыться за островомъ, бывшимъ отъ нея вправо. Нѣсколько времени спустя, непріятельскій прамъ послѣдовалъ ея примѣру и ушелъ за островъ, бывшій по лѣвую сторону отъ него; центръ ихъ продержался еще нѣкоторое время, но вынужденный принимать всѣ выстрѣлы, направляемые прежде и на прамъ, въ свою очередь удалился; въ 7 часовъ вечера пальба совершенно прекратилась.

Кейтъ не преминулъ бы преслѣдовать непріятеля, но такъ какъ вѣтеръ дулъ въ самый входъ въ гавань, то не было возможности выйти изъ нея, и поэтому послали только нѣсколько вооруженныхъ шлюпокъ и одинъ канчибасъ, чтобы преслѣдовать мелкія суда, сновавшія еще тамъ и сямъ. У русскихъ въ это сраженіе были убиты: 1 офицеръ и 6 нижнихъ чиновъ арміи и флота; сверхъ того, 8 человѣкъ ранено.

1-го іюня, на разсвѣтѣ, было донесено, что непріятели ночью отошли совершенно и уже потерялись изъ виду. Тогда отрядили двѣ шлюпки, чтобы разузнать о нихъ; онѣ донесли, что видѣли ихъ на якорѣ близь острова Рокшера (Rockschera), въ 5-ти миляхъ отъ мѣста сраженія. Весь день былъ употребленъ на починку прамовъ, пробитыхъ нѣсколькими ядрами близь ватерлиніи; нужно было также перетимберовать двѣ галеры, которыя были сильно повреждены; въ одной въ особенности открылась значительная течь вслѣдствіе большой щели, образовавшейся отъ сотрясеній при производившейся съ нея пушечной пальбѣ.

Або, гдѣ министры собрались на конгрессъ, отстоялъ всего на 7 или 8 миль отъ деревни Корпо, такъ что тамъ слышенъ былъ каждый пушечный выстрѣлъ, производимый сражающимися;

это возбудило большія опасенія въ министрахъ обѣихъ сторонъ, такъ какъ каждый находился между страхомъ и надеждой относительно исхода этого дѣла. Кейтъ захотѣлъ оставить ихъ еще 24 часа въ этомъ стѣснительномъ положеніи; шведы не могли себѣ представить, чтобы русскій генералъ могъ такъ медлить отправленіемъ извѣстія о пораженіи шведовъ, и начали уже торжествовать, когда прибылъ адъютантъ Кейта съ подробнымъ донесеніемъ о сраженіи.

2-го іюня генералъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено преслѣдовать непріятеля, лишь только будутъ починены поврежденныя галеры и атаковать его при первой возможности. Въ водѣ нашли якорь и 50 саженей каната, отрубленнаго непріятелемъ въ день сраженія.

4-го, когда все было приведено въ порядокъ, Кейтъ двинулся со своими галерами; пройдя три мили, онъ услыхалъ пушечный выстрѣлъ съ непріятельскаго флота, который считали въ двухъ миляхъ оттуда; два часа спустя, раздались два выстрѣла очень близко, и почти въ то же время увидѣли шведскій флотъ, стоявшій на якорѣ за островомъ, въ одной лье отъ русскихъ. Генералъ далъ тотчасъ же сигналъ къ сраженію. Всѣ три эскадры стали въ боевой порядокъ, но пока онѣ строились, непріятели подняли паруса и отошли. Русскій флотъ гнался за ними на всѣхъ парусахъ, но, пройдя около мили, подошелъ къ узкой мѣстности, гдѣ воды было не болѣе какъ на 11 футъ, такъ что прамы, будучи не въ состояніи пройти тамъ, были принуждены стать на якорь и галеры построились въ очень удобной гавани, образованной островами; мѣсто это называется Соттунга. Отступленіе шведовъ удивило русскихъ тѣмъ болѣе, что они знали, что на другой день послѣ сраженія шведы получили въ подкрѣпленіе фрегатъ и нѣсколько галеръ, такъ что флотъ ихъ не только равнялся русскому флоту, но еще превосходилъ его. Нѣсколько времени спустя, узнали, что на шведовъ навели страхъ маленькія лодки русскихъ маркитантовъ, которыя, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подняли паруса и слѣдовали за русскимъ флотомъ. Непріятели, видя, что все море покрыто парусами, вообразили, что фельдмаршалъ Ласи прибылъ уже со своимъ флотомъ и что они поэтому были слишкомъ слабы, чтобы отважиться на новое сраженіе. Кейтъ, осмотрѣвъ мѣстность съ того

пункта, гдѣ онъ остановился съ своими галерами, нашелъ позицію эту весьма выгодною; это побудило его укрѣпиться тутъ и ожидать, чтобы фельдмаршалъ Ласи къ нему присоединился. Онъ велѣлъ построить семь батарей въ 4 или 5 пушекъ каждую для защиты различныхъ входовъ въ гавань.

8-го—такъ какъ вѣтеръ стихъ и благопріятствовалъ слѣдованію прамъ, то шлюпкамъ велѣли ихъ буксировать; они прошли благополучно при малой глубинѣ и были поставлены при выходѣ изъ гавани, обращенномъ къ непріятелю. Въ этомъ положеніи Кейтъ оставался до прибытія фельдмаршала Ласи. Чтобы внушить непріятелямъ страхъ и заставить ихъ думать, что онъ получилъ подкрѣпленіе, Кейтъ приказалъ выставить на галіотѣ, доставившемъ изъ Або съѣстные припасы для войскъ, вымпела, подобные тѣмъ, которые бываютъ на военныхъ корабляхъ и фрегатахъ. Онъ велѣлъ также загородить выходъ изъ гавани слѣва цѣпью изъ трехъ канатовъ, для того, чтобы непріятели не могли войти съ этой стороны; наконецъ, онъ сдѣлалъ наилучшія распоряженія, чтобы хорошо принять шведовъ въ случаѣ, если бы у нихъ явилась охота вернуться атаковать его.

Шведы, стоявшіе отъ него всего на разстояніи трехъ четвертей мили, построили, съ своей стороны, нѣсколько батарей на тѣхъ островахъ, за которыми они стояли; они дѣлали время отъ времени движенія, какъ-будто собираясь атаковать, однако не предприняли ровно ничего. Чтобы отнять у русскихъ всѣ средства получить о нихъ извѣстіе, они приказали жителямъ острововъ удалиться въ Швецію; часть повиновалась, но большинство, и въ особенности жители Аланда, покинули свои дома и удалились въ лѣса.

Фельдмаршалъ Ласи прибылъ 26-го іюня со своимъ флотомъ въ Соттунгу, какъ уже я сказалъ выше. Въ четыре часа пополудни передовой отрядъ извѣстилъ, что непріятельскій флотъ снялся съ якоря и отступилъ. Вслѣдъ за этимъ фельдмаршалъ приказалъ генералу Кейту двинуться со своею эскадрою и занять мѣсто, только что оставленное непріятелемъ. 24-го—фельдмаршалъ послѣдовалъ за нимъ съ своимъ флотомъ.

25-го онъ отправился съ генералами арміи осмотрѣть острова, лежавшіе впереди; они нашли шведскаго солдата, забытаго на маленькомъ островкѣ. Онъ показалъ имъ съ возвышенности непріятельскій флотъ, находившійся въ двухъ миляхъ отъ того

мѣста; нѣкоторыя суда стояли на якорѣ, другія уже подняли паруса. Съ этого дня русскіе не видѣли болѣе непріятельскихъ судовъ, такъ какъ шведскія галеры возвратились прямо въ Стокгольмъ, куда онѣ прибыли весьма кстати для усмиренія возмутившихся далекарлійцевъ, о чемъ я буду говорить въ послѣдствіи. Русскія галеры дошли въ тотъ день до Дегерби (Degerby), одного изъ острововъ близъ Аланда.

26-го іюня былъ военный совѣтъ, на которомъ было единогласно рѣшено дойти до Руденгама (послѣдняго острова финляндскихъ шхеръ) и пройти при первомъ попутномъ вѣтрѣ къ шведскимъ берегамъ, чтобы высадить тамъ десанты.

Генералъ-маіоръ Братке былъ отправленъ съ 6-ю баталіонами на двѣнадцати галерахъ и нѣсколькихъ канчибасахъ, чтобы конвоировать суда, нагруженныя съѣстными припасами, которыя посылались въ Эстеръ-Ботнію для войскъ, находившихся тамъ подъ командою генералъ-поручика Стоффельна; такъ какъ съѣстныхъ припасовъ было тамъ чрезвычайно мало, то шведскія войска были принуждены отступить за неимѣніемъ продовольствія, а русскіе съ трудомъ держались въ этомъ краѣ.

27-го и 28-го — была очень бурная погода, не дозволившая флоту оставить то мѣсто, которое онъ занималъ. Послали канчибасы и шлюпки для развѣдыванiй и, возвратясь, они донесли, что нигдѣ не встрѣчали непріятельскаго флота, удалившагося къ берегамъ Швеціи.

29-го—фельдмаршалъ подалъ уже сигналъ къ отплытію, когда онъ получилъ письма отъ русскихъ министровъ на абосскомъ конгрессѣ, извѣщавшія его, что предварительныя условія мира были подписаны наканунѣ и что заключено перемиріе; поэтому они приглашали фельдмаршала не предпринимать болѣе ничего. Вслѣдъ затѣмъ галеры возвратились на оставленныя ими мѣста и пробыли тамъ до конца августа; тогда онѣ отплыли въ Россію.

Пора сказать, въ какомъ положеніи находилась Швеція. Сеймъ продолжался тамъ уже годъ и занимался главнымъ образомъ избраніемъ принца—наслѣдника престола; нѣсколько лицъ предъявили свои права, именно: датскій наслѣдный принцъ, принцъ Голштейнскій, епископъ Любскій, принцъ Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій и герцогъ Цвейбрюкенскій (de Deux Ponts); каждый изъ этихъ принцевъ имѣлъ свою партію, но главнѣйшими были принцъ

Голштейнскій, поддерживаемый Россіей, и датскій наслѣдный принцъ, который могъ оказать Швеціи сильную помощь въ войнѣ съ русскими; поэтому партія его была самая многочисленная, и было даже рѣшено, что если миръ не будетъ заключенъ до 4-го іюля, то его провозгласятъ въ этотъ день наслѣднымъ принцемъ Швеціи. Это много способствовало заключенію предварительныхъ условій мира на абосскомъ конгрессѣ, но такъ какъ тамъ было потеряно много времени на пренія, то до подписанія статей осталось не болѣе 6-ти дней. Лингенъ, подполковникъ шведской службы, былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ въ Стокгольмъ. Такъ какъ онъ не долженъ былъ терять времени ни минуты, чтобы прибыть туда во-время, то онъ отправился по кратчайшему пути, который идетъ черезъ островъ Аландъ, но когда онъ сошелъ тутъ на берегъ, то увидѣлъ, что всѣ жители покинули свои дома и ушли въ лѣсъ; онъ былъ вынужденъ пройти нѣсколько лье пѣшкомъ вдоль берега. Наконецъ, онъ встрѣтилъ старика, у котораго была старая лодка, треснувшая во многихъ мѣстахъ; не имѣя времени для отысканія другаго судна, пришлось рѣшиться воспользоваться ею, рискуя потонуть. Онъ, его слуга и старикъ сѣли въ лодку; двое были принуждены грести, а третій только и дѣлалъ, что выкачивалъ шляпой воду, лившуюся въ щели. Лингенъ употребилъ даже нѣсколько рубахъ, бывшихъ въ его чемоданѣ, чтобы заткнуть ими щели; наконецъ, они были столь счастливы, что пристали къ Швеціи. Лингенъ прибылъ въ Стокгольмъ въ тотъ самый день, когда должны были приступить къ избранію датскаго принца. Лодка, въ которой онъ совершилъ переѣздъ съ Аланда до шведскихъ береговъ, сохраняется въ Стокгольмѣ и показывается какъ большая рѣдкость. Безъ сомнѣнія, можно считать за чудо, что Лингенъ проѣхалъ такъ счастливо 12 шведскихъ миль по морю въ такой лодкѣ, въ которой немногіе рѣшились бы переправиться черезъ самую незначительную рѣчку.

Пріѣздъ Лингена въ Стокгольмъ далъ другой оборотъ дѣламъ въ Швеціи. Русскіе, бывшіе смертельными врагами шведовъ, стали ихъ друзьями, союзниками и защитниками, а датскій король, сына котораго они хотѣли избрать въ преемники шведскаго престола послѣ кончины ихъ короля, сдѣлался величайшимъ ихъ врагомъ. Русскій галерный флотъ, начавшій кампанію съ тѣмъ,

чтобы разорить берега Швеціи, былъ вынужденъ остаться нѣкоторое время на границахъ, чтобы усмирить внутреннія смуты и чтобы имѣть возможность подать помощь шведамъ въ томъ случаѣ, если бы на нихъ напала Данія.

Датскій король, узнавъ, что значительная партія противилась избранію его сына, съумѣлъ склонить нѣсколько областей въ свою пользу. Первая высказалась Далекарлія; крестьяне, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ нѣкоего Шединга[1]), служившаго прежде солдатомъ въ Пруссіи, и Врангеля (маіора Далекарлійскаго полка), пошли прямо на Стокгольмъ, гдѣ они хотѣли предписывать законы. Передъ городомъ расположили гвардейскій полкъ, расчитывая воспользоваться имъ для усмиренія бунтовщиковъ; но солдаты отказались дѣйствовать противу своихъ соотечественниковъ и дозволили даже далекарлійцамъ взять ихъ пушки, не оказавъ ни малѣйшаго сопротивленія. Король и нѣсколько сенаторовъ вышли имъ на встрѣчу, чтобы постараться успокоить ихъ, но они не хотѣли и слышать о примиреніи. Наконецъ, имъ обѣщали удовлетворить всѣ ихъ требованія и ихъ впустили въ городъ, гдѣ они разсѣялись по разнымъ кварталамъ, что было причиною ихъ несчастія. Нѣсколько дней спустя, въ городѣ произошло большое смятеніе: сенаторъ, графъ Адлерфельдъ, хотѣвшій обратиться къ далекарлійцамъ съ рѣчью и успокоить ихъ, былъ убитъ. Гвардейцамъ снова приказали идти противъ бунтовщиковъ, но солдаты не повиновались. По счастливой случайности, галеры вошли въ тотъ самый день въ стокгольмскую гавань; сначала высадили на берегъ нѣсколько войскъ, которыя, не зная о случившемся, нисколько не затруднились разсѣять возмутившихся крестьянъ. Предводители ихъ были арестованы, Шедингу отрубили голову, а Врангеля лишили чиновъ и дворянства и, сверхъ того, осудили на вѣчное заключеніе; прочіе разошлись по домамъ.

Если бы это дѣло не было окончено такъ скоро, то возмущеніе сдѣлалось бы вскорѣ общимъ; провинціи Упландская, Седерманландская, Смоландская и Сканійская (Scanie) были наготовѣ также возмутиться, но такъ какъ первое возстаніе удалось такъ

---

[1]) Густавъ Шединъ (Schedin), бухгалтеръ на заводѣ въ Содеви, въ Далекарліи. Ред.

плохо, то остальные остереглись отъ обнаруженія своихъ замысловъ. Однако, половина Швеціи оставалась долго въ интересахъ датскаго короля; это дошло до того, что когда генералъ Кейтъ прибылъ въ Стокгольмъ, какъ я скажу ниже, то одного изъ адъютантовъ его, посланнаго куда-то курьеромъ, приняли за датскаго офицера, потому что на немъ былъ красный мундиръ, и почтовые смотрители совѣтовали ему остерегаться отъ противной партіи.

Сущность статей мирнаго договора, заключеннаго въ Або между Россіей и Швеціей, заключалась въ томъ, что послѣдняя уступитъ Россіи на вѣчныя времена Кюменегордскую область и Нислотскій (de Nyslot) округъ въ Саволакской области, въ Финляндіи, что рѣка Кюмень будетъ границей, которую опредѣлятъ коммисары, назначенные обоими дворами. Надъ этимъ работали нѣсколько лѣтъ, но дѣло о разграниченіи никогда не было окончено.

Принцъ Голштейнскій, епископъ Любскій, былъ избранъ наслѣдникомъ шведскаго королевства лично и съ его потомствомъ. Это избраніе поддерживалъ русскій дворъ; поэтому онъ считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться болѣе чѣмъ когда-либо въ дѣла Швеціи и даже предписывать этому королевству законы, но шведы скоро отдѣлались отъ этого и несогласія возобновились еще до истеченія года.

Вслѣдъ за тѣмъ, какъ арміи былъ объявленъ миръ, фельдмаршалъ получилъ отъ двора приказаніе отослать обратно войска, находившіяся въ Финляндіи; генералъ Кейтъ былъ посланъ въ Або, чтобы опредѣлить ихъ путь. Генералъ-поручикъ Стоффельнъ, дошедшій со своимъ войскомъ до Улы, получилъ приказаніе возвратиться, и мало по малу войска направились въ Россію; но прежде нежели оставить Финляндію, они извлекли изъ этой страны все, что только могли, такъ какъ намѣреніе двора было разорить эту провинцію и довести ее, несмотря на заключенный миръ, до такого плохаго состоянія, чтобы она долго не могла оправиться; генераламъ было даже неоднократно приказано непремѣнно исполнить это. Императрица, подавая, однако, видъ, будто она желаетъ возстановить полное согласіе со своими сосѣдями, велѣла роздать изъ магазиновъ, устроенныхъ въ Финляндіи, нѣ-

сколько тысячъ четвертей хлѣба крестьянамъ, чтобы они имѣли возможность засѣять свои поля.

По усмиреніи дѣла далекарлійцевъ, полагали, что спокойствіе въ Швеціи возстановлено, и фельдмаршалъ Ласи также получилъ отъ двора приказаніе возвратиться съ галерами въ Петербургъ. Къ концу августа онъ оставилъ островъ Дегерби, гдѣ армія его провела два мѣсяца.

14-го сентября флотилія галеръ прибыла къ мѣстечку, называемому Березовый Островъ, въ 90 верстахъ или 23-хъ французскихъ лье отъ Петербурга. Графъ Ласи послалъ оттуда своего адъютанта ко двору за приказаніями, а также чтобы узнать, когда и какимъ образомъ онъ долженъ былъ вступить со своимъ флотомъ въ столицу.

17-го—флотъ вынесъ весьма сильную бурю, посадившую на мель шесть галеръ, которыя совершенно были разрушены; двѣ другія были совершенно повреждены, но никто не погибъ, такъ какъ всѣ солдаты были уже на берегу.

20-го — фельдмаршалъ получилъ приказаніе отправить генерала Кейта съ 30-ю галерами въ Гельсингфорсъ, гдѣ онъ долженъ былъ дожидаться новыхъ инструкцій. Кейтъ двинулся 21-го, имѣя на своей эскадрѣ одинъ гренадерскій полкъ, состоявшій изъ десяти ротъ, взятыхъ отъ разныхъ полковъ, 9 пѣхотныхъ полковъ или 18 баталіоновъ, что составляло вообще 11,000 человѣкъ. Генералы, командовавшіе подъ его начальствомъ, были: генералъ-поручикъ Салтыковъ, генералъ-маіоры Лопухинъ и Стуартъ.

Императрица послала фельдмаршалу Ласи свою собственную яхту, чтобы доставить его ко двору. Онъ сдалъ команду генералу Левашеву и отправился въ Петербургъ, куда, нѣсколько дней спустя, прибыли и галеры. Дворъ устроилъ большія празднества по случаю заключеннаго мира; празднованіе продолжалось нѣсколько дней сряду и войска, по сдачѣ галеръ въ адмиралтейство, были размѣщены на зимнія квартиры.

Возвращаюсь къ экспедиціи генерала Кейта и къ причинамъ этого распоряженія. Возстаніе далекарлійцевъ было, правда, усмирено, но еще не совсѣмъ окончено. Датскій король двинулъ нѣсколько отрядовъ войскъ къ границамъ Швеціи и такъ какъ онъ имѣлъ приверженцевъ во многихъ провинціяхъ, то весьма опа-

сались нападенія съ его стороны. Это побудило короля и шведскій сенатъ просить у петербургскаго двора о скорой помощи, какъ для борьбы съ датчанами, такъ и для окончательнаго усмиренія внутреннихъ смутъ. Генералъ Дюрингъ былъ съ этою цѣлью посланъ въ Петербургъ.

Россійскій дворъ съ удовольствіемъ воспользовался этимъ случаемъ доказать еще разъ свое могущество; къ тому же, интересы его требовали поддержать избраніе, сдѣланное въ пользу принца Голштейнскаго. Поэтому дворъ повелѣлъ генералу Кейту отправиться туда. Сущность данныхъ ему инструкцій заключалась въ томъ, что онъ долженъ былъ отправиться съ 11,000 человѣкъ, состоявшими подъ его командою, какъ можно скорѣе въ Швецію, состоять тамъ исключительно въ распоряженіи короля и представлять рапорты по своему корпусу прямо ея императорскому величеству, и такъ какъ Россія не имѣла тамъ министра, то ему было поручено исполнять въ то же время и эту должность.

Онъ много пострадалъ со своимъ войскомъ отъ холода и бурь, которыя ему пришлось вынести до прибытія на берега Швеціи, и русскія галеры, не бывавшія никогда въ кампаніи позже начала сентября, были принуждены оставаться на морѣ до конца ноября.

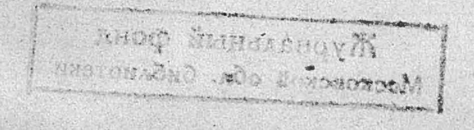
Никто, кромѣ Кейта, не справился бы съ подобной экспедиціей; ему приходилось бороться не только съ противными вѣтрами, бурями и холодомъ, но даже съ флотскими офицерами, которые часто являлись къ нему съ представленіями, что нѣтъ возможности плавать въ такую позднюю пору. Кейтъ, служившій долго въ Испаніи и совершавшій походы на галерахъ этой страны, зналъ лучше всякаго флотскаго офицера его эскадры, что возможно сдѣлать (если только захотѣть) съ этой частью флота, но мнѣніе его никѣмъ не поддерживалось. Онъ принималъ возраженія другихъ, поручалъ представлять ихъ письменно, и, положивъ въ карманъ не читанными, приказывалъ подать сигналъ къ отплытію; такимъ-то образомъ онъ прибылъ 4-го ноября на берега Швеціи, въ Фармундъ. Онъ оставилъ свои галеры въ этой гавани и отправился въ Стокгольмъ, гдѣ получилъ распредѣленіе для зимнихъ квартиръ, на которыя долженъ былъ размѣстить русскихъ генералъ-лейтенантъ графъ Салтыковъ; квартиры эти были распредѣлены вдоль береговъ въ Седерманландіи

(Sudermanie) и Остерготіи (Ostergothie), полки не имѣли лошадей для перевозки обозовъ, а страну хотѣли избавить отъ труда поставлять подводы, слѣдовательно, войска должны были совершить и этотъ переѣздъ на галерахъ. Но время года было чрезъ мѣру суровое, поэтому суда вовсе не подвигались; полки были, однако, вынуждены оставаться на нихъ до начала декабря, когда они сошли на берегъ въ Стаке, небольшой гавани въ четырехъ миляхъ отъ Стокгольма; мѣстные обыватели доставили подводы и войска вступили на указанныя имъ квартиры. Галеры были оставлены въ Стаке и два полка размѣщены по квартирамъ въ окрестности, чтобы охранять ихъ.

Русскія войска оставались въ Швеціи до іюня 1744 года; когда дѣла между Даніей и Швеціей были окончены къ этому времени миролюбиво, то Кейтъ получилъ приказаніе возвратиться въ Россію. Обратное плаваніе его было счастливѣе и онъ прибылъ 13-го августа со своимъ флотомъ въ Ревель.

Я говорилъ только что объ экспедиціи Кейта и о дѣлахъ Швеціи, пора возвратиться къ Россіи.

Въ то время, когда армія была въ походѣ, въ Петербургѣ открыли заговоръ противъ особы императрицы. Въ немъ принималъ участіе маркизъ Ботта, бывшій министръ венгерской королевы. Главныя лица, составлявшія заговоръ, были: Лопухинъ, оберъ-кригсъ-коммисаръ флота, жена его, которая была въ связи съ графомъ Левенвольде и съ огорченіемъ видѣла, что любовникъ ея томился въ заточеніи; Бестужева, невѣстка канцлера и родная сестра графа Головкина,—она не могла спокойно перенести несчастіе брата; подполковникъ Лопухинъ, сынъ оберъ-кригсъ-коммисара, камергеръ, по имени Лиліенфельдъ, и жена его съ нѣкоторыми другими, менѣе знатными лицами. Эти люди говорили въ своихъ собраніяхъ все, что только можно себѣ представить дурнаго объ императрицѣ, они желали найти кого-нибудь, кто бы предпринялъ новый переворотъ и сдѣлали къ этому нѣсколько попытокъ; говорили даже, что они подкупили лакея ея величества, который долженъ былъ убить ее; но такъ какъ я говорю это только по слухамъ, то и не могу выдавать всего за правду. Маркизъ Ботта, вызванный изъ Россіи и посланный къ берлинскому двору, былъ съ ними въ перепискѣ. Онъ началъ, какъ увѣряютъ, эту интригу по повелѣнію своего

двора, до отъѣзда своего изъ Петербурга, и подалъ заговорщикамъ надежду, что не только венгерская королева, но и король прусскій поддержатъ это дѣло; онъ открыто упоминалъ о королѣ во всѣхъ своихъ письмахъ и увѣрялъ, будто его прусское величество очень желалъ, чтобы императрица была свергнута съ престола и его зять и племянникъ возвращены изъ ссылки; однако король ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ.

Неосторожность подполковника Лопухина была причиною того, что все дѣло было открыто. Онъ пилъ за здоровье молодаго императора въ компаніи нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ и отзывался очень дурно о поведеніи императрицы. Нашлись люди, которые, желая сдѣлать карьеру, передали все слышанное. Маіоръ, по имени Фалькенбергъ, и кирасирскій корнетъ Бергеръ, первые извѣстили графа Лестока; имъ сказали, чтобы они сблизились еще болѣе съ подполковникомъ Лопухинымъ и вывѣдали отъ него всю его тайну; это удалось имъ, всѣ участники заговора были арестованы; ихъ судили: Лопухина, жену его, сына и Бестужеву наказали кнутомъ, отрѣзали имъ языкъ и всѣхъ сослали въ Сибирь.

Дѣло это едва не поссорило вѣнскій и петербургскій дворы, но венгерская королева отреклась отъ всего, что министръ ея говорилъ и дѣлалъ по этому предмету, и подкупила Бестужева, который такъ съумѣлъ дѣйствовать въ ея интересахъ, что оба двора сблизились болѣе чѣмъ когда-либо. Чтобы дать какое-нибудь удовлетвореніе императрицѣ, маркиза Ботту отозвали изъ Берлина и заключили на нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпость.

Вслѣдъ за провозглашеніемъ мира со Швеціей, думали ввести всѣ войска въ предѣлы имперіи и распредѣлить ихъ по губерніямъ, но дѣла, возникшія между Швеціей и Даніей, помѣшали выполненію этого проекта. Бóльшая часть пѣхоты была размѣщена по квартирамъ въ окрестностяхъ Петербурга и въ Лифляндіи; всѣмъ полкамъ приказали быть наготовѣ двинуться слѣдующею весною, и съ этихъ-то поръ Россія содержитъ въ Финляндіи, Ингерманландіи, Лифляндіи и Курляндіи армію болѣе чѣмъ въ 120 т. человѣкъ, включая сюда и гарнизоны различныхъ городовъ.

«Описаніе древнихъ русскихъ монетъ» А. Черткова, пополненное въ послѣдствіи тремя прибавленіями въ 1837, 38 и 42-мъ году, у насъ вышли только: «Обозрѣніе русскихъ денегъ», соч. барона Станислава де-Шодуаръ, перев. В. А. (1841); «Die Reichelsche Münzsammlung in St.-Petersburg» (1842); «Описаніе русскихъ монетъ и медалей» Ѳ. Ѳ. Шуберта (1843); «Лѣтопись русской нумизматики» И. Сахарова (2-е изд. 1851 г.); «Деньги и пулы древней Руси» Д. Сонцова (1860 и прибавленіе 1862). Поэтому каталогъ собранія гр. Чапскаго является весьма замѣчательнымъ и важнымъ во многихъ отношеніяхъ. Графъ принадлежитъ къ числу ревностныхъ и вполнѣ знающихъ дѣло нумизматовъ. Въ 1871 — 72 гг. изданъ имъ, на французскомъ языкѣ, въ двухъ частяхъ, каталогъ собранія польскихъ монетъ и медалей. Русское собраніе его весьма богато и состоитъ изъ 800 монетъ, начиная отъ гривенъ кіевской, новгородской, рязанской, и рублей въ слиткахъ, монетъ времени Владиміра Святаго, великихъ княжествъ: суздальскаго, рязанскаго, смоленскаго, тверскаго, княжествъ удѣльныхъ, вольныхъ городовъ, московскихъ великокняжескихъ и царскихъ до 1716 года. Весьма любопытны отдѣлы монетъ неопредѣленныхъ и поддѣльныхъ.

Въ текстѣ изданія помѣщены изображенія многихъ рѣдкихъ монетъ и описаніе ихъ вообще составлено очень отчетливо; археологическія и нумизматическія замѣтки собирателя весьма вѣрны и догадки совершенно основательны.

Женское спеціальное образованіе въ С.-Петербургѣ. Настольная справочная книжка, составилъ М. Л. Златковскій. Петербургъ, 250 стр.

Подъ этимъ названіемъ, не вполнѣ отвѣчающимъ содержанію сочиненія, издана книжка, впрочемъ, весьма полезная, заключающая въ себѣ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для женщинъ, которыя желали бы заняться какою-либо спеціальною отраслью знанія или посвятить себя какому-либо роду общественной дѣятельности, доступной для нашихъ женщинъ. Составитель этой книжки поясняетъ, что она предназначена какъ для учащихся женщинъ, такъ и для разныхъ лицъ и учрежденій, городскихъ и земскихъ управъ и т. п., которыя нуждаются въ свѣдѣніяхъ по этому предмету. Совершенно справедливо замѣтивъ въ предисловіи, что подобныя свѣдѣнія добываются у насъ съ огромнымъ трудомъ, послѣ безчисленнаго множества всякаго рода прошеній, разрѣшеній и испрашиванія дозволеній, г. Златковскій сообщаетъ затѣмъ подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ здѣшнихъ женскихъ учрежденіяхъ, раздѣляя ихъ на медицинскія (9 заведеній), педагогическія (6), художественныя (3) и реальныя (6). При описаніи каждаго изъ этихъ учрежденій, сообщены: правила для поступленія въ него, личный составъ, цѣль учрежденія, краткая исторія его и т. п. Въ заключеніе приведено нѣсколько общихъ выводовъ и данныхъ, не совсѣмъ утѣшительныхъ. Такъ, на слишкомъ семисотъ-тысячное населеніе Петербурга въ 24-хъ женскихъ спеціальныхъ учебныхъ учрежденіяхъ обучалось въ 1874—75 г. до 2,000 пансіонерокъ и вольноприходящихъ. Число нуждающихся между ними составляетъ четвертую часть. Помочь имъ одно средство — учредить общежитія, о чемъ забота нѣкоторыхъ изъ благотворительныхъ обществъ. Такъ, въ концѣ прошлаго года, «Общество для пособія бѣднымъ женщинамъ» открыло для нихъ пріютъ на 15 лицъ; «Общество дешевыхъ квартиръ» открыло общежитіе для 12-ти нуждающихся слушательницъ женскаго курса медико-хирургической академіи; устроены также общежитія для слушательницъ училища фельдшерицъ дамскаго лазаретнаго комитета. Авторъ приводитъ извѣстія объ обществѣ для пособія слушательницамъ женскихъ курсовъ, о вечернихъ публичныхъ курсахъ для женщинъ и вновь проектируемыхъ спеціальныхъ учрежденіяхъ для женщинъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и «женскій университетъ», о которомъ такъ давно говорятъ въ ожиданіи разрѣшенія этого вопроса. Пока мы собираемся, англичане хотятъ предупредить насъ въ этомъ отношеніи и газеты сообщили уже, что Галловей пожертвовалъ 250,000 фунтовъ стерлинговъ на устройство университета для 400 студентокъ.

О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ, архимандрита Антонина. Спб., 1874, 84 стр. и 26 литографированныхъ листовъ со снимками надписей; въ большую четверку.

Это любопытное изслѣдованіе напечатано по распоряженію импер. археологическаго общества и заключаетъ въ себѣ надписи, снятыя въ церквахъ и храмахъ аѳинскихъ и относящіяся къ первымъ вѣкамъ христіанства, начиная съ V-го. Авторъ сочиненія, извѣстный уже замѣчательнымъ трудомъ: «О разрытіяхъ внутри россійско-посольской церкви въ Аѳинахъ», помѣщенномъ въ извѣстіяхъ Императорскаго археологическаго общества (т. II, стр. 129), выказалъ много знанія, терпѣнія, находчивости и наблюдательности при разборѣ, часто обезображенныхъ временемъ, полуистертыхъ и нерѣдко малограмотныхъ надписей, проливающихъ, однако, нѣкоторый свѣтъ на хронологію и церковную исторію эпохи водворенія христіанства въ городѣ Минервы.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ"
1876 г.
СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна годовому изданію,—**двѣнадцать книгъ, три больше тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30)**; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ **Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городскаго на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается въ **С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.**

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ", относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.— IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины".—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.— Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ" 1870 года.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.

Семевскій.